

ПОСОБІЕ И МАТЕРІАЛЫ.

ПОСОБІЕ и МАТЕРІАЛЫ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для гг. преподавателей, учениковъ стар-
шихъ классовъ среднихъ учебныхъ за-
веденій, а равно и для самообразованія.

(Отъ древнѣйшаго времени до
70-хъ годовъ XIX столѣтія съ
примѣчаніями и разъясненіями).

Составилъ

АВТОНОМЪ БУЛГАКОВЪ.

ЧАСТЬ I.

Третье переработанное и измѣненное изданіе.

СПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

Слѣды языческихъ вѣрованій въ народномъ творествѣ. ¹⁾

Духовное развитіе первобытныхъ, малоразвитыхъ народовъ обнаруживалось главнымъ образомъ въ религіи и религіозныхъ обрядахъ. Зародыши умственного и эстетическаго развитія по большей части были слишкомъ незначительны, чтобы оставить замѣтный и самостоятельный слѣдъ въ историческихъ памятникахъ этого отдаленнаго прошлаго. Первые проблески научной мысли и искусства отражаются въ той же религіи, въ памятникахъ религіознаго быта и обрядности.

Въ настоящее время научное изученіе религіознаго развитія самыхъ разнообразныхъ народностей привело изслѣдователей къ двоякой точкѣ зрѣнія на происхожденіе религіи. Вѣра въ загробное существованіе и поклоненіе почившимъ предкамъ, какъ источники религіозныхъ представленій, указываются одними, напр., Э. Тайлоромъ, Г. Спенсеромъ. Въ основѣ религіи лежитъ почитаніе природы: страхъ и удивленіе передъ стихійными ея силами (напр., громомъ и молніей) породили поклоненіе послѣднимъ, утверждаютъ Гриммъ, Кунъ, Марксъ Миллеръ, Коксъ. Первые опираются преимущественно на изученіе этнографическаго, вторые на знакомство съ историческимъ матеріаломъ. Одна теорія неохотно дѣлаетъ другой уступки въ точкѣ зрѣнія противниковъ. Оцѣнивать эти теоріи въ виду ихъ исключительности не беремся, а скажемъ только: вполне вѣроятно, что вѣрованіе въ загробную жизнь и поклоненіе почившимъ предкамъ складываются на анимистической почвѣ (первая точка зрѣнія), а стихійныя силы природы возбуждаютъ

страхъ, удивленіе и почитаніе (натурализмъ). Развитие религіи покоится не на какомъ-либо отдѣльномъ процессѣ, а на взаимодѣйствіи ихъ. Стихійныя силы переносятся на почившихъ предковъ, и, наоборотъ, въ образѣ послѣднихъ олицетворяются явленія природы.

Немногіе и весьма немногіе обломки старины, сохранившіеся въ памятникахъ письменности и современной намъ народной словесности, даютъ возможность съ нѣкоторой долей вѣроятности послѣдить тотъ процессъ одухотворенія почившаго предка, который привелъ русскихъ славянъ къ анимистическому міровоззрѣнію.

Вообразимъ себѣ спящаго дикаря. Тѣло его лежитъ недвижимо, и снится ему, что онъ совершаетъ, напр., какіе-нибудь подвиги на охотѣ или на войнѣ. Дикарь просыпается и видитъ себя на прежнемъ мѣстѣ, а между тѣмъ убѣжденъ, что сонъ его не видѣніе, а сущая правда. Чтобы выпутаться изъ этого противорѣчія, онъ предполагаетъ возможность существованія какого-то своего двойника, который дѣйствовалъ, охотился или воевалъ въ то время, когда онъ, дикарь, лежалъ погруженный въ глубокой сонъ. Такія явленія, какъ тѣнь, вѣчно бѣгущая за ходкомъ, неразлучная съ нимъ, отраженіе собственнаго образа въ зеркалѣ водъ или таинственное эхо, повторяющее вслѣдъ за нимъ все, что онъ ни скажетъ, могли укрѣпить вѣру человѣка въ существованіе на ряду съ его организмомъ еще какого-то двойника, по природѣ своей не совсѣмъ схожаго съ первообразомъ, оставляющаго его на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

Предки наши вѣрили, что душа при жизни тѣла можетъ покидать его и снова возвращаться на прежнее мѣсто. Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, говоритъ о такомъ повѣртіи славянъ касательно вѣдуна: онъ „тѣло свое хранилъ мертво и летаетъ орломъ и ястребомъ, рыщетъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаетъ зміемъ, рыщетъ рысью и медвѣдемъ“. ²⁾ Съ этой точки зрѣнія тѣло безъ признаковъ жизни могло представляться необразованному человѣку въ видѣ храмы, изъ которой временно улетѣла душа, но въ которую она снова вернется.

Въ одномъ изъ причитаній сѣвернаго края дочь, оплакивая смерть своего отца, прямо говоритъ ему:

„Стань, пробудись, мой родимый батюшка,
„Отъ сна, отъ крѣпкаго,
„Отъ крѣпкаго сна, отъ мертваго“³⁾.

Эти двойники-души представлялись иногда славяноруссу въ видѣ карликовъ; скандинавскіе „нав“, славянскіе „людки“ были не что иное, какъ навьи-души умершихъ. На иконахъ и картинахъ души усопшихъ людей изображаются до сихъ поръ въ видѣ карликовъ, малютокъ; съ тѣмъ же терминомъ „навъ, навки“, можетъ быть, слѣдуетъ связывать малороссійскихъ „мавокъ“ (русалокъ).

Въ другихъ случаяхъ нельзя было не отмѣтить связи души съ дыханіемъ; это сближеніе, сдѣланное весьма многими народами, существовало и у русскихъ славянъ. При описаніи смерти великаго князя Василя Ивановича лѣтописецъ замѣчаетъ: „и виде Шигона духъ его отшедше, аки дымець малъ“. Но отъ представленія о двойникѣ душѣ, какъ „дымцѣ маломъ“ не трудно было перейти и къ дальнѣйшему ея одухотворенію. Въ лѣтописи подъ 1092 г. помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ жители Полоцка были избиты мертвецами: „и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди плотскыя и его (ихъ) область; тѣмъ и челоуѣцы глаголаху, яко навье быють полочане“⁴⁾.

До полного одухотворенія почившаго предка славяноруссы, впрочемъ, не дошли; двойникъ-душа, хотя и осталась обыкновенно невидимой и неуловимой, тѣмъ не менѣе надѣлялась матеріальными свойствами и потребностями; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ прямо говорится, что душу можно выронить изъ тѣла, какъ нѣчто вещественное: „одинъ же изрони жемчужну душу изъ храбраго тѣла чрезъ злато ожерелье“.

Такой же взглядъ обнаруживается и въ легендахъ о похищеніи душъ злыми или добрыми силами. Вотъ какъ изображается, напримѣръ, въ народныхъ причитаніяхъ страшная дѣятельность чернаго ворона и сизаго голубя, нерѣдко олицетворявшихъ собою смерть у постели больного:

„Злодѣй эта скорая смертушка,
Невзначай она въ нашъ домъ залетѣла,
Оно тихонько ко постели подходила,
Она крадцы съ грудей душу вынимала, ⁵⁾
И чернымъ ворономъ въ окошечко залетѣла” ⁶⁾.

Тѣ же воззрѣнія продолжаютъ сказываться и подъ покровомъ христіанскихъ вѣрованій: когда умереть праведный человекъ, душу его вынимають тихіе ангелы „честно и хвально во сахарны уста”, полагають на божью пелену и поднимають ее вверхъ — на небеса въ рай; грѣшную же вынимають злые ангелы „не честно, не хвально, сквозъ ребра”, поднимають „въ глубокую тьму, во палящій огонь” ⁷⁾.

Естественно, поэтому, что душа изображается въ народныхъ сказаніяхъ, какъ существо, которое можетъ ѣсть, пить, стать гдѣ-нибудь и ухватиться за что-нибудь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Руси родственники умирающаго для облегченія ему смертной борьбы или разставанья души съ тѣломъ снимають надъ нимъ матицу; затѣмъ, какъ только больной умереть, немедленно отворяють окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водой и вѣшаютъ полотенце, чтобы душа, улетаѣ, могла умыться и утереться.

Надѣляя душу усопшаго матеріальными свойствами, славянорусы естественно приходили къ заключенію, что загробная жизнь должна отличаться такимъ же матеріальнымъ характеромъ, какъ и земная. На этомъ основаніи и въ позднѣйшее время родственники клали покойнику въ гробъ необходимые съѣстные припасы, хлѣбъ и пироги, ставили также вино или водку, такъ это можно видѣть изъ того факта, что рабочіе въ Свирскомъ монастырѣ, при передѣлкѣ старой церкви, нашли гробъ, въ которомъ была и скляница водки ⁸⁾. Въ народныхъ преданіяхъ сохранилось еще вѣрованіе, по которому душа продолжаетъ жить въ устроенномъ для нея „домовищѣ” — гробѣ. На этомъ основаніи плачущіе просятъ плотниковъ сдѣлать его по разуму, говоря:

„Вы устройте намъ хоромину по разуму,
Прорубите-тко косѣвчаты окошечки,
Вы поставьте-тко стекольчаты оленьки,

Обнесите-тко бусовы бѣлы лавочки,
Вы складите-тко кирпичу теплу печеньку" ⁹⁾).

Умершей женщинѣ клали иголку съ ниткой для того, чтобы она могла чинить все, что не оборвется у ней на томъ свѣтѣ.

Однако, не всѣ племена русскихъ славянъ держались похороннаго обряда; по свидѣтельству лѣтописи, подтверждаемому археологическими данными, онъ былъ въ ходу лишь у полянъ и древлянъ; остальные, повидимому, придерживались трупосожженія, вообще сильно распространеннаго среди славянъ ¹⁰⁾; обрядъ трупосожженія извѣстенъ по раскопкахъ, сдѣланнымъ, напр., въ области Вислы, верхняго теченія Днѣпра; лѣтописецъ также указываетъ на его существованіе у кривичей, сѣверянъ, радимичей и вятичей. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что представленію славяноруссовъ о матеріальномъ характерѣ загробной жизни нѣсколько противорѣчитъ обрядъ трупосожженія, по которому уже въ древнѣйшее время нѣкоторыя изъ племенъ славянорусскихъ погребали своихъ мертвыхъ (Радимичи, Вятичи, Сѣверо, Кривичи, и прочіи погании). Обрядъ этотъ, вѣроятно, вызванъ былъ желаніемъ очистительною силою огня, предохраняющаго отъ всякихъ злыхъ духовъ, облегчить усопшему переходъ изъ одной жизни въ другую. Матеріальная обстановка, сопровождавшая сожженіе, оставалась при этомъ такою же, какъ и при погребеніи безъ него, только вмѣстѣ съ людьми и вещи подвергались тому же дѣйствію огня.

Вѣрованія, подобныя вышеизложеннымъ, естественно порождали возможность непосредственнаго общенія живыхъ съ умершими и придавали ему матеріальный характеръ. Покойники приходятъ въ гости къ живымъ; какъ только умереть кто-нибудь, близкая родственница причитываетъ ему:

„Когда ждаты въ гости любимое гостибищо?
Въ полночь-ли ждаты на свѣтѣ,
Али въ полдень ждаты по красному солнышку?
Аль по утрушку да ждаты тебя ранешенько?
Аль по вечеру да ждаты тебя позднешенко?
Приди, появишь сердечно мило дитятко,
Посажу тебя въ честной въ большой уголь,
Угощу тебя сердечно мило дитятко”!

Возвращаясь на мѣсто жительства, въ домъ, принадлежащій его наслѣдникамъ, покойникъ особенно охотно располагается у очага, какъ центра жилища и родственнаго союза, во главѣ котораго онъ нѣкогда стоялъ. Отсюда уваженіе, вызываемое самимъ очагомъ. Взамѣнъ историческихъ свидѣтельствъ, которыхъ мы не имѣемъ, этнографическія данныя указываютъ на такое почитаніе. Укажемъ на обычай во Владимирской и Нижегородской губерніяхъ, по которому невѣста, въ сопровожденіи родственниковъ и многочисленной свиты дѣвушекъ, посѣщаетъ до брака домъ жениха для того, чтобы всенародно поглядѣть на шестокъ послѣдняго. Всѣ идутъ къ шестку, открываютъ заслонку, заглядываютъ въ печку и трубу. Ухваты и кочерги по этому случаю обвязываются ленточками, а шестокъ накрывается скатертью. На немъ готовятъ подарокъ невѣстѣ, ситецъ на платье на подносѣ; тутъ и угощаютъ.

Если покойникъ можетъ возвращаться въ домъ своихъ наслѣдниковъ, послѣдніе обязаны принять его здѣсь, какъ подобаетъ почившему предку, — съ честью и угощеніемъ.

Жители Олонецкаго края совершаютъ обрядъ угощенія покойниковъ такъ: приготовивъ обѣдъ, выходятъ изъ избы, какъ бы на встрѣчу невидимымъ дорогимъ гостямъ.

„Вы устали, родные, покушайте-же чего-нибудь“, говорятъ имъ при входѣ уже въ самую избу, какъ бы вмѣстѣ съ ними.

„Чай зазябли, родные, — погрѣйтесь“. Участвующіе въ обрядѣ при этомъ увѣрены, будто умершіе невидимо располагаются у домашняго очага, — живые же между тѣмъ усаживаются за столъ; во время обѣда покойниковъ воображеніе простолюдина не исключаетъ возможности угощать ихъ даже виномъ и пивомъ:

„Родима моя матушка!
Наталья свѣтъ Ивановна!
Тебѣ добро принять, пожаловать,
Стаканъ да вина пьянаго,
Чарку да зелена вина,
Отъ меня, отъ бѣдной сироты!
На здоровье тебѣ выкушать”¹¹⁾.

Передъ послѣднимъ кушаньемъ, киселемъ, поется „вѣчная память“, хозяинъ выпускаетъ изъ окна на улицу тотъ самый

холстъ, при помощи котораго покойники въ свое время опущены были въ могилу, и говоритъ имъ: „теперь пора бы вамъ и домой, да ножки у васъ устали, не близко вѣдь было итти... вотъ тутъ помягче, — ступайте съ Богомъ“.

Подобнаго же рода обряды можна наблюдать въ Литвѣ, напимѣръ, отчасти и въ Бѣлоруссіи около поминальнаго дня. Простолюдины заказываютъ обѣдню, собираются всѣмъ семействомъ въ церковь, раздають милостыню бѣднымъ и потомъ отправляются на кладбище, гдѣ съ полчаса всѣ громко рыдаютъ надъ могилами своихъ родственниковъ, наконецъ возвращаются домой и вечеромъ начинаютъ помянуть усопшихъ; для этого тайкомъ готовится пиръ въ какойнибудь часовнѣ или въ пустомъ домѣ близъ кладбища. Тамъ ставятъ блюда съ разнымъ кушаньемъ, напитками, овощами, вызываютъ души покойниковъ, зажигая вино и ленъ, по цвѣту пламени судятъ о явленіи душъ, призываемыхъ слѣдующими словами: „Чего потребуешь, душечка, чтобы попасть въ небо?“ Гдѣ по близости нѣтъ кладбища, тамъ пиръ устраивается въ домѣ; по окончаніи этого стола, хозяинъ беретъ утиральникъ и одинъ конецъ его вывѣшиваетъ за окно, а на другомъ ставитъ рюмку водки или стаканъ воды и кладетъ по частицѣ всѣхъ кушаньевъ, приготовленныхъ для покойниковъ. Къ утру, говорярь, будто все пропадаетъ, а что и остается, то удѣляютъ нищимъ¹²⁾.

Вышеизложенныя наблюденія можно свести къ слѣдующимъ заключеніямъ: славянорусы вѣрили въ существованіе двойника-души, представлявшей имъ въ видѣ матеріальнаго образа съ соотвѣтственными ему свойствами и потребностями; загробная жизнь такихъ существъ, по всей видимости, должна отличаться матеріальнымъ характеромъ; поэтому глубокаго различія между существованіями земнымъ и загробнымъ не было, и прямое общеніе между живыми и мертвыми становилось возможнымъ и необходимымъ; такое общеніе не требовало какихъ-либо специальныхъ средствъ, монополизированныхъ однимъ какимъ-нибудь классомъ для его осуществленія: каждый родственникъ союза прямо общался со своими покойниками, а это общеніе постепенно приводило къ культу мертвыхъ.

Если предокъ, при жизни пользовавшійся уваженіемъ со стороны своихъ потомковъ, по смерти переходилъ, въ силу вѣрованій сларяноруссовъ, лишь въ болѣе выгодныя условія новой жизни и легко появлялся среди живыхъ, которымъ могъ оказывать покровительство и защиту, то, очевидно, такое лицо заслуживало со стороны потомства уваженіе, легко переходившее и въ поклоненіе. Таково повидимому, значеніе Щура (ср. прашуръ) и дѣдушки домового. Домовой покровитель рода, враждебенъ чужестранцамъ: чужіе роды рѣдко живутъ между собою мирно. Отсюда страхъ передъ чужимъ домовымъ.

Образъ почившаго предка, вызвавшего поклоненіе, все болѣе и болѣе отдалялся въ глубь временъ передъ нарождавшимися новыми поколѣніями, становился все менѣе личнымъ конкретнымъ и, теряя прежнее содержаніе, оказывался формою, въ которую начинали укладываться новыя идеи, выросшія на иной почвѣ. Къ этой стадіи духовнаго развитія, можетъ быть, относится образованіе такихъ божествъ, какъ Родъ и Рожаница, которымъ, по слову нѣкоего христіянина и другихъ древне-русскихъ христіанскимъ поученіямъ XIV—XV вѣковъ, русскіе люди поклонялись наравнѣ съ Перуномъ; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ текстовъ находимъ извѣстіе о томъ, что славяне стали „трапезу ставили“ или „требы класти“ Роду и Рожаницамъ „прежде Перуна, бога ихъ“¹³⁾.

Быть можетъ, косвеннымъ указаніемъ на то же явленіе слѣдуетъ считать общераспространенное представленіе первобытныхъ людей о томъ, что они — потомки боговъ. Убѣжденіе это, повидимому, встрѣчается у нѣкоторыхъ арійскихъ народностей, между прочимъ, и у русскихъ славянъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ вѣщій Боянъ названъ Велесовымъ внукомъ (пѣснь III); любопытны также слѣдующія строки:

„Тогда при Ользѣ Гориславичи
Сѣяшется и растяшеть усобицами,
Погибашеть жизнь Дажь-Бога внука,
Въ княжихъ крамолахъ
Вѣщи челоувѣкомъ сократишась“.

На ряду съ семейными божествами у древнихъ славянъ стояли божества природы, имѣвшія первенствующее значеніе

въ славяно-русской мифологіи того времени, о которомъ сохранились первыя историческія свидѣтельства.

Главнымъ божествомъ у всѣхъ славянъ, въ томъ числѣ и у славяно-русовъ, былъ Сварогъ ¹⁴⁾. Его имя, по основному смыслу слова (svar), означаетъ солнце, солнечный свѣтъ, свѣтлое надземное пространство — небо; съ присоединеніемъ корня „ga (ga)” то же слово получаетъ значеніе подвижнаго, облачнаго неба. Едва ли это божество „небо” имѣло какой-либо опредѣленный образъ, извѣстные атрибуты: какъ одно, такъ и другое возможно лишь на болѣе значительныхъ ступеняхъ развитія религіознаго сознанія. Во всякомъ случаѣ, историческія свидѣтельства не даютъ намъ яснаго представленія объ этомъ божествѣ ¹⁵⁾.

Когда религіозное сознаніе славянорусса стало ближе присматриваться къ космическимъ и атмосферическимъ явленіямъ, начало облегать послѣднія въ болѣе опредѣленные образы, стихійная сила Сварога разложилась: изъ него выдѣлились болѣе ясныя представленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ логическій путь получилъ генеалогическое значеніе: новыя божества стали называться потомками, сыновьями Сварога и награждены были титуломъ сварожичей.

Сказалъ, все-таки, трудно, въ какомъ отношеніи къ Сварогу находилось главное божество русскихъ славянъ — Перунъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ изслѣдователей ¹⁶⁾, Перунъ одно изъ частныхъ наименованій Сварога. Перунъ „бѣше въ нихъ (т. е. на Руси) старѣйшій богъ” ¹⁷⁾. Самое словопроизводство показываетъ, что онъ былъ богомъ грома, какъ о томъ говоритъ лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго: Перкунъ ¹⁸⁾ „рекше громъ” ¹⁹⁾.

Возможно, что Перунъ, владѣвшій громомъ и молніей, былъ богомъ воинственнымъ, которому приходилось бороться со злыми силами; отсюда естественно предполагать въ немъ спеціального покровителя войны у славянорусовъ. На связь его съ оружіемъ, войной указываетъ обычай клясться передъ Перуномъ, полагая оружіе, какъ это видно по договору Игоря съ греками ²⁰⁾. Въ связи съ Перуномъ, повидимому, слѣдуетъ

разсматривать и женское божество, мать сыру-землю. Его не безъ основанія сравниваютъ съ древнеиндусскимъ *Pard-Zúnja*. Послѣдній, какъ богъ грома, молніи и дождя, оплодотворяетъ землю своими сѣменами. Въ народныхъ преданіяхъ Перунъ также находится въ какой-то связи съ плодородіемъ земли, считается покровителемъ жатвы²¹⁾. Нашъ народъ до сихъ поръ называетъ небо отцомъ, батюшкой, а землю матушкою, кормилицею²²⁾. Къ ней русскій человѣкъ обращался во время жатвы, заговариваясь отъ нечистой силы²³⁾, называлъ ее святою, вѣрилъ въ ея карающую силу²⁴⁾.

Къ числу сварожичей, по лѣтописному преданію, принадлежало и другое божество „Дажь-богъ“. Слово это подвергалось различнымъ толкованіямъ филологовъ²⁵⁾: производили его отъ корня *dagh*; другіе, какъ Ягичъ, — отъ глагола „дати“, такъ что Дажь-богъ — *Spendegott, Verleihgott d. h. der gebende, spendende Gott*; Г. Крекъ связывалъ форму Дажь-богъ съ повелительнымъ наклоненіемъ глагола „дати“ и словомъ „богъ“; приравнивая такимъ образомъ, эту форму къ понятію благосостоянія, богатства, *Wohlstand, Reichtum*, онъ самое слово „Дажь-богъ“ переводитъ такъ: „дай (намъ) благосостояніе, богатство“.

Несмотря на разнорѣчія въ предложенныхъ филологами толкованіяхъ, значеніе этого божества довольно ясно: подъ Дажь-богомъ приходится разумѣть или богатство огня или бога благодѣтельнаго, расточающаго благосостояніе и богатства. Какъ одно, такъ и другое представленіе легко примирить, разумѣя подъ „Дажь-богомъ“ солнце, огненную и животворящую силу природы. То же значеніе придаютъ ему и лѣтописное преданіе: упоминая о солнцѣ, лѣтописецъ прибавляетъ: „его же наричють Дажь-богъ“.

Другимъ божествомъ — представителемъ солнца является богъ Хорсъ (Хрѣсъ), наименованіе, по всей вѣроятности, не туземнаго, а восточнаго происхожденія. На значеніе Хрѣса, какъ божества солнечнаго, указываютъ нѣкоторыя данныя. Въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ читаемъ: „Укланяся предъ Богомъ невидимымъ: молящихъ человѣкъ Роду и Рожаницамъ, Перену (Перуну)? и Аполину и Мокоши и Перегини

всякимъ богомъ мерзкимъ, требамъ не приближаясь" ²⁶⁾. Въ другихъ памятникахъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ можно найти вмѣсто Аполина самого Хрѣса.

Наконецъ въ связи съ почитаніемъ солнца находились еще два божества: Купало или Ярило ²⁷⁾, представители свѣтлаго солнца, высшаго развитія силъ природы, — и Велесъ. Слово-производство этого термина остается до сихъ поръ неяснымъ ²⁸⁾. Можетъ быть, Велесъ находился въ связи съ почитаніемъ солнца; онъ считался покровителемъ скотоводства. Лѣтопись называетъ Велеса скотымъ богомъ ²⁹⁾. Какъ „скотій богъ“, Велесъ былъ, вѣроятно, и дарующимъ богатство: главное богатство того времени заключалось въ стадахъ. Но когда на ряду со скотоводствомъ источникомъ благосостоянія стало служить и земледѣліе, быть можетъ, ему также началъ покровительствовать тотъ же богъ. Съ другой стороны, пастушеская жизнь естественно находилась въ связи съ первыми попытками музыкальнаго творчества, какъ на это указываютъ живописныя преданія грековъ. Поэтому блюстителъ стадъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и покровителемъ музыки, пѣснопѣй. Боянъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ называется по всей вѣроятности, въ этомъ смыслѣ Велесовымъ внукомъ. Божества въ родѣ Купалы и Велеса могли быть связаны съ почитаніемъ огня и воды: ихъ постоянно употребляли для разныхъ очищеній и врачеваній. На этомъ основаніи и до сихъ поръ для предотвращения болѣзней и смерти наши крестьяне переходятъ или перепрыгиваютъ черезъ огонь, и во время скотскаго „паденія“ переводятъ скотину черезъ костеръ. Деревенскіе знахари обыкновенно высѣкаютъ надъ ними искры изъ кремня или спрыскиваютъ больныхъ водою съ угля.

Такимъ образомъ, почитаніе солнца породило цѣлый рядъ религіозныхъ представленій, соотношеніе которыхъ въ настоящее время уяснить весьма трудно или совсѣмъ невозможно. Дажь-богъ, Хрѣсъ и Купало или Ярило, можетъ быть, и конкретные образы солнца, какъ божественнаго огня и свойственнаго ему свѣта и тепла; но свѣтъ и тепло — животворящія силы, которыя вмѣстѣ съ дождемъ оплодотворяютъ землю, вы-

зываютъ изобиліе плодовъ и тварейъ земныхъ. Эти животворящія силы и олицетворены въ образѣ Велеса.

Въ ряду второстепенныхъ славянорусскихъ божествъ можно замѣтить слѣды дуализма. Таковы, съ одной стороны, добрыя силы природы: Весна, Дѣва ³⁰⁾ божества женскія, съ другой стороны, злые боги: Стрибогъ, богъ вѣтровъ и бури, Кошчей — олицетвореніе зимняго холода, Баба-Яга — зимняя буря, Морена — образъ смерти. У славянъ существовало представленіе о томъ, что весною и лѣтомъ царствуютъ добрыя силы (природы), „бози“, а зимой господствуютъ злыя силы — „бѣсы“. Въ такомъ притоволоженіи однако, никакъ нельзя видѣть строго развитого и послѣдовательно проведеннаго философскаго дуализма; у славянъ существовали простыя противоположенія между свѣтомъ и тьмою, тепломъ и холодомъ, добромъ и зломъ, свойственныя всѣмъ религіямъ.

Религіозные обряды, которые совершались при поклоненіи выше перечисленнымъ божествамъ, были различны. Распредѣленіе празднествъ, устраиваемыхъ въ честь божествъ природы, находилось, конечно, въ зависимости отъ временъ года. Съ марта мѣсяца, которымъ начинался годъ, устраивались и религіозныя празднества для встрѣчи весны, съ введеніемъ христіанства передвинутыя на февраль мѣсяцъ, до великаго поста (масляница); торжественное празднованіе весны связано теперь съ Пасхальной недѣлей и Ёминымъ воскресеніемъ. Главный лѣтній праздникъ падалъ на канунъ Рождества Іоанна Предтечи и самый день Рожденія; этотъ праздникъ связанъ былъ съ почитаніемъ Купалы, прыганіемъ чрезъ огонь и собираніемъ цѣлебныхъ травъ. Въ Петровъ день происходили проводы весны, похороны Ярилы.

Наконецъ главные зимніе праздники Коляда и Овсень приурочены были въ послѣдствіи къ нынѣшнимъ святкамъ. Въ это время празднуется зимній солнцеворотъ, когда „солнце пойдетъ на лѣто, а зима на морозъ“, и снова начинаютъ возрастать плодотворныя силы природы.

Такимъ образомъ, языческій календарь славяноруссовъ показываетъ намъ, что они поклонялись преимущественно благодѣтельнымъ стихіямъ, но представляли себѣ эти силы вѣчны-

ми лишь постольку, поскольку онѣ вѣчно способны были нарождаться, развиваться, а не поскольку онѣ вѣчно оставались неизмѣнными.

Краткія вышеприведенныя свѣдѣнія о слѣдахъ языческихъ вѣрованій въ народномъ творчествѣ и преимущественно религіозномъ, позволяютъ сдѣлать нѣсколько заключеній, не лишенныхъ доли вѣроятія.

Народное творчество почти въ первоначальной формѣ сохранило всю неопредѣленность языческихъ вѣрованій, не стараясь переработать языческія представленія въ образы и понятія художественныя и конкретныя. Правда, на это были весьма уважительныя причины: непрерывная борьба за существованіе, не сложившіяся формы общественной и государственной жизни, отсутствіе анимизма. Это было на первыхъ порахъ.

Консерватизмъ въ народномъ творчествѣ сыгралъ важную въ культурномъ отношеніи роль.—Это было впоследствии.

Наконецъ непосредственное впечатлѣніе и передача религіозныхъ образовъ сослужили свою службу, отразивъ почти на всѣхъ представленіяхъ народа языческій колоритъ.

Народные идеалы по пѣснямъ и сказкамъ.

Вступленіе. Богатство содержанія въ эпическихъ и лирическихъ произведеніяхъ народнаго творчества.

1. Многостороннее отраженіе въ нихъ жизни:

- а) бытъ народа, его нравы, взгляды, обычаи;
- б) отношенія его къ различнымъ историческимъ событіямъ;
- в) духъ языка;
- г) народные идеалы.

2. Отзывъ Бѣлинскаго о народной поэзіи:

„Въ произведеніяхъ народной поэзіи нельзя не признать необыкновенной, исполинской силы заключающейся въ ней жизни... Въ грезахъ народной фантазіи оказываются идеалы народа, которые могутъ служить мѣрою его духа и достоинства” (т. V).

Изложение. Народные идеалы по пѣснямъ и сказкамъ.

1) Нравственный идеаль (по сказкамъ).

а) Стремленія народа къ правдѣ и добру, выразившіяся въ сказкахъ, и высокое чувство — правды и законности, воспитываемое ими въ читателей.

б) Свидѣтельство А. Филонова:

„Сколько бы мы сказокъ ни прочитали,—вездѣ и повсюду сказки показываютъ необходимость правды и торжество законности“.

в) Слова А. А. Котляревскаго:

„Пусть намъ укажутъ хоть на одну сказку, гдѣ преступленіе законовъ человѣческой природы, несправедливость, порокъ, безнравственность находили бы оправданіе и участіе; временно они торжествуютъ, но лишь за тѣмъ, чтобы своею гибелью оправдать законъ нравственности и укрѣпить нравственную вѣру живыхъ въ добро и правду“.

г) Примѣры: а) въ сказкѣ „Правда и Кривда“ показано, что правда всегда восторжествуетъ и принесетъ счастье;

б) въ сказкѣ „Чудесная дудка“ выражена идея, что злодѣйство человѣка рано или поздно получить достойную „казнь“.

2. Идеаль жизни (по сказкамъ).

а) Достиженіе героями въ среднемъ возрастѣ человѣческаго вѣка почти во всѣхъ сказкахъ желанной цѣли — жизни спокойной, обильной, безъ всякихъ тревогъ.

б) обыкновенное выраженіе счастливаго конца словами: „стали жить-поживать да добра наживать“.

3. Идеаль богатыря (по былинамъ).

а) Илья Муромецъ, какъ идеаль богатыря — „стоятель за родную землю, оберегатель ея со всѣхъ сторонъ“; онъ не только физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями, но и сила нравственная.

б) Свидѣтельство К. С. Аксакова:

„Постоянно и вездѣ представляетъ Илья полное и великое сочетаніе силы духовной и тѣлесной: духовная умѣряетъ грубость и матеріальность тѣлесной силы, которая безъ нея была бы безправна и оскорбительна“ — „Илья не крожаденъ, не любитъ убивать... Въ богатырѣ этомъ, несмотря на его страшную силу, еще болѣе — силы духа. Сила и кротость, непобѣдимость богатыря и смиреніе христіанина, однимъ словомъ, соединеніе силы тѣлесной и силы духовной — таковъ нашъ русскій богатырь Илья Муромецъ“.

в) Постоянное сочувственное отношеніе былинь къ Ильѣ за его готовность помогать вдовамъ, сиротамъ и бѣднымъ, за самоотверженное исполненіе долга, за радѣніе только о славѣ и пользѣ родной страны. Такой характеръ носятъ всѣ подвиги Ильи, начиная отъ перваго боя подъ Черниговымъ и кончая послѣднимъ.

4. Идеаль женщины. Настасья Микулишна и Василиса Микулишна, какъ примѣрныя жены:

а) вѣрность первой мужу, Добрынь Никитичу, несмотря на всѣ искушенія: выполнивъ „заповѣдь мужнину“ ждать его шесть лѣтъ, она еще рѣшается ждать столько же:

„Я исполню заповѣдь женскую
Я прожду Добрыню друга шесть годовъ.
Такъ исполнится времени двѣнадцать лѣтъ;
Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти!“

„Святость брачнаго союза, преданность первому мужу, чистота и непорочность — вотъ тѣ прекрасныя свойства, которыми надѣлила душу Настасьи Микулишны народная поэзія.“ (А. Филоновъ).

б) глубокая любовь второй къ мужу, самопожертвованіе и мужество ея.

5) Идеаль семейныхъ отношеній:

а) почтительность къ родителямъ (Василій Буслаевъ,

Добрыня Никитичъ); неповиновеніе родительской волѣ, какъ причина несчастія дѣтей („Горе-Злосчастье“).

б) преданность и послушаніе жены въ отношеніи мужа и защита ея со стороны послѣдняго.

6. Идеаль царскаго приближеннаго (по историческимъ пѣснямъ) его черты:

а) любовь къ родинѣ;

б) преданность престолу.

7. Идеаль земледѣльца (по былинѣ „Вольга Святославовичъ и Микула Селяниновичъ“).

Заключение. Сравнительная оцѣнка народныхъ идеаловъ.

Формы заключенія брака. ³²⁾

Свадебные обряды всѣхъ индоевропейскихъ народовъ вообще и славянскихъ въ частности естественнымъ образомъ распадаются на три отдѣла: 1) обряды, которые совершаются въ домѣ отца невесты; 2) обряды, имѣющіе мѣсто при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго, и 3) обряды въ домѣ новобрачнаго. Въ виду того обстоятельства, что нѣкоторые обряды, имѣющіе мѣсто въ домѣ отца невесты, повторяются въ домѣ новобрачнаго, затѣмъ въ виду неравномѣрнаго количественнаго распредѣленія обрядовъ по отдѣльнымъ актамъ свадьбы, болѣе удобнымъ является раздѣленіе всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ на два широкихъ отдѣла: 1) свадебные обряды и пѣсни, относящіеся къ гражданскому укрѣпленію брака, и 2) свадебные обряды и пѣсни, служившія въ языческой древности религіознымъ освященіемъ супружескаго союза. Почти всѣ свадебные обряды такъ или иначе примыкаютъ къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ: или опредѣляютъ положеніе брачующихся въ семьѣ и обществѣ или обезпечиваютъ имъ счастье и чадородіе, ставя ихъ подъ покровительство обоготворенныхъ небесныхъ явленій.

Обряды юридическаго свойства очень тѣсно переплелись съ религіозно-мистическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ большое затрудненіе опредѣлить происхожденіе и первоначальное значеніе обряда.

Иное свадебное дѣйствіе, возникнувъ, повидимому, изъ древнихъ семейныхъ отношеній, дѣйствіе исключительно бытовое, въ теченіе своей многовѣковой жизни мало-по-малу отдѣлялось отъ породившаго его явленія; оно изъ живого дѣйствія сдѣлалось безсознательно или полусознательно совершаемымъ обрядомъ и глубоко сроднилось съ опредѣленной стороны съ дѣйствіемъ чисто мифологическаго воззрѣнія. Всѣ славянскія свадьбы вначалѣ не богаты обрядами, и начальные свадебные обряды, за всѣми немногими исключеніями, указываютъ на господствовавшія въ разное время средства приобрѣтенія невѣсты и укрѣпленія владѣнія ею. Начало славянскихъ свадебъ, въ особенности великорусской, историку древне-русскаго права и быта даетъ болѣе, чѣмъ историку народной поэзіи и мифологу.

Въ отдаленный, до-историческій періодъ народнаго развитія, съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленной формы соединенія двухъ половъ, черты человѣческаго брака были перенесены на небо. Простодушная и наивная мысль древняго человѣка небесное и земное переплела нераздѣльно; событія человѣческой жизни она перенесла въ воздушныя сферы; небесными явленіями она украшала скромное существованіе людей, солнечными лучами обливала новобрачную и сдѣлала ее такъ же лучезарной и священной, какъ само солнце; она цвѣтами радуги опоясала станъ дѣвушки, разсыпала плодотворныя молніи, пролила весенній животворный дождь среди пирующихъ свадебныхъ гостей. Солнце, луна, звѣзды, земля и молніи стали принимать дѣятельное участіе въ судьбѣ человѣка, опредѣлять время его рожденія и счастье или несчастье всей будущей жизни, устраивать бракосочетаніе и т. д.

Перенесеніе брачныхъ свойствъ небесныхъ свѣтилъ на человѣческую бракъ сдѣлало послѣдній таинствомъ. У многихъ народовъ, въ томъ числѣ у образованнѣйшаго народа древности — грековъ, бракъ считался таинствомъ. Небесный бракъ сталъ освящающимъ первообразомъ брака земного, придавъ послѣднему священное, таинственное значеніе. У древнихъ индусовъ всѣ восемь формъ брака носили имена боговъ и де-

моновъ. Наболѣе уважаемыя формы брака получили имена наболѣе чтимыхъ боговъ.

Съ женитьбой и замужествомъ издавна соединяли мысль о предопредѣленіи. Если кто на землѣ вступаетъ въ супружескій союзъ, то слѣдуетъ, что такъ было заранѣе предназначено ему въ небесной книгѣ. Отсюда выраженія: „суженый“, „суженая“ „суженаго конемъ не объѣдешъ“. Отмѣтимъ супружескія, небесныя пары, въ большей или меньшей мѣрѣ входившія въ міровоззрѣніе славянскихъ народовъ.

1) Небо и земля. „Очевидное для всѣхъ, говорить Аѳанасьевъ, вліяніе неба на земные урожаи невольнo возбуждало въ умѣ мысль о супружескомъ союзѣ отца неба съ матерью землею“... Согласно съ этимъ, небо обозначалось словами мужескаго, а земля — женскаго рода.

2) Солнце и земля. Небо родило сына — солнце и уступило ему свое значеніе и силу. Дорогое дитя неба въ народныхъ міровоззрѣніяхъ заняло широкое мѣсто, вытѣснивъ изъ нихъ мало-по-малу своего родителя.

Представленіе о бракѣ земли съ юнымъ свѣтоноснымъ солнцемъ повело къ созданію многочисленныхъ разсказовъ, до сихъ поръ сохранившихся въ сказкахъ разныхъ народовъ. Сказки объ окаменѣломъ царствѣ, спящей или очарованной царевнѣ—отзвуки мифа о зимнемъ снѣ земли, изъ котораго ее выводитъ первый поцѣлуй — весенняго солнца. Въ слѣдующемъ замѣчательномъ болгарскомъ обычаѣ сказалась мысль о бракосочетаніи солнца и земли: 9-го марта въ каждомъ домѣ пекутъ круглый хлѣбъ, который называется „кравайче“. Дѣти берутъ по одному „кравайче“ и идутъ на гору. Они пускаютъ хлѣбъ катиться внизъ, и, гдѣ онъ остановится, тамъ вырываютъ яму въ землѣ, а потомъ закапываютъ хлѣбъ. Этотъ кусокъ земли употребляется для лѣкарства, а на мѣстѣ, гдѣ похороненъ хлѣбъ, выростетъ лѣкарственная трава.

3) Мѣсяцъ и звѣзда. Нерѣдко замѣчается явленіе на небѣ, что какая-нибудь звѣзда случайно какъ будто идетъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его близкая подруга. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая подруга.

4) Громовникъ и Облачная дѣва. „Въ грозѣ, говорить Аванасьевъ, древній человѣкъ видѣлъ брачный союзъ бога-громовника съ облачной дожденосной дѣвой.”

Свадебныя религіозныя пѣсни близко стоятъ къ молитвамъ, но имѣють отъ послѣднихъ то существенное отличіе, что не заключаютъ въ себѣ просьбы, обращенной къ божеству, не имѣють прямой утилитарной цѣли. Въ нихъ воспѣвается бракъ небесный, какъ священный прототипъ брака человѣческаго. Въ малорусскихъ пѣсняхъ дѣвичникъ имѣетъ мѣсто не на землѣ, а на таинственныхъ пространствахъ святой горы. Въ бѣлорусской пѣснѣ говорится о коморочкѣ между горъ, гдѣ свѣтитъ ясная звѣздочка. Въ великорусской пѣснѣ Архангельской губерніи на горѣ высокой и красивой стоитъ храмъ бѣлокаменный.

Глубокою древностію отзываются свадебныя пѣсни объ оленѣ, соколѣ и павѣ.

Свадебныя пѣсни о бѣломъ оленѣ встрѣчаются въ губерніяхъ: Курской, Пермской и Тульской и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи.

Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ мѣсто оленя-золотые рога занимаетъ соколъ. Соколъ свадебныхъ пѣсенъ есть зооморфическій образъ солнца и позднѣе символъ жениха.

Въ пѣсняхъ часто невѣста уподобляется павѣ. Въ колыбелькахъ пава обладаетъ золотыми перьями, такъ что, вѣроятно, и въ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о близости невѣсты къ извѣстному зооморфическому образу солнца.

Подблюдныя пѣсни.

Святки сопровождаются рядомъ обрядовыхъ игръ. Это время оживляется разнообразными формами народнаго творчества. — „Гадальныя-подблюдныя” пѣсни вымирающія; старинный обрядъ, сопровождающихъ ихъ, вымеръ: принимающіе участіе въ гаданіи собираются вмѣстѣ; ставится миска; каждый даетъ предметъ; предметы собираются и кладутся въ сосудъ;

тамъ же полагаются хлѣбъ, соль и уголь. Сосудъ покрывается затѣмъ салфеткой. Гадающіе поютъ пѣсню изъ отдѣльныхъ строфъ, прославляютъ хлѣбъ и славятъ царя. При пѣніи каждый вынимаетъ изъ сосуда предметы.—Поразительное сходство обрядовъ съ обрядами другихъ народовъ: болгаръ, грековъ и другихъ племенъ—африканскихъ.—Самыя пѣсни. Разборъ пѣсенъ: въ началѣ величанье хлѣба, которое стоитъ въ связи съ почитаніемъ его („святое жито“); обрядъ славы, т. е. форма величальныхъ пѣсенъ; отдѣльные мотивы и пѣсенки: связь ихъ съ другими памятниками, напр., въ пѣснѣ о бракѣ, бракъ въ формѣ опутыванія („рылся кочешокъ“, „пѣтухъ и жемчужное зерно“); самый обрядъ; отдѣльные обычаи славленія и мотивы пѣсенъ. — Все это вставить нужно въ общую рамку: изображеніе народныхъ святокъ; общая картина святокъ у разныхъ народовъ ³³).

Основной тонъ русской народной пѣсни ³⁴).

„Народныя пѣсни — это народная исторія, говоритъ Гоголь, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа“. Многія стороны и черты народной жизни, о которыхъ мы не можемъ и помыслить, найти въ сухихъ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ, вскрываются изученіемъ самобытной поэзіи русскаго народа и преимущественно пѣсней бытовой, которая богата характерными чертами жизни: семейной, женской или молодецкой.

Тонъ русской народной пѣсни — грустный, тоскливый до крайности; ея отличительный характеръ или сердечная тоска, или отчаянное неудержимое веселье, доходящее до самозабвенія. Такой характеръ нашей народной пѣсни придавала, съ одной стороны, равнинная, по большей части, степная природа Россіи, невольно наводящая тоску и уныніе на душу своимъ ужасающимъ однообразіемъ. Припомнимъ наши обширныя, непроглядныя и малонаселенныя степи, наши дремучіе и до крайности однообразныя лѣса; наши темныя, нескончаемыя осеннія ночи, наши долгія и суровыя зимы — и намъ не покажется удиви-

тельнымъ то грустное чувство, которое прорывается повсюду въ русской народной пѣснѣ. Съ другой стороны, жизненные, историческія причины, вслѣдствіе которыхъ сложился русскій народный бытъ, съ его семейнымъ деспотизмомъ, съ подчиненіемъ женщины грубой деспотической власти мужчины, съ грубостью нравовъ вообще, съ неизвѣстностію въ завтрашнемъ днѣ и въ своемъ семейномъ благополученіи,—наложили печать глубокой тоски на нашу народную пѣснь. Пѣсни семейныя — женскія и мужскія, дѣвичьи, свадебныя и т. д. — запечатлѣны особеннымъ тономъ тяжелой, безысходной печали. Онѣ полны той глубокой сокрушительной скорби, которая невольно вась хватаетъ за сердце.

Въ каждомъ словѣ ихъ слышны горючія слезы, которыя какъ рѣка, льются, какъ ручей, текутъ.

„Не наполнишь ты синя моря слезами“, говорится въ одной дѣвичьей пѣснѣ. Нѣкоторыя дѣвичьи пѣсни отличаются въ то же время нѣжностью, а иногда удивительною силою чувства, какою-то особенною, простодушною граціею и нѣжнымъ поэтическимъ отношеніемъ къ природѣ. Вотъ какъ говорить дѣвушка въ пѣснѣ о вѣрности своему другу:

„Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками...“

Участь оставленной дѣвушки пѣсня сравниваетъ съ участью горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтушекъ. Какъ хороша пѣсня, гдѣ дѣвушка сравнивается съ „тонкою, бѣлою, кудреватую березою, которую ни солнышко ни мѣсяцъ не грѣютъ, не усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями да ломить буйнымъ вѣтромъ“!

Вообще чувство женщины выражается въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ съ рѣдкою поэтическою граціею и въ прекрасныхъ выраженіяхъ, какъ напр., въ извѣстной пѣснѣ: „На горѣ стоитъ елочка“, съ граціознымъ припѣвомъ:

„Я нейду и не слушаю;
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ”.

Въ большей части дѣвичьихъ или женскихъ пѣсень высказывается горемычная доля дѣвушки, которую, не спросивъ о ея желаніи, помимо ея свободнаго выбора, выдаютъ замужъ. Сколько безотрадной тоски и въ то же время какая трогательная кротость и нѣжная любовь къ родителямъ слышатся обыкновенно въ словахъ этихъ пѣсень! Дѣвушка прощается со своей дѣвичьею красотою, съ своимъ садикомъ, съ цвѣтами, съ соловьемъ: „Завянуть безъ меня всѣ цвѣточки въ саду”, — говоритъ она, — „Пой, мой громкій соловей, во всю ночь, во всю мѣсячную! Ужъ недолго тебѣ меня тѣшить”. Она „горемыка горегорькая”, съ кроткою мольбою и любовью обращается къ своей „желанной” матушкѣ и проситъ не отдавать ея чужимъ отцу съ матерью, которые „безжалостливы уродились”. Но свѣтель мѣсяцъ-родимый батюшка и красно солнышко-родима матушка запоручили ее, дѣвицу красную, за поруки крѣпкія, за замки вѣковѣчные, выдали ее на чужую сторону, которая въ понятіяхъ дѣвушки „горемъ горожена, а печалью усажена, слезами поливана, тоскою покрывана”. И здѣсь-то начинаются тѣ печальныя картины грубаго, суроваго семейнаго быта, которыя съ такою безпощадною вѣрностію дѣйствительности рисуются въ пѣсняхъ. Тутъ и „свекоръ и свекровь лютые”, и „золотки смутливыя”, и „деверья пересмѣшливыя”; тутъ всѣ съ нею не ласковы, всѣ ею понукають; тутъ она должна учиться привыкать къ той страдательной покорности, про которую говорится въ пѣснѣ: „держи голову поклонную, а сердце покорное”; тутъ она свыкается съ мужнинымъ „умомъ-разумомъ и обычаемъ молодецкимъ”, иначе ее ждуть побои отъ мужа да шелкова плетка, которою „первый разъ ударить, такъ семь рубцовъ, другой разъ — такъ четырнадцать”, говоритъ одна пѣсня. Жалоба женщины на ея печальное и тяжелое положеніе въ семейномъ быту — мотивъ общій! почти всѣмъ женскимъ или дѣвичьимъ пѣснямъ. Она высказывается по большей части съ кроткою грустью и „не смѣло”, но въ иныхъ

пѣсняхъ раздается съ большою силою и рѣзкостью, какъ напр., въ пѣснѣ „Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди, что на всѣ ли на четыре стороны”.

При такомъ устройствѣ общественнаго быта, при такомъ состояніи семейныхъ нравовъ ясно, что не только женщина, но и мужчина и самъ [древній добрый молодецъ должны были страдать. И вотъ въ пѣснѣ злодѣй-тоска падаетъ на сердце молодецкое, „какъ туманъ на сине море”; добрый молодецъ „въ слезахъ родится, во слезахъ крестится, и всю жизнь, какъ былинушка, въ чистомъ полѣ шатается его бѣдная головушка”. Добрый молодецъ допытывается у матери о своей судьбѣ и говорить:

„Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни, моей матушки, спрошуся:

„Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?”

Но счастье-то молодцу не досталось въ удѣлъ: посѣдѣла его буйная головушка не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ безвремени. И добрый молодецъ, чтобы подавить свою злодѣй-тоску, предается грубому разгулу, топить свое горе въ зеленѣ-винѣ и говорить въ пѣснѣ:

„Да спасибо тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину...”

Итакъ, вотъ гдѣ ищетъ исхода русскій добрый молодецъ своему горю. Такого облегченія человѣкъ можетъ искать себѣ только въ обществѣ грубомъ, неразвитомъ; исходъ этотъ, нѣтъ сомнѣнія, представляется крайне печальнымъ. Но та удаль, которую мы встрѣчаемъ въ мужскихъ пѣсняхъ, удаль, которой все нипочемъ, злая насмѣшка надъ злодѣй-тоской и презрѣніе къ собственной долѣ, наконецъ, горькія жалобы на горемычную долю, разлитыя въ пѣсняхъ женскихъ, — все это доказываетъ, съ одной стороны, что древнерусскій человѣкъ, не хотѣлъ мириться съ темною стороною своей дѣйствительности, что онъ протестовалъ противъ нея и искалъ выхода изъ-подъ тяжелаго гнета обстоятельствъ, съ другой — свидѣлствуетъ о не-

обыкновенной силѣ воли и энергіи народнаго духа, который не могли сокрушить никакія невзгоды, никакія неблагоприятныя событія исторической жизни.

Символика въ поученіяхъ и притчахъ Кирилла Туровскаго ³⁵⁾.

Христіанская символика представляетъ характерную особенность слога поученій. Подъ нею разумѣется изложеніе истинъ христіанской вѣры въ образахъ съ условнымъ, переноснымъ значеніемъ. Образы эти берутся: 1) изъ природы, 2) изъ библіи и 3) изъ обрядовъ.

Типичнѣйшій примѣръ символическаго объясненія явленій природы находимъ у Кирилла Туровскаго въ словѣ на „Өомино Воскресенье“. Авторъ воспользовался картиною весны, съ которой совпадаетъ Өомина недѣля, нарисовалъ эту картину очень живо, но придалъ ей особый смыслъ. „Днесъ весна красуется, оживляюще зеленое естество, бурніи вѣтры ³⁶⁾, тихо повѣвающе, плоды гобзуютъ, и земля, сѣмена питающе, зеленую траву рождаетъ... Нынѣ зима, грѣховная, покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія благоразуміемъ растаясъ“. Такимъ образомъ живительное дѣйствіе весны сближается съ благотворнымъ вліяніемъ христіанства, зима сравнивается съ язычествомъ.

Символизмъ библейскій выражается не въ одинаковой формѣ. Во-первыхъ, очень распространено сопоставленіе событій Ветхаго Завѣта съ событиями Новаго, при чемъ первыя разсматриваются, какъ прообразы, предзнаменованія вторыхъ ³⁷⁾. Во-вторыхъ, иногда проповѣдникъ прибѣгаетъ къ поучительному толкованію событій Новаго и Ветхаго Завѣта въ переносномъ смыслѣ ³⁸⁾. Искусственность объясненія не останавливаетъ духовнаго оратора. Символическое толкованіе съ древнѣйшаго времени служить употребительнымъ приемомъ у христіанскихъ проповѣдниковъ. Такого рода символизмомъ отличается въ особенности посланіе Кирилла Туровскаго къ монаху Василию. Изъ всѣхъ толкованій, которыя даетъ Кириллъ относительно обря-

довъ постриженія, монашеской одежды, большого вниманія заслуживетъ касающееся одной части обряда постриженія, удержавшейся въ настоящее время на Западѣ. Это — выстриженіе на макушкѣ „гуменца“ ³⁹⁾.

Кромѣ этихъ родовъ символизма, находимъ у проповѣдника еще одинъ — это притчи.

У Кирилла Туровскаго есть притчи: 1) о хромцѣ и слѣпцѣ ⁴⁰⁾, и 2) о человѣкѣ бѣлоризцѣ. Онъ придаетъ первой притчѣ такой смыслъ: хозяинъ — Богъ; виноградникъ — міръ; хромою и слѣпой — душа и тѣло, которыя грѣшатъ, помогая другъ другу. Сюжетъ этой притчи былъ очень распространенъ ⁴¹⁾. Вторая притча Кирилла представляетъ аллегорическое выраженіе мысли, что только въ монастырѣ человѣкъ можетъ найти покой, защиту противъ страстей. Притча эта заимствована изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ ⁴²⁾.

Словомъ, символика для проповѣдника служила прекраснымъ средствомъ придать своему поученію художественность, замысловатость и обнаружить передъ слушателями краснорѣчіе и образованность.

Значеніе „Поченія Владимира Мономаха“ въ исторіи и литературѣ.

„Поченіе“ ⁴³⁾, крайне любопытный литературный и историческій памятникъ XII вѣка, дошло до насъ въ единственномъ спискѣ.

По содержанію оно дѣлится на три части: 1) собственно поученіе къ дѣтямъ ⁴⁴⁾, 2) отрывокъ изъ посланія Владимира Мономаха къ Олегу Святославичу ⁴⁵⁾, вставленный безъ всякаго перехода ⁴⁶⁾, 3) отрывки различныхъ молитвъ, которыми и закончивается „Поченіе.“

Изъ трехъ вышеприведенныхъ частей болѣе интересъ представляетъ первая часть „Поченія“ ⁴⁷⁾, подраздѣляющаяся на два отдѣла: 1) наставленія, 2) разсказъ Владимира Мономаха о своей жизни, заключающій перечень его походовъ, опасно-

стей на охотѣ и пр. Въ первомъ изъ названныхъ отдѣловъ, въ свою очередь, замѣчаются двѣ части: а) размышленіе о величіи и мудрости Божіихъ и б) собственно наставленія. Эти совѣты не даютъ намъ яснаго понятія о жизни князя, по воззрѣніямъ Владимира Мономаха. Онъ и не задавался задачею очертить вполне картину ея, а потому краткость наставленій — первая ихъ характерная черта. Другія черты — практичность и легкость примѣненія ихъ на дѣлѣ. Мономахъ не рисуетъ идеала, онъ только напоминаетъ тѣ общеизвѣстныя, но не всегда исполнимыя обязанности князя и человѣка, которыя составляютъ, такъ сказать, *minimum* обязанностей.

Что онъ дѣйствительно смотрѣлъ такъ на свою задачу, это видно изъ собственныхъ его словъ. Онъ предъявляетъ самыя необходимыя требованія и притомъ не разъ напоминаетъ, что ихъ не трудно выполнить. „Господь нашъ показалъ ны есть на врагы побѣду, говоритъ онъ, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдiti его: покоянемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитея, молю вы ся, не забываете 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжька; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ уллучити милость Божью” ⁴⁸). Итакъ, Мономахъ не требуетъ, идеальной жизни отъ своихъ сыновей—одиночества, монашества, поста; но только покаянія и милостыни и притомъ какъ требуетъ? „Си словца прочитающе, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго намъ милость Свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье: послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Такъ снисходителенъ Мономахъ. Онъ даетъ немного наставленій, зато они самыя необходимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ полезныя. Такъ, говоря о томъ, что его отецъ зналъ пять языковъ, онъ добавляетъ: „въ томъ честь отъ инѣхъ земель”; поэтому онъ и дѣтямъ совѣтуетъ: „что-же умѣючи, того не забываете добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите”. Затѣмъ онъ говоритъ, что слѣдуетъ гостепріимно встрѣчать захожихъ людей. Почему? — „Ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по-

всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ" ⁴⁹). Всѣ наставленія Мономаха могутъ быть раздѣлены по содержанію на три группы: 1) относительно религіи и нравственности; 2) касательно княжескихъ обязанностей и 3) о веденіи хозяйства. Первыми христіанскими добродѣтелями Мономахъ считаетъ, какъ мы уже видѣли въ приведенномъ наставленіи, покаяніе и милостыню. Но монашество князь, повидимому, признаетъ уже идеаломъ христіанина, не для всѣхъ обязательнымъ. Намъ будетъ понятенъ такой взглядъ на иноческую жизнь, если вспомнимъ, въ какое время жилъ Мономахъ, — это былъ вѣкъ аскетическихъ идеаловъ ⁵⁰).

Въ слѣдующемъ наставленіи Мономаха относительно молитвы сильно сказалось вліяніе аскетизма. „Не грѣшите (не пропускайте) ни едіну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; али вы ся начнетъ не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ челоуѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ челоуѣкъ избываетъ" ⁵¹). Почему такъ сильна ночная молитва? Можетъ быть, Мономахъ имѣлъ въ виду, что ночью среди тишины душа челоуѣка болѣе способна къ искренней и горячей молитвѣ? Нѣтъ, такая молитва только потому угодна Богу, что она есть подвигъ, упражненіе плоти. Кромѣ того князь говоритъ, что надо молиться, вставая къ постели, утромъ, и вообще молиться, какъ можно чаще. „Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а „Господи помилуй!" зовѣте безпрестани, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣлши" ⁵²). Требуя щедрости ко всѣмъ нуждающимся, Мономахъ прямо называетъ скупость грѣхомъ: „Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра въ гробѣ; се все, что ны еси вдаль, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало днии; и в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ" ⁵³). Ко всѣмъ нужно быть внимательнымъ. „Куда же пойдете, идѣже станете, напойте, накормите унеина ⁵⁴). Больнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы; и челоуѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите" ⁵⁵). Ознакомившись съ воззрѣніями Мономаха на обязанности добраго христіанина

вообще, посмотримъ, какія требованія предъявляетъ онъ хорошему князю.

Мономахъ особенно часто повторяетъ свое наставленіе „не лѣнитесь“, но болѣе всего энергіи долженъ проявлять князь въ военное время, энергіи и самостоятельной дѣятельности. „На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣдѣнью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отъсюду нарядивше около вои, тоже ляжите а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавшие, лѣнощами, внезапно, бо человекѣ погыбаеть” ⁵⁶⁾, Но и въ мирное время князь долженъ подавать примѣры дѣятельности. „Да не застанеть васъ солнце на постели” ⁵⁷⁾, говоритъ Мономахъ. Слѣдуетъ отмѣтить наставленіе его, касающееся суда: „Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человекѣ. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестьяны” ⁵⁸⁾. Намъ особенно дорогоцѣнны послѣднія строки, гдѣ высказывается такая гуманная мысль относительно смертной казни ⁵⁹⁾.

Наставленія Владимира Мономаха, касающіяся хозяйства и семейныхъ отношеній, при всей своей характеристичности, опять-таки не даютъ полной картины частной жизни. Въ нихъ сказывается убѣжденіе князя въ необходимости лично во все входить, никому не довѣрять, — убѣжденіе, которое сказалось и въ другихъ приведенныхъ выше постановленіяхъ. „Въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите: не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящи к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему” ⁶⁰⁾. Это наставленіе даетъ довольно ясное понятіе о той простотѣ жизни, при которой самъ князь заботился объ обѣдѣ. Что касается семейныхъ отношеній, то мы имѣемъ въ „Поученіи” Мономаха лишь одно наиболѣе характерное мѣсто: „Жену свою любите”, говоритъ онъ, „но не дайте имъ надъ собою власти” ⁶¹⁾.

Здѣсь у мѣста напомнить о ближайшемъ поводѣ, по которому Мономахъ написалъ свое „Поученіе”. Этотъ поводъ выясняется изъ самаго содержанія. Владимиръ пишетъ: „Усрѣ-

тоша бо мы слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣша: „потѣснися (поспѣши) къ намъ, да выженемъ Ростиславича ⁶²⁾ и волость ихъ отъимемъ; еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ”, и рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити”. И, отрядивъ я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: „вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая” ⁶³⁾.—Видя, какъ скоро князья нарушили постановленія недавняго сѣзда (въ Любечѣ), задумался Владимиръ о современномъ положеніи дѣлъ, объ отношеніяхъ князей другъ къ другу и мысли, которыя приходили ему въ голову, изложилъ въ своемъ „Поученіи”. Но нельзя не указать и главной причины, почему Владимиръ послѣ этого предложенія предался печальнымъ размышленіямъ и счелъ своимъ долгомъ въ своемъ „Поученіи” напомнить объ обязанностяхъ князя. Такая причина скрывается въ современныхъ Мономаху отношеніяхъ князей къ землѣ. Немногія князья хотя бы въ нѣкоторой степени отвѣчали тому представленію о князѣ какое имѣлъ Мономахъ; большинство приближалось къ тому или другому типу, которые нашли яркихъ представителей въ лицѣ двухъ князей домонгольской эпохи ⁶⁴⁾: типъ удалца Олега „Гориславича” и типъ скопидама Святополка Изяславича.

Оба указываемые типа были несимпатичны населенію. Вотъ почему кіевляне и были особенно расположены къ Мономаху, въ которомъ уже пробудилось сознаніе, что правитель долженъ думать не только о своихъ правахъ, но и объ обязанностяхъ. Добрый человекъ по природѣ, Мономахъ дошелъ до мысли, что князь не долженъ отдѣлять своей выгоды отъ выгоды земли: поэтому онъ противъ излишнихъ и нечестныхъ поборовъ съ населенія. По его убѣжденію, князь долженъ служить, трудиться, быть справедливымъ къ бѣдному люду. — Сказать, что Владимиръ внесъ новый принципъ въ государственную жизнь, это будетъ не вполнѣ вѣрно: въ немъ только еще зарождалось безсознательно новое начало; онъ только въ силу своей доброты и чувства справедливости, сочувствуетъ и желаетъ помочь населенію, страдающему отъ усобицъ. „Добра хочу братіи и русьтѣй земли”, — пишетъ онъ Олегу Свято-

славовичу. Эта симпатичная черта въ Мономахѣ повела къ тому, что и потомки его пользовались любовью въ Кіевѣ ⁶⁵⁾.

Достаточно выяснивъ историческое значеніе этого любопытнаго памятника, перейдемъ къ вопросу о литературномъ его значеніи. Строго говоря, Мономахъ пишетъ дѣтямъ „Поученіе“ или „Завѣщаніе“, какъ назвалъ его Мусинъ-Пушкинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видимо рассчитываетъ и на болѣе обширный кругъ читателей. Такъ, онъ замѣчаетъ „Да не зазрите ми, дѣти мои, или инѣ, кто прочтетъ“... Слѣдовательно, онъ выбралъ поученіе, какъ извѣстную литературную форму, и мы, дѣйствительно, знаемъ, что она была довольно распространена.

Въ Изборникѣ Святослава 1076 г. находятся два поученія: Ксенофонта къ сыновьямъ и св. Ѳеодоры къ сыну. Въ той же формѣ изложены апокрифическіе „завѣты 12 патріарховъ“. Въ библіи, именно въ притчахъ Соломона, постоянно встрѣчаются выраженія въ родѣ: „послушай, сынъ, наставленія отца своего“. Такимъ образомъ выборъ формы произведенія объясняется начитанностью Мономаха. При ближайшемъ разсмотрѣніи его „Поученія“ послѣдняя становится очевидною, такъ что является возможность признавать „это сочиненіе“ плодомъ не только размышлений Мономаха, но и его образованности. Въ „Поученіи“ находится много изреченій изъ библіи, но любимой книгою Владимира Мономаха, съ которой онъ не разставался и въ дорогѣ, была псалтирь ⁶⁶⁾.

Кромѣ библіи, Мономахъ приводитъ отрывокъ изъ слова „Како лѣпо есть чернцу быти“, принадлежащаго Василию Великому. Оно помѣщено уже въ Сборникѣ 1076 г. Затѣмъ въ концѣ „Поученія“ находимъ отрывки изъ канона Андрея Критскаго. Нами указано только на источники, какіе цитируются Владимиромъ Мономахомъ ⁶⁷⁾, но въ его „Поученіи“ есть мѣста, доказывающія знакомство его и съ другими произведеніями, которыя указать трудно. Такъ, напримѣръ, мысль Мономаха о важности ночной молитвы встрѣчается, правда, иначе выраженною во многихъ поученіяхъ. Но болѣе заслуживаютъ вниманія другія двѣ мысли, высказанныя Владимиромъ въ самомъ началѣ „Поученія“: о разнообразіи человѣческихъ лицъ и перелетѣ птицъ. „И сему чуду дивуемся, како отъ персти соз-

давъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчскихъ лицахъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лица образомъ, по Божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе (въ) наши руцѣ, и не ставятся на оной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля” ⁶⁸)...

Итакъ, въ историческомъ отношеніи этотъ памятникъ важенъ, какъ выраженіе мыслей передового человѣка своего времени, а въ литературномъ, какъ доказательство глубокаго вліянія византійской образованности не только на духовенство, но и на людей практическаго дѣла ⁶⁹).

Литературное, историческое и поучительное значеніе древнерусскихъ житій до-монгольской эпохи и ихъ особенности.

Древнерусскія житія ⁷⁰) отличались своеобразнымъ стилемъ, а въ виду ихъ популярности его можно признать характернымъ вообще для произведеній древней Руси. Самое слово „житіе” соотвѣтствуетъ современнымъ „жизнь, жизнеописаніе”, но въ этихъ памятникахъ древней Руси не найдешь того, что требуется отъ нынѣшнихъ біографій ⁷¹). Авторъ житія не задавался цѣлью всесторонне обрисовать характеръ и дѣятельность героя. Онъ выбиралъ для своего произведенія лишь нѣкоторыя свѣдѣнія и сознательно суживалъ свою задачу. Въ житіи, на примѣръ, князя Владимира, не имѣется свѣдѣній о Владимирѣ-язычникѣ, о походахъ его и пр.; оно передаетъ въ той или другой формѣ только фактъ принятія Владимиромъ христіанства. Такимъ образомъ авторъ „житія” обращаетъ вниманіе лишь на тѣ черты, которыя съ его точки зрѣнія характеризуютъ извѣстное лицо, какъ святое. При этомъ у него была и поучительная цѣль: онъ руководился желаніемъ поучать своего читателя, а не знакомить его со всею дѣятельностью

святого, интересно, можетъ быть, въ историческомъ отноше-
ніи. Житія до нѣкоторой степени напоминаютъ панегирики.
Какъ послѣдніе имѣютъ цѣлью указать только достоинства ка-
кого-либо лица, такъ и первыя — „прославить мужа доблесть”.
Самое заглавіе большинства ⁷²⁾ житій сближаетъ ихъ съ панеги-
риками. Таковы житія по содержанію, но не менѣе интересна и
форма ихъ. Стилъ житій считался, повидимому, образцовымъ
въ древней Руси, такъ какъ очень часто можно видѣть подра-
жаніе ему въ письменныхъ памятникахъ другого характера.
Поэтому отмѣтимъ особенности этого стила.

1. Обиліе сравненій съ извѣстными дѣятелями библіи и
легендъ. Владимиръ сравнивается съ Константиномъ Великимъ
и даже называется „новымъ Константиномъ”. Цѣль подобныхъ
сравненій установить извѣстную точку зрѣнія на то или другое
лицо ⁷³⁾. Авторы житій пользуются или общими сравненіями, т. е.
весь образъ одной личности сравнивается съ образомъ другой ⁷⁴⁾,
или частными сравненіями, которыхъ въ житіяхъ гораздо боль-
ше. Авторы житій очень любили сравнивать даже отдѣльныя
черты въ жизни разныхъ лицъ, отдѣльные эпизоды. Иногда
подобныя частныя сопоставленія совершенно случайно касаются
и мелочей ⁷⁵⁾. Также сравниваются черты и обстоятельства жиз-
ни не только святыхъ, но и враждебныхъ имъ лицъ ⁷⁶⁾.

2. Разговоры и размышленія дѣйствующихъ лицъ. Авто-
ры житій охотно приводили молитвы, будто бы составленныя
прославляемыми святыми, ихъ мысли, разговоры ⁷⁷⁾. Они же, под-
ражая византійскимъ историкамъ, пользовались реторической
формой, чтобы показать смыслъ событія, планы извѣстнаго
лица, какъ они сами понимали ихъ. — Такой приѣмъ особенно
пригоденъ былъ для авторовъ житій, когда имъ желательно бы-
ло даже незначительные факты изъ жизни святыхъ представить
въ выгодномъ свѣтѣ ⁷⁸⁾. Тѣмъ же приѣмомъ пользовались авторы
и для того, чтобы ярче освѣтить злобныя намѣренія несимпа-
тичныхъ лицъ ⁷⁹⁾.

3. То же значеніе, что рѣчи и размышленія описываемыхъ
лицъ, имѣютъ и разнаго рода оговорки замѣчанія автора. Ког-
да самъ фактъ не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго,
поучительнаго, авторъ житія истолковываетъ его такъ, какъ

это нужно для опредѣленной цѣли, именно прославить описываемаго святого⁸⁰⁾.

Вотъ тѣ приемы, которыми пользовались авторы житій главнымъ образомъ для болѣе успѣшнаго выполненія своей задачи: дать поучительный матеріалъ для читателя. Въ житіяхъ до-монгольской эпохи, какъ записанныхъ вскорѣ послѣ смерти святыхъ, не замѣтно еще легендарнаго характера, но есть и позднѣйшія, въ которыхъ поэтическаго элемента не мало. Последнія, кромѣ литературнаго, историческаго и поучительнаго значенія, имѣютъ иногда и поэтическое.

Нападки на пьянство по памятникамъ древне-русской литературы.

Издревле народъ въ своихъ произведеніяхъ устныхъ и письменныхъ, а съ нимъ и проповѣдники, произносили строгое осужденіе пьянству, какъ пороку, который потемняетъ человѣку разсудокъ и вызываетъ его на всевозможные грѣхи и преступленія.

Въ народныхъ стихахъ и легендахъ пьянство осуждается. По свидѣтельству легендъ и лубочныхъ картинъ пьяницы пойдутъ въ муку вѣчную и вмѣстѣ съ сатаной будутъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ. „Нѣкоторый человѣкъ піяница пропился на кружалѣ до нага и рече: не знаю, что пропить! аще бы былъ купецъ, продалъ бы душу свою. И приде къ нему діаволь во образѣ человѣческомъ и рече ему: что, человѣче, думаеши? — А то я думаю: не знаю что съ себя пропить, аще бы купецъ—продалъ бы душу свою. И даде діаволь ему денегъ. Піяница сѣлъ и началъ пити, не помыслиае о душѣ своей. И приближися вечеръ. Тогда рече діаволь: аще кто купилъ коня, подобаетъ ему взяти и узду. А вы, сторонніе люди! — свидѣтели: купилъ азъ у сего человѣка душу, то подобаетъ взяти и тѣло. И нападе на людей страхъ велій. Діаволь же взялъ піяницу и потащилъ во адъ на муку вѣчную”⁸¹⁾. На опойцахъ черти возятъ на томъ свѣтѣ дрова и воду, какъ раска-

зываетъ легенда „Кумова кровать“. Самая выдумка высиживать хлѣбное вино приписывается діаволу. Въ сатирической „Повѣсти о многоумномъ хмѣлю“ встрѣчается преданіе, которое рассказываетъ о Ной, о построении ковчега имъ, объ оболыщеніи жены Ноя діаволомъ съ цѣлю разрушить построенный праведникомъ ковчегъ. Діаволу по „Повѣсти“ удалось привести исполненіе свой злой умыселъ: „испивши, Ной легъ опочить, а жена начала его ласковыми словами спрашивать: куда, господине мой, ходишь и что творишь? Ной и рассказалъ ей все... На утро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ плакать. И явился ему ангелъ Господень, и сказалъ ему: не велѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ ⁸²⁾. Въ сборникъ Боричевского ⁸³⁾ есть любопытный бѣлорусскій рассказъ такого содержанія: жилъ-былъ бѣдный мужикъ; взялъ онъ чуть ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ краюшку. Захотѣлось мужику пообѣдать; хватъ — а хлѣба нѣту! „Чудное дѣло! сказалъ мужикъ, никого не видалъ, а краюшку кто-то унесъ. А, на здоровье ему! авось съ голода не умру“. Пришелъ чортъ въ пекло и рассказалъ обо всемъ набольшему діаволу. Не понравилось сатанѣ, что мужикъ не только не ругнулъ вора, а еще сказалъ ему: „на здоровье!“ И послалъ онъ назадъ чорта: „ступай, заслужи мужикову краюшку!“ Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото; у другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у этого уродился чудный хлѣбъ; въ мокрое дождливое лѣто онъ засѣялъ по отлогимъ горамъ, — и у другихъ все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ? Чортъ и принялся за работу: давай затирать и высиживать горькуху, и таки умудрился! Послѣ отъ него всѣ переняли дѣлать горькуху, и пошла она, окаянная, гулять по бѣлу свѣту!

Подобный же рассказъ о происхожденіи хлѣбнаго вина существуетъ и между татарами Нижегородской губерніи съ нѣкоторымъ дополненіемъ: приготовляя вино, чортъ подмѣшалъ

туда сначала лисьей, потомъ волчьей, наконецъ и свиной крови. По этому, если человѣкъ немного выпьетъ, голосъ бываетъ у него сладенькій, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотритъ; а много выпьетъ — сдѣлается у него свирѣлый волчій нравъ; а еще больше выпьетъ — и какъ разъ учутися въ грязи, словно боровъ.

Какъ въ доброе старое время, такъ и теперь поселяне наши отъ души вѣрятъ, что нечистый всегда подстерегаетъ пьянаго и готовъ затащить его въ болото или трупобу.

Основа всѣхъ нападокъ на пьянство заключается въ сильно развитомъ чувствѣ народа къ своей религіи. Книжный людъ и простой нашего прошлаго съ особенной силою нападалъ и подчеркивалъ обычаи пить и пѣть тропари во время „пиршествъ“, забывать за чаркой постъ, свои обязанности, заповѣди Господни.

Умѣренности въ „питіи“ ни народъ ни книжники не осуждаютъ, не осуждаютъ также и пьющихъ, прославляющихъ Господа-Бога: такъ, есть „Слово рѣчемо о бражникѣ, како вниде въ рай Божій“; начало этого „Слова“: „бѣ нѣкій человѣкъ бражникъ, пьюшъ въ праздники Господня до обѣда, и за всякимъ ковшемъ Господа Бога прославляя“⁸⁴).

Краткій очеркъ литературы монгольской эпохи XIII, XIV и XV вв.

Время монгольского ига, строго говоря, нельзя назвать особымъ періодомъ въ русской литературѣ. Каждый періодъ литературы характеризуется новыми идеями, формами культурнаго направленія, — ничего подобного не удастся намъ найти въ монгольскую эпоху. Единственное значеніе, которое она имѣетъ, — переходной ступени къ періоду послѣ-монгольскому и характернымъ явленіемъ для этой эпохи служить перемѣна литературныхъ и культурныхъ центровъ. До нашествія монголовъ главное значеніе имѣла южная Русь. Тамъ явилось „Слово о полку Игоревѣ“, тамъ главнымъ образомъ, а не на сѣве-

рѣ Руси появились лѣтописи, житія, поученія. Съ набѣгами татаръ дѣло измѣнилось. Южная Русь, если не была обращена въ бѣгство, все-таки пострадала болѣе сѣверной. Кіеву, бывшему до того времени центромъ умственной жизни русскаго народа, нанесенъ былъ такой ударъ, послѣ котораго онъ уже не могъ занять прежнее положеніе. Нѣсколько времени спустя, вновь образовавшееся литовское княжество втянуло его въ себя. Тѣмъ временемъ сѣверная Русь, которая стала пріобрѣтать видное значеніе незадолго до нашествія татаръ, въ монгольскую эпоху получаютъ преобладающую силу. Съ монгольскимъ нашествіемъ расцвѣтъ литературы на югѣ былъ пораженъ въ XIII в., и, повидимому, всякое умственное движеніе прекратилось. Культура передвигается на сѣверъ Руси; тамъ возрождается и литература. Монгольское иго наложило своеобразную печать на русскую жизнь. Конечно, не можетъ быть рѣчи о новыхъ началахъ, внесенныхъ этимъ игомъ, даже сомнительно, есть ли у русскихъ заимствованія отъ монголовъ въ видѣ сказокъ. Нѣтъ, татары имѣли почти только отрицательное вліяніе на русскую жизнь, какъ бы подавили ее, что отразилось и на литературѣ. Монгольская эпоха — это шагъ назадъ въ исторіи умственной жизни русскаго народа. За все время XIII и XIV вв. не появилось ничего замѣчательнаго въ литературѣ, послѣдняя жила въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Формы произведеній этой эпохи сравнительно съ предыдущею не измѣнились: тѣ же историческія повѣсти, лѣтописи, поученія, житія и путешествія, зато въ нихъ стало замѣтно вліяніе эпическаго творчества, которое украсило историческіе факты.

I. Наиболѣе интересными памятниками литературы монгольскаго періода служатъ историческія повѣсти, связанные съ татарскимъ нашествіемъ, которое отразилось, напримѣръ, въ сказаніяхъ о Калкской битвѣ, о нашествіи Батыя, Тохтамыша и проч. Разберемъ коротенько эти памятники.

Сказаніе о Калкской битвѣ составлено человѣкомъ, хорошо, очевидно, знавшимъ дѣло, и можетъ быть, даже участни-

комъ самаго событія. Къ повѣствованію о битвѣ при Калкѣ прибавленъ разсказъ поэтическаго характера — о гибели богатырей.

Лѣтописный разсказъ о нашествіи Батыя точно также дополненъ въ сказаніи не историческою подробностью, именно преданіемъ о Евпатіи Коловратѣ. Рязанское преданіе передаетъ, что жилъ въ Рязани богатырь Коловратъ. Когда Батый бралъ этотъ городъ, Евпатія не было дома. Возвратившись на опустошенную уже родину, Коловратъ собралъ дружину въ 1700 человекъ и погнался за татарами. Воодушевление и мужество этой горсти воиновъ такъ поразили татаръ, что они не могли понять, откуда пришли эти новые непріатели, и одолѣли ихъ только при помощи стѣнобитныхъ орудій. Батый долго разговаривалъ съ Евпатіемъ, взятымъ наконецъ въ плѣнъ и дивился его силѣ.

Куликовская битва вызвала нѣсколько эпическихъ произведеній. Таковы „Слово о жизни и преставленіи Дмитрія Донского“, „Сказаніе о нашествіи Батыя“, „Задонщина“, „Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ“. Первое изъ названныхъ произведеній принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ „украшенныхъ“ сказаній. Оно передаетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ жизни Дмитрія Донского, имѣетъ характеръ панегирика и „украшено“ по тому же способу, какъ писались житія: сравненіями, цитатами и проч... — „Сказаніе о нашествіи Батыя“ — историческій разсказъ о Куликовской битвѣ, не имѣющій литературныхъ достоинствъ. — Въ двухъ послѣднихъ — „Задонщинѣ и Словѣ о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его кн. Владимирѣ Андреевичѣ“ и „Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ“ — обнаруживаются литературныя стремленія.

„Задонщина“ представляетъ попытку художественнаго изображенія Куликовской битвы. Мѣстами она имѣетъ близкое сходство со „Словомъ о полкѣ Игоревѣ“, а мѣстами допускаетъ буквальные заимствованія изъ него. Авторъ ея придерживается даже плана, по которому написано „Слово“. Сходство „Задонщины“ со „Словомъ о полку Игоревѣ“ вызвало два объясненія. По одному мнѣнію, оно есть результатъ прямого заимствованія, а по другому, является слѣдствіемъ того, что

„Слово о полку Игоревѣ” и „Задонщина” принадлежать къ одному роду произведений, имѣвшихъ свой особенный стиль. Принимая это мнѣніе, необходимо допустить и цѣлую литературу, для насъ утраченную, но очень интересную, судя по такому образцу, какъ „Слово о полку Игоревѣ”. Но, какъ ни заманчиво такое предположеніе, оно не имѣетъ за собой прочныхъ основаній. Въ данномъ случаѣ гораздо проще первое мнѣніе о прямомъ заимствованіи. Дѣйствительно, сходство двухъ указанныхъ произведений уже очень близко. Совершенно ясно проглядываетъ усиліе автора „Задонщины” употреблять тѣ же слова и обороты, выдержать тотъ же планъ, какъ и въ „Словѣ”. — Иногда авторъ, повидимому, даже не понимаетъ точнаго смысла заимствованныхъ имъ оборотовъ. Такъ, вмѣсто „О Русская земля, уже ты за шеломянемъ еси”, онъ пишетъ: „о Русская земля уже ты за Соломономъ побывала”. Контекстъ указываетъ, что въ этомъ случаѣ виноватъ не переписчикъ, а самъ авторъ. Затѣмъ, вмѣсто „Боянь”, авторъ Задонщины употребляетъ слово „бояринъ”. Вслѣдствіе усилія автора „Задонщины” подражать автору „Слова” въ ней нѣтъ того свободного развитія мысли, какое мы находимъ въ „Словѣ”. Словомъ, „Задонщина” не имѣетъ большаго литературнаго значенія и доказываетъ, что Куликовская битва служила сюжетомъ для народныхъ повѣстей и, можетъ быть, пѣсенъ.

„Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ” представляетъ изъ себя какой-то странный, если можно такъ выразиться, — полосатый памятникъ. Составился онъ подъ очевиднымъ вліяніемъ, во-первыхъ, „Задонщины” или другого подобнаго памятника и, во-вторыхъ, обширнаго сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, основаннаго на преданіяхъ. Вліяніе перваго источника отразилось въ сжатости, картинности, свойственныхъ „Слову о полку Игоревѣ”, вліяніе второго, написаннаго стилемъ житій, — во вставленныхъ размышленіяхъ, молитвахъ, текстахъ, растянутости изложенія. Эти два разнородныхъ стиля не смѣшиваются между собою, а чередуются: одна часть „Повѣданія” напоминаетъ „Слово о полку Игоревѣ”, затѣмъ страница, какъ будто вырванная изъ житій, и т. д. Что авторъ „Повѣданія” пользовался повѣствованіемъ, основаннымъ на устныхъ преда-

ніяхъ, это очевидно. Такъ, Дмитрій передъ битвой совѣтуется съ Кипріаномъ, который поставленъ былъ митрополитомъ только въ 1381 г., молится передъ Владимирской иконой Божіей Матери, явившейся только въ 1395 г.; наконецъ, въ „Повѣданіи“ упоминается Ольгердъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, между тѣмъ какъ онъ умеръ въ 1377 году. Подобные анахронизмы достаточно опредѣляютъ источникъ, на основаніи котораго сложилось „украшенное“ сказаніе, въ свою очередь, послужившее источникомъ для автора „Повѣданія“. Это произведение, обладая нѣкоторою художественностью и сходствомъ съ житіями, такъ распространенными въ древней Руси, имѣло большой успѣхъ: его переписывали, даже передѣлывали и дополняли. Между прочимъ, съ дополненіями противъ дошедшимъ до насъ его редакцій изложено его содержаніе въ Синописисѣ (XVII в.) и въ нѣкоторыхъ народныхъ сказкахъ, составленныхъ подъ несомнѣннымъ его вліяніемъ.

Повѣсти о Тохтамышѣ обойду молчаніемъ въ виду того, что онѣ даютъ исключительно исторической матеріаль, но въ нихъ нѣтъ какихъ-либо литесатурныхъ достоинствъ.

О Тамерланѣ сохранилось два сказанія: въ первомъ сообщаются свѣдѣнія о жизни и вообще о подвигахъ Тамерлана второе передаетъ о походѣ его на Русскую землю. По первому сказанію Тамерланъ еще въ дѣтствѣ проявилъ свой злой задорный характеръ. Съ шайкой подобныхъ себѣ отчаянныхъ мальчишекъ онъ нападалъ на пастуховъ и въ одно изъ такихъ нападений озлобленные пастухи перебили палкой ногу его. Тогда онъ обратился къ кузнецу съ просьбой оковать желѣзомъ сломанную ногу. Послѣ этого за нимъ осталось прозвище Темиръ-Аксеть — Желѣзный Хромецъ. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Тамерланъ организовалъ огромное войско, совершилъ много походовъ, завоеваній, заваливалъ рвы трупами побѣжденныхъ, мучилъ даже дѣтей. Взявъ въ плѣнъ хана Баязета, онъ посадилъ его въ клѣтку и возилъ его за собой во время походовъ. Русскую землю, однако, ему не удалось покорить: ему явилось уже на дорогѣ какое-то видѣніе, и онъ вернулся, а замышляемый имъ новый походъ онъ не успѣлъ совершить: его сложила болѣзнь. Двадцать козуховъ не могли

согрѣть его, когда онъ чувствовалъ ознобъ, и онъ умеръ отъ лихорадки. Второе сказаніе о Тамерланѣ по характеру такое же, какъ первое, только короче его. Оно называетъ Тамерлана человѣкомъ низкаго происхожденія „родомъ изъ Синей орды, что за Желѣзными воротами, по ремеслу кузнецомъ, а по праву злодѣемъ”. Нашествіе его на Русскую землю было чудеснымъ образомъ отражено. Обѣ повѣсти о Тамерланѣ можно съ увѣренностью считать заходшими, хотя окончательную обработку онѣ, можетъ быть, получили уже на Руси. Въ первой повѣсти авторъ прямо заявляетъ, что будетъ говорить о Тамерланѣ, „его же нѣкогда въ повѣстѣхъ слышахомъ”. Когда и въ какой формѣ явились такія повѣсти на Руси, сказать трудно.

II. Поучительные памятники. Какъ авторъ наиболѣе замѣчательныхъ поученій извѣстенъ епископъ Владимірскій Серапіонъ. Отъ этого „зѣло учительнаго и сильнаго въ божественномъ писаніи” епископа († 1275 г.) дошло до насъ 5 поученій. Они представляютъ большой историческій интересъ, знакомя насъ съ бѣдствіями современной ему эпохи (монгольское нашествіе, голодъ) и различными суевѣріями. — Отъ XIV в. сохранилось посланіе Василія, новгородскаго епископа. Въ мірѣ онъ носилъ имя Григорія, совершилъ путешествіе въ Св. Землю, послѣ чего получилъ прозваніе Калики. Заслуживаетъ вниманія дошедшее съ его именемъ „посланіе о земномъ раѣ”. — Въ XV в. извѣстны были своими поученіями Фотій и Григорій Цамблакъ. Фотій, грекъ по происхожденію, съ 1408 до 1431 г. былъ митрополитомъ московскимъ и оставилъ рядъ поученій: на Благовѣщеніе, Срѣтеніе, недѣлю о блудномъ сынѣ, недѣлю православія, бездождіе и т. д. Григорій Цамблакъ, болгаринъ, съ 1419 года былъ кievскимъ митрополитомъ. Отъ него дошло до насъ еще болѣе поученій, чѣмъ отъ Фотія. Проходить молчаніемъ этихъ двухъ проповѣдниковъ не слѣдуетъ, такъ какъ они пользовались большимъ значеніемъ и уваженіемъ среди современниковъ, но, какъ на не русскихъ по происхожденію, образованію, воспитанію, останавливать вниманіе на ихъ произведеніяхъ не должно.

III. Житія монгольской эпохи, не отличаясь существенно отъ житій предыдущаго времени (см. „Литературное, историческое, поучительное значеніе древне-русскихъ житій до-монгольской эпохи и ихъ особенностей” и примѣчанія къ ней), представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что очень хорошо отражаютъ на себѣ черты своей эпохи, знакомятъ съ литературными вкусами читавшихъ и составлявшихъ ихъ людей и чаще другихъ произведеній даютъ живыя картины и образы. — Наиболѣе извѣстны слѣдующіе авторы житій монгольской эпохи: митрополитъ Кипріанъ, Епифаній Премудрый и Пахомій Логофетъ.

Кипріанъ присланъ былъ въ Москву Константинопольскимъ патріархомъ послѣ смерти митрополита Алексѣя (1378 г.), но Дмитрій Донской не захотѣлъ имѣть его митрополитомъ, и Кипріанъ, занявъ каѳедру только въ 1390 г., оставался на ней до 1406 года. Болѣе другихъ его произведеній заслуживаетъ вниманія житіе митрополита Петра. Петръ, положившій начало могуществу Москвы перенесеніемъ каѳедры, былъ для московскихъ жителей тѣмъ же, чѣмъ для новгородцевъ архіепископъ Іоаннъ. Поэтому очень рано появилось сказаніе о немъ, составленное Прохоромъ. Это сказаніе Кипріанъ передѣлалъ и добавилъ нѣкоторыми устными преданіями о немъ (напр., о жизни его въ Вольни). Въ житіе, составленное Кипріаномъ, вошло и преданіе о знаменитомъ пророчествѣ Петра, преданіе, котораго еще нѣтъ въ сказаніи Прохора. Это преданіе, льстившее, конечно, самолюбію и гордости москвитянъ, доставило житію, составленному Кипріаномъ, большую популярность.

Епифаній былъ инокомъ ростовскаго монастыря Св. Григорія (въ концѣ XIV в. или самомъ началѣ XV в.). О монастырѣ Св. Григорія вообще слѣдуетъ замѣтить, что онъ, повидимому, былъ непохожъ на другіе. Извѣстно, что въ немъ совершалось богослуженіе на славянскомъ и греческомъ языкахъ, среди монаховъ было стремленіе къ образованности, миссіонерской дѣятельности. Оттуда вышелъ Стефанъ, проповѣдавшій христіанство въ Перми и составившій пермскую азбуку. Въ одно время со Стефаномъ жилъ и Епифаній, написавшій житіе знаменитаго миссіонера, умершаго нѣсколько раньше его. Епифа-

нію же принадлежитъ и еще одно житіе — преп. Сергія Радонежскаго. (Первое изъ этихъ житій издано въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ подъ редакціей Костомарова, СПб. 1861 г.). Епифаній замѣчателенъ по своему напыщенному слогу, своей начитанности, которая видна изъ множества цитатъ, взятыхъ главнымъ образомъ изъ византійскихъ хроникъ, палей, сказанія Храбра, житій. Тропы и фигуры почти на каждой строкѣ произведеній его, за что проф. Ключевскій и называлъ его „блестящимъ русскимъ писателемъ XV в.“. Его слогъ, дѣйствительно, „плетеніе словесъ“, какъ онъ и самъ признаетъ.

Краснорѣчіе Епифанія типично не только для него, но и вообще для писателей того времени, которые примѣнялись ко вкусу читающей публики.

Пахомій Логофетъ, происхожденіемъ сербъ, жилъ при Василии Темномъ и умеръ уже въ концѣ княженія Ивана III, а, можетъ быть, и въ началѣ княженія Василя Ивановича. Этотъ образцовый агіографъ своего времени представляетъ типъ странствующаго литератора. Русскія преданія, т. е. матеріалъ для своихъ произведеній, онъ зналъ плохо, и заслуга его въ томъ только, что онъ по заказу обрабатывалъ сообщаемыя ему сказанія, придавая имъ условную риторическую оболочку. Жилъ онъ, смотря по тому, отъ кого получалъ заказъ, то въ Новгородѣ, гдѣ онъ работалъ по заказу архіепископа Евфимія, то въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Слогъ его сильно напоминаетъ слогъ Епифанія: то же размышленіе, молитвы и проч. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту. Пахомій подчасъ жертвовалъ исторической истиной для литературныхъ цѣлей. Извѣстно, напримѣръ, что Сергій отдалъ свою часть брату, а Пахомій нашелъ лучше написать: роздалъ имѣніе бѣднымъ. Извѣстно также, что Сергій испыталъ много опасностей, живя въ лѣсу. Пахомію и это показалось просто: онъ сообщаетъ, что Сергія искушали бѣсы, являясь въ разныхъ образахъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Пахомій и подобные ему удовлетворяли спросу: общество и не претендовало на строгость въ выборѣ фактовъ, лишь бы только изложеніе носило на себѣ достоинства (или недостатки) произведеній своего времени.

IV. Путешествія. Отъ XIV в. сохранились путешествія къ святымъ мѣстамъ инока Стефана Новгородца (въ Царьградъ и Іерусалимъ) и іеродіакона Игнатія Смоленскаго (въ Константинополь). Отъ XV в. имѣются путешествія монаха Зосимы и Василья Гостя (ξένος). На эти путешествія можно только указать, и не останавливаться въ виду того, что они ничего замѣчательнаго не представляютъ. Къ тому же XV вѣку относятся путешествія въ Западную Европу и Индію. Въ 1457 г. русскій митрополитъ Исидоръ отправился на Флорентійскій соборъ. Благодаря этой поѣздкѣ, явилось описаніе Флорентійскаго собора іеромонахомъ суздальскимъ Симономъ, находившимся въ свитѣ Исидора. Тогда же составлено Аврааміемъ суздальскимъ описаніе разныхъ обрядовъ. Судя по послѣднему, можно предполагать, что Авраамій видѣлъ представленіе Вознесенія и Благовѣщенія посредствомъ маріонетокъ. Въ авторѣ этого описанія замѣтенъ живой интересъ къ видѣнному и искреннее признаніе преимуществъ западной культуры.

Путешествіе въ Индію совершено было тверскимъ купцомъ Аѳанасіемъ Никитинымъ. Его путевыя замѣтки названы имъ самимъ „Хожденіемъ за три моря: Дребентское (Каспійское), Индѣйское (Персидскій заливъ) и Черное“. Читая это „Хожденіе“, невольно дивишься автору, который не пропалъ вдали отъ родины, сумѣлъ ознакомиться съ языкомъ туземцевъ, сойтись съ ними настолько, что они показывали ему свои семьи и какой-то храмъ Будды. „Хожденіе“ написано простодушно и изобличаетъ въ немъ и русскаго человѣка и православнаго христіанина.

Иванъ Васильевичъ Грозный по историческимъ пѣснямъ ⁸⁵).

Въ поэтическихъ образцахъ наивная фантазія представила Ивана IV, его жестокость, сопровождаемую ироніей, его отношенія къ боярамъ, сыноубійство, завоеванія Казани и Астрахани, покореніе Сибири. Къ этому укажемъ особенно на одну

черту въ пѣсняхъ, заслуживающую вниманія. Въ идеальномъ изображеніи Грозный вездѣ является подозрѣвающимъ измѣну и вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивымъ; при первомъ подозрѣніи онъ безъ всякаго суда приступаетъ къ расправѣ, велитъ казнить-вѣшать. Не отрицая нисколько этого царскаго его права, пѣсня въ то же время представляетъ несправедливость его въ поспѣшности, иногда даже съ нѣкоторымъ проблескомъ ироніи. Такъ напр., въ пѣснѣ о томъ, какъ царь велѣлъ убить своего сына, Никита Романовичъ, спасши послѣдняго тайкомъ, пировалъ, и какъ будто бы насмѣхался надъ печалью царя, который чувствовалъ раскаяніе въ своемъ опрометчивомъ приговорѣ. Узнавъ о пирѣ Никиты, Грозный распаляется гнѣвомъ на боярина, призываетъ его къ себѣ: ткнулъ желѣзомъ въ правую его ногу и примялъ къ сырой землѣ, а самъ приговариваетъ:

„Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колѣ посадить,
На колѣ посадить, скоро велю казнить:
У меня кручина несносная,
А у тебя, боярина, пиръ навеселѣ!“ ⁸⁶⁾

Но и здѣсь негодованіе и угрозы царя безъ изслѣдованія дѣла оказываются опрометчивыми и совершенно несправедливыми. Никита Романовичъ заставляетъ его смѣнить гнѣвъ на милость, возвращая ему мнимо⁸⁷⁾ погибшаго паревича. Въ другой пѣснѣ царь со своей яркой вспыльчивостью уже прямо становится въ комическое положеніе. Онъ осадилъ Казань,

Подъ Казанку подѣ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки, снаряды во чистомъ полѣ разставлялъ.
А татарченки по городу похаживаютъ,
Всяко грубіянство оказываютъ,
Они Грозному царю насмѣхаются:
„Не бывать нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!“
Ужъ какъ тутъ нашъ государь-царь прогнѣвался,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ,
Что отъ нихъ измѣна учинилась:
Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится.

А и тутъ всѣ пушкاري призадумались,
Большой за меньшого хоронится,
А одинъ пушкарь отважился:
„Прикажи, государь-царь, слово молвить,
Не вели, государь, насъ казнити:
Что на полѣ горитъ свѣча скорѣе,
Подъ землею-то свѣча идетъ тишѣе”.—
Не успѣлъ пушкарь слово выговорить,
Подъ землею свѣча догорала, —
И тутъ разорвало бочки съ порохомъ,
Стало стѣны бросать на Сулай-рѣку,
Забросало палаты бѣлокаменны... ⁸⁷⁾

Въ пѣснѣ „Мамстрюкъ Темрюковичъ,” въ которой г. Га-
лаховъ видитъ со стороны народа обличеніе Москвы въ нрав-
ственномъ свойствѣ съ татарами, мы находимъ (по сборнику
Костомарова) еще замѣчательную черту — сопоставленіе кре-
стьянина съ боярами Грознаго и ироническій взглядъ на по-
слѣднихъ.

На свадьбу Ивана Васильевича пріѣхалъ удалецъ-боецъ,
славный витязь, самъ князь черкасскій Мамстрюкъ, пріѣхалъ
съ молодой женой ѿи съ храброй дружиною, пріѣхалъ позже
всѣхъ, а сѣдился выше всѣхъ, но на пиру онъ не пьетъ, не
ѣстъ, а выглядываетъ князей и бояръ, ищетъ себѣ борца-
бойца.

Да изъ этихъ изъ князей, бояръ
Не нашелъ себѣ поборничка,
Что поборничка — супротивничка.
Какъ возговоритъ черкасскій князь:
„Ой вы гой есте, добры молодцы!
Вы напрасно землю топчете,
У царя дарма ѣдите хлѣбъ,
Зеленó вино распиваете, *
На боку лежа, дары получаете.”—
Всѣ князья-бояре призадумались,
Со стыда носы повѣсили,
Отколь взялся тутъ крестьянскій сынъ,—
Съ ноги на ногу прихрамываетъ.
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепетываетъ:
— „Охъ ты гой еси, черкасскій князь!

Великъ ростомъ уродился ты,
Златомъ, серебромъ украсился, —
Не пытавъ силы похваляешься;
Да гляди — рано не радуйся.
На бѣду я слово вымолвлю:
Не пытай силу съ крестьяниномъ!"

Князь черкасскій закипѣлъ сердцемъ, въ гнѣвъ выскочилъ изъ-за стола и прежде, чѣмъ добрался до крестьянскаго сына, ненамѣренно выказалъ свою богатырскую силу: зацѣпилъ на бѣду за столъ, повалилъ девяносто скамей и подавилъ полтора гостей,

И схватилъ крестьянина за воротъ,
Одолѣлъ князя крестьянской сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечъ
И ударилъ объ сыру землю:
Золотые перстни у князя съ рукъ скатилися,
Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися. —
Растянулся князь черкасскій зѣмертво, —
Что князья-бояре рѣзалися,
Молодая княгиня расплакалася,
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы ручки заламывала,
Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
— „Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
Вы схватите сына крестьянскаго,
Вы убейте вора безыменнаго,
Разорвите его тѣло на мелки части,
Да и бросьте псамъ на съѣденіе". —
Какъ возговоритъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
„Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія" ⁸⁸⁾.

Значить, борьба національностей признаетъ царскимъ дѣломъ, въ ней главную роль играетъ сила крестьянская. Въ окончаніи пѣсни, приведенной г. Галаховымъ, также выражается сторона національная въ словахъ царя Ивана Васильевича на жалобы жены его, царицы Маріи Темрюковны, что деревенскій дѣтина надругался надъ ея братомъ, любимымъ его шуриномъ, Мамстрюкомъ Темрюковичемъ:

А не то у меня честь въ Москвѣ, что татары борются; То-то честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшится.

Въ этихъ же пѣсняхъ увѣковѣчился любимецъ Грознаго Малюта Скуратовъ, который вездѣ представляется кровожаднымъ злодѣемъ. Нравъ его переносится даже на его дочь, которая является героинею въ пѣснѣ о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, отравляя его на крестинахъ у князя Воротынскаго ⁸⁹).

Образъ Грознаго народъ сохранилъ и въ преданіяхъ весьма многочисленныхъ. — Совѣтуется прочесть возможно большее количество пѣсенъ о Грозномъ царѣ: онѣ выяснятъ народное представленіе о царѣ Иванѣ Васильевичѣ ⁹⁰).

Переходъ представителей юго-западнаго просвѣщенія въ Москву.

Старыхъ образовательныхъ средствъ для борьбы съ еретиками и пропагандистами не доставало. Въ самомъ дѣлѣ, влияние Византійской образованности въ XVI в. и особенно въ XVII въ значительной мѣрѣ упало. Причины такого явленія подыскать не трудно. Ближайшее знакомство съ Византійской исторіей не могло внушить русскимъ людямъ большого уваженія къ грекамъ. — „Москвичи”, пишетъ Павелъ Алеппскій, „смѣются надъ греками и ихъ Имперіей, говоря: смотрите, вотъ греческіе императоры, отъ которыхъ мы получили свѣтъ, какъ они злодѣйствовали въ св. церкви, вооружаясь противъ св. иконъ, какъ въ чадѣ развращенія и злобою преслѣдовали патріарховъ, епископовъ и весь священный чинъ, равно и всѣхъ благочестивыхъ людей и гнали ихъ хуже, чѣмъ язычники” ⁹¹). Русскіе цари, наоборотъ, были изначала блюстителями православія. Тяжелое положеніе, въ какомъ находились греки въ XVI—XVII в.в., также не осталось незамѣченнымъ въ Москвѣ. „Былъ у васъ”, говоритъ грекамъ Арсеній, „царь благочестивый, а нынѣ нѣту. И въ то мѣсто возставъ Господь Богъ на

Москвѣ царя благочестиваго". Патріархъ тоже находился въ зависимости отъ турокъ. „Не могутъ патріархи ваши по граду со кресты ходить и на главѣ креста носить и на церкви креста имѣти, надъ мертвецемъ у церкви отпѣвать и по граду нести, иль въ колокола звонить, иль на ослати ѣхать. И въ то мѣсто папы у насъ въ Москвѣ патріархъ вмѣсто Константинопольскаго". То же наконецъ случилось и съ православною святынею. „Мощей св. было у васъ (грековъ) много", говоритъ Арсеній, „и вы ихъ разносили по землямъ и нынѣ у васъ нѣту, а у насъ стало много: да и наша земли Богъ многихъ прославилъ угодниковъ своихъ" ⁹²). Лишенные прежняго политическаго и церковнаго авторитета, греки принуждены бывали нерѣдко обращаться за помощью къ Московскому Православному Государю; ихъ стали принимать не какъ учителей, а какъ просителей. Такъ, напр., встрѣчая патріарха антиохійскаго — Іоакима въ 1586 г., русскій митрополитъ Діонисій первый благословилъ его, хотя и былъ чиномъ ниже. Еще болѣе роняло авторитетъ Византіи въ глазахъ русскихъ людей та нравственная несостоятельность, какую обнаруживали греки въ несчастіи. Въ теченіе ста лѣтъ (1453—1556 г.) въ Царьградѣ поставлено было 23 патріарха, при чемъ почти всякая смѣна была насильственная, знаменовалась подкупамъ и интригами ⁹³). Патріархи и вообще духовенство, являвшіеся ко двору московскаго царя, не гнушались прибѣгать къ обману для того, чтобы вынимать у государя побольше подачекъ (напр., патріархъ Паисій въ 1649 г.) Юрій Крижаничъ также указывалъ на нравственную порчу грековъ. Такимъ образомъ не только политическій и церковный авторитетъ Византіи, но и нравственное достоинство, личность всякаго грека теряла свой престижъ въ глазахъ москвичей, которые вовсе не хотѣли принимать такихъ просителей, посылали ихъ въ Соловецкій монастырь и Сибирь или не пускали далѣе Путивля. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что въ это время (XVI—XVII в.в.) въ Византіи уже нельзя было получить хорошаго высшаго образованія: православные греки должны были ѣздить въ западно-европейскіе католическіе университеты для того, чтобы пройти высшій курсъ наукъ и тѣмъ самымъ возбуждали еще больше недовѣріе со стороны Москов-

скаго правительства. Изъ грековъ, напр., въ Славяно-Греко-Латинскую Академію допускались по проекту 1682 года лишь тѣ, которые принесутъ отъ вселенскихъ патріарховъ свидѣтельство о крѣпкомъ утвержденіи своемъ въ восточной вѣрѣ; кромѣ того, они, по прибытіи своемъ въ Россію, должны были подвергаться освидѣтельствуванію въ вѣрѣ, „дабы кто-нибудь изъ нихъ не сдѣлалъ того же, что нѣкогда сдѣлалъ еретикъ Исидоръ, російскій митрополитъ”. Политическій, церковный и нравственный авторитетъ Византіи, нѣкогда имѣвшей большое вліяніе на русскихъ людей, какъ видно, утрачивалъ мало-помалу свое значеніе въ ихъ глазахъ; притока изъ Византіи новыхъ образовательныхъ средствъ для удовлетворенія потребностей въ просвѣщеніи и для борьбы съ пропагандой ожидать было нечего.

Такимъ образомъ русскому обществу, потерявшему опору, какую оно доселѣ находило въ Византійской образованности, грозила опасность не выдержать этой борьбы, опасность тѣмъ болѣе значительная, что и католическая и протестантская пропаганды, несомнѣнно, таили въ себѣ политическіе замыслы. Смута еще болѣе показала, что можно ожидать Москвѣ отъ Польши и Швеціи, а война изъ-за Малороссіи ознакомила русскихъ людей и самого царя съ польско-литовскимъ бытомъ. Наконецъ положеніе южно-русскихъ выходцевъ, которымъ тяжело было подчиняться польскому вліянію и церковной уніи, а также постоянныя сношенія съ Малороссіей, естественно указывали на сторону, откуда можно было почерпнуть готовыя духовныя средства и силы, нужныя для защиты православія.

Уровень образованія въ юго-западной Россіи стоялъ гораздо выше, чѣмъ въ Руси Московской. Борьбою съ католическою пропагандою прославились не только отдѣльныя лица, какъ напр., кн. А. Курбскій, кн. К. К. Острожскій, кн. М. Оболенскій, Троицкій игуменъ Артемій, но и церковныя братства во Львовѣ, Луцкѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ. Во главѣ этого движенія въ 1631 г. стала Кіево-Могилянская коллегія, (съ 1701 г. Кіевская академія), преобразованная митрополитомъ Кіевскимъ Петромъ Могилой изъ Божоявленскаго братства.

Новое учрежденіе внесло съ собой и новое направленіе. Въ братствахъ преобладали греческій языкъ и греческое образованіе; въ академіи—латинскій языкъ и латинское образованіе. Но юго-западная образованность тѣмъ не менѣе отличалась односторонностью и довольно бѣднымъ содержаніемъ. Хотя въ академіи и преподавались православный катехизисъ, а также арифметика, пѣнѣтика, риторика, философія и богословіе на западно-европейскій ладъ, хотя западно-русскіе писатели нерѣдко, кромѣ чисто-богословскихъ свѣдѣній, обращались къ естественнымъ наукамъ, къ исторіи и къ философіи, но не всѣ эти знанія имѣли значеніе постольку, поскольку служили для богословскихъ цѣлей и для полемики въ защиту православія. Схоластическіе приемы средневѣкового знанія отживали свой вѣкъ въ западной Европѣ, но пришлось весьма кстати для юго-западной Россіи во время ея борьбы противъ польско-католической пропаганды. Съ такимъ же направленіемъ юго-западная образованность стала переходить и въ Московскую Русь.

Въ Московскомъ государствѣ XVII в. и общество и правительство уже сознавали необходимость поднять уровень народнаго образованія, какъ духовнаго средства для защиты церкви и государства. По частной иниціативѣ въ Москвѣ начинаютъ возникать школы. Въ 1649 г., напримѣръ, Ѳ. М. Ртищевъ основалъ школу при Андреевскомъ братствѣ, а въ 1666 г. и прихожане церкви Іоанна Богослова подали царю челобитную, въ которой испрашивали у него разрѣшенія устроить училище въ своемъ приходѣ. Для характеристики того же настроенія весьма важенъ проектъ, повидимому, составленный въ 1682 г. частнымъ лицомъ (мнимый указъ царя Ѳеодора Алексѣевича). Авторъ его предлагаетъ устроить школы, но уже не духовныя, а ремесленныя и профессиональныя „для обученія возрастающихъ гражданъ ремесламъ, наукамъ и благимъ нравамъ, ибо человекъ кромѣ (безъ) ученія человекомъ именоваться не можетъ для того, что не вѣсть, какъ (почему) онъ человекъ“, а образованностью достигается „благословенство“ каждаго народа ⁹⁴). Но частная иниціатива въ дѣлѣ образованія народнаго вскорѣ смѣнилась правительственной. Лица, высказывавшія передовые взгляды на народное образованіе, считали наиболѣе

удобнымъ передать его въ руки правительства. Юрій Крыжаничъ, напр., требовалъ знанія не только духовнаго ученія (священнаго писанія, нравственнаго и спекулятивнаго богословія), но и мірскаго, которое дѣлилъ на прикладныя знанія (сельское хозяйство, ремесла, наука о торговлѣ), математику (арифметика, музыка, геометрія, астрономія) и философію (логика, физика, этика). Ученый сербъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ своимъ царямъ заботиться объ образованіи: „Цари, если вы любите троны и скипетры“, пишетъ онъ, „то любите образованность; чрезъ это вы долго будете царствовать. Любите свѣтъ мудрости всѣ, кто держитъ власть въ народахъ”⁹⁵). Та же тенденція придать образованію официальный характеръ проглядываетъ и въ привиллегіи 1682 г. „Людямъ неученымъ, читаемъ мы здѣсь, польскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, лютерскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ у себя въ домахъ не держать, не читать ихъ, за неимѣніемъ довольнаго сужденія, и чтобы не было сомнѣнія въ нашей вѣрѣ”⁹⁶).

Правительство, дѣйствительно, не замедлило овладѣть дѣломъ народнаго образованія. Андреевское братство скоро соединено было съ официальнымъ учебнымъ учрежденіемъ въ Чудовѣ, основаннымъ патріархомъ Никономъ. Іоанно-Богословское училище тоже вскорѣ заглохло; его затмила Славяно-Греко-Латинская Академія, основанная при царѣ Ѳеодорѣ въ 1679 г. подъ названіемъ Элліно-Греческаго училища. Здѣсь рѣшено было „поставить сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, а также философіи разумительной, естественной и правовой, даже до богословія, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія”. Всѣ эти науки направлены были къ тому, чтобы поддержать греческую образованность и вѣру, упавшія на востокъ, и охранять православіе отъ иновѣрныхъ лжеученій; естественно поэтому, что академія должна была уличать еретиковъ, которые на основаніи ея обвиненій могли быть подвергнуты суду и казни. Но для подобнаго рода школъ, особенно высшихъ, нуждались въ учителяхъ; греки, получившіе образованіе въ католическихъ университетахъ и, слѣдовательно, возбуждавшіе сомнѣнія въ ихъ правовѣрїи, мало пригодны были для препода-

даванія въ академіи. — Поэтому греческіе ученые, какъ, напри-
мѣръ, Арсеній и извѣстные братья Іоанникій и Софроній Ли-
худы, вскорѣ замѣнены были западно-русскими кіевскими пре-
подавателями: Епифаніемъ Славинецкимъ, Арсеніемъ Сатанов-
скимъ и Симеономъ Полоцкимъ.

Вскорѣ за тѣмъ Московская академія могла предста-
вить и собственныхъ питомцевъ, русскихъ людей, кандидатами
на профессорскія должности. Ѳеодоръ Поликарповъ, Николай
Головинъ, Каріонъ Истомина, а также Палладій Роговскій
были наставниками въ ней. Въ виду ортодоксальныхъ цѣлей,
какія преслѣдовало правительство при основаніи Славяно-Гре-
ко-Латинской Академіи, доступъ въ нее открытъ былъ
однимъ грекамъ и русскимъ. Воспитанники обучались грам-
матикѣ, пиитикѣ, риторикѣ, физикѣ и логикѣ. Ортодоксально-
официальное академическое образованіе отличалось при
этомъ служилымъ характеромъ: привиллегія 1682 г. допускала
„неблагородныхъ въ государскіе чины, въ стольники, стряпчіе и
другіе только за ученіе“; впрочемъ, въ силу тойже привиллегіи
(можетъ быть, позднѣйшаго происхожденія) благородные по-
лучали право на тѣ же чины безъ какихъ бы то ни было огра-
нченій⁹⁷⁾. Когда протекторомъ академій (въ 1701 г.) сталъ быв-
шій воспитанникъ Кіевской коллегіи—Степанъ Яворскій⁹⁸⁾, то и
Московская академія преобразована была по образцу Кіев-
ской.—Представители юго-западнаго просвѣщенія такимъ обра-
зомъ съ преобразованіемъ и перенесеніемъ академіи на другую
почву и въ другія условія — болѣе удобныя и выгодныя — не
замедлили перейти вмѣстѣ съ ней въ Москву.⁹⁹⁾

Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ломоносовъ, какъ про- свѣтителіи русскаго общества¹⁰⁰⁾.

По вѣрности и глубинѣ взгляда на науку и посвѣщеніе, по
дѣятельности своей для распространенія знаній въ Россіи, Ѳео-
фанъ долженъ быть названъ предшественникомъ Ломоносова,
какъ просвѣтителя русскаго общества. Мысль о необходимо-

сти просвѣщенія, которую такъ ревностно проводилъ и словомъ и дѣломъ Теофанъ Прокоповичъ, одушевляла собою и Ломоносова. Теофанъ Прокоповичъ доказывалъ пользу знаній, настаивалъ на открытіи училищъ, составлялъ правила для нихъ и заводилъ школы самъ, на свои собственные средства. Кроме того, обширность свѣдѣній свидѣтельствовала о неутомимомъ трудолюбіи и изумительной памяти его, а сила размышленія, характеръ знаній и пониманіе духа науки показываетъ, какъ высоко онъ стоялъ въ сравненіи съ окружавшими его русскими и иностранными учеными. Еще въ Римѣ, на школьной скамьѣ, онъ понялъ бесплодность схоластики и съ жаромъ юности предался изученію отцовъ греческой и римской церкви и классическихъ писателей древняго міра: Демосѣена, Квинтиліана, Тацита и др. Возрѣніе Прокоповича на науку превосходно выражено въ словахъ духовнаго регламента¹⁰¹. Идея науки, передаваемая Теофаномъ въ мѣткихъ чертахъ, относящихся къ области знаній вообще, получила у Ломоносова болѣе опредѣленный характеръ. Ломоносовъ высшую задачу науки полагалъ въ изученіи силъ природы, которое должно было оказать свое вліяніе на часть русскаго общества, не чуждавшуюся умственного труда. Теофанъ дѣйствовалъ преимущественно отрицательно, уничтожая суевѣрныя, враждебныя наукѣ понятія, господствовавшія въ массахъ и даже въ кругу людей, заправлявшихъ послѣдними. Ломоносовъ старался дать и положительную основу тѣмъ представленіямъ, которыя долженъ имѣть о явленіяхъ, окружающихъ человѣка, всякій, не лишенный любознательности и привыкшій думать и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ думахъ и выводахъ. Самыя условія той среды, въ которой дѣйствовалъ Теофанъ, и той, въ которой подвизался Ломоносовъ, не представляли рѣзкаго различія между собою, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ умственной жизни. Вслѣдствіе этого много общаго между Теофаномъ и Ломоносовымъ не только въ томъ, что оба они боролись за идею науки и просвѣщенія, отстаивая ее отъ нареканій со стороны невѣжественной части общества, но и въ выборѣ данныхъ для подкрѣпленія своей мысли, во взглядѣ на преобразованія Петра Великаго и на отношеніе новаго начала къ старому, наконецъ, въ са-

момъ тонѣ нападеній ихъ на упорныхъ сторонниковъ того, что съ такою настойчивостью стремилась истребить реформа.

Оеофанъ Прокоповичъ и Ломоносовъ съ одинаковымъ восторгомъ и жаромъ говорятъ о реформѣ Петра Великаго. Подобно Оеофану, Ломоносовъ восхваляетъ ее во всѣхъ ея подробностяхъ, отъ новаго покроя платья до новыхъ знаній и искусствъ; истинное благо Россіи видитъ онъ въ заведеніи флота, въ устройствѣ войска и администраціи, въ путешествіи царя по чужимъ странамъ, въ учрежденіи Синода, въ изданіи регламентовъ и уставовъ. Въ великую заслугу преобразователю онъ ставитъ то, что „математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, благоговѣйное почитаніе, въ освященной Петровѣ особѣ, приносилось” ¹⁰³).

Подобно Оеофану, Ломоносовъ возсталъ противъ грубаго невѣжества и заносчиваго полужнанія, и въ обличительныхъ словахъ его слышатся, какъ и у перваго, то неудержимое негодованіе и протестъ, то злая и ѣдкая насмѣшка. Прокоповичъ любилъ распространяться о вредѣ для религіи и науки отъ неразумнаго вмѣшательства напыщенныхъ всезнаекъ, упивающихся наивною увѣренностью въ собственной мудрости. Ломоносовъ утверждаетъ, что наука и религія дружно стремятся къ одной цѣли, и разладъ между ними поселяютъ люди, увлекаемые тщеславныхъ желаніемъ блистать своею мнимою мудростью ¹⁰³). Старина съ ея отжившими вѣрованіями и ихъ своекорыстными блюстителями представляется въ комическомъ свѣтѣ и у Оеофана и у Ломоносова. Въ драмѣ ¹⁰⁴). Прокоповича представлена забавная картина искалѣченныхъ боговъ: безногій Ладѣ, богъ плясокъ, не можетъ исполнять своего призванія; Мокошь съ отбитымъ носомъ не слышитъ запаха кадилъ; Жериволь и Куроядъ плачутъ надъ погибшими источниками своихъ доходовъ. Въ знаменитомъ посланіи Ломоносова изображается ужасъ суевѣрныхъ приверженцевъ стараго культа при мысли, что Плутонъ, Веста, Діана и все множество боговъ безжалостнымъ образомъ принуждены вертѣться день и ночь, напрасно отыскивая мѣстечка, гдѣ бы успокоиться отъ вѣчнаго круговращенія. Жрецы въ отчаяніи, что люди поняли наконецъ, что всѣ эти Марсы, Нептуны, Зевесы не стоятъ не только

жертвоприношеній, но даже дровъ подъ жертвы, а жрецы, слѣдовательно, совершенно напрасно поѣдаютъ приносимыхъ богамъ воловъ и ягнятъ. По мнѣнію Ломоносова, свѣтъ знаній задерживается пуще всего упорнымъ противодѣйствіемъ лицемѣровъ, отъявленныхъ враговъ науки и просвѣщенія ¹⁰⁵). „Вели всегдашнюю брань съ наукой лицемѣры“, говоритъ Ломоносовъ, — и въ этой мысли, какъ и во многихъ другихъ воззрѣніяхъ, онъ вполне сходится съ Петромъ Великимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ ¹⁰⁶).

Состояніе общества во время Д. И. Фонвизина и новыя идеи Императрицы Екатерины II въ воспитательномъ значеніи. ¹⁰⁷

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ, если смотрѣть на него, какъ на драматическаго дѣятеля въ плеядѣ сценическихъ писателей, является третьимъ сатирикомъ, бичующимъ общественное зло съ театралныхъ помостковъ. Аблесимовъ и Княжнинъ, повидимому, уже подготовили для него удобную почву. Первый, по свойству своего таланта, выводилъ на сцену недостатки и заблужденія только простонародья; второй коснулся пороковъ средняго и городского сословія. Д. Фонвизинъ далеко опередилъ обоихъ драматурговъ. Поставилъ себѣ опредѣленную задачу — изслѣдовать и показать обществу крайности воспитанія, онъ проникъ своимъ тонко-наблюдательнымъ умомъ и въ аристократическую семью и въ глушь непроглядную, въ помѣщичій провинціальный бытъ, гдѣ умственная дѣятельность покоилась въ глубокомъ снѣ, гдѣ о нравственныхъ и религіозныхъ основахъ воспитанія не могло создаться даже представленія, гдѣ животныя инстинкты процвѣтали во всей силѣ, подавляя всякое доброе проявленіе. Сфера аблесимовскаго юмора была узка и ограничена; насмѣшка Княжнина расширила поле наблюденій для комическаго писателя; фонвизинскій же юморъ переступилъ границы бытовой жизни и проникъ въ

другую область, — высшую, гдѣ начинается уже не общественная, а государственная дѣятельность. Сценическія произведенія Фонвизина отличаются отъ другихъ не одною ядовитостію насмѣшки надъ тѣмъ, что достойно посмѣянія; въ нихъ уже проглядываютъ общественныя и правительственныя задачи и даже государственные вопросы, постановка которыхъ зависѣла отъ времени, а рѣшеніе — всецѣло отъ самодержавной власти. Поэтому литературная и драматическая его дѣятельность имѣетъ болѣе общественнаго и историческаго значенія, чѣмъ заслуги трехъ его предшественниковъ: Сумарокова, Аблесимова и Княжнина. Всѣ комедіи его тѣсно связаны съ новыми идеями вѣка и съ мудрыми предначертаніями Великой Екатерины. Но, такъ какъ пьесы его касаются не однихъ царившихъ въ обществѣ пороковъ и заблужденій, но и принимаемыхъ императрицею для искорененія общественнаго зла мѣръ, необходимо въ самомъ краткомъ очеркѣ сказать о современномъ автору общественномъ строѣ жизни и о мѣропріятіяхъ правительства къ смягченію грубости нравовъ полуобразованнаго, а въ большинствѣ невѣжественнаго дворянства.

Преобразованія Петра Великаго сильно двинули Россію впередъ; но это движеніе замѣтно было лишь въ тѣхъ слояхъ, которые или ютились около двора, или занимали видныя мѣста по службѣ и почетныя должности, масса же помѣщиковъ-дворянъ, жившая вдали отъ столицъ, пребывала въ полномъ коснѣніи и невѣжествѣ. Если немногіе изъ нихъ рѣшались изъ желанія выдвинуться давать своимъ дѣтямъ кое-какое воспитаніе на французскій манеръ, то послѣднее не только не содѣйствовало смягченію нравовъ и прирожденной грубости, не только не развивало и не укрѣпляло честныхъ и добрыхъ началъ въ воспитываемыхъ, а скорѣе нравственно уродовало молодежь того времени. На такую видимую порчу, на недостатокъ въ молодомъ поколѣніи „благонравія и простоты“ указывалъ даже Сумароковъ, но не со сцены, къ чему у него не доставало творческихъ силъ, а въ академической рѣчи подъ заглавіемъ „Слово на открытіе Академіи Художествъ“. На тѣ же растлѣніе нравовъ и недостатокъ „благонравія“, зависящіе отъ фальшиваго воспитанія, указывалъ другой высокопоставленный и всесторонне-обра-

зованный дѣятель — митрополитъ Платонъ въ произнесенномъ въ 1765 году словѣ своемъ о воспитаніи. Вотъ что сказалъ, между прочимъ, наставникъ въ вѣрѣ наслѣдника Русскаго престола: „Воспитаніе состоитъ въ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ не лѣнностну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, снисходительну: въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила“. Такой высокой задачи, конечно, не могло даже и коснуться воспитаніе, занесенное съ чужой стороны и приписываемое чуждой русской натурѣ рукою. Если подражательное воспитаніе приносило больше вреда, чѣмъ пользы въ столицахъ, тѣмъ разрушительнѣе дѣйствовало оно вдали отъ послѣднихъ, въ глуши непробудной, куда на воспитательныя должности судьба забрасывала подонки, отребіе иностранной цивилизации. За разрѣшеніе поставленныхъ временемъ новыхъ педагогическихъ задачъ взялась сама Екатерина съ непоколебимою рѣшимостью и мудрою осмотрительностью, начертавъ для того знаменитый въ исторіи и жизни русскаго государства „Наказъ“, въ которомъ статья „О воспитаніи“ занимаетъ видное мѣсто. Въ похвальному словѣ Екатеринѣ Карамзинъ говоритъ, что она желала видѣть русскій народъ столько довольнымъ и счастливымъ, сколько далеко довольство и счастіе простираться могутъ. Независимо отъ этого великаго пожеланія мудрая императрица хотѣла видѣть свой народъ на такой высотѣ, чтобы она уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія и гражданской жизни. Но для выполненія такихъ высокихъ задачъ не годились прежніе воспитатели, нужны были „новые люди“, которыхъ могло создать лишь правильное нравственное воспитаніе, состоящее не въ одномъ лишь книжномъ обученіи, по принятому схоластическому, развивающему память, способу. По мнѣнію Екатерины, одно ученіе безсильно производить истинно-хорошихъ, истинно-полезныхъ гражданъ; нужно поставить на первомъ планѣ воспитаніе нравственное,

„чтобы съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце“. Но такое благотворное, долженствующее создать „новую породу людей“, воспитаніе не могло бы достигать цѣли, если дѣти воспитывались бы дома, оставаясь при породѣ старой, или зараженной ложными понятіями, или совсѣмъ не воспитанной и огрубѣлой. Отсюда вытекала настоящая необходимость отдѣлить дѣтей на весь періодъ воспитательнаго возраста отъ старой породы. Съ этою цѣлью не только преобразовываются училища, открытыя въ предыдущія царствованія, но и основываются новыя, совершенно другого типа — закрытыя: въ Москвѣ въ 1763 году Воспитательный Домъ, въ Петербургѣ при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ въ 1764 году Воспитательное общество для дѣвицъ благороднаго сословія, а въ 1765 г. другое при немъ — отдѣленіе для дѣвицъ мѣщанскаго сословія. Цѣль такихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній ясна сама собой: отдѣлить отъ „старой породы“ дѣвочекъ, чтобы онѣ, получивъ новое, религіозно-нравственное воспитаніе, по возвращеніи черезъ нѣсколько лѣтъ домой, какъ порода новая, т. е. нравственно возрожденная, могли внести въ свою старую семью новыя понятія, могли смягчать нравы людей старыхъ и надлежащимъ образомъ воспитывать младшихъ членовъ ея. Цѣль истинно прекрасная. Но при этомъ было выпущено одно крупное обстоятельство, будетъ ли въ силахъ новая порода людей выдержать, при столкновеніи со старою, далеко неравную борьбу, — достаточно ли она къ этому подготовлена, указаны ли ей средства къ успѣшной борьбѣ, и не отступить ли она послѣ битвы, сознавая свое молодое, неопытноо безсиліе. Нѣтъ сомнѣнія, что ни высокія идеи „Наказа“, примѣняемыя къ новому воспитанію, ни энергичныя благотѣтельныя мѣропріятія законодательницы не могли сразу подготовить ни общество ни самую „новую породу людей“ къ разрѣшенію такихъ вопросовъ. Нужно было указать старой породѣ ея заблужденія и недостатки, поставить ее лицомъ къ лицу со своею зачерствѣлою грубостью, невѣжествомъ, самодурствомъ, доходившимъ иногда до безчеловѣчія, съ гибельною переимчивостью и безсознательнымъ подражаніемъ чужому, французскому, какъ бы оно ни было пагубно и тлетворно. Не

сатира нужна была, которая бичевала бы зло, то лаская, то кусая, — нужна была комедія если не аристофановская, то, по крайней мѣрѣ, съ молюеровскимъ пошибомъ. И вотъ, полнымъ, національно-русскимъ представителемъ такой комедіи явился Денисъ Фонвизинъ.

Державину выпала завидная доля — быть пѣвцомъ Екатерины, увѣковѣчить въ Фелицѣ ея имя и дѣла; доля Фонвизина была еще выше и почтеннѣе, хотя не блестяща тою величавостью, которая поражаетъ читателя. Онъ явился бытописателемъ и указчикомъ тѣхъ трудностей, съ которыми столкнулись новыя воспитательныя мѣропріятія. Въ живой набросанной смѣлою рукою художника картинѣ рельефно указалъ онъ современному обществу гибельныя послѣдствія ложно привитаго иноземнаго воспитанія, грустныя попытки матерей охранять своихъ недорослей отъ школьной науки, печальные плоды грубости нравовъ и невѣжества и наконецъ столкновение лицомъ къ лицу „новой породы людей” со старою. Императрица, радушно поощрявшая даже маленькіе таланты, поняла, что Фонвизинъ, подобно любимцу Людовика XIV, Мольеру, облегчаетъ ея государственный трудъ и стремленіе выработать въ своемъ подданномъ чело вѣка, которого могла бы уважать, поняла важность его литературной дѣятельности и осыпала комика своими милостями и вниманіемъ. Такому блестящему литературному положенію Фонвизина содѣйствовало чисто-русское, основанное на религіи и знакомствѣ съ служебно-догматическою литературою воспитаніе.

Сентиментальное направленіе въ произведеніяхъ Карамзина.

Карамзинъ, по природѣ впечатлительный, развившійся подъ вліяніемъ европейскихъ умовъ, проникается пламеннымъ усердіемъ къ добру, любовью къ просвѣщенію, которое въ его глазахъ высшее благо для чело вѣчества. Чѣмъ меньше было вокругъ него этого животворящаго свѣта, тѣмъ больше любовь

его должна была обращаться въ страсть и тѣмъ сильнѣе въ немъ обнаруживалось стремленіе въ просвѣтительную сферу. Чѣмъ больше его идеальный міръ расходился съ дѣйствительностью, тѣмъ сильнѣе меланхолическое чувство овладѣвало имъ. Очень понятно, что, при такихъ стремленіяхъ духа, онъ долженъ былъ пристраститься къ тѣмъ европейскимъ писателямъ, которые въ то время особенно дѣйствовали на впечатлительныя натуры, представляя счастье человѣка не въ дѣйствительномъ, а въ мечтательномъ мірѣ, и находя высшее удовлетвореніе въ исключительной жизни сердца, въ однихъ интересахъ чувствъ. Отсюда и одностороннее стремленіе къ такимъ интересамъ, отсюда и болѣзненная слабость сердца, производящая слезы при всякомъ нарушеніи душевной гармоніи. Изъ такихъ писателей Ж. Ж. Руссо сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ на Карамзина; по его собственнымъ словамъ, душа Руссо въ это время переселилась въ его душу. Вотъ какимъ юношей отправляется онъ въ путешествіе: пылкій, чувствительный, мечтательный, онъ не могъ отдаться всецѣло изученію какой-либо одной науки, одной специальности; онъ уважалъ ихъ всѣ, такъ какъ онѣ всѣ ведутъ къ просвѣщенію; но онъ искалъ жизни для сердца, впечатлѣній въ той средѣ, которая цѣлыя столѣтія развивалась подъ вліяніемъ знаній, облагораживая образъ человѣка.

Перейдемъ къ „Письмамъ русскаго путешественника“ и другимъ произведеніямъ Карамзина.

Первое письмо Карамзина даетъ какъ бы тонъ всѣмъ прочимъ его письмамъ, характеръ которыхъ удивительно выдержанъ. Въ немъ именно то противорѣчіе, въ какое автора поставила его болѣзненная чувствительность, а съ этимъ вмѣстѣ и страданіе, какъ слѣдствіе ненормальнаго положенія: мысли его несутся въ просвѣщенную Европу, сердце его ожидаетъ найти много пріятныхъ впечатлѣній; тамъ онъ повѣритъ, насколько примѣнимъ въ дѣйствительности тотъ чистый идеалъ человѣка, который развился въ немъ; но исполненіе этихъ заветныхъ его мечтаній вдругъ нарушаетъ гармонію, какою наслаждалось его сердце въ кругу его друзей; оно производитъ не легкую грусть, свойственную душѣ при разлукѣ, а болѣзнь, причиняющую сильныя страданія. Такъ страдать можетъ чело-

вѣкъ, котораго насильно отрываютъ отъ его родного круга, и у котораго въ виду только скука и одиночество. Въ слѣдующихъ письмахъ каждый разъ это чувство возобновляется въ авторѣ, когда онъ вспоминаетъ о своихъ друзьяхъ.

Главный интересъ швейцарскихъ писемъ опредѣляется слѣдующими словами путешественника: „и такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной природы, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ“. Въ другомъ письмѣ онъ восклицаетъ: „Ахъ, друзья мои, не должно ли мнѣ благодарить судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи! Я благодарю ее отъ всего сердца“. Это великое и прекрасное онъ находитъ въ швейцарской природѣ и свои письма наполнилъ ея описаніемъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный, онъ не могъ не увлекаться и красотами природы, не могъ не отдаваться ей всѣмъ своимъ сердцемъ и нерѣдко также впадалъ въ крайности въ своихъ чувствованіяхъ. Его воображеніе рисовало идиллическія картины, предъ которыми онъ умиляется, забывая несовершенства дѣйствительной жизни. При такомъ отношеніи къ природѣ онъ выказываетъ полное сочувствіе къ самой простой жизни: его не тревожитъ никакое честолюбивое стремленіе; оно было ему чуждо и во всю его жизнь.

Въ его повѣстяхъ лучшіе люди являются чувствительными и нѣжными; представляя дѣйствія и лица въ сферѣ русской жизни, онъ не обращаетъ вниманія на національныя черты характера, не спрашиваетъ, могли ли такіе люди развиваться при данной обстановкѣ, для него важно выяснить только человѣческія стороны, облагородить ими личность, показать, что во всякое время и во всякомъ званіи только эти черты и возвышаютъ человѣка; ихъ и должно искать для оцѣнки каждаго. Все это имѣло нравственное значеніе въ томъ обществѣ, гдѣ человѣкъ болѣе оцѣнивался по его внѣшнимъ обстоятельствамъ. Въ „Бѣдной Лизѣ“ авторъ проводитъ мысль, что природа развиваетъ въ человѣкѣ чувствительность, простосердечіе, нѣжность,

трудолюбіе, доставляетъ ему чистыя радости; но ими не можетъ долго наслаждаться тотъ, кто росъ въ другой сферѣ съ слабымъ и вѣтренымъ характеромъ, хотя бы и съ добрымъ сердцемъ; онъ только вноситъ зло въ простую жизнь людей, зло, которое остается на его совѣсти и нерѣдко лишаетъ его покоя. Повѣсти Карамзина, дѣйствительно, должны были смягчать многія грубыя сердца, пробуждая въ нихъ чувствительность и состраданіе къ людямъ.

Въ исторіи Карамзинъ является патріотомъ и нравственнымъ человѣкомъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему остаться вѣрнымъ своему направленію, почему и трудъ его не просто ученый, но и патріотическій. Правда, патріотизмъ и вмѣстѣ съ нимъ сентиментализмъ иногда мѣшаютъ ему проще и вѣрнѣе посмотрѣть на дѣло, зато любовь къ отечеству вдохновляетъ историка, дѣлаетъ его художникомъ и, вмѣсто сухого разсказа, даетъ живое изображеніе событій и лицъ. Исторія его не страдаетъ отъ критики, которая справедливо указываетъ на невѣрное изложеніе нѣкоторыхъ фактовъ, на невѣрный взглядъ на нѣкоторыя эпохи и на излишній сентиментализмъ.

Сентиментализмъ, введенный на нѣкоторое время въ нашу литературу Карамзинымъ, и массонскій мистицизмъ подготовили въ обществѣ сочувствіе къ нѣмецкому романтизму, въ духъ котораго сталъ писать В. А. Жуковскій.

Трудъ Н. М. Карамзина „Исторія Государства Россійскаго“, его положительныя и отрицательныя стороны.

Ученые приемы, выработанные А. Шлецеромъ, получили дальнѣйшее примѣненіе, благодаря трудамъ Румянцевскаго кружка и исторіографа руссійскаго Н. М. Карамзина. Критическое изданіе важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи Россіи было въ началѣ XIX в. настоятельною потребностью нашей исторіо-

графіи: первоначально вело его, впрочемъ, довольно неудачно Московское общество исторіи и древностей (осн. въ 1804 г.); дѣло оживилось, благодаря матеріальнымъ средствамъ, щедро предоставляемымъ гр. Н. П. Румянцевымъ на служеніе русской наукѣ, его постоянному и живому участию въ ея судьбахъ (особенно съ 1812 года) и покровительству молодымъ, начинающимъ ученымъ. Митрополитъ Евгеній (Большовитиновъ), занимавшій независимое положеніе въ этомъ кружкѣ, далѣе Малиновскій, Строевъ и Калайдовичъ, а еще позже и Востокъ (не говоря о менѣе важныхъ дѣятеляхъ этого времени) открыли множество новыхъ памятниковъ (напримѣръ Святославовъ Изборникъ и Судебникъ Ивана III) и актовъ (открытыхъ Строевымъ въ разныхъ провинціальныхъ хранилищахъ съ 1817 года), издали Софійскій временникъ, а также собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ и вмѣстѣ съ учеными нѣмцами (Лербергомъ, Кругомъ и Френомъ) подарили русскую исторію рядомъ ученыхъ монографій по археологіи, археографіи, литературѣ, праву и исторіи вообще.

Либеральный цензурный уставъ 1804 года открывалъ болѣе широкое поле дѣятельности и для русской журналистики и литературы, которая находилась подъ вліяніемъ сентиментализма Геспера и Стерна, романизма Ричардсона и оптимизма Шарля Бонне (Bonnet). На этой почвѣ сложились литературные вкусы Н. М. Карамзина (1766—1826). Въ противоположность кружку лицъ, занимавшихся мелкими, хотя и въ высшей степени полезными работами по части аналитической работы надъ памятниками нашей старины, Карамзинъ попытался представить общій ходъ русской исторіи въ научно-литературной синтезѣ. Авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“ воспользовался для своего труда громаднымъ лѣтописнымъ матеріаломъ; исторіографъ, къ сожалѣнію, не былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ литературныхъ памятниковъ, имѣющихъ, однако, весьма важное значеніе для нашей исторіи (какъ напримѣръ, Паннонскими житіями, житіями Бориса и Глѣба, словомъ нѣкоего Христюбца, Домостроемъ и Тверскою лѣтописью), а также не сумѣлъ воспользоваться дѣлами и книгами текущаго приказнаго дѣлопроизводства. Собранный имъ матеріалъ Ка-

рамзинъ подвергъ строгой научной критикѣ; кропотливыя изысканія по этой части можно найти въ его примѣчаніяхъ, которыя до сихъ поръ имѣютъ большое значеніе. Провѣривъ факты, Карамзинъ излагаетъ ихъ прекраснымъ литературнымъ языкомъ по періодамъ, которыхъ, по его мнѣнію, было три: древнѣйшій — отъ Рюрика до Іоанна III; средній — отъ Іоанна до Петра, и новый — отъ Петра I до Александра I; „система удѣловъ была характеромъ первой эпохи: единовластіе—второй, измѣненіе гражданскаго строя и обычаевъ третьей”. По этимъ періодамъ авторъ слѣдитъ за исторіей государства русскаго. Многіе упрекали Карамзина за подобную постановку вопроса. Но, во-первыхъ, въ то время едва ли возможно было писать исторію русскаго народа; это ясно показало неудавшееся предпріятіе Н. Полевого; во вторыхъ, самый взглядъ Н. М. Карамзина далеко не такъ неправиленъ, какъ это думали въ древней Россіи (а исторія Карамзина, какъ извѣстно, доведена лишь до вступленія династіи Романовыхъ): историческаго движенія въ прошлой судьбѣ нашего общества, дѣйствительно, почти не замѣчается ¹⁰⁸).

Карамзинъ по образованію не былъ ни филологомъ ни юристомъ; до того времени, какъ онъ приступилъ къ составленію своей исторіи, онъ занимался публицистикой и литературой. Это отразилось и на характерѣ его сочиненія. Прагматизмъ Карамзина полностью, разумѣется, далекъ отъ близоруккаго прагматизма князя Щербатова. Карамзинъ, по собственнымъ его словамъ, „описываетъ дѣянія не врозь по годамъ и днямъ, но совокупляетъ ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти, смотритъ на свойство и связь явленій, всему указываетъ свое мѣсто”. Тѣмъ не менѣе исторіографъ не обращаетъ вниманія на главные начала, лежавшія въ основаніи нашего развитія, не старается изъ нихъ вывести все остальное; онъ въ большинствѣ случаевъ довольствуется художественнымъ изображеніемъ цѣлаго ряда картинъ, на неясномъ фонѣ которыхъ выдѣляются яркіе образы отдѣльныхъ лицъ, нарисованные мастерскою рукою. Картины эти освѣщены довольно искусственно, такъ какъ нашъ историкъ находился подъ вліяніемъ литературныхъ преданій XVIII вѣка. Сентиментализмъ введенъ

былъ Карамзинымъ не только въ русскую литературу, но отчасти и въ область русской исторіи. Къ сентиментализму примѣшивалась у него общая историкамъ XVIII вѣка склонность выставлать нравственное поучительное значеніе историческихъ событій и лицъ. Ошибка Карамзина вмѣстѣ съ другими состояла не столько въ самомъ взглядѣ, сколько въ способѣ его осуществленія. Карамзинъ не давалъ говорить явленіямъ и событіямъ русской исторіи самимъ за себя; онъ говорилъ за нихъ и, какъ человѣкъ съ совершенно иными понятіями, далеко не всегда попадалъ въ тонъ. Наконецъ, нѣсколько вредило историку и сильно развитое патріотическое чувство.

Трудъ Карамзина имѣлъ большое значеніе какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ отношеніи. Своимъ богатымъ запасомъ свѣдѣній, критическими замѣтками и нѣкоторыми взглядами „Исторія Государства Россійскаго” сильно подвинула впередъ ученую разработку русской исторіи; если самъ Карамзинъ и не создалъ школы, зато много позднѣйшихъ историковъ воспиталось на его сочиненіи; оно написано было прекраснымъ языкомъ и отличалось художественнымъ изложеніемъ: быстро распространяясь среди русскаго образованнаго общества, оно облегчало ему изученіе русской исторіи, пріучало сознательно относиться къ своему прошлому, а для молодого нараставшаго поколѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ служило поучительнымъ и благороднымъ чтеніемъ.

Но трудъ исторіографа важенъ не только въ положительномъ отношеніи; онъ заставилъ лицъ, несогласныхъ съ направленіемъ и учеными взглядами его автора опредѣленнѣе высказать свои собственныя воззрѣнія. Карамзинъ еще находился подъ сильнымъ влияніемъ идей XVIII вѣка. Въ началѣ XIX вѣка однако не менѣе обнаруживается новое теченіе въ западно-европейской исторической и философской литературѣ, а подъ влияніемъ послѣдняго и у насъ стали цѣнить „Исторію Государства Россійскаго” съ новой точки зрѣнія. Критическіе приемы, выработанные Шлецеромъ, стали уже недостаточны. Нибуръ въ своей древне-римской исторіи показалъ, до чего можетъ дойти тонкій критическій анализъ; Гизо и Тьери, Раумеръ и Ранке старались указать начала, которыми разъясняется ходъ

средневѣковой и новой исторіи и изображали ее въ научно-художественныхъ образахъ безъ всякой примѣси прежняго сентиментализма, поучительности и чрезмѣрнаго патріотизма; Шеллингъ и Шлегель разсматривали исторію съ точки зрѣнія философіи и теософіи; первый въ исторіи видѣлъ прогрессивное откровеніе Божества ¹⁰⁰⁾, второй стремился разяснить поступательное движеніе человѣчества съ католической точки зрѣнія. Новое историческое и философское направленіе западно-европейской мысли не прошло не замѣченнымъ и у насъ. Его представителями были М. Т. Каченовскій и Н. А. Полевой.

Обзоръ направленій въ исторіи русской словесности.

Древняя русская письменность и новая отечественная литература развивались въ зависимости отъ политическаго и духовнаго роста постепенно слагавшагося и утверждавшагося государства. Съ X по XX вв. тянется длинный рядъ крупныхъ историческихъ событій, изъ которыхъ ни одно не обходилось нашему народу безъ серьезныхъ столкновений то съ южными, то съ западными, то съ восточными чуждыми ему племенами. Изъ этихъ племенъ одни стояли въ культурномъ отношеніи значительно выше, обогащенные наслѣдіемъ классической древности, другія слишкомъ низко, находясь еще до настоящаго времени едва ли не въ дикомъ, первобытномъ состояніи. Но какъ первыя, такъ и вторыя въ большей или меньшей мѣрѣ оказывали свое благотворное и вредное вліяніе на бытъ и на пробужденіе умственной жизни русскихъ. Въ области нашей литературы, какъ и въ самой дѣйствительности, первымъ важнымъ явленіемъ слѣдуетъ признать введеніе на Руси христіанства. Оно подчинило съ самымъ первымъ шагомъ русскую письменность византійскому направленію, которое въ эпоху Іоанна IV понемногу уступаетъ мѣсто схоластическому, послѣдовательно смѣняющемуся, въ свою очередь, со времени петровскихъ преобразованій западно-европейскими теченіями мы-

сли: ложноклассическимъ, сентиментальнымъ, романтическимъ, реальнымъ и другими.

I.

Древній и средній періоды русской словесности подъ вліяніемъ принятія христіанства усваиваютъ преимущественно религиозный характеръ. Содержаніе не только произведеній церковной письменности, но памятниковъ политическаго, юридическаго и семейнаго быта строго преслѣдуетъ чисто духовныя цѣли, проводя въ жизнь душеспасительныя идеи благочестія, любви къ родной землѣ, почтеніе къ княжеской и родительской власти и упорно искореняя въ народѣ остатки язычества. Религиозный элементъ получаетъ еще болѣе преобладающее значеніе въ сочиненіяхъ древне-русской письменности, такъ какъ они съ самаго начала составлялись по образцамъ византійской литературы, гдѣ достигъ крайняго развитія аскетизмъ. Кромѣ того, трудно было бы ожидать отъ нея свѣтскаго характера, когда она всецѣло сосредоточилась въ монастыряхъ и писателями являлись главнымъ образомъ духовныя лица. Въ лѣтописяхъ историческія событія освѣщаются воззрѣніями ихъ составителей, которые иной критической оцѣнки фактовъ, какъ ссылки на Божью милость и попущенія или кары Всевышняго, не примѣняютъ. Интересы вѣры стоятъ на первомъ планѣ и въ хожденіяхъ паломниковъ и въ описаніяхъ путешествій въ чужіе края. Самые виды произведеній письменности суть проповѣди, слова, поученія, житія святыхъ, посланія, а также духовные стихи, легенды, апокрифы. Къ религиозно-аскетическому духу содержанія нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда примѣшивается полемическій тонъ, а компилятивность матеріала большею частью сочетается съ подражательнымъ характеромъ формы. Слогъ у однихъ духовныхъ ораторовъ, какъ напр., у Луки Жидята, Ѳеодосія Печерскаго, отличается простотою и ясностью, у другихъ, усвоившихъ риторическіе приемы византійскихъ писателей, — витіеватостью; у Иларіона и Кирилла Туровскаго рѣчь изобилуетъ символизмами,

параллелизмами, антитезами, аллегоріями, ісравненіями, вопрошеніями, обращеніями, длинными періодами и прочими фигурами, затруднявшими паствѣ пониманіе ихъ сочиненій.

Хотя въ эпоху Іоанна Грознаго жизнь московской Руси значительно осложняется и громче заявляетъ о своихъ насущныхъ потребностяхъ въ области государственной, земской и частной, тѣмъ не менѣе религіозный строй ея не колеблется, а еще болѣе упрочивается. Идеалъ царя въ „Перепискѣ Іоанна Грознаго съ княземъ Андреемъ Курбскимъ” и идеалъ домовладыки въ „Домостроѣ” Сильвестра ищутъ себѣ и находятъ освященіе въ догматахъ христіанской церкви. Однажы въ XVI вѣку накапливается отъ прошлаго такъ много жгучихъ записовъ неудовлетворенной дѣйствительности, что ограничиваться назиданіями отвлеченнаго характера не достаточно и приходится прибѣгнуть къ рѣшенію ихъ въ практическомъ смыслѣ. Результатомъ дѣятельности московскаго собора 1551 г. явился „Стоглавъ”, указавшій темныя стороны русской жизни и мѣры къ устраненію ея неустройствъ. Такимъ же живымъ памятникомъ назрѣвшихъ вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ царской власти и подданныхъ, въ особенности бояръ, служатъ „Переписка Іоанна Грознаго съ кн. Курбскимъ” и „Исторія князя великаго московскаго”. Совѣты „Домостроя”, при всей религіозности его автора, отличаются практическимъ направленіемъ.

II.

Византійское вліяніе на древнюю письменность Руси, игравшее важную роль при ея возникновеніи также по части разработки разнообразныхъ видовъ словесныхъ произведеній и литературной рѣчи, съ паденіемъ Царьграда и перемѣною политическихъ событій не могло уже пользоваться прежней своей силой, и съ легкой руки кн. Курбскаго начинается въ Москву проникать распространившаяся въ XVI и XVII вв. въ Европѣ и перешедшая въ Польшу схоластика. Послѣдняя не пренебрегала свѣтской наукой и въ этомъ заключается ея положитель-

ная сторона. Въ первую эпоху своего развитія она была выраженіемъ челоѣческой пытливости и отважно стремилась къ разрѣшенію трудныхъ вопросовъ. Но, сдѣлавшись орудіемъ іезуитской пропаганды католицизма, она оскудѣла въ своемъ содержаніи и всѣ усилія направила на выработку ловкихъ приемовъ и богатой формы для полемической и школьной литературы. Философскія ученія и риторика Аристотеля, Димитрія Александрійскаго, Цицерона и Квинтилиана способствовали строго-логическому построенію разсужденій. Какъ сильное средство въ рукахъ іезуитовъ, схоластика побудила православное населеніе юго-западной Руси, ради защиты своего національнаго положенія и вѣры, приняться за усвоеніе образованности. Въ Западной Европѣ наука уже сдѣлала огромные успѣхи, и невольно приходилось отстававшему въ умственномъ развитіи народу пересаживать ее на родную почву.

„Южно-русская проповѣдь, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей юго-западной литературы, г. Терновскій, не отличалась самостоятельностью. Какъ древніе русскіе проповѣдники до XV вѣка слагали свои поученія, руководствуясь греческими святоотеческими поученіями, такъ южно-русскіе проповѣдники XVI и XVII вв. подражали въ своихъ проповѣдяхъ латинско-польскихъ образцамъ. Они заимствовали отъ латино-польскихъ образцовъ: 1) систематическое построеніе проповѣди, по опредѣленному плану; 2) развитіе и обогащеніе ея разнообразнымъ и занимательнымъ содержаніемъ; 3) особенности въ слогѣ, тонѣ и внѣшнихъ приемахъ изложенія”. Такимъ образомъ въ юго-западной Руси, а затѣмъ и въ сѣверо-восточной несмотря на преслѣдованіе ими чисто религіозныхъ задачъ, схоластическое направленіе сообщаетъ литературѣ до нѣкоторой степени свѣтскій характеръ. Но, вслѣдствіе перевѣса вычурной, напыщенной, безжизненной формы надъ бѣднымъ содержаніемъ, западно-европейская наука слабо вліяетъ на Руси на пробужденіе умственной дѣятельности, заковывая мысль въ искусственныя, мертвыя фразы. Сочиненія нашихъ писателей этой поры мало отражаютъ въ себѣ современную жизнь русскаго общества. Професоръ Н. Ѳ. Сумцовъ такъ характери-

зуетъ схоластическое направленіе литературы XVII ст. съ ея выдающимися представителями: „Очагомъ научнаго движенія служить Кіево-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Литература характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди, или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительно большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; южно-русскій элементъ появляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству: наклонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство, исключаяющее даже самую возможность появленія строго-историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайній панегиризмъ. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности. По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣтели тридцатыхъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣтели шестидесятихъ, семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галатовскій, Антоній Радивилевскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Голятовскій”.

Впрочемъ, при многихъ своихъ недостаткахъ схоластическое направленіе оказало чрезвычайно замкнутой въ самой себѣ и односторонне развивавшейся до-петровской литературѣ существенную пользу тѣмъ, что расширило кругъ духовныхъ интересовъ внесеніемъ въ нее образовательныхъ мотивовъ.

На ряду съ представителями кievской учености Симеономъ Полоцкимъ, св. Димитріемъ Ростовскимъ, Елифаніемъ Славинецкимъ, Теофаномъ Прокоповичемъ, Стефаномъ Яворскимъ и другими въ Москвѣ появляются поборники русскихъ самобытныхъ началъ Юрій Крижаничъ, нашъ первый славянофилъ, и Котошихинъ.

III.

Преобразованія Петра Великаго, „прорубившаго, по выраженію поэта, окно въ Европу“, произвели полный переворотъ какъ въ русской жизни, такъ и въ литературѣ. Просвѣщеніе призвано было царемъ прежде всего служить практическимъ цѣлямъ отечества. Дѣятельность духовенства въ своей сферѣ значительно суживается: на его обязанность ложатся только богослуженіе, отправленіе церковныхъ требъ, подготовка священнослужителей и обученіе Закону Божию. Съ открытіемъ специальнымъ и профессиональных учебныхъ заведеній, образованіе принимаетъ свѣтскій и утилитарный характеръ. „Съ самаго же начала, въ первыя времена новаго періода, новое образованіе, замѣчаетъ И. Порфирьевъ, должно было служить ближайшимъ практическимъ цѣлямъ государства, согласно волѣ Петра Великаго, который результаты, добытые европейскою наукою, хотѣлъ тотчасъ же перенести въ русскую жизнь и примѣнить ихъ къ ея потребностямъ, посредствомъ воспитанія нужныхъ для этого дѣятелей, ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, военныхъ и чиновниковъ. На образованіе такимъ образомъ, естественно, долженъ былъ явиться взглядъ служебный, какъ на орудіе государственныхъ цѣлей, — для приготовленія дѣятелей и чиновниковъ на разныхъ мѣстахъ государственной службы. Отсюда главною заботою должно было сдѣлаться заведеніе школъ профессиональных. Вопросъ объ общемъ образованіи, какое необходимо для всякаго человѣка вообще, въ какомъ бы званіи и службѣ онъ ни находился, явился уже впоследствии, только въ царствованіе Екатерины II, когда стали сознавать необ-

ходимость образованія общечеловѣческаго и заботиться о воспитаніи въ готовящихся на ту или другую службу прежде всего умныхъ, добрыхъ и честныхъ людей, о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи". Научные труды и литературныя произведенія получаютъ иное назначеніе: они служатъ источниками и средствами для ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ состояніемъ жизни не только отечественной, но и всемірной. Богатство и разносторонность содержанія и простое изложеніе признаются главными достоинствами сочиненій.

Съ Петра I русская словесность распадается на духовную и свѣтскую; въ послѣдней чисто-религіозный элементъ замѣняется научно-образовательнымъ, нравственнымъ, эстетическимъ и сатирическимъ, при чемъ начинаетъ вырабатываться особый слогъ, близкій къ разговорной рѣчи и всѣ болѣе удаляющійся отъ формъ ц.-славянскаго языка. Развитіе русской литературы въ новый періодъ ея совершается подъ вліяніемъ твореній древнихъ и новыхъ классиковъ, которыя, благодаря личнымъ заботамъ государя, образуютъ у насъ богатый отдѣлъ переводной литературы въ противоположность оригинальной.

Сближеніе съ иностранными народами сообщило подражательный характеръ нашей поэзіи, но не уничтожило окончательно ея самобытности. Въ сатирахъ Кантемира, въ одахъ Державина и въ комедіяхъ Фонвизина при всѣхъ значительныхъ заимствованіяхъ этихъ писателей не утратились ни мѣстный колоритъ, ни національный духъ. Между тѣмъ наша словесность въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ пережила разнообразныя направленія англійской, французской и нѣмецкой литературъ. Однимъ изъ самыхъ продолжительныхъ и значительныхъ по вліянію было ложно классическое.

IV.

Ложноклассицизмъ, возникшій во Франціи въ XVI вѣкѣ и достигшій своего блестящаго развитія въ царствованіе Людовика XIV, распространился въ позапрошломъ столѣтіи въ Германіи, откуда былъ перенесенъ Ломоносовымъ и въ нашу сло-

весность. Ложноклассическая теорія, созданная французскимъ писателемъ Буало, крайне стѣсняла поэтическое творчество, препятствуя свободному выраженію національнаго духа, ограничивая сферу изображенія жизни и искажая дѣйствительность неестественнымъ воспроизведеніемъ ея. Она, преклоняясь передъ античными художественными образцами и слѣпо подражая имъ въ формѣ и содержаніи, признавала современную жизнь съ ея простой обстановкой недостойной поэтического возсозданія и съ пренебреженіемъ относилась къ народному творчеству. Въ эпосѣ, драмѣ и лирикѣ отводилось мѣсто лишь лицамъ высокаго происхожденія, какъ-то: царямъ, героямъ и ихъ сподвижникамъ, которыхъ авторы приравнивали въ своемъ сверхъестественномъ превознесеніи къ богамъ. Введеніе въ сочиненія языческихъ боговъ и мифологическихъ героевъ, обращеніе къ музамъ, 'чрезмѣрное восхваленіе людей не согласовались съ воззрѣніями поэтовъ-христіанъ и являлись явнымъ нарушеніемъ художественной правды. Неправильное пониманіе ученій Аристотеля и Горация вызывало превратное толкованіе достоинствъ того или другаго вида изящной словесности; вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ драмѣ считались необходимыми три единства, стѣснявшія развитіе сценическаго дѣйствія. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить напыщенность языка, поддѣльный восторгъ, упоминаніе словъ пою и лира, не соотвѣтствовавшихъ обстановкѣ и положенію писателя новаго времени, наконецъ введеніе сложной любовной интриги и одностороннюю обрисовку характеровъ людей, либо исключительно добродѣтельныхъ, либо безусловно порочныхъ. Пользованіе сюжетами древне классической литературы, мифологии и исторіи дѣлало поэтическія произведенія почти недоступными для необразованнаго большинства. Указывая на общій характеръ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера, И. Порфирьевъ говоритъ: „Въ нихъ мы находимъ постоянно пять дѣйствій, подраздѣленныхъ на множество явленій; строгое соблюденіе правилъ единства времени, мѣста и дѣйствія, которыя были выведены французской теоріей изъ неправильно понятаго характера древне-греческой трагедіи, и соблюденіемъ которыхъ хотѣли придать театральнымъ представленіямъ болѣе вѣроятности и близости къ дѣйствительности,

преобладаніе эпическаго и лирическаго элементовъ надъ элементомъ собственно драматическимъ, т. е. длинные рассказы вѣстниковъ о событіяхъ, происходящихъ внѣ сцены, и разговоры наперсниковъ и наперсницъ, замѣнившіе собою хоры древней трагедіи; заимствование драматическихъ лицъ и событій изъ древнихъ эпохъ, навязываніе древнимъ лицамъ современныхъ воззрѣній и вообще несоблюденіе исторической вѣрности въ изображеніи историческихъ лицъ и событій; вмѣсто изображенія въ драматическихъ лицахъ полного характера или настоящаго челоуѣка олицетвореніе одного каково-нибудь чувства или страсти, какой нибудь добродѣтели или порока". Таковы выдающіеся недостатки теоріи Буало, требованія которой болѣе или менѣе тщательно соблюдались какъ Ломоносовымъ, такъ и его послѣдователями. Но въ ложно-классицизмѣ между многими отрицательными сторонами есть также положительныя. Послѣднія обнаруживаются во всѣхъ трехъ родахъ поэзіи. Ложноклассическая лирика имѣетъ то достоинство, что авторъ высказываетъ въ ней свои идеальныя мысли и желанія, которыя нерѣдко служили содержаніемъ одъ. Въ эпической поэзіи положительною стороною ложноклассицизма можно считать то обстоятельство, что изъ нея мы знакомимся съ народными взглядами на важность того или другого событія, а также съ идеальными мыслями поэта о торжествѣ добродѣтели, и правой вѣры надъ зломъ и заблужденіями. Въ драмѣ писатели выставляютъ на видъ пошлости жизни и противоплагаютъ имъ добродѣтели, что доказываетъ ея благотворное вліяніе на общество, нравы и воззрѣнія котораго, сверхъ того, въ ея изображеніи съ теченіемъ времени становятся достояніемъ исторіи. О трагедіи Сумарокова вышеупомянутый историкъ русской словесности замѣчаетъ: „Въ нихъ много живыхъ и горячихъ сценъ; монологи и рассказы дѣйствующихъ лицъ часто проникнуты возвышенными чувствами; въ ихъ уста Сумароковъ влагалъ нерѣдко тѣ же гуманныя идеи о свободѣ, вѣротерпимости, воспитаніи и образованіи, власти и управленіи государствомъ, какія тогда проводились въ лучшихъ сочиненіяхъ европейскихъ литературъ”.

V.

Слабыя стороны ложноклассицизма, крайне стѣснявшія поэтическое творчество, препятствовавшія свободному выраженію индивидуальнаго и національнаго духа и ограничивавшія сферу изображенія жизни, вызвали въ европейской литературѣ новое направленіе, появленіе котораго обусловливалось также историческими перемѣнами въ политическомъ строѣ западныхъ государствъ.

Съ паденіемъ феодализма и возвышеніемъ средняго сословія, буржуазіи, общественная жизнь въ западной Европѣ получаетъ новый характеръ: интересы меньшинства, т. е. аристократіи, уступаютъ мѣсто потребностямъ большинства, слагающагося не только изъ высшаго класса, но изъ всѣхъ сословій населенія. Общее благосостояніе, нравственное достоинство челоѣка и развитіе личности полагаются съ этихъ поръ въ основаніе государственнаго быта, какъ главные условія его духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія. Правда, эти начала не сразу завоевываютъ себѣ господство въ дѣйствительности, но провозглашеніе новыхъ принциповъ жизни производитъ постепенный переворотъ въ воззрѣніяхъ, стремленіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ европейскаго общества XVII и XVIII вв.

Подъ влияніемъ новаго порядка вещей зародилось на Западѣ литературное направленіе, поставившее своей задачею, въ противоположность господствовавшему раціонализму, будить челоѣческое чувство путемъ болѣе естественнаго, простаго изображенія явленія и событій народной жизни. Основоположникомъ его считается англійскій юмористъ Стернъ, который называлъ его „сентиментальнымъ“. Въ произведеніяхъ послѣдователей этого направленія: Ричардсона, Жанъ Жака Руссо, Бернардена-де-сенъ-Пьера, Лессинга и другихъ, особенный интересъ пріобрѣтаетъ изображеніе сферъ семейной, общественной и простонародной жизни съ ихъ обыденными нуждами, невзгодами и тяжкимъ трудомъ, съ тихими радостями и скромными порывами, съ добродушными, сердечными людьми. Описывая происшествія, почерпнутыя изъ повседневной жизни, и вы-

бирая по преимуществу явленія, волнующія душу, сентименталисты сами невольно поддавались чувствительному настроенію; „говоря отъ сердца, они тѣмъ вѣрнѣе достигали своей цѣли”: ихъ произведенія трогали сердца читателей не цвѣтами краснорѣчія, не внѣшними эффектами, не торжественнымъ величіемъ героевъ, но простотою и задушевностью.

Сентиментализмъ въ русскую литературу былъ введенъ Карамзинымъ и оказалъ замѣтное вліяніе на развитіе отечественной словесности. Несмотря на то, что русская жизнь сложилась при иныхъ историческихъ обстоятельствахъ, чѣмъ на Западѣ, нравственное состояніе нашего общества въ позапрошломъ и въ началѣ XIX вѣка нуждалось въ гуманномъ воздѣйствіи на его характеръ, и потому новое направленіе представлялось не излишнимъ заимствованіемъ или подражаніемъ образцамъ чуждой литературы, а своевременной потребностью собственной, служа какъ бы огранически продолженіемъ ея всего предшествовавшего роста. Удобную почву для его насажденія подготовила императрица Екатерина II своими философскими идеями, законодательными и педагогическими мѣропріятіями и новымъ характеромъ народнаго просвѣщенія, въ основу котораго полагалось прежде всего воспитаніе юношества, т. е. развитіе въ молодыхъ людяхъ добрыхъ душевныхъ свойствъ — „благонравія” и честныхъ принциповъ — „чести”, „долга”, а не исключительно практически полезныхъ, слѣдующихъ на разныхъ поприщахъ государственной службы лицъ. Въ это царствованіе огромный интересъ возбуждаютъ въ обществѣ разнообразныя нравственныя ученія, каковы теоріи энциклопедистовъ Дидро, Вольтера, Жанъ Жака Руссо, масоновъ и англійскихъ моралистовъ. Лучшимъ проводникомъ ихъ въ русскую среду считается журнальная и издательская дѣятельность Н. И. Новикова и его кружка.

Сентиментализмъ нашель въ Карамзинѣ горячаго поклонника, что объясняется какъ природными наклонностями писателя, такъ и нѣкоторыми особенными обстоятельствами его жизни. Съ дѣтства будущій историкъ уже отличался крайнею чувствительностью, которая впослѣдствіи развилась также подъ вліяніемъ чтенія англійскихъ и французскихъ сентиментальныхъ

романовъ. Къ ней располагала его и ранняя смерть матери, которой онъ лишился въ младенчествѣ. Эта потеря навсегда придала его чувствительности оттѣнокъ меланхолии, тихой грусти. Душевное настроеніе Карамзина еще болѣе способствовало усвоенію и пересадкѣ на русскую почву европейскаго сентиментализма. Сознавая сухость и неестественность ложноклассическихъ произведеній, которыя могли только убить въ публикѣ охоту къ чтенію, онъ старался расположить общество къ литературѣ, дѣйствуя своими сочиненіями не на умъ, а на сердце читателя. „Творенія французской Мельпомены, пишетъ онъ изъ Франціи о ложноклассической драмѣ, славны и будутъ всегда славны красотою слова и блестящими стихами; но, если трагедія должна глубоко трогать сердце или ужасать душу, то д'Аламберъ сказалъ вполнѣ справедливо, что всѣ ихъ пьесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра". Въ 1793 году въ статьѣ „Что нужно автору?" Карамзинъ еще опредѣленнѣе высказываетъ свои взгляды на личныя достоинства писателя, какъ истиннаго художника: „Говорятъ, пишетъ онъ, что автору нужны таланты и знанія, острый, проникательный разумъ, живое воображеніе и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, есть ли хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ не мерцающимъ; есть ли хочетъ писать для вѣчности и собирать благословія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя.

„Ты хочешь быть авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго — и есть ли сердце твое не обольется кровію, оставь перо, — или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей.

„Но, есть ли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыть путь въ чувствительную грудь твою; есть ли душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру; можетъ

питать въ себѣ святое, никакими сферами не ограниченное желаніе всеобщаго блага: тогда смѣло призывай богинь Парнаскихъ — онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешь бесполезнымъ Писателемъ — и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

„Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія — все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляешься чувствомъ; есть ли не оно разгорячаетъ воображеніе Писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою“. Въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“ читателя поражаютъ трогательная привязанность автора къ друзьямъ, къ неодушевленнымъ предметамъ, къ родинѣ, къ природѣ, отвращеніе ко всякимъ насильственнымъ политическимъ переворотамъ, сочувствіе къ патріархальному складу семейной жизни и ко всему гуманному. Они своимъ богатымъ содержаніемъ и простымъ естественнымъ, плавнымъ и звучнымъ языкомъ дали сильный толчокъ развитію въ русскомъ обществѣ благородныхъ чувствъ, интереса къ чтенію и эстетическаго вкуса. Карамзина упрекали въ употребленіи галлицизмовъ, но эти обвиненія падаютъ сами собою, если принять во вниманіе, что онъ внесъ въ литературу много новыхъ идей и понятій, требовавшихъ соотвѣстнаго выраженія и не находившихъ необходимыхъ словъ рѣ русской рѣчи. Въ сентиментальномъ духѣ написаны Карамзинымъ его повѣсти „Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“. Героиня первой повѣсти взята изъ простой среды, и идеализація крестьянской дѣвушки, невзирая на нѣкоторыя несообразности въ изображеніи личности съ ея положеніемъ, не исключаетъ возможности подобныхъ типовъ въ жизни. Эрастъ, поверхностно воспитанный молодой чело-вѣкъ, — живой представитель порочнаго общества, современнаго не только автору, но и намъ. Въ повѣсти гармонически сочетались три элемента: идиллическій, лирическій и сатирическій. Поэтому не удивительно то глубокое впечатлѣніе, которое она произвела на читающую публику. Вторая повѣсть, содержаніе которой заимствовано изъ исторіи, отличается реальной обрисовкой фактовъ и лицъ, безъ всякой примѣси фантасти-

ческаго елемента, присущаго ложноклассическимъ романамъ. Нѣжная взаимная любовь Натальи и Алексѣя, ихъ терпѣніе и мужество не могли не касаться чувствительныхъ струнъ чело-вѣческой души. Сентиментализмъ Карамзина отразился и въ его „Исторіи Государства Россійскаго“. Строгая нравственная оцѣнка историческихъ дѣятелей, при весьма правдивомъ изло-женіи фактовъ, составляетъ отличительную особенность его труда и является прямымъ слѣдствіемъ его личного склада ду-ши и міровоззрѣнія. Въ основаніе сентиментальнаго настроенія Карамзина легли гуманность и высокое уваженіе къ чело-вѣче-скому достоинству. Въ виду такого направленія, литературная дѣятельность его, какъ писателя, историка и публициста, ока-зала огромныя услуги русскому просвѣщенію и направила раз-витіе нашей словесности на вѣрный путь, а именно къ болѣе многостороннему, реальному и естественному воспроизведенію дѣйствительности.

Если въ наше время произведенія автора „Писемъ Рус-скаго Путешественника“ представляются проникнутыми неумѣ-ренной чувствительностью, граничащей съ приторностью, то этимъ нисколько не умаляется значеніе ихъ для общества кон-ца XVIII и начала позапрошлаго столѣтій, когда господство крѣ-постного права поддерживало чрезвычайную грубость нравовъ и широко царило невѣжество. Но нельзя не признаться, что сен-тиментализмъ постепенно выродился подъ перомъ нѣкоторыхъ поэтовъ и писателей въ слезливое, фальшивое творчество и сталъ отрицательно относиться къ наукѣ и цивилизаціи.

VI.

Сентиментальное направленіе, нанеши въ литературѣ ев-ропейской и русской сильныя удары ложноклассицизму, въ свою очередь, подготовило новое движеніе мысли — роман-тизмъ, провозгласившій тожество жизни и поэзіи. Онъ воз-никъ въ Германіи въ концѣ XVIII столѣтія подъ вліяніемъ про-будившагося интереса къ рыцарской средневѣковой поэзіи и стремленія къ подражанію ея образцамъ, отличавшимся фанта-стическимъ характеромъ. Собираніе произведеній народнаго

творчества: мифовъ, сказокъ, легендъ и пѣсенъ постепенно подготовливало почву къ изученію національнаго быта. Въ этомъ отношеніи новое направленіе внесло много оригинальнаго и плодотворнаго въ нѣмецкую литературу, въ которой примѣру братьевъ Шлегелей и Тикъ послѣдовали поэты первой величины Гете и Шиллеръ. Ихъ баллады отразили въ себѣ всѣ лучшія стороны средневѣковаго романтизма, развившагося на основахъ христіанства и рыцарства: порыванія человѣческаго духа отъ земной жизни къ небесной, гуманное отношеніе къ личности, готовность къ самоотверженнымъ подвигамъ, уваженіе къ женщинѣ, нравственную чистоту, любовь къ родинѣ и ея старинѣ. Задача романтиковъ заключалась въ сближеніи грубой окружающей дѣйствительности съ идеальными воззрѣніями ихъ на міръ и на человѣка. Но, такъ какъ современная имъ жизнь рѣзко расходилась съ ихъ возвышенными стремленіями и благородными чувствами, разочарованіе въ настоящемъ не могло не западать глубоко въ ихъ душу и не высказываться въ ихъ элегіяхъ. Съ теченіемъ времени романтизмъ измѣняетъ своему первоначальному міросозерцанію, принимая мистическій характеръ, и постепенно уклоняется отъ явленій текущей жизни, обращая взоры къ прошлому.

Недовольство настоящимъ, утѣшеніе въ воспоминаніи утраченнаго и упованіе на лучшее въ будущемъ становятся излюбленными мотивами той поэзіи, первымъ лучшимъ выразителемъ духа которой явился въ русской литературѣ В. А. Жуковскій, и какъ переводчикъ иностранныхъ поэтовъ и какъ авторъ оригинальныхъ сочиненій. Въ его произведеніяхъ преобладающими чертами служатъ фантастичность сюжетовъ, чудесная обстановка, туманность, неопредѣленность и таинственность идеальныхъ влеченій сердца, меланхолическая грусть, задумчивость и искренность чувствъ любви и дружбы. Внутренній міръ человѣка съ его разнобразными, но чуждыми суетныхъ тревоженій настроеніями составляетъ содержаніе эпоса, лирики и драмы нашего романтика. Обстоятельства личной жизни Жуковского нашли полное отраженіе въ его субъективномъ творчествѣ, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ правъ, утверждая, что „жизнь и поэзія одно“. Жуковскій тѣсно связывалъ

личность автора съ творчествомъ, не допуская разногласія между воззрѣніями, жизнью и сочиненіемъ писателя. Говоря о литературномъ языкѣ, онъ, подобно Карамзину, замѣчаетъ: „Знаете ли, что такое слогъ? Я здѣсь повторю слова знаменитаго Бюффона: Слогъ есть человѣкъ. Это совершенная истина. Человѣкъ на бумагѣ такой же точно, каковъ онъ есть въ самой жизни. Если человѣкъ имѣетъ ясныя мысли, и слогъ его ясенъ; если онъ чувствуетъ сильно, и слогъ его силенъ и горячъ; если онъ много знаетъ, и въ слогѣ его выражается его знаніе. Все это есть однако только основаніе слога. Къ сему основанію надо присоединить и матеріальное знаніе языка и искусство владѣть имъ, т. е. умѣть выбирать слова и помѣщать ихъ на принадлежащемъ имъ мѣстѣ. Это искусство мало-по-малу пріобрѣтается отъ навыка. Но прежде всего будьте человѣкомъ, имѣйте ясныя мысли, благородныя чувства, теплоту сердца и любовь къ правдѣ; тогда вашъ слогъ будетъ выраженіемъ прекраснаго”. Эти сложившіеся отчасти подъ вліяніемъ эстетическихъ теорій нѣмецкихъ романиковъ идеальныя взгляды на сущность поэзіи и серьезность призванія писателя онъ неоднократно высказывалъ въ своей литературной дѣятельности и, между прочимъ, уяснилъ въ письмѣ къ Н. В. Гоголю по поводу мнѣнія послѣдняго въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями” — „О томъ, что такое слово”, гдѣ юмористъ разбираетъ выраженіе Пушкина: „Слова поэта суть уже дѣла его”. „Оставивъ все прочія художества въ сторонѣ, пишетъ Жуковский, обратимся теперь къ тому, котораго матеріальъ есть слово и которое должно между всѣми занимать высшую степень, ибо оно непосредственнѣе всѣхъ ихъ изъ души истекаетъ къ поэзіи; матеріалы другихъ заимствуются извнѣ, матеріальъ поэта слово (образъ, тѣло идеи) прямо изъ души переходитъ въ форму матеріальную; прибавлю: всѣ другія художества не иное что, какъ поэзія въ разныхъ видахъ.

„Итакъ слово. Основываясь на томъ, что сказано выше о художникѣ и художествѣ, мы должны согласиться, что выраженіе Пушкина: слова поэта суть уже дѣла его — заключаетъ

въ себѣ смыслъ глубокій. Такъ: слова поэта — дѣла поэта. Не принадлежа къ разряду дѣлъ, заключающихся въ тѣсномъ кругу ежедневно, они могутъ быть разсматриваемы и въ смыслѣ художественнаго произведенія (болѣе тѣсномъ) и въ смыслѣ самого художника (болѣе обширномъ). Въ первомъ отношеніи, если художественныя произведенія удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ искусства, то художникъ правъ: онъ совершилъ свое дѣло, произведя прекрасное, которое одно есть предметъ искусства. Въ другомъ, обширнѣйшемъ смыслѣ, дѣла художника относятся не къ одному его произведенію, но къ его особенному высшему призванію.

„Обыкновенно разсуждая о искусствахъ, оставляютъ въ сторонѣ художника и творца рознать съ твореніемъ. Можно ли допускать или оправдывать такой разрывъ, не знаю, — по крайней мѣрѣ, не въ теоріи, опредѣляющей не то, что можетъ быть и бываетъ, а то, что всегда должно быть. Поэтъ творитъ словомъ, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно владѣвшей душою поэта, стремительно переходя въ другую душу, производитъ въ ней такое же вдохновеніе и ее также могущественно объемлетъ; это дѣйствіе не есть ни умственное ни нравственное, — оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ли пріобрѣтеніе какой-нибудь новой, логически обработанной идеи, въ возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественнаго произведенія, или, вѣрнѣе, смотря по духу самого художника.

„Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога, есть, такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ Нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе: поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія. Таковъ

истинный смыслъ его призванія, его великаго дара, который въ то же время есть и страшное искушеніе, ибо въ сей силѣ для полета высокаго заключается и опасность паденія глубокаго”.

Оды и въ особенности баллады Жуковского будили въ обществѣ національныя чувства и вселяли интересъ къ народному быту. Но не смотря на то, что онъ въ своихъ стихотвореніяхъ касался преданій, повѣрій, обычаевъ русскаго народа, онъ былъ все-таки далекъ отъ вѣрнаго, полнаго, всесторонняго изображенія родной дѣйствительности. Его идеализмъ былъ настолько туманенъ, отвлеченъ, что имѣлъ мало отношенія къ земному бытію, увлекая мысль читателя въ сферу небеснаго или будущаго блаженства. Подъ вліяніемъ столь отрѣшенной отъ міра поэзіи развивалась во многихъ склонность къ тихой мечтательности, къ самодовольному спокойствію и въ практической жизни люди, подобные Манилову, не находили себѣ почвы для примѣненія своихъ возвышенныхъ идей. „Важнымъ недостаткомъ романтизма въ той формѣ, какъ онъ проявлялся у Жуковского и его ближайшихъ послѣдователей, надо считать, по словамъ А. К. Бороздина, отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, слабость интереса къ фактамъ общественной жизни: поэзія сторонилась отъ житейской прозы, поднималась на идеальную высоту и въ этомъ заключалась опасность, если не примиренія со зломъ и неправдой, то индифферентнаго отношенія къ разнымъ ненормальнымъ сторонамъ окружающей обстановки. Отрекаясь отъ грязи и пошлости житейской, романтики рисковали совсѣмъ порвать связь поэзіи съ дѣйствительностью, и вмѣсто того, чтобы стать орудіемъ активнаго добра, нравственнаго совершенствованія какъ общества, такъ и индивидуума, поэзія могла сдѣлаться исключительно средствомъ квіетическаго самоуслажденія, приблизиться къ тому лимонаду, которымъ ее представлялъ Державинъ”.

Однако романтическое направленіе вообще не только проторило новые пути для дальнѣйшаго развитія нашей словесности, но также имѣло важное воспитательное и общественное значеніе. „Поэзія Жуковского, говоритъ В. Г. Бѣлинскій, воспитала нѣсколько поколѣній и всегда будетъ краснорѣчиво го-

ворить душѣ и сердцу человѣка въ извѣстную эпоху его жизни. Жуковский — это поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу. Произведенія Жуковского не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрастъ: они внятнo говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный возрастъ жизни, или въ извѣстномъ расположеніи духа, — вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковского, которое оно всегда будетъ имѣть. Но Жуковский, кромѣ того, имѣетъ великое историческое значеніе для русской поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее доступною для общества, давъ ей возможность развитія, и безъ Жуковского мы не имѣли бы Пушкина”.

VII.

Въ геніальныхъ созданіяхъ Пушкина русская литература сдѣлала гигантскіе шаги въ своемъ эстетическомъ развитіи. Великій поэтъ обладалъ всеобъемлющимъ духомъ, и потому онъ дѣйствительно былъ „эхомъ” роднаго народа и родной земли въ ея настоящемъ, прошломъ и даже будущемъ. Какъ національный писатель - художникъ, Пушкинъ — основатель у насъ такъ называемаго реального направленія. Оно заключается въ правдоподобномъ, естественномъ, простомъ воспроизведеніи жизни. Реальное изображеніе дѣйствительности не достигается однимъ лишь тщательнымъ изученіемъ ея, но требуетъ врожденной способности проникновенія въ духъ своего народа, чѣмъ одарены исключительно артистическія натуры, какою именно былъ Пушкинъ. Гоголь о немъ отзывался такъ: „При имени Пушкина тотчасъ осыплетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Никто изъ поэтовъ нашихъ не можетъ болѣе назваться національнымъ: это право принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа; это — русскій человѣкъ

въ его развитіи, въ такомъ онъ, можетъ быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла". Картины русской природы сѣверной и южной, высшій, средній и низшій слои населенія съ ихъ внѣшней и внутренней жизнью въ историческомъ и современномъ поэту состояніяхъ вѣрно и ярко отпечатлѣлись въ его поэмахъ „Кавказскій плѣнникъ", „Цыгане", „Полтава", въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ", въ „повѣстяхъ Бѣлкина", „Капитанская дочка", „Арапъ Петра Великаго", въ драмѣ „Борисъ Годуновъ", въ сказкахъ и многихъ стихотвореніяхъ. „Мысль о романѣ, говоритъ Гоголь, — который бы повѣдалъ простую, безыскусственную повѣсть прямо русской жизни, занимала Пушкина въ послѣднее время неотступно". Петръ Великій, Патріархъ, лѣтописецъ Пимень, семейства Лариныхъ, Гриневыхъ, Мироновыхъ, поручикъ Иванъ Игнатьевичъ, Пугачевъ, Алеко, Бѣлкинъ, Савельичъ, — все это живые русскіе люди, мастерски очерченные безсмертные типы. „Никогда еще ни одинъ писатель русскій ни прежде ни послѣ Пушкина, говоритъ Достоевскій, не соединялся такъ задушевно и родственно съ народомъ, какъ Пушкинъ. Пушкинъ былъ не только русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ, т. е. носилъ въ своей душѣ всю полноту лучшихъ качествъ народнаго духа: здравый умъ, прямодушіе, прекрасное, отзывчивое сердце; онъ любилъ русскую природу до умиленія, деревню зналъ и любилъ Россію и русскій народъ, желалъ ему счастья и свободы. Пушкинъ первый, будучи еще юношей, пламенно желалъ и заговорилъ объ освобожденіи крестьянъ". Такимъ образомъ новое направленіе, данное Пушкинымъ отечественной словесности, есть реализмъ, заключающійся въ жизненности, въ народности его твореній. Пушкинъ говоритъ: „Народность въ писателѣ есть достоинство, которое можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками; для другихъ оно не существуетъ или даже можетъ показаться порокомъ. Печать народности — образъ мыслей и чувствованій, обычаевъ, повѣрій, привычекъ, исключительно принадлежащихъ одному како-

му-либо народу. Климать, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную фізіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи" (Соч. Пушкина, Изданіе Литературнаго фонда подъ ред. Морозова, т. 5, стр. 31).

VIII.

Поэзія Лермонтова въ послѣдовательномъ ростѣ его таланта все болѣе и болѣе усваивала реальное направленіе, переходя отъ подражательнаго изображенія къ возсозданію національнаго. Онъ былъ чрезвычайно чутокъ своею русскою душою ко всѣмъ политическимъ и общественнымъ проявленіямъ отечественной жизни и доказательствомъ такой близости его поэзіи къ родной дѣйствительности служатъ стихотворенія: „Бородино“, „Два великана“, „Послѣднее новоселье“, „Споръ“, „Родина“, „Дума“ и т. п. Глубокое пониманіе народнаго духа и психическій анализъ русскаго челоуѣка мы находимъ въ „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича“ и въ романѣ „Герой нашего времени“; въ нихъ авторъ едва ли не успѣлъ перерости своего учителя Пушкина. Во взглядахъ на общественное значеніе поэзіи Лермонтовъ не испытываетъ того колебанія, которое порой причиняло столько мукъ душѣ поборника теоріи „искусства для искусства“. „Остался бы Лермонтовъ жить, говоритъ Достоевскій,—и мы бы имѣли великаго поэта, подобно Пушкину, тоже признавашаго правду народную, а можетъ быть, истиннаго печальника горя народнаго“. Въ своемъ прекрасномъ сжатомъ очеркѣ, недавно вышедшемъ въ печати подъ заглавіемъ; „Основной характеръ поэзіи М. Ю. Лермонтова“ А. В. Красногородцевъ указываетъ на важное значеніе сочиненій разсматриваемаго имъ поэта не только въ художественномъ, но и въ культурномъ отношеніи. „Поэтъ, говорится въ этой книжкѣ, явился борцомъ за все прогрессивное въ современномъ ему обществѣ и, поскольку былъ выразителемъ настроенія и стремленія 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія, постольку же пророкомъ глашатаемъ для родины будущихъ успѣховъ ея жизни. Подобно Пушкину, онъ ратовалъ за права личности, съ горячимъ нетерпѣніемъ ожидая того времени, ког-

да наибольшая часть родного народа узрить зарю свободы, когда русское общество проникнется гуманными идеями и чувствами и писатель получить возможность служить ему съ гражданской доблестью своимъ вѣщимъ словомъ. Прошло со времени кончины поэта болѣе полустолѣтія, и многіе его идеалы нашли себѣ осуществленіе въ его отечествѣ, но еще многое, многое таится въ его сокровенной поэзіи, что требуетъ сознательнаго отношенія [со стороны потомства, не всегда добросовѣстно оцѣнивающаго заслуги своихъ геніевъ и талантовъ. Лермонтовъ и Пушкинъ въ этомъ смыслѣ еще не успѣли сыграть своей исторической роли и отойти въ прошлое: они дышатъ вмѣстѣ съ нами нашими духовными потребностями и нуждами, напоминая намъ съ каждымъ минующимъ десятилѣтіемъ о нашемъ гражданскомъ долгѣ. Оба поэта, не примиренные съ общественнымъ строемъ своего настоящаго, если бы продлилась ихъ жизнь, навѣрное, не удовлетворились, не успокоились бы и на нынѣшнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи окружающей дѣйствительности”.

Лучшимъ выразителемъ народнаго духа послѣ Лермонтова былъ, безъ сомнѣнія, въ своихъ пѣсняхъ Кольцовъ, но недостатокъ въ образованіи отразился печально на развитіи его таланта, и потому въ исторіи русской словесности онъ сыгралъ второстепенную роль.

IV.

И Пушкинъ и Лермонтовъ при реальномъ направленіи своей поэтической дѣятельности являлись въ изображеніи жизни односторонними: первый былъ оптимистъ и касался преимущественно свѣтлыхъ, положительныхъ явленій ея; второй, несмотря на пессимистическое настроеніе души, слѣдовалъ по пути, указанному Пушкинымъ, и идеализировалъ отрицательные характеры. На долю Гоголя выпало строгое, безпристрастное отношеніе къ міру и въ особенности къ тѣмъ темнымъ сторонамъ его жизни, которыя обходили и поверхностно рисовали его предшественники. Онъ видѣлъ назначеніе литературы

въ томъ, что она должна служить „зеркаломъ народной жизни“; она по его словамъ, „должна выразить намъ русскаго человѣка вполне — и каковъ онъ есть и каковъ онъ долженъ быть“. Самобытность, упроченная Гоголемъ послѣ Пушкина въ нашей словестности, положила начало народному направленію, или, какъ принято называть, натурализму. Въ послѣднемъ завершилось сближеніе русской литературы съ родной дѣйствительностью; онъ соединяетъ въ себѣ въ равной степени и положительное и отрицательное изображенія жизни. Гоголь, какъ художникъ, является представителемъ по преимуществу отрицательнаго воспроизведенія ея и его оригинальное, своеобразное отношеніе къ темнымъ явленіямъ характеризуется словомъ „юмористическое“. Сущность этого изображенія ненормальной жизни, неправильныхъ отношеній людей и безнравственности Гоголь выясняетъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, стараясь указать, съ одной стороны, значеніе смѣха, какъ положительнаго начала для исправленія человѣка, и, съ другой стороны, назначеніе писателя-юмориста и его полезную дѣятельности. Вспомнимъ его слова о смѣхѣ въ „Тетрадномъ разѣздѣ послѣ представленія новой комедіи“. Въ повѣстяхъ своихъ „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Шинель“, „Тарасъ Бульба“ и другихъ и, въ особенности, въ „Мертвыхъ душахъ“ и въ „Ревизорѣ“ Гоголь вѣренъ выставленнымъ имъ принципамъ писателя-юмориста. вмѣстѣ съ обстоятельнымъ изображеніемъ грубыхъ проявленій крѣпостного права, общественнаго невѣжества, неправды, пустоты и другихъ пороковъ, онъ глубоко-лирическимъ тономъ выражаетъ свое недовольство современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и сострадаетъ Афанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ, Манилову, Собакевичу, Плюшкину и даже Чичикову. Онъ не ограничивается указаніемъ ихъ дурныхъ свойствъ и пошлостей, но въ то же время выясняетъ причины ихъ общечеловѣческой слабости и нравственной несостоятельности. Въ такомъ отношеніи писателя къ отрицательнымъ типамъ скрывается его человѣколюбіе.

Стремясь ко всестороннему воспроизведенію русской дѣйствительности Гоголь пытался найти въ ней идеальныхъ представителей ея и вывести положительные типы въ послѣдую-

щихъ томахъ „Мертвыхъ Душъ”. Но тяжелыя условія современнаго ему крѣпостничества и неблагопріятныя обстоятельства личной жизни, какъ-то: продолжительное пребываніе за границей и все усиливавшаяся болѣзнь не могли не препятствовать непосредственнымъ, свѣжимъ наблюденіямъ автора надъ народнымъ бытомъ и заставляли его довольствоваться письменными сообщеніями друзей и знакомыхъ; поэтому-то созданные имъ свѣтлые образы значительно уступали въ реальности ихъ обрисовки его прежнимъ отрицательнымъ. „Все это, какъ извѣстно, говоритъ А. К. Бороздинъ, по многимъ причинамъ не удалось нашему художнику, а между тѣмъ, при всей неудовлетворительности даннаго имъ рѣшенія, тѣ вопросы, которые имъ были указаны, нарождались сами собой и не были исключительно его личною потребностью, они для многихъ въ это время становились на первую очередь: не даромъ же эти вопросы религіозно-этического свойства стали удѣломъ позднѣйшей литературы, занявъ такое видное мѣсто въ творчествѣ графа Л. Н. Толстого и Достоевскаго; а тѣ типы положительныхъ героевъ, практическихъ дѣятелей въ родѣ Муразова и Костанжогло, которые совсѣмъ не удались Гоголю, становятся предметомъ исканій Гончарова и Тургенева. Этой именно не удавшейся стороной своей дѣятельности Гоголь, можетъ быть, болѣе всего отразился въ позднѣйшей русской литературѣ, тогда какъ прямыхъ подражателей его юмора, мы можемъ, съ нѣкоторой только натяжкой, видѣть развѣ въ Писемскомъ и Островскомъ, многіе типы которыхъ находятся въ зависимости отъ осмѣянныхъ Гоголемъ героевъ”.

Но эстетическія воззрѣнія и литературныя приемы Н. В. Гоголя и послѣ его преждевременной смерти оставались для русскихъ писателей священнымъ завѣтомъ. Онъ сдѣлался по удачному опредѣленію перваго истолкователя нашей послѣдующей литературы, „исходною историческою точкою” новѣйшей отечественной словесности. „Такимъ гениемъ литературной эпохи, которую переживаемъ мы до сихъ поръ, писалъ Аполлонъ Григорьевъ въ „Москвитинѣ” въ 1852 году, по всей справедливости можетъ быть названъ Гоголь. Все, что есть дѣйствительно живого въ явленіяхъ современной изящной сло-

весности, идетъ отъ него, пояснять его или даже поясняется имъ. Цѣльная, полная художественная натура Гоголя, такъ сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности". Мнѣніе прозорливаго критика вполне подтвердилось всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ нашего художественнаго развитія (Эстетическія воззрѣнія Н. В. Гоголя. Кронштадтъ 1902 года).

Х.

Съ пятидесятихъ годовъ въ продолженіе всего полустолѣтія русская литература, слѣдуя реализму натуральной школы Н. В. Гоголя, все болѣе и болѣе специализируется въ области изученія народа и въ изображеніи его быта. Новые таланты отмежевываютъ каждый себѣ особую, наиболѣе родственную и знакомую сферу воспроизведенія окружающей дѣйствительности и обстоятельно, детально, глубоко проникаютъ въ этническую, психическую, социальную и политико-экономическую сущность ея. Такое интенсивное проникновеніе въ существо жизни составляетъ оригинальную и общую черту ихъ творчества, и ею нельзя пренебрегать при уясненіи новаго литературнаго направленія. Беллетристы Тургеневъ, Григоровичъ, Писемскій, Гончаровъ, А. Островскій, Достоевскій, гр. Л. Н. Толстой, Салтыковъ, Помяловскій, Лѣсковъ, Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій, Златовратскій, А. Потѣхинъ, Печерскій, Вс. Гаршинъ, Ант. Чеховъ, Короленко, Максимъ Горькій, Лейкинъ и поэты Тютчевъ, Майковъ, Полонскій, Фетъ, гр. А. К. Толстой, Жемчужниковъ, Апухтинъ, К. Р., гр. Голенищевъ-Кутузовъ, Влад. Соловьевъ, кн. Цертелевъ, Некрасовъ, Никитинъ, Минаевъ, Надсонъ, Суриковъ, Дрожжинъ, Розенгеймъ, Фофановъ, Коринфскій, Мережковский, и мн. др. какъ бы по взаимному соглашенію распредѣлили между собою области изображаемой жизни либо по сословіямъ или классамъ населенія: дворянъ, мѣщанъ, купцовъ, духовенства, чиновничества, военныхъ, разночинцевъ, крестьянъ, рабочаго люда, либо по возрастамъ человѣка: старшее и младшее поколѣнія, интеллигентная молодежь, дѣтскій міръ, либо по

психическому складу: физическая и духовная ненормальности, либо по индивидуальному міросозерцанію и настроенію: пантеистическому, философскому, эстетическому, оптимистическому, пессимистическому, элегическому, сатирическому, либо по времени событій, либо по стилю. При господствѣ полной свободы ихъ творчества внѣшній и внутренній міры даютъ каждому изъ нихъ соотвѣтствующее богатое содержаніе, воплощаемое ими въ разнообразныя формы, благодаря которымъ литературная фizioномія одного автора отъ другого такъ же рѣзко выдѣляется на общемъ фонѣ произведеній родного слова, какъ ихъ наружности на портретахъ. Но всѣ они въ своей дѣятельности представляютъ, по выраженію Аполлона Григорьева, „развѣтвленіе“ многосложнаго художественнаго процесса Пушкина и Гоголя, подобно самостоятельно движущимся и свѣтящимся послѣ отпаденія отъ солнечной массы планетамъ.

Л. М. Шахъ-Пароніанцъ.

Лирика Жуковского, Пушкина и Лермонтова.

Поэтическое творчество Жуковского, Пушкина и Лермонтова несмотря на значительную разницу въ условіяхъ ихъ жизни и развитія дарованій, имѣетъ много общаго въ мотивахъ, характерѣ и даже формѣ произведеній. Особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ лирика, въ которой три поэта усовершенствовали преимущественно одни и тѣ же виды ея: оду и элегію, хотя и подъ вліяніемъ различныхъ литературныхъ направленій; сатира или вовсе не гармонировала съ ихъ душевнымъ настроеніемъ или слабо давала себя чувствовать, легко переходя въ думу, какъ на примѣръ, въ стихотвореніяхъ Пушкина „Чернь“, „Клеветникамъ Россіи“ и Лермонтова „Дума“ и „Первое января“. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить и тотъ важный фактъ, что они всѣ находились подъ обаяніемъ сочиненій каждаго изъ нихъ: Пушкинъ воспитывался на романтическихъ твореніяхъ Жуковского, а Лермонтовъ проникся духомъ поэзіи перваго русскаго генія, о чемъ свидѣлствуетъ ихъ взаимное

подражаніе на первыхъ шагахъ своей писательской дѣятельности, выразившееся въ разработкѣ одинаковыхъ сюжетовъ; вспомнимъ „Руслана и Людмилу” и „Мцыри”. Однако, по мѣрѣ развитія ихъ таланта, каждый изъ нихъ обнаружилъ въ лирикѣ и въ прочихъ произведеніяхъ много субъективнаго и оригинальнаго какъ въ своемъ міросозерцаніи, такъ и въ рѣшеніи разнообразныхъ эстетическихъ вопросовъ, чѣмъ обусловливается ихъ характерное различіе.

При сравненіи художественныхъ произведеній различныхъ эпохъ мы встрѣчаемся съ тѣми или иными воззрѣніями самихъ писателей на поэзію и поэтовъ. Разница во взглядахъ на сущность и назначеніе изящныхъ искусствъ вызвала много направлений въ области литературы, смѣна которыхъ находится въ зависимости отъ болѣе или менѣе успѣшнаго развитія политической и общественной жизни и распространенія просвѣщенія, а, въ частности отъ душевнаго склада, воспитанія и житейской обстановки. Что касается Жуковского, Пушкина и Лермонтова, то, хотя они жили въ одну и ту же эпоху, въ первую половину XIX столѣтія, и по многимъ пунктамъ сходились въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію, въ ихъ взглядахъ на задачи изящныхъ искусствъ, на личность, призваніе и отношеніе писателя къ обществу нельзя не отмѣтить нѣкоторой разницы.

Въ противоположность послѣдователямъ ложно-классической теоріи, три поэта были сторонниками свободного творчества и, не отрицая божественной силы вдохновенія, старались низвести поэзію съ парнаасскихъ высотъ въ круговоротъ земной жизни. Воспроизведеніе ея предполагаетъ особую, врожденную и развитую продолжительнымъ трудомъ способность человѣка или, согласно общепринятому термину, дарованіе, которое есть достояніе немногихъ. Свободное проявленіе поэтической силы превосходно выражено Жуковскимъ въ отвѣтъ графа Габсбургскаго Рудольфа пѣвцу:

Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель.

По воздуху вихорь свободно шумить:
Кто знает; откуда, куда онъ летить?
Изъ безднъ потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина
И темное чувство, изъ виднаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.

Жуковскій называетъ поэзію „земной сестрой небесной религіи“, Пушкинъ — „даромъ Бога“, а Лермонтовъ — „завѣтомъ Предвѣчнаго“. Всей своей литературной дѣятельностью они подтверждаютъ близость поэзіи къ дѣйствительности. „Жизнь и поэзія — одно“, говоритъ Жуковскій. Созданія Пушкина суть цѣльное отраженіе жизни какъ его собственной, такъ и всего русскаго народа съ многочисленными инородческими племенами. Но, стремясь сблизить дѣйствительность съ поэзіей, каждый изъ нашихъ писателей по своему смотритъ на задачу искусства. Жуковскій особенное вниманіе обращаетъ на нравственную сторону художественныхъ твореній, Пушкинъ на эстетическую, а Лермонтовъ на социальную или общественную. „Поэзія, замѣчаетъ Жуковскій, есть добродѣтель; поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію“. Для Пушкина въ поэзіи прежде всего дороги „живая прелесть стиховъ“, „сладость звуковъ“, т. е. идеалы красоты и производимое ими очарованіе. Лермонтовъ свой взглядъ на значеніе поэзіи прекрасно выразилъ въ стихотвореніи „Поэтъ“:

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ вѣнцамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

Характеръ поэзіи Жуковскаго глубоко-гуманный; поэзія Пушкина высоко-художественна, поэзія Лермонтова проникнута гражданской скорбью.

Въ связи съ различіемъ взглядовъ на задачу литературы и съ отличительнымъ направленіемъ ихъ произведеній находится разница ихъ воззрѣній на художника и призваніе его. Личность поэта опредѣляется Жуковскимъ такимъ образомъ: „стихотворецъ никогда не долженъ перестать быть человекомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества, сыномъ отечества, не долженъ пренебрегать должностей, соединенныхъ съ этими отношеніями“. Писатель, по мнѣнію Жуковскаго, не смотря на его дарованіе, нисколько не стоитъ выше обыкновенныхъ смертныхъ и только, въ виду высокаго назначенія поэзіи — служить средствомъ къ народному воспитанію, долженъ выдаваться своимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ и поведеніемъ. По сужденію Пушкина, поэтъ, хотя „межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожныхъ онъ“, — въ минуты своего вдохновенія значительно отличается отъ согражданъ: онъ пророкъ, жрецъ, божественный посланникъ, небесъ избранникъ, а не простой труженикъ, не „рабъ нужды и заботъ“. Лермонтовъ признаетъ въ поэтѣ бойца, т. е. поборника истины и добра, противника мірской вражды, злобы, эгоизма, праздности и низменныхъ, порочныхъ страстей. Возмущенный грубой и пустой жизнью общества, онъ считаетъ своимъ долгомъ выступить на борьбу съ его легкомысленными представителями: „О, какъ мнѣ хочется, восклицаетъ онъ, смутить веселость ихъ и дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью!“ Такимъ образомъ поэтъ Жуковскаго — воспитатель и учитель своего народа; поэтъ Пушкина — служитель музъ, или изящнаго искусства; поэтъ Лермонтова — общественный дѣятель. Жуковский и Лермонтовъ настойчивѣе Пушкина выставляютъ необходимость служенія поэта обществу. Пушкинъ въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ рѣшаетъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ поэта и общества весьма сбивчиво. Въ „Памятникѣ“ онъ видитъ свою заслугу передъ людьми въ томъ, что онъ развивалъ въ нихъ эстетическія и

нравственные чувства; въ „Пророкъ” Господь повелѣваетъ своему избраннику „обходя моря и земли, глаголомъ жечь сердца людей”, между тѣмъ какъ въ стихотвореніи „Чернь” поэтъ говорить непосвященной толпѣ:

„Не для жителяскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ. —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ”.

Жуковский считаетъ общество судьей поэта, тогда какъ Пушкинъ часто напоминаетъ послѣднему, что онъ не долженъ подчиняться постороннимъ толкамъ или мнѣніямъ при оцѣнкѣ своего труда.

На лирику Жуковского вначалѣ оказала замѣтное вліяніе муза Державина. Въ одахъ его отпечатались черты ложноклассицизма: возвышенный тонъ, высокопарный слогъ, гиперболы, неестественность сопоставленій, неправдоподобіе. Въ его „Пѣсни барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей” галльскій бардъ въ славянскихъ дебряхъ призываетъ послѣ битвы воиновъ „ударить въ звонкій щитъ, зажечь костры дубовъ, изрыть могильный ровъ и сложить на щиты поверженныхъ во прахъ”; въ этомъ стихотвореніи встрѣчаются такіе предметы, какъ „сверкающіе перуны”, стрѣлы и копыя, полученные изъ рукъ милой. Рядомъ со слѣдами ложноклассицизма въ одахъ Жуковского отразился сентиментализмъ въ духѣ Карамзина съ его нѣжной чувствительностью и мечтательностью. Но въ общемъ содержаніи произведеній молодого писателя, увлекшагося воинственнымъ настроеніемъ эпохи, ярко обнаружили ея горячо любящая отечество душа и искренность ея порывовъ. „Однажды, въ 1812 году, въ пору народной борьбы, онъ, говорить А. Н. Пыпинъ, явился выразителемъ общаго патріотическаго возбужденія. „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ” былъ исполненъ, безъ сомнѣнія, искреннимъ поэтическимъ воодушевленіемъ, — и онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, потому что высказывалъ господствующій энтузіазмъ, доведенное до высшей степени чувство народной личности и самосохраненія. Но до какой степени за этимъ общимъ національнымъ вопросомъ от-

существовало чувство прямой общественной дѣйствительности, — можно видѣть изъ того, что даже въ изображеніи національной борьбы Жуковский счелъ нужнымъ одѣть своихъ соотечественниковъ въ древніе или средневѣковые костюмы, и событія вызвали въ немъ только его обыкновенныя размышленія о тщетѣ земного счастья, о горести утратъ, о добродѣтели. Его мораль и здѣсь приняла оттѣнокъ романтической печали, которая вообще очень далека еще отъ реального пониманія вещей.

Но глубокія чувства Жуковского нашли себѣ полное, свободное выраженіе въ его элегіяхъ, которыя суть не что иное, какъ зеркало его благородной, гуманной личности. Онѣ написаны подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, обладаютъ его отличительными особенностями, хотя не всѣми, и въ то же время являются вѣрной характеристикой самого поэта. Онѣ проникнуты меланхолическимъ настроеніемъ, задушевностью, тоскою по утраченномъ предметѣ сердца; теплою вѣрою въ загробное счастье, упованіемъ на Провидѣніе, примиреніемъ съ настоящею, неприглядною дѣйствительностью и утѣшеніемъ при воспоминаніи минувшихъ свѣтлыхъ дней. Тихое, нѣжное чувство взаимной любви и неразрывной дружбы двухъ разлученныхъ на землѣ душъ, питающихъ надежду на вѣчную совмѣстную жизнь въ будущемъ, — вотъ основной мотивъ элегій Жуковского, между которыми къ лучшимъ принадлежатъ „Теонъ и Эсхинъ“, „Эолова арфа“, „Опять ты здѣсь, мой благодатный геній“, „Жалоба Цереры“, „Море“ и др. Туманность, неопредѣленность и отвлеченность высокихъ стремленій автора, его религіозный мистицизмъ, преисполненный привидѣній, духовъ и мертвецовъ, составляютъ характерный недостатокъ, присвоенный его лирикѣ романтическимъ направленіемъ. Гоголь весьма вѣрно очертилъ коренныя свойства поэзіи Жуковского, сказавъ, что своей литературной дѣятельностью, онъ ввелъ въ нашу поэзію до него вовсе незнакомое ей новое стремленіе, стремленіе уноситься въ область незримаго и тайнаго, въ заоблачное, чуждое всего видимаго: Впрочемъ, элегіи Жуковского реальнѣе его балладъ, и можно безошибочно утверждать, что въ нихъ оправдались болѣе его слова: „жизнь и поэзія — одно“, потому что онѣ неразрывно слиты съ со-

бытіями его личнаго существованія. Между прочими мотивами его элегій, исполненных вѣры въ жизнь и въ безсмертіе человѣческой души, особенный интересъ представляетъ взглядъ его на земное бытіе и счастье.

Все, что насъ въ нашемъ кратковременномъ пребываніи въ мірѣ радуетъ или печалитъ, возноситъ или низводитъ, имѣетъ чисто случайный, мимолетный характеръ, и настоящей жизни мы здѣсь въ сущности не знаемъ: она ожидаетъ насъ въ грядущемъ. Если и есть нѣчто вѣчное, такъ это теплое, нѣжное чувство человѣческаго сердца — любовь, которая опять-таки свое полное удовлетвореніе найдетъ гдѣ-то тамъ, въ иномъ мірѣ. Въ элегической идилліи „Сельское кладбище“ авторъ слѣдующими симпатичными чертами надѣляетъ образъ поэта: онъ добръ, любитъ природу и уединеніе на лонѣ ея, склоненъ къ тихой мечтательности, сосредоточенности и грусти, уныло смотритъ на жизнь, кротокъ сердцемъ и сочувствуетъ горю ближняго. Какъ болѣе впечатлительная и чувствительная личность, онъ способенъ глубже любить и сильнѣе ощущать взаимную привязанность дружбы, въ чемъ и заключается истинное блаженство душъ. Но идеалъ поэта внѣ здѣшняго міра: къ нему только можно постоянно стремиться, какъ къ чему-то неуловимому, манящему въ туманной дали. Испытываемое имъ очарованіе въ настоящемъ скоро преходяще, и живетъ онъ лишь однимъ воспоминаніемъ:

„Все близкое мнѣ зрится, отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ”, —

говоритъ Жуковскій въ своей элегии „Опять ты здѣсь, мой благодатный геній”. Въ другомъ стихотвореніи то же душевное состояніе поэта выражается еще рѣзче:

„О милое воспоминанье
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца, упованье
На лучшій неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ

И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ!"

Поэтъ относится съ пренебреженіемъ ко всѣмъ невзгодамъ и несчастіямъ: настоящая жизнь служить приуготовленіемъ къ небесной. Жуковскій вѣренъ своему міровоззрѣнію и въ элегіи „Теонъ и Эсхинъ", гдѣ устами Теона говорить:

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнные блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей...
Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта.

Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
О нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?"

Вообще Жуковскій не поэтъ дѣйствительности, какимъ былъ Пушкинъ: его стремленія къ идеалу не ищутъ удовлетворенія на землѣ, и въ этомъ отношеніи міросозерцанія ихъ различны. „Не такъ безнадежно смотрѣлъ Пушкинъ на настоящее, замѣчаетъ профессоръ П. И. Житецкій. И онъ задумывался надъ тайнами жизни, которыя мучили его загадочнымъ смысломъ, — но онъ любилъ жизнь, какъ она есть, и бралъ отъ нея то, что можно было взять мыслящему человѣку". Но, при романтической отторженности своихъ стремленій отъ всего бреннаго земного, Жуковскій не впалъ въ пессимизмъ, такъ какъ его душа была согрѣта вѣрой въ Провидѣніе, которая какъ бы объединяла всѣ стороны его духовнаго существа. Еще мальчикомъ онъ однажды прочелъ слова Спасителя: „Да не

смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте!" — и они всегда служили ему утѣшеніемъ въ печали.

Разнообразіе стихотворнаго размѣра, легкость и плавность рѣчи усиливаютъ впечатлѣніе, производимое задушевными пѣсами Жуковскаго на читателя. Пушкинъ въ прекрасномъ посвященіи ему отзывался о его лирикѣ такъ:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость”.

Пушкинъ, какъ послѣдователь Жуковскаго, подражалъ ему въ художественной формѣ своихъ первыхъ одъ „Наполеонъ на Эльбѣ”, „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ” и въ другихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ. Но склонность послѣдняго къ мечтательности, къ неопредѣленной грусти, стремленіе къ чему-то неземному не согласовались съ его характеромъ, и только романтизмъ любви вошелъ въ его поэзію. Въ стихотвореніи „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ” авторъ, называя Наполеона тираномъ, бичомъ вселенной, радуется его паденію и сожалеетъ, зачѣмъ онъ не славянскій Бардъ, не вдохновенный Скальдъ Россіи, чтобы воспѣть благотворный миръ и героя со златою оливой, но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ восхваляетъ воинственный духъ россовъ, вспоминая вѣкъ Екатерины II. Однако ложно-классическая форма составляетъ у Пушкина уже въ лицейскій періодъ его творчества исключеніе, а въ послѣдствіи онъ отъ нея совершенно избавляется, хотя воинственное настроеніе сохраняется въ его пылкой душѣ почти на всю жизнь и отражается какъ въ его посланіяхъ къ друзьямъ, такъ и въ одахъ въ родѣ стихотворенія „Клеветникамъ Россіи”, написаннаго съ горячимъ патріотическимъ чувствомъ.

Лирика Пушкина испытала на себѣ самыя разностороннія вліянія, начиная съ древне-классическихъ и новыхъ европейскихъ писателей, особенно Парни, Грекура, Вольтера, Шенье, Байрона и кончая русскими поэтами Державинимъ, Петровымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, Василиемъ

Пушкинымъ, и др. Его первыя стихотворенія отличаются анакреонтическимъ содержаніемъ: въ нихъ юноша-поэтъ приглашаетъ друзей и товарищей къ веселому образу жизни, воспѣвая свободу, безпечность, любовь къ женщинѣ, нѣгу, пиры, вино. Въ стихотвореніи „Добрый совѣтъ” (1817 г.) Пушкинъ говорить:

„Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнью играть;
Пусть чернь слѣпая суетится;
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтрена младость
Потонетъ въ нѣгѣ и винѣ;
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ”!

Кромѣ многочисленныхъ эротическихъ стиховъ, у поэта не мало пьесъ на болѣе серьезные мотивы, касающіеся дружбы, честнаго служенія родинѣ, свободы личности. Такъ, въ посланіи Чаадаеву онъ пишетъ:

„Пока надеждою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!”

Съ годами любовь къ родинѣ, къ природѣ и быту своего народа, интересъ къ изящному искусству, религіозное чувство, жажда самоусовершенствованія и мысль о назначеніи человѣка, а, въ частности, о смерти, занимаютъ все болѣе и болѣе мѣста въ лирикѣ Пушкина. Таковы, напримѣръ, его элегіи „Деревня”, „Къ морю”, „Опять на родинѣ”, „Брожу ли я въ доль улицъ шумныхъ”, „Отцы-пустынники и жены непорочны”, „Поэтъ”, „Эхо”, „Поэту” и прочія. Онѣ характеризуютъ лиризмъ Пушкина свѣтлымъ воззрѣніемъ на жизнь и спокойнымъ, любовнымъ отношеніемъ къ ея явленіямъ. Въ нихъ онъ является не только реальнымъ художникомъ, но и первымъ у насъ самобытнымъ писателемъ, который сумѣлъ остаться въ своихъ думахъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ по складу ума, характера

и чувства, тогда какъ въ поэмахъ и романѣ „Евгеній Онѣгинъ“ въ его душевномъ настроеніи сказалось въ сильной степени вліяніе байронизма съ его разочарованіемъ и односторонней идеализаціей героевъ. Какъ въ эротическихъ, такъ и въ болѣе серьезныхъ стихахъ его выдающимися достоинствами служатъ откровенность, искренность, естественность, простота, вѣрность дѣйствительности и жизнерадостное міросозерцаніе. Стихъ Пушкина свободенъ, могучъ, граціозенъ и музыкаленъ, слогъ чистъ и богатъ. Стоитъ только прочесть элегію. „Я помню чудное мгновеніе“ или „Стансы“, чтобы на долго, даже навсегда, отдаться умомъ и слухомъ мощной власти ихъ глубоко-художественныхъ идей и дивныхъ звуковъ. Языкъ Пушкина есть лучшее выраженіе его человѣколюбія и свободнаго творчества, и гениальный поэтъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ въ „Памятникѣ“:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ“.

Лермонтовъ, не уступая Пушкину въ силѣ поэтического дарованія и въ разнообразіи произведеній, рѣзко отличается отъ него своимъ міровоззрѣніемъ и душевной жизнью. Байронизмъ, отъ котораго Пушкину удалось довольно скоро избавиться, представляетъ преобладающій тонъ лирики Лермонтова, проникнутой не только грустнымъ, но мрачнымъ раздумьемъ надъ „окружающей общественной средой“ („Дума“), чувствомъ неудовлетворенности и негодованія („Первое января“). Жуковский назвалъ его творчество „поэзіею разочарованія“. Дѣйствительно, у Лермонтова затронуты тѣ же мотивы, какъ у Пушкина: любовь къ родинѣ („Родина“), дружба („Памяти А. И. Одоевскаго“), стремленіе къ прекрасному, идеальному („Ангель“), но, въ противоположность ему, онъ ни въ собственной жизни не находитъ ничего устойчиваго, на чѣмъ бы могло успокоиться его сердце, съ чѣмъ бы могъ онъ примириться („Дубовый листокъ“). Безотрадное положеніе томится на землѣ, по его воззрѣнію, есть участь человѣка, ко-

торый пожелалъ бы не прозябать, а жить сознательно и дѣятельно („Парусъ”, „И скучно и грустно”). Для поэта единственнымъ утѣшеніемъ въ мірѣ служить природа съ ея чудными красотою, напоминающими его душѣ о существованіи Творца и побуждающими ее молиться въ трудныя минуты жизни („Когда волнуется желтѣющая нива”, „Молитва”, „Вѣтка Палестины”, „Выхожу одинъ я на дорогу”). Недовольный складомъ общественной жизни Лермонтовъ не былъ равнодушенъ къ политическимъ событіямъ своего отечества, мужественно боровшагося за вѣру и правду съ врагами, и его оды посвящены прославленію духовной и физической мощи русскаго народа („Два великана”, „Бородино”, „Споръ”, „Послѣднее новоселье”, „Валерикъ”). Въ нихъ удачно воплотился національный духъ, и неподдѣльный восторгъ поэта дышитъ какимъ-то ровнымъ спокойствіемъ при сознаніи высокой культурной миссіи Россіи. Любя родину, Лермонтовъ дорого цѣнилъ честное исполненіе своего гражданскаго долга („Бѣглець”) и отъ писателя требовалъ служить обществу даже въ томъ случаѣ, когда оно, не понимая его высокаго ученія, гонитъ его („Пророкъ”).

Слогъ Лермонтова насколько звученъ и нѣженъ, настолько горячъ и силенъ, и свой стихъ поэтъ справедливо называлъ „железнымъ”: онъ болѣе Пушкинскаго способенъ „глаголомъ жечь сердца людей”.

Преждевременная смерть Лермонтова лишила его талантъ, возможности достигнуть полнаго расцвѣта, и въ своемъ развитіи онъ еще не успѣлъ освободиться отъ чуждымъ вліяній; поэтому его лирика, служа выраженіемъ чистой русской души, носить на себѣ печать неопредѣленнаго, безотчетнаго психическаго разлада въ духѣ Байрона и другихъ пѣвцовъ міровой скорби. Въ 1841 году передъ кончиною Лермонтовъ такъ высказался о себѣ:

„Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной”.

Эти стихи вѣрно опредѣляютъ общій тонъ его поэзіи и основной характеръ ея.

Лирика Жуковского, Пушкина и Лермонтова, будучи болѣе или менѣе близка къ дѣйствительной жизни, будучи ея эхомъ способствовала развитію русскаго политическаго, общественнаго и индивидуальнаго самосознанія и гуманности путемъ эстетическаго вліянія и воспитанія въ немъ благороднѣйшихъ чувствъ, прекрасныхъ мыслей и идеальныхъ стремленій. Въ этомъ заключается ея великое историко-литературное и культурное значеніе.

Л. М. Шахъ-Пароніанцъ.

Картины русской природы по роману „Евгеній Онѣгинъ“.

Авторъ романа „Евгеній Онѣгинъ“, какъ истинный художникъ, нашелъ громадный матеріалъ для своихъ поэтическихъ картинъ въ нашей бѣдной, сумрачной природѣ сѣвера, гдѣ все такъ ровно и однообразно, къ которой всѣ русскіе привыкли до того, что не въ состояніи вообразить скрытыхъ въ ней поэтическихъ достоинствъ. Почти всѣ эти достоинства А. С. Пушкинъ описалъ намъ въ третьей, четвертой и пятой главахъ романа „Евгеній Онѣгинъ“. Въ своихъ описаніяхъ авторъ, какъ волшебникъ вызвалъ предъ нами тайную прелесть этой природы, вдохнулъ въ нее жизнь, облекъ ее въ поэтическую одежду, заставилъ ее говорить русскому сердцу и манить къ себѣ русскую душу, запечатлѣлъ въ памяти читателя картины, набросанныя такими удачными штрихами. По избраннымъ мѣстамъ изъ романа „Евгеній Онѣгинъ“ можно представить себѣ вѣрныя картины нашей сѣверной деревенской природы. На первомъ планѣ помѣщикья усадьба ¹¹³⁾. Надъ рѣчкою стоитъ уединенно господскій домъ, защищенный отъ вѣтра горою; вокругъ дома огромный запущенный садъ, дальше раз-

стилаются нивы „золотыя” и луга съ пасущимися стадами; вдали мелькають села и деревни. Усадьбъ, подобныхъ этой, въ крѣпостной Руси было много. Характеръ и обстановка ихъ одинаковы. Надъ усадьбою занимается день; на небѣ исчезаетъ звѣздный хороводъ, востокъ свѣтлѣетъ,

И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ.

Луна гаснетъ, сквозь росистый паръ проясняется долина, засеребрился на солнцѣ потокъ, рожокъ пастуха будить поселянъ. Вся картина носитъ мирный, трудовой характеръ; она проста, незатѣйлива, не похожа на грандіозные рейнскіе и швейцарскіе виды, но для русскаго дорогá. — Пушкинъ двумя, тремя стихами достигаетъ того, что мы сознаемъ, какъ дорогá намъ эта нероскошная сѣверная природа. День начался, начались обычныя занятія; хозяева „вели расходы” и „ѣзжали по работамъ”, хозяйки „солили на зиму грибы” и проч. Кой-гдѣ на работахъ раздаются дружныя пѣсни, собирающихъ въ господскомъ саду ягоды. Но насталь вечеръ.

„ Небо смеркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій ”

Появилась луна; съ сосѣдняго холма виденъ господскій домъ, освѣщенный ею,

„Селенье, роща подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою”.

Таковъ лѣтній день.

„Но лѣто быстрое летитъ —
Настала осень золотая,
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана ¹¹⁴⁾”.

Дѣйствительно, не успѣшь оглянуться, какъ и лѣто промелькнуло, а вмѣстѣ съ нимъ и природа начинаетъ утрачивать свой нарядный видъ.

„Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день”, и т. д. ¹¹⁵⁾

Въ этихъ строфахъ прекрасно описывается осень и наступленіе зимы. Описаніе отличается простотою, живостью и художественностью; въ немъ видна народность и геніальность Пушкина. Выпаль снѣгъ, побѣлѣлъ дворъ,

„Куртины, кровли и заборъ
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,

.
.
.

Все ярко, все бѣло кругомъ ¹¹⁶⁾“.

Въ описаніи этихъ строфъ жизнь бьетъ ключемъ. Русскіе любятъ зиму и морозы ¹¹⁷⁾; любятъ зимній путь — „первопутку” и лихую тройку съ ямщикомъ „въ тулупѣ съ краснымъ кушакомъ“.

Проходятъ крещенскіе морозы, а съ ними святочные гаданья. У насъ еще вѣрятъ преданьямъ простонародной старины, снамъ, картамъ и повѣрьямъ. Во всемъ этомъ есть нѣкоторая поэзія, и Пушкинъ это замѣтилъ. Въ долгій зимній вечеръ, когда завываетъ подъ окномъ буря, старики и старухи при свѣтѣ трескучей лучины рассказываютъ молодымъ страшныя сказки. Слушая ихъ, ребята отъ страха боятся пошевелиться.

Нашу русскую суровую зиму нельзя не сравнить съ волшебницей, когда сѣверъ, нагоняя тучи, дохнетъ, завоюетъ..., и является предтечей проказы зимы. А зима вѣдь проказница. Вотъ она .

На дворѣ Троицынъ день; водятъ молодые хороводые играютъ въ горѣлки; раздаются пѣсни, горницы украшаются молоденькими березками и цвѣтами. Опять жизнь бьетъ ключемъ; прелесть весенней поэзіи отхватываетъ душу каждого, человѣка. Рядомъ съ описаніемъ русской природы находимъ отзывы изъ русской жизни.

Поэзія Пушкина, прежде всего, заключается въ живомъ разнообразіи содержанія и въ непосредственномъ воссозданіи того, что, согласно его взгляду, давала ему окружающая дѣйствительность. Подобно эху, поэзія его откликалась на всѣ впечатлѣнія жизни. То же самое замѣчается и въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“. Напр., простодушная старушка няня рядомъ съ восторженной барышнею, Татьяною, живописный Кавказъ (въ путеш. Онѣгина) и наша бѣдная сельская природа — все одинаково облекалось у него въ образы, полные гармонической прелести. Пушкинъ былъ искреннимъ поэтомъ: служеніе искусству для него составляло главное дѣло жизни, и всѣ произведенія его ясно показываютъ его великое служеніе ¹²²).

Типъ скитальца въ русской литературѣ.

Ширь русской земли съ ея степями и лѣсами благопріятствовала всему недовольному установившеюся обыденною жизнью, скованною старыми правилами, порядками и преданіями, отдаваться скитальничеству. Издавна всѣ эти неспокойныя натуры, съ неопредѣленными стремленіями, съ неясными желаніями бродили, чего-то искали и ни на чемъ не успокоивались. Выразились, отразились эти натуры въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ въ разныхъ типахъ — поленицъ, бродячихъ удалцовъ, каликъ перехожихъ, а въ дѣйствительной жизни являлись и являются въ образѣ странниковъ, — богомольцевъ, юродивыхъ, разныхъ бродягъ — нищихъ и монаховъ. Богата земля

русская и даже за рубежами своими могилами-курганами этих „побродяг“. Это же скитальничество не миновало и новой образованной среды, и въ ней оно вызывается тѣми же причинами — недовольствомъ обыденною жизнью, мертвящимъ и мертвеннымъ покоемъ, стремленіемъ къ чему-то другому, лучшему, еще неизвѣданному, хоть, быть можетъ, и мечтательному, и несбыточному. Говоря обще, дешевное безпокойство въ русскомъ человѣкѣ выражается въ „охотѣ“, въ стремленіи къ перемѣнѣ мѣстъ, что выказалось и въ самомъ Пушкинѣ, который первый отмѣтилъ, одухотворилъ типъ скитальца земли русской, „скитальца до нашихъ дней и въ наши дни“. Поэтъ „первый угадалъ гениальнымъ чутьемъ“ историческую судьбу и огромное значеніе въ грядущемъ не обыкновенныхъ искателей приключеній. Эта черта прошла и въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, еще рѣзче проявилась въ Алеко-образчикѣ историческаго русскаго „бездомника“, который, правда, еще не въ силахъ правильно высказать своей тоски: „у него жалоба звучитъ какъ-то отвлеченно, и онъ тоскуетъ по родинѣ, жалуется „на свѣтское общество, міровыя стремленія“, плачетъ — стонетъ „о потерянной гдѣ-то и къ-мъ-то правдѣ“, таковой и не доищется, такъ какъ ищетъ ее гдѣ-то въ другихъ далекихъ заморскихъ земляхъ, гдѣ и гражданственность и общественность твердо и непоколебимо установились. Онъ не находитъ этой правды, да и не найдетъ, а между тѣмъ она внутри его самого. Этому фантастическому и нетерпѣливому человѣку кажется, что онъ обрѣлъ тихую пристань, нашелъ якорь спасенія у людей, живущихъ „безъ закона“, и временно успокоился, отыскалъ исходъ своей тоски. „Вотъ видно, гдѣ исходъ мой, вотъ гдѣ можетъ быть, мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта; здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизації и законовъ!“ Но несчастный мечтатель не пригодился и здѣсь; его цыгане безъ злобы, безъ отмщенія выгоняютъ:

Оставь насъ, гордый человѣкъ;
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ.

Вышесказанная черта русскаго „бездомника“ подготовлялась и въ Евгении Онѣгинѣ, котораго на первыхъ шагахъ жизни начинаетъ беспокоить

Бѣсъ благородной скуки тайной.

Этотъ горемычный, Чальдъ-Гарольдъ, дешево цѣнить благи юности, хотя изъ его же словъ видно, что все въ немъ кипитъ силою и здоровьемъ:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска!

Онъ „съ небреженіемъ ступаетъ на цвѣты, которыми природа щедро надѣлила его жизнь“. Но они ему не понятны и непостижимы по тому, что и у себя дома, и не у себя, а гдѣ то на чужбинѣ. — Да развѣ уже въ томъ, что природа щедро надѣлила жизнь юноши цвѣтами, не заключается само счастье? Предъ нашими глазами являются бодрый духомъ, полный надеждъ и вполне честный юноша Ленскій и испорченный, избалованный байроническій мечтатель Онѣгинъ, одинокій человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ. Что же мы видимъ дальше: юноша умираетъ за свою честь, а „этотъ зрѣлый“ человѣкъ при своемъ одиночествѣ скитается по свѣту и не находитъ нигдѣ развлечения въ своей безцѣльной жизни.

Дальше, Григорій Отрепьевъ тѣмъ въ особенности и интересенъ, что является представителемъ вѣковой бродячей силы въ русской землѣ. Изъ рода боярскихъ дѣтей, возвысившихся надъ толпою грамотностью, увлекаемый безпокойнымъ духомъ, онъ скитается то по монастырямъ, то среди казаковъ, какъ будто чего-то ищетъ, носить какую-то неявную идею“. Наконецъ, перебирается за рубежъ, въ Польшу, и тамъ дѣлается орудіемъ іезуитовъ, прикрытый именемъ русскаго царевича. Обстоятельства помогаютъ ему, и вотъ бродяга быстро является на русскомъ престолѣ, какъ какой-нибудь сказочный удалецъ.

Пимень — монахъ лѣтописецъ — въ своей кельѣ даетъ

ему совѣтъ побороть эту неясную идею: „смирить себя молитвой и постомъ”. Пушкинъ хорошо понялъ, что это былъ не простой плутъ — пройдоха, не обыкновенный искатель приключеній, а та типическая русская натура, не находящая себѣ покоя въ своемъ состояніи, ищущая себѣ исхода въ бродячей жизни, отданной на произволъ случайностей. Гибнуть эти русскіе скитальцы отъ случайностей.

Въ дополненіе ко всему сказанному можно прибавить, что наша литература, отъ Пушкина до нашихъ дней, дала не мало такихъ скитальцевъ, какъ фантастическихъ, такъ и реальныхъ.

Поэтъ по воззрѣніямъ Пушкина ¹²³).

*Служеніе музъ не терпитъ суеты,—
Прекрасное должно быть величаво.*

Во время Пушкина въ нашей литературѣ господствовало два совершенно различныхъ воззрѣнія на поэта и поэзію. Представителями ихъ были двѣ литературныхъ школы: классическая („Собесѣдникъ любителей россійскаго слова”) и художественная („Арзамасъ”). Художественная школа имѣла то высокое достоинство, что развивала въ обществѣ вкусъ къ истинно-прекрасному. Пушкинъ болѣе всѣхъ отечественныхъ поэтовъ содѣйствовалъ этой цѣли: онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ, что былъ народу „полезенъ живою прелестью стиховъ” и своею лирою „чувства добрыя пробуждалъ”.

Значеніе поэзіи Пушкина всего лучше объясняется его воззрѣніями на свое поэтическое служеніе. Но, что говоритъ Пушкинъ о поэтѣ и его творчествѣ?

А. Воспитаніе поэта.

1. Назначеніе поэта, согласно древней пословицѣ; *poetas*

nascuntur, обособляется отъ назначенія другихъ людей уже при рожденіи;

Мы рождены для вдохновенья. (Чернь).

2. Муза лелѣетъ поэтическій талантъ съ самой колыбели:

а) Въ младенствѣ, являясь ему веселой старушкой, плѣняетъ его своими напѣвами.

б) Безпечному отроку она является въ иномъ видѣ ¹²⁴);

а) то снисходительно выслушивая ранній поэтическій лепетъ:

Она внимала мнѣ съ улыбкой; (Муза).

β) то уча поэта и наполняя его сердце святымъ очарованіемъ:

Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной...
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
И сердце наполнялъ святымъ очарованіемъ. (Муза).

в) Въ юности она озаряетъ поэтическую келью вдохновеньемъ:

Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны ¹²⁵).

Но все это еще не приводитъ „безпечнаго поэта” къ предназначенной ему цѣли. Онъ все еще настраиваетъ свою лиру въ тонъ съ толпой и доволенъ ея буйными восторгами:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволь,

Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ.
На шумъ ¹²⁶⁾...

Такъ какъ онъ еще не сознаетъ своего произведенія:

.... въ младенческіе лѣты,
Въ тѣ дни, когда, незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни ¹²⁷⁾...

г) Муза не даетъ своему любимцу истратиться по мелочамъ, обогащая его „дивными звуками“, „своими сладостными дарами“; она ведетъ его къ высокой цѣли, возбуждая въ немъ неутомимую жажду къ прекрасному.

Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава.... ¹²⁸⁾

д) Она дѣлаетъ его врагомъ „стѣснительныхъ условій и оковъ“ и „отучаетъ отъ пировъ“,

Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ.
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.

ѡ) Въ такомъ положеніи міръ для него дѣлается пустынею:

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынь мрачной я влачился ¹²⁹⁾.

ѣ) Уединеніе дѣйствуетъ на поэта благотворно:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій ¹³⁰⁾.

— Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ:
Въ уединеніи величаюмъ
Слышнѣ вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый, —
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ ¹³¹).

Б. Посвященіе поэта.

Посвященіе поэта Пушкинъ изобразилъ въ аллегорической формѣ посвященія пророка. „Небесъ избранникъ”, дабы „употреблять свой даръ во благо” и сдѣлаться „божественнымъ посланникомъ”, обновляется. Служа толпѣ, онъ обходился своими обыкновенными дарованіями. Для высшаго же служенія ему требуется и зрѣніе острѣе обыкновеннаго, и слухъ тоньше; ему теперь негодны ни празднословный языкъ, что „пѣлъ за чашей для гостей”, ни сердце трепетное, знавшее „страстей единый произволъ”; такъ какъ его призваніе воспламенять сердца людей любовью къ добру, къ прекрасному, къ истинѣ.

В. Служеніе поэта.

1. Поэтъ-жрецъ. Его божество — Апполонъ (идеальное искусство). У него есть свой алтарь и свой треножникъ.

2. Служеніе поэта нельзя считать непрерывнымъ: „небомъ избранный пѣвецъ” есть въ мѣстѣ съ тѣмъ и ничтожное дитя міра:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира ¹³²).

3. Онъ призывается къ дѣятельности каждый разъ „признакомъ Бога — вдохновеньемъ”.

а) Вдохновеніе приводитъ въ возбужденіе всѣ его силы:

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,

Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орель ¹³³).

б) Чтобы предаться творчеству, онъ нуждается въ уединеніи:

Бѣжить онъ дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы ¹³⁴)....,

потому что

Въ глуши звучнѣе голосъ лирный,
Живѣе творческіе сны ¹³⁵).

в) Въ восторженномъ состояніи поэту послушно его слово, а воображеніе его полно образовъ; природа подсказываетъ ему гармонію:

Въ ней (въ головѣ) грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря шумъ глухой, —
Иль шепоть рѣчки тихоструйной ¹³⁶).

4. Служеніе поэта не имѣетъ прямого практическаго приложенія къ жизни:

а) Онъ живетъ для созданія идеаловъ, для высокаго и прекраснаго:

Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ ¹³⁷).

б) На пиру свѣта онъ чужой; „толпѣ“, „рабынѣ суеты“, нѣтъ дѣла до него:

И что-жь, какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой ¹³⁸)!

Поэтому-то въ тѣ минуты, когда его не посѣщаетъ вдох-
новенье его

Душа вкушаетъ сладкій сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ ¹³⁹).

5. Пищу для своего творчества онъ находитъ повсюду
въ событіяхъ жизни государственной и общественной, въ слу-
чаяхъ жизни частной, въ явленіяхъ природы. На все величе-
ственное, высокое и прекрасное онъ отзывается, какъ эхо ¹⁴⁰).

6. Творчество его а) свободно.

а) Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ ¹⁴¹).

б) Онъ самый строгій судья своихъ твореній и своей дѣ-
тельности:

Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ ¹⁴²).

в) Онъ не внимлетъ сужденіямъ толпы: ни ея восторгамъ,
ни гнѣву:

Поэтъ, не дорожи любовью народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ, и угрюмъ ¹⁴³),

такъ какъ

а) Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ

Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно унылый,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой ¹⁴⁴)...

Ѣ) Не чисто въ нихъ (въ людяхъ непосвященныхъ)
воображенъе,
Не понимаетъ насъ (поэтовъ) оно,
И признакъ Бога-вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшно ¹⁴⁵).

гг) Толпа погрязла въ грубомъ утилитаризмѣ:
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все, — на вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій...
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь ¹⁴⁶).

в) Безкорыстно, само для себя цѣль:

а) Поэтъ „не требуетъ награды за подвигъ благородный:
онѣ въ немъ самомъ ¹⁴⁷)”.

Твой трудъ —
Тебѣ награда, — имъ ты дышишь ¹⁴⁸).

Ѣ) И если толпа стремится иногда утилизировать его талантъ:

Свой даръ
Во благо намъ употребляй.
Сердца собратьевъ исправляй...
Гнѣзятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя;

то поэтъ относится къ ея требованіямъ съ пренебреженіемъ:

Душѣ противны вы, какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры

Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ ¹⁴⁹)!

γ) Насладившись творчествомъ, плодъ его отдаетъ онъ толпѣ:

А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ — суеты.

7. Несмотря на то, что осязательной пользы поэтическое творчество не приноситъ, благотворное значеніе его неотразимо. Даже непосвященной толпѣ, „внимающей ему безмолвно“, онъ

Сердца волнуетъ, мучить,
Какъ своенравный чародѣй.
Для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей

художественныя произведенія поэтического искусства имѣютъ высокую цѣну:

Блаженъ, кто знаетъ сладострасть
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой (поэтический) восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ ¹⁵⁰).

Юморъ Н. В. Гоголя.

Въ „Арабескахъ“ въ статьѣ „Скульптура, живопись и музыка“ Гоголь, изложивъ послѣдовательное историческое развитіе поименованныхъ въ заголовкѣ видовъ изящныхъ искусствъ, въ заключеніе указываетъ на высокое значеніе и сильное влія-

ніе каждого изъ нихъ на человѣческую жизнь. Музыка будитъ въ насъ чувства и очищаетъ душу отъ всего грубаго, низкаго, эгоистическаго. „Пусть при могущественномъ ударѣ смычка твоего, восклицаетъ поэтъ, обращаясь къ музыкѣ, смятенная душа грабителя почувствуетъ хотя на мигъ угрызеніе совѣсти, спекуляторъ растеряетъ свои расчеты, безстыдство и наглость невольно выронятъ слезу передъ созданіемъ таланта!“

Во всѣ эпохи художества оказывали благотворное, гуманное вліяніе на человѣчество. „Древнему, ясному, чувственному міру послалъ Онъ (т. е. Зиждитель міра) прекрасную скульптуру, говоритъ Гоголь, — принесшую чистую, стыдливую красоту, — и весь древній міръ обратился въ оміамъ красоты. Эстетическое чувство красоты слило его въ одну гармонію и удержало отъ грубыхъ наслажденій. Вѣкамъ неспокойнымъ и темнымъ, гдѣ часто сила и неправда торжествовали, гдѣ демонъ суевѣрія и нетерпимости изгонялъ все радужное въ жизни, далъ Онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ Онъ могущественную музыку — стремительно обращать насъ къ Нему. Но если и музыка насъ оставитъ, что будетъ тогда съ нашимъ міромъ?“

Огромное нравственное вліяніе на людей имѣютъ искусства не только при изображеніи прекраснаго, но и при воспроизведеніи безобразнаго, потому что отрицательнымъ путемъ они все же внушаютъ человѣку стремленіе къ противоположному тому, что представляетъ непроглядная дѣйствительность.

И положительное, и отрицательное изображеніе фактовъ имѣетъ свои границы, нарушеніе которыхъ лишаетъ произведеніе поэтическаго достоинства. Но воспроизведеніе отрицательныхъ явленій обуславливается въ большей степени тактомъ, вкусомъ и эстетическимъ чувствомъ писателя. Подъ перомъ или кистью истиннаго художника темныя стороны жизни и типы самыхъ пошлыхъ, порочныхъ лицъ получаютъ такую окраску, что, пробуждая въ людяхъ сознаніе, невольно вселяютъ въ ихъ душу стремленіе ко всему прекрасному, высокому и

нравственному. Благотворное воздѣйство на читателя достигается авторомъ въ томъ случаѣ, если писатель относится къ явленіямъ жизни не только строго, но и гуманно, если, рисуя печальную, грязную обстановку и указывая на различные жертвы ея, самъ лично соболѣзнуетъ о ней и своимъ сочувствіемъ вызываетъ на ряду съ чувствомъ отвращенія другія добрыя качества и участіе.

Отрицательное изображеніе жизни ведетъ и къ нравственному подъему человѣка и къ умственному развитію его и, благодаря такому вліянію своему, оставляетъ въ насъ пріятное впечатлѣніе. „На что въ природѣ мы смотримъ съ чувствомъ непріятнымъ, говоритъ Аристотель въ „Поэтикѣ“, — изображеніемъ того же самого, если оно совершенно, мы наслаждаемся. Причина этому та, что познаніе не только любознательнымъ людямъ всего пріятнѣе, но и прочимъ также. Люди, глядя на изображенія, потому ими любятъ, что, когда смотрятъ на нихъ, приходится имъ изучать, соображать, что значитъ каждое изъ такихъ изображеній“.

Въ области поэзіи въ данномъ случаѣ играетъ важную роль смѣхъ. Онъ является вѣрнымъ средствомъ къ искорененію людскихъ недостатковъ, несовершенствъ. Въ противоположность Пушкину, Гоголь по характеру своего дарованія призванъ былъ выставять темныя стороны жизни, и потому лучше всѣхъ цѣнилъ его. „Обо мнѣ много говорили, признается Гоголь, но главнаго, существеннаго моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ, онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся мелочь, которая ускользаетъ изъ глазъ, мелькнула крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее: вотъ въ чемъ мое главное достоинство“. Но смѣхъ писателя — необыкновенный смѣхъ, который нерѣдко служитъ для забавы или для причиненія обиды какому-нибудь лицу: онъ проникнуть или негодованиемъ или сочувствіемъ, состраданіемъ къ неловкому положенію ближняго и завѣтнымъ желаніемъ исправить и спасти несчастнаго. Аполлонъ Григорьевъ въ своей статьѣ „Турге-

невъ и его дѣятельность" по поводу романа „Дворянское Гнѣздо" попутно вспоминаетъ о гоголевскомъ смѣхѣ и замѣчаетъ: „Отношеніе къ дѣйствительности Гоголя, выразившееся по преимуществу въ юморѣ — этотъ горькій смѣхъ, карающій, какъ Немезида, потому что въ немъ слышится стонъ по идеалѣ, смѣхъ, полный любви и симпатіи, смѣхъ, возвышающій моральное существо человѣка, — такое отношеніе могло явиться правымъ и цѣломудреннымъ только въ цѣльной натурѣ истиннаго художника. Не всѣ даже уразумѣли тогда вполне эту любовь, дѣйствующую посредствомъ смѣха, это горячее стремленіе къ идеалу. Для многихъ, даже для большей части, понятна была только форма произведеній Гоголя; очевидно было только то, что новая руда открыта великимъ поэтомъ, руда анализа повседневной, обычной дѣйствительности, и на то самое, на что Гоголь смотрѣлъ съ любовію къ непремѣнной правдѣ, къ идеалу, на то другіе, даже весьма даровитые люди взглянули только съ личнымъ убѣжденіемъ или съ предубѣжденіемъ" ¹⁸¹).

Гоголевскій смѣхъ въ послѣдовательномъ развитіи писательской дѣятельности юмориста прошелъ три ступени, принимая все болѣе и болѣе серьезный тонъ. А. К. Бороздинъ слѣдующими словами характеризуетъ каждую изъ нихъ. Первая ступень есть тотъ заразительный добродушный, вполне безобидный смѣхъ, который слышится въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки", такъ какъ Гоголь любитъ изображаемый имъ бытъ малороссійскихъ хлопцевъ, парубковъ и дивчинъ и не предается никакимъ размышленіямъ о ненормальныхъ его сторонахъ, хотя бы о той тѣмѣ, которая порождаетъ всевозможныя суевѣрія, напротивъ, эти самыя суевѣрія онъ окутываетъ какою-то поэтическою дымкой, такъ что жизнь производитъ на читателя вполне чарующее впечатлѣніе; здѣсь смѣхъ Гоголя есть юморъ матери, съ любовной улыбкой слѣдящей за проказами своего очень милаго ребенка" ¹⁸²). „Гораздо серьезнѣе становится юморъ въ „Миргородѣ". Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" и въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" смѣхъ

у Гоголя переходитъ въ грустное настроеніе, соединяющееся то съ досадою, то съ состраданіемъ къ людямъ; „это есть то же, что трансцендентальная иронія“ нѣмецкихъ романтиковъ, исполненное жалости созерцанія съ поэтической высоты массы зла, пошлости и глупости, царящихъ въ мірѣ“. Болѣе мрачный оттѣнокъ получаетъ юморъ у нашего писателя въ петербургскихъ повѣстяхъ. Въ „Авторской исповѣди“ онъ пишетъ: „Я самъ почувствовалъ, что ужъ смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами“. Юмористъ считаетъ своею обязанностью уже выражать „не дѣтскія мысли, но мысли высокія, исполненные истины и ужащающаго величія“.

Въ „Шинели“ обращеніе Акакія Акакіевича къ чиновникамъ — сослуживцамъ со словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ — ложится тяжелымъ камнемъ на сознаніе читателя, совѣсть котораго испытываетъ мучительныя чувства при мысли о безчеловѣчии современнаго общества. „Въ этихъ словахъ, прибавляетъ г. Бороздинъ, передъ нами гуманистъ, возстающій на защиту попираемаго человѣческаго достоинства несчастныхъ, обездоленныхъ въ общемъ жизненномъ теченіи, и дальнѣйшее развитіе повѣсти, при свѣтѣ этого гуманизма, важно не столько изображеніемъ смѣшныхъ чертъ героя, сколько указаніемъ въ немъ проблесковъ высшей человѣческой природы, подавляемыхъ его положеніемъ, вслѣдствіе чего наша жалость къ бѣдному чиновнику все болѣе растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается чувство негодованія противъ угнетенія и угнетателей“¹⁵³). „Съ этимъ чувствомъ, продолжаетъ томъ же ученый, мы поднимаемся на слѣдующую ступень развитія Гоголевскаго юмора, который становится, такимъ образомъ, настроеніемъ весьма серьезнымъ и сложнымъ, обнимающимъ въ созерцаніи автора важнѣйшія явленія общественнаго строя. Возмутительный міръ угнетателей, попирающихъ священнѣйшія права человѣческой личности, предавшихъ посмѣянію и униженію, втоптавшихъ въ грязь „святѣйшее изъ званій человѣкъ“,

предстаетъ передъ нами во всей своей ужасающей правдѣ въ „Ревизорѣ“, „Мертвыхъ душахъ“¹⁵⁴). Гоголь говоритъ: „если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго“, что онъ и сдѣлалъ въ своей безсмертной комедіи, о которой замѣчаетъ: въ „Ревизорѣ“ я рѣшилъ собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ”.

Чѣмъ строже смотрѣлъ юмористъ на данное ему свыше средство — способность смѣяться, тѣмъ скорѣе приближался къ жизненной правдѣ и истинѣ, уходилъ изъ области фантазіи въ міръ реальный.

Сущность юмористическаго изображенія ненормальной жизни, неправильныхъ взаимныхъ отношеній людей и безнравственности онъ выясняетъ, между прочимъ, въ „Театральномъ разбѣздѣ послѣ представленія новой комедіи“, гдѣ говоритъ о важномъ значеніи смѣха слѣдующее: „Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому, что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозваніе комику, — прозваніе холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ, Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей; — но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, —

излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчнобьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала-бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди?“ — тогда какъ, по собственному сознанию его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтель. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей, но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто бы понесъ мщеніе противъ злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противъ которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться такимъ добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа“. Изъ этихъ словъ Гоголя мы можемъ заключить, что смѣхъ тогда не возмущаетъ, т. е. не оскорбляетъ личности, когда онъ свѣтель, честенъ, благороденъ, сердеченъ и серьезенъ; такой примиряющій смѣхъ свойственъ писателю человѣчному.

Въ своихъ повѣстяхъ „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Шинель“, „Тарасъ Бульба“ и др., какъ и въ „Мертвыхъ Душахъ“ и въ „Ревизорѣ“, Гоголь вѣренъ выставленнымъ имъ принципамъ писателя-юмориста. Вмѣстѣ съ подробнымъ изображеніемъ грубыхъ проявленій крѣпостнаго права, господствующихъ въ обществѣ невѣжества, неправды, пустоты и другихъ пороковъ, онъ глубоко-лирическимъ тономъ выражаетъ свое недо-

вольство современнымъ положеніемъ дѣлѣ въ Россіи и сострадаетъ Афанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ, Манилову, Собакевичу, Плюшкину и даже Чичикову. Онъ не ограничивается указаніемъ ихъ дурныхъ свойствъ и пошлой жизни, но въ то же время выясняетъ причины ихъ общечеловѣческой слабости и нравственной несостоятельности. Въ такомъ отношеніи писателя къ отрицательнымъ типамъ скрываются авторское снисхожденіе и человѣколюбіе.

Юмористическое направленіе характеризуетъ литературную дѣятельность Гоголя, который придавалъ равное значеніе положительному и отрицательному изображенію жизни.

Въ этомъ отношеніи весьма характерны слова одного изъ любителей искусствъ въ „Театральномъ развѣздѣ“ послѣ представленія новой комедіи: „Развѣ положительное и отрицательное не могутъ служить одной и той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить одну и ту же высокую мысль? Развѣ все до малѣйшей извилины души низкаго и безчестнаго человѣка не рисуетъ уже образа человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости не даетъ уже знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лечитъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному“.

Въ VII главѣ поэмы „Мертвыя Души“ онъ, указывая на неодинаковое отношеніе общества къ писателямъ идеалисту и юмористу, вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ серьезную роль смѣха въ искусствѣ. „Ему (т. е. юмористу), говоритъ онъ, не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянные созданья, отведетъ ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отнимаетъ отъ него и сердце, и душу, и Божественное пламя таланта, ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глуби-

ны душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомо-роха!“ Въ тяжелой участи покинутого обществомъ, одинокого писателя нашъ юмористъ видитъ свое горькое положеніе и по- томъ присовокупляетъ къ вышеприведеннымъ словамъ: „И дол- го еще опредѣлено мнѣ чудною властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать громадно-несущуюся жизнь, озирать сквозь видный міру смѣхъ и незримая, невѣдомая ему слезы!“—Ап. Григорьевъ, сопоставляя Гоголя съ иностранными юмористами, приходитъ къ весьма интереснымъ выводамъ о характерѣ его ироніи. „Сравнивая юморъ Гоголя, говоритъ критикъ, съ юморомъ другихъ юмористовъ Стерна, Ж. П. Рих- тера, Диккенса, Гофмана, мы наглядно можемъ убѣдиться въ его особенности. Въ Жанъ Полѣ, напримѣръ, при всей ори- гинальной его гениальности, нельзя не видѣть нѣмецкаго мѣ- щанства, *kleinstadtisches Wesen*. — Юморъ Гофмана только въ эксцентричностяхъ находитъ спасеніе отъ удушливой тюрьмы мѣщанства и филистерства; юморъ Стерна весь вышелъ изъ скептицизма XVIII вѣка и разлагается на двѣ составныя части: на слезливую сентиментальность и на скептическую иронію Гамлета надъ черепомъ Юрика; юморъ же Гоголя полонъ, цѣ- лень, неразложимъ. Диккенсъ такъ же, пожалуй, исполненъ любви, какъ Гоголь, но его идеалы правды, красоты и добра чрезвычайно узки, и его жизненное примиреніе, по крайней мѣрѣ, для насъ, русскихъ, довольно неудовлетворительно, что- бы не сказать пошло, его братья Чарльсы и другіе добрые герои для насъ приторны“ и проч ¹⁵³).

Какъ средство въ исправленіи образа жизни людей, „смѣхъ сквозь слезы“ и поэтическія произведенія, проникнутыя добро- душнымъ юморомъ, имѣютъ великое общественное значеніе.

Послѣ представленія „Ревизора“ столичное общество, на- чиная съ самаго высшаго званія и сословія до самаго низшаго, было оскорблено рѣзкостью и прямою, съ какими Гоголь вооружился противъ испорченности провинціальныхъ чиновни-

ковъ и ихъ злоупотребленій. Авторъ, сознавая правоту своихъ нападокъ, въ свою очередь, былъ недоволенъ современниками, и въ „Театральномъ развѣздѣ“ старался оправдать передъ публикою писателя, поставленнаго въ необходимость изобличать людей во имя ихъ улучшенія. Въ „Ревизорѣ“ сильнѣе, нежели въ „Мертвыхъ Душахъ“, выступили наружу мрачныя стороны общественной жизни, но и тутъ Гоголь явился, какъ всегда, справедливымъ и добрымъ судьей. Понимая хорошо, что грубость нравовъ и такіе пороки, какъ взяточничество, жестокое притѣсненіе простого народа, казнокрадство, корысть, пренебреженіе ради личныхъ выгодъ и наживы своими служебными обязанностями и проч., основываются, съ одной стороны, на невѣжествѣ, съ другой стороны, на неудовлетворительномъ состояніи самихъ учреждений, къ улучшенію стремится правительство, для чего посылаетъ ревизоровъ, авторъ пьесы настоящаго ревизора замѣнилъ мнимымъ, и въ этомъ можно видѣть снисходительное отношеніе писателя къ своимъ героямъ. Дѣйствительный ревизоръ, быгъ можетъ, для исправленія городничаго, судьи, попечителя богоугодныхъ заведеній, почтмейстера и прочихъ своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ и взыскательнымъ наказаніемъ не принесъ бы столько пользы, сколько Хлестаковъ. Этотъ мелкій петербургскій чиновникъ, обманывающій до самозабвенія и готовый пользоваться даровыми услугами и подачками, избранъ Гоголемъ, какъ орудіе для приведенія нечестныхъ, безпорядочныхъ чиновниковъ къ сознанію своей низости и къ разскаванію въ совершенныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ проступкахъ и даже преступленій. Хотя они были обмануты Хлестаковымъ, но это заблужденіе имъ въ нравственномъ отношеніи обошлось дорого. При всемъ томъ, послѣ обнаруженія обмана, они стали понимать, что при отсутствіи его имъ досталось бы еще плоше. Въдѣ, городничій вполне знаетъ свои грѣхи, когда онъ съ похвальбой произноситъ надъ собою слѣдующій приговоръ: „Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдовъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!..

что губернаторовъ!.. нечего и говорить про губернаторовъ!..“ Городничій знаетъ и чужіе грѣхи и въ трудную минуту совѣтуетъ своимъ товарищамъ схоронить ихъ, какъ можно лучше, на что, напримѣръ, Аммосъ Ѳедоровичъ ему отвѣчаетъ: „Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если и есть грѣшки, то самые невинные. Вѣдь, я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки быстрыми щенками“. На просьбу Сквозника-Дмухановскаго послѣдить за поступающими почтовыми письмами и немножко распечатывать для ихъ прочтенія, почтмейстеръ Иванъ Кузьмичъ предупреждаетъ его: „Знаю, знаю... Я это дѣлаю и безъ того: не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства, ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ; я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе!“

Правонарушенія чиновниковъ, какъ видно изъ ихъ собственныхъ признаній, весьма серьезны и послѣдствія ихъ не всегда проходятъ тихо и благополучно, но отражаются крайне тяжело на жизни гражданъ. Не напрасно городничій, получивъ извѣстіе изъ Петербурга, очнулся: „Чего-жъ бояться! боязни нѣтъ, а такъ какъ-то неловко... больше со стороны купечества и гражданства здѣшняго. Я, признаться сказать, имъ немножко пришелся... Они на меня какъ коршуны... такъ бы всего и растрепали“. Если не само общество наказало бы, то кара закона не миновала бы ихъ, и Гоголь своимъ Хлестаковымъ только предупредилъ ихъ, напомнивъ имъ о правдѣ Божьей и правдѣ людской.

Въ такомъ именно смыслѣ понималъ Гоголь смѣхъ и признавалъ его пользу, и на этомъ смѣхѣ основывается важное значеніе отрицательнаго изображенія жизни. „Все глубже и глубже опускался скальпель анатома, говоритъ Аполлонъ Григорьевъ въ своей прекрасной статьѣ „Русская литература въ 1851 году“ („Москвитянинъ“ 1852 г. № № 1, 2 и слѣд.), въ которой признаетъ Гоголя „исходною историческою точкою“ въ новѣйшей литературѣ, — и, наконецъ, въ „Ревизорѣ“ одинъ только смѣхъ выступилъ честнымъ и карающимъ лицомъ, а между тѣмъ, тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?), очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна

мелочныхъ и тяжкихъ въ массѣ грѣховъ и преступленій, раз-
верзающаяся съ ужасающею постепенностію предъ глазами
зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина,
и, такъ сказать, развороченная однимъ прикосновеніемъ пусто-
го проѣзжаго чиновника; этотъ страхъ передъ призракомъ,
принятымъ за дѣйствительную грозу закона; глубокій смыслъ
того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится
на такую брѣнную удочку, — все это ясно и понятно уже
каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ
поръ удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій
трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища,
то остается только подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которой
никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ
тревожнымъ состояніемъ, или недобросовѣстности, озлобленной
на русскую литературу вообще и на одного изъ ея великихъ
представителей въ особенности. Разсуждающіе о несообразно-
сти этого происшествія вовсе не понимаютъ ни поэтической
гиперболы, ни смысла комедіи Гоголя, не понимаютъ, что, чѣмъ
пустѣе, такъ сказать, глаже, безцвѣтнѣе Хлестаковъ, тѣмъ
очевиднѣе комическая Немезида надъ беззаконіями города“ ¹⁵⁰).

Л. М. Шахъ-Пароніанцъ.

Вліяніе Н. В. Гоголя на послѣдующихъ русскихъ писателей.

Гоголь оказалъ могущественное и разнообразное вліяніе
на своихъ современниковъ и на послѣдующія поколѣнія ихъ,
хотя и при жизни и послѣ смерти автора „Ревизора“ литера-
турные приемы его далеко не пользовались всеобщимъ сочув-
ствіемъ либо изъ предубѣжденія, либо вслѣдствіе превратнаго
пониманія ихъ сущности и важности. Большинство публики
интересовалось преимущественно его крупными поэтическими

произведеніями и мало кто обращалъ вниманіе на его статьи и письма, гдѣ заключается много поучительнаго для читателей; но важная роль его, какъ родоначальника реального направленія въ отечественной литературѣ, главнымъ образомъ обязана его всѣмъ выше изложеннымъ эстетическимъ возрѣніемъ. „Все, что есть дѣйствительно живого въ явленіяхъ современной изящной словесности, — писалъ Аполлонъ Григорьевъ въ годъ смерти нашего юмориста, идетъ отъ него, поясняетъ его или даже поясняется имъ. Цѣльная, полная художественная натура Гоголя, такъ сказать; развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности“¹⁵⁷).

По вопросу о вліяніи Гоголя на новѣйшихъ писателей критики, при всемъ разнообразіи толкованій причинъ, вызвавшихъ колебаніе въ возрѣніяхъ нашего эстетика, въ общемъ представляютъ рѣдкое согласіе и познакомиться съ ихъ отзывами весьма интересно. Н. В. Гоголь каждому изъ своихъ многочисленныхъ послѣдователей намѣтилъ области и типы и открылъ приемы художественнаго изображенія жизни, такъ что И. С. Тургеневъ, А. Ѳ. Писемскій, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, А. Н. Островскій, Ѳ. М. Достоевскій, М. С. Щедринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій только спеціальнѣе, т. е. подробнѣе, глубже и рѣзче, выставили различныя стороны и явленія русскаго быта. Одни изъ нихъ избирали его сочиненія отправнымъ пунктомъ своей дѣятельности, другіе же часто возвращались къ его жизненнымъ и живучимъ образамъ въ своихъ писательскихъ исканіяхъ.

Еще современникъ и одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ поклонниковъ Н. В. Гоголя, Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ, испыталъ на себѣ его вліяніе, выразившееся въ сильномъ подражаніи перу юмориста. На этотъ фактъ уже обратилъ вниманіе А. С. Хомяковъ въ некрологѣ С. Т. Аксакова, гдѣ встрѣчается мимоходомъ слѣдующая оговорка: „Допустимъ, что новые анализы искусства не остались безплодными для воспріимчиваго чувства и свѣтлаго ума С. Т. Аксакова... простота формъ Пушкина въ повѣстяхъ и особенно Гоголя, съ которымъ Сергѣй Тимофеевичъ былъ такъ друженъ, подѣйствовала на него: все

это могло быть, все это было“¹⁵⁸). Покойный Валеріанъ Владимировичъ Майковъ, племянникъ поэта, много занимавшійся вопросомъ о литературномъ родствѣ обоихъ бытописателей, путемъ сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ въ ихъ сочиненіяхъ пришелъ къ заключенію, что не Н. В. Гоголь слѣдовалъ въ творчествѣ за С. Т. Аксаковымъ, наоборотъ, второй невольно подпалъ подъ вліяніе перваго, какъ видно изъ его словъ въ брошюрѣ „Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ“: „При такомъ полномъ увлеченіи Гоголемъ со стороны Аксакова, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что его дарованіе восприняло на себя печать могучаго Гоголевскаго генія, и что, когда опытный литераторъ уже на старости принялся за изложеніе своихъ дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній, на его произведеніи отразились художественные приемы его младшаго литературнаго современника и любимца. Такимъ образомъ объясняется, какъ случилось, что С. Т. Аксаковъ, рассказывая о жизни четы Угличининыхъ и не отступая въ существенныхъ чертахъ отъ фактической истины, невольно придалъ своимъ героямъ черты Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ и освѣтилъ ихъ тѣмъ теплымъ свѣтомъ, въ какомъ они рисовались его воображенію, благодаря повѣсти Гоголя“¹⁵⁹).

С. Весинъ вѣрно замѣчаетъ, что „Записки охотника“ Тургенева какъ бы служили дополненіемъ къ „Мертвымъ Душамъ“ Гоголя. Гоголь охарактеризовалъ преимущественно помѣщичью среду, Тургеневъ — крестьянскую въ ея отношеніяхъ къ первой, обнаруживая къ ней при этомъ самое искреннее участіе. Тургеневъ выставлялъ заурядныя явленія крѣпостной поры, не прибѣгая къ исключительнымъ случаямъ. Крестьянскіе типы изображались въ „Запискахъ“ съ полною правдивостью, тогда какъ у другихъ писателей, даже у Пушкина и Гоголя, они „являлись то въ видѣ балетныхъ пейзажъ, то въ качествѣ аксессуарныхъ комическихъ лицъ“. Своими охотничьими рассказами Тургеневъ создалъ особую литературную форму, такъ называемый эскизный очеркъ, получившій потомъ широкое распространеніе въ нашей литературѣ“¹⁶⁰).

Вопросы религіозно-этического свойства, которые были

указаны Гоголемъ но не получили съ его стороны удачнаго рѣшенія и причинили ему столько душевныхъ мукъ, по словамъ А. К. Бороздина, „стали удѣломъ позднѣйшей литературы, занявъ такое видное мѣсто въ творчествѣ графа Л. Н. Толстого и Достоевскаго, а тѣ типы положительныхъ героевъ практическихъ дѣятелей, въ родѣ Муразова и Костанжогло, которые совсѣмъ не удались Гоголю, становятся предметомъ исканій Гончарова и Тургенева. Этой именно не удавшейся стороной своей дѣятельности Гоголь, можетъ быть, болѣе всего отразился въ позднѣйшей русской литературѣ, тогда какъ прямыхъ продолжателей его юмора мы можемъ, съ нѣкоторой только натяжкой, видѣть развѣ въ Писемскомъ и Островскомъ, многіе типы которыхъ находятся въ зависимости отъ осмѣянныхъ Гоголемъ героевъ“¹⁶¹). Такую же тѣсную связь дѣятельности Гоголя съ послѣдовавшимъ расцвѣтомъ русской словесности видить Евгений Соловьевъ (Андреевичъ), который говоритъ: „Его гениальная сатира, истинный смыслъ которой и глубину намъ разъяснили потомъ Гончаровъ (своимъ Обломовымъ), Островскій и Щедринъ, эти его три ближайшихъ преемника, вскрыла всю пошлость жизни крѣпостной Россіи, весь ужасъ этой пошлости, затянувшей всѣ правящіе классы общества, выражала собой одну сторону его духа, а другая цѣликомъ запуталась въ безнадежномъ признаніи, что выхода нѣтъ, и въ тщетныхъ попыткахъ найти этотъ выходъ. Тутъ-то и скрывается драма его жизни, — та же, которую пришлось испытать и Лермонтову, а вѣроятно, {и сотнямъ другихъ менѣе извѣстныхъ русскихъ людей. Да, выхода нѣтъ! Люди-пошляки и мерзавцы, занятые сплетнями и пересудами, погруженные въ самодовольство, такіе, которыхъ даже ужасъ смерти не можетъ остановить отъ самаго ничтожнаго мошенничества. Что же можетъ измѣнить эту жизнь, обратить ничтожное въ великое, бессмысленное — въ прекрасное и исполненное вѣры? Утилизациа отбросовъ, которой занимался Костанжогло,² или человѣколюбіе послѣ основательнаго грабежа, какое мы видимъ въ откупщикѣ Муразовѣ? Повторяю, никто бы не разсмѣялся такимъ злымъ смѣхомъ надъ такимъ рѣшеніемъ вопроса, какъ самъ Гоголь.

Если бы великій сатирикъ былъ дѣйствительно религіозенъ, а не мучился только тоскою по религіозности и вожделѣніями экстаза, — онъ создалъ бы своего старца Зосима за 40 лѣтъ до Достоевскаго¹⁶²). Писемскій въ обрисовкѣ лицъ явленій жизни придерживался простоты и естественно-сти, но, „къ сожалѣнію, не былъ проникнутъ высшимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, какое замѣчалось у его великаго учителя Гоголя“.

Съ точки зрѣнія Аполлона Григорьева, какъ передаетъ Н. Н. Страховъ, „Островскій былъ не простой продолжатель Гоголя, не чисто-отрицательный поэтъ, а, напротивъ, поэтъ, который совершенно-просто подходитъ къ изображаемому имъ быту и выводитъ изъ него цѣлый рядъ новыхъ образовъ, и положительныхъ и отрицательныхъ, новыхъ, вполнѣ драматическихъ отношеній, новыхъ явленій русской души, не однихъ только смѣшныхъ и пошлыхъ, но и глубокихъ, и трогательныхъ и нѣжныхъ. Притомъ всѣ эти образы — чисто-народные и изображены съ небывалою вѣрностью языка и быта“¹⁶³). „Слава Островскаго, по отзыву А. К. Бороздина, зиждется главнымъ образомъ на произведеніяхъ перваго періода, когда онъ обрисовалъ во всемъ его безобразіи темное царство. Нельзя не указать, что кое-какія черты, кое-какіе типы этого міра были уже ранѣе подмѣчены и воспроизведены Гоголемъ, такъ что Островскій повторялъ своего великаго учителя: такъ, Ѳекла въ „Женитьбѣ“ есть прототипъ почти всѣхъ свахъ въ комедіяхъ Островскаго, разговоръ Агаѣи Тихоновны съ Подколесинымъ встрѣчается въ разныхъ варіаціяхъ въ Бальзаминовской трилогіи, типы Мудрова, Рисположенскаго и другихъ стряпчихъ являются у Гоголя въ „Игрокахъ“ въ лицѣ Псоа Стахича Замухрышника“ и т. д.¹⁶⁴).

Л. М. Шахъ-Пароніанцъ.

Счастливейшая пора человеческой жизни.

Правъ нашъ знаменитый писатель и ученый прошлаго столѣтїя Н. М. Карамзинъ, утверждая, что счастливаго времени въ жизни нѣтъ, а что слова „благо“ и „счастье“, встрѣчающіяся въ лексиконѣ, нужно понимать только относительно. Слѣдовательно, извѣстное время жизни можетъ быть названо счастливымъ только потому, что несетъ за собой меньше горестей и заботъ, чѣмъ другое, переполненное ими. Если это такъ, то рассмотримъ возрасты нашей жизни и рѣшимъ, который изъ нихъ для насъ менѣе тяжелъ.

Этотъ вопросъ рѣшался еще издавна. Цицеронъ, хотя и не съ этой цѣлью, обстоятельно защищаетъ старость. Но мы съ его мнѣніемъ согласиться не можемъ. Въ его „de senectute“ ¹⁶⁵) старость защищаетъ Старшій Катонъ, старецъ, сохранившій добрый старинный нравъ среди развращеннаго юношества. Подобно тому какъ христіанскій подвижникъ, который среди искушеній молодости сохранилъ свою святость и безпорочно достигъ старости, когда его уже не волнуютъ страсти, съ сожалѣніемъ смотритъ на погрязшую въ порокахъ юность и свои старческіе смиренные годы не промѣняетъ на всѣ прелести молодости; такъ и Катонъ предпочитаетъ свою честную старость, безнравственной юности и легко опровергаетъ всѣ нападки на старость. Но всякій другой, не находясь въ положеніи Катона, не можетъ такъ разсуждать и долженъ признать доводы противъ старости за справедливые. А именно, что старость ослабляетъ нашъ организмъ, лишаетъ дѣятельной способности, лишаетъ удовольствій и приближаетъ къ смерти. „Кто любитъ болѣзнь, а старость сестра ея“ справедливо замѣчаетъ Карамзинъ. Въ старости мы видимъ много горестей, а отрады не видимъ.

Не можемъ мы согласиться и съ одностороннимъ взглядомъ Руссо ¹⁶⁶). Мы должны признать, что младенчество, „наполненное болѣзнями, представляющее изъ себя борьбы слабой жизни съ алчной смертью“, возрастъ, когда всякая пустая ничего не стоящая вещь бываетъ причиной раздраженія, слезъ

и горя, имѣть больше худыхъ, чѣмъ хорошихъ сторонъ и не можетъ считаться счастливымъ временемъ жизни.

Остается разсмотрѣть юность и зрѣлые годы. Оба эти возраста нельзя назвать совершенно счастливыми, но нужно согласиться, что всетаки это время счастливѣе, чѣмъ старость и младенчество, такъ какъ теперь силы умственныя и физическія находятся въ полномъ развитіи. Молодые годы также менѣе подвержены болѣзнямъ, которыя „встрѣчаютъ при входѣ въ нашу жизнь и при выходѣ изъ нея“. Далѣе въ сопоставленіи юности со зрѣлыми годами Карамзинъ сильно стоитъ за зрѣлые годы, но, по моему мнѣнію, юность счастливѣе зрѣлыхъ лѣтъ. При критикѣ всякаго произведенія надо принимать во вниманіе условія, въ которыхъ работалъ авторъ. Карамзинъ писалъ свое разсужденіе тогда, когда онъ находился въ зрѣломъ возрастѣ и былъ осыпанъ царскими милостями; однимъ словомъ тогда, когда жизнь ему улыбалась. Для него зрѣлый возрастъ былъ счастливѣйшей порою его жизни даже съ точки зрѣнія третьяго лица. Онъ не могъ вѣрно писать свое произведеніе и не преувеличивать успѣхъ зрѣлаго возраста потому же самому, почему человѣкъ, стоящій у основанія башни, не въ состояніи вѣрно опредѣлить ея высоту, такъ какъ башня всегда покажется ему выше, чѣмъ (она) на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того Карамзинъ могъ быть ослѣпленъ своими удачами. Это—первое.

Разсужденіе Карамзина нельзя считать касающимся всякаго взрослого человѣка, не обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи. А оно озаглавлено: „О счастливѣйшемъ времени жизни“. Слѣдовательно Карамзинъ ошибся, считая зрѣлый возрастъ счастливѣйшимъ временемъ жизни всякаго человѣка. Это—второе.

Позднѣйшіе писатели говорятъ совсѣмъ противоположное разсужденію Карамзина. Л. Толстой описалъ „дѣтство, отрочество и юность“ такими розовыми красками, а зрѣлый возрастъ выставилъ въ такомъ черномъ цвѣтѣ. Это—третье.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько наслажденій жизнью, сколько удовольствій, сколько свѣтлыхъ надеждъ, сколько пылкихъ и честныхъ стремленій, оживотворяющихъ душу, бываетъ въ

юности. Этого нѣтъ въ зрѣлыхъ годахъ, когда человѣкъ эгоистично сосредоточиваетъ всю жизнь свою только на своей семьѣ, ради которой только онъ и долженъ жить и пожизненно работать. Неоднократно приходится слышать: „я для благого дѣла пожертвовалъ бы собой, но у меня жена и дѣти“. Между тѣмъ какъ юноша не обремененъ этимъ препятствіемъ для того, чтобы служить и жертвовать собой для блага ближнихъ. А сколь многіе, сильно обремененные семьей, попадаютъ на скамью подсудимыхъ вслѣдствіе безвыходнаго матеріальнаго положенія. Отъ этихъ обстоятельствъ юноша огражденъ.

Между тѣмъ Карамзинъ это семейное бремя считаетъ за самое счастливое время жизни, совершенно игнорируя весною нашей жизни, юностью. Онъ для доказательства своего мнѣнія старается представить семейную жизнь въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Но, по его же словамъ, „оптимизмъ не есть философія, а игра ума“. На юность онъ совершенно несправедливо нападаетъ и ужъ слишкомъ дешево цѣнить блага этого возраста. „Юноша“, говоритъ онъ, „съ небреженіемъ ступаетъ на цвѣты, которыми природа щедро надѣлила его жизнь“. Да развѣ уже въ томъ, что природа щедро надѣлила жизнь юноши цвѣтами, не заключается само счастіе? Этими цвѣтами природа совсѣмъ не надѣлила младенчество и старость и въ меньшей степени надѣлила зрѣлый возрастъ. Къ тому же и въ этомъ возрастѣ цвѣты жизни часто попираются тяжестью семейнаго бремени. Скажутъ: „не всѣ въ зрѣлыхъ годахъ бываютъ люди семейные“. Но жизнь одинокая въ этихъ годахъ еще тяжелѣе семейной, слѣдовательно, и юношеской. Предъ нашими глазами являются бодрый духомъ, полный надеждъ и вполне честный юноша Ленскій и испорченный, избалованный байроническій нигилистъ Онѣгинъ, одинокій человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ. Что же мы видимъ дальше: юноша умираетъ за свою честь, а этотъ „зрѣлый“ человѣкъ при своемъ одиночествѣ скитається по свѣту и не находитъ нигдѣ развлеченія въ своей безцѣльной жизни.

Такимъ образомъ, сравнивъ молодые годы съ младенчествомъ и старостью, мы находимъ, что первые счастливѣе послѣднихъ; а изъ молодыхъ лѣтъ, по сравненіи юности съ зрѣ-

лымъ возрастомъ, преимущество остается за юностью. Следовательно юность ихъ всѣхъ возрастовъ самое счастливое.

Эту тему можно писать въ видѣ совершенно самостоятельнаго разсужденія, не вдаваясь въ анализъ и критику литературы по этому вопросу; можно и построение разсужденія измѣнить, но все-таки основная мысль должна вполне опредѣленно закончиться въ заключеніи. — Не возбраняется каждому изложить свой взглядъ, какой, по его мнѣнію, самый счастливый возрастъ въ жизни чѣловѣка ¹⁶⁷).

Поэтическое значеніе сада въ старой русской жизни и преимущественно въ жизни русской женщины по свадебнымъ и другимъ пѣснямъ.

Съ незапамятныхъ временъ русскій народъ поетъ про зеленый садъ. Пѣсни указываютъ на особенное, поэтическое, значеніе этого сада. Въ зеленомъ саду любила ходить и гулять красная дѣвица. Съ зеленымъ садомъ неразлучны ея лучшія впечатлѣнія, ея лучшія воспоминанія; отъ того такъ часто и упоминается зеленый садъ въ пѣсняхъ и особенно въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ которыхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, выразилось положеніе русской дѣвицы въ тогдашнемъ обществѣ, которая такъ скорбно оплакиваетъ молодую жизнь, дѣвичью долю. Чтобы понять, какое, въ самомъ дѣлѣ, важное значеніе имѣлъ въ старой русской жизни и особенно въ жизни русской женщины зеленый садъ, стоитъ только припомнить исключенный, замкнутый въ теремъ бытъ русской дѣвицы. — Въ сущности садъ былъ для нея другимъ теремомъ. Но это теремъ не родительскій, это не четыре стѣны со своими однообразными и тѣсными впечатлѣніями... Это теремъ Божій, въ которомъ пробуждались и питались другія впечатлѣнія, пробуждалось и питалось чувство къ красотамъ природы, чувство

вѣчное, доступное человѣку при всякихъ условіяхъ жизни, подъ всѣми градусами широты и долготы. Должно и еще припомнить, что все, чѣмъ украшается общее житіе настоящаго времени, всѣ эти удовольствія и развлеченія, принесенныя образованностью, для русской дѣвицы стараго русскаго вѣка не могли еще существовать. Жизнь ея замкнутая, сосредоточенная въ теремѣ, безъ всякаго сомнѣнія находила несравненно большій просторъ въ саду, который въ этомъ отношеніи представлялъ почти единственный уголокъ тогдашняго быта, восполнявшій для женщины отсутствіе всѣхъ общественныхъ удовольствій и развлеченій. Вотъ почему русская дѣвица такъ любить зеленый садъ, такъ часто поетъ про него, и въ пѣсняхъ такъ часто находитъ уподобленія своей участи, своихъ сердечныхъ движеній или съ самимъ садомъ, или съ тѣмъ, что росло въ немъ: съ яблоней, грушею, съ цвѣтомъ алымъ и лазоревымъ. Пѣсни засвидѣтельствовали, что уходъ за деревьями и цвѣтами составлялъ не малую заботу русской дѣвицы, что она горевала и плакала, когда выходя замужъ разставалась съ дорогимъ любимымъ садомъ.

Во полѣ лебедушка кликала,
Въ теремѣ Хавроньюшка плакала:
Богъ судитъ родимаго батюшку,
Молоду въ чужи люди отдаетъ!
Остается зеленъ садъ безъ меня,
Завянутъ всѣ цвѣточки во саду:
Аленькій мой, бѣленькій цвѣтокъ,
Голубой, лазоревый василекъ.
Накажу своему батюшкѣ родному:
Вставай ты, мой батюшка, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарею.
Яблонка моя, яблонка,
Яблонка моя зеленая,
Не цвѣти теперешней весной,
Не плоды сладкихъ яблочковъ!
Я скажу моему батюшкѣ,
Я скажу моей матушкѣ,
Что ты худо поливана,
Что ты худо лелѣяна,

Оттого и яблочковъ нѣтъ;
Что самая я стану поливати,
Сама корешокъ обчищати,
Сама червячковъ обметати.
Авось либо батюшка и сжалится,
Авось либо матушка и измилуется,
Не отдадутъ меня нынѣшній годъ
На чужу дальнюю сторону.....

Цвѣти моя, грушица,
Цвѣти моя зеленая,
Зеленымъ зеленехонько!
Скоро тебя, моя грушица,
Станетъ поливати Катенька,
Катенька Егоровна,
Изъ своихъ рукъ изъ бѣлыхъ
Изъ чиста мѣди ковшичка...
Ужъ она ли у батюшки
Во саду во зеленомъ
Всему хорошо выучена:
И цвѣтики сажать
И яблонки поливать.....

Итакъ, садъ въ старой русской жизни и преимущественно въ жизни русской женщины имѣлъ огромное значеніе. Онъ служилъ мѣстомъ уединенія и отдохновенія отъ тревожныхъ думъ и заботъ повседневной жизни, развлекалъ, навѣвалъ мечты, создавалъ иллюзіи и мечты, воспитывалъ сердце и, какъ бы формировалъ міровоззрѣніе русской женщины. Последняя сжилась съ нимъ и дѣлилась съ нимъ, какъ съ надежнымъ другомъ, всѣми своими радостями и невзгодами. Вотъ почему онъ ей и былъ дорогъ, какъ завѣтный, скрытый и неболтливый уголокъ. Русская женщина дорожила каждой травой, цвѣточкомъ, кустикомъ и деревцомъ въ немъ: лелѣяла и берегла ихъ, какъ зеницу ока. Это и объясняетъ, почему при каждой тревогѣ сердца женщина вспоминаетъ о немъ и вспоминаетъ, какъ объ единственной отрадѣ, утѣшеніи въ самыхъ поэтическихъ образахъ. Она какъ бы возсоздаетъ въ своемъ воображеніи его живымъ и сильнымъ существомъ, могущимъ пособить ей такъ или иначе.

Религіозныя и философскія убѣжденія Ломоносова.

Стихотворство во время Ломоносова составляло по большей части своего рода ремесло, официальное занятіе, и за сочиненіе хвалебныхъ стиховъ королямъ и знатымъ лицамъ выдавались даже награды. Отъ стиховъ не требовалось ни искренности чувства, ни поэтического одушевленія: холодные риторическіе возгласы, звучныя фразы, безъ внутренняго значенія и смысла, — вотъ чѣмъ ограничивались, вотъ чего искали и поэты и публика прошлаго столѣтія. И притомъ, писать торжественныя оды, похвальныя рѣчи, стихи королямъ и знатымъ особамъ — было общимъ, непремѣннымъ обычаемъ того времени. Ломоносовъ въ своей стихотворной дѣятельности шелъ наравнѣ съ понятіями вѣка: по примѣру нѣмецкихъ и французскихъ стихотворцевъ, служившимъ ему образцомъ, онъ привыкъ смотрѣть на торжественную лирику какъ на „должностное упражненіе“, по выраженію Пушкина, какъ на официальную обязанность.

Отличительныя свойства торжественныхъ и похвальныхъ Ломоносовскихъ одъ — заказной восторгъ, высокопарность, громкія фразы и напыщенное декламаторство, словомъ всѣ тѣ свойства, которыя характеризуютъ риторическую поэзію вообще.

Но самъ Ломоносовъ былъ великое дарованіе, которое не могло не проявить себя даже и въ ложныхъ формахъ риторической поэзіи. Приговоръ Пушкина, что „въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія“ — слишкомъ рѣшителенъ и несправедливъ. Въ тѣхъ его одахъ, въ которыхъ онъ говоритъ о природѣ и ея явленіяхъ, гдѣ онъ изображаетъ величіе и премудрость Создателя и стройную гармонію вселенной или гдѣ онъ касается „любезныхъ“ ему наукъ и говоритъ о водвореніи ихъ въ Россіи, — встрѣчаются мѣста истинно-поэтическія, запечатлѣнные, — если не „пламенными порывами чувства и воображенія“ (въ которыхъ Пушкинъ отказываетъ Ломоносову), то истиною и глубиною чувства и силою воображенія. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ все таки справедливъ, утверждая, что Ломоно-

совъ не былъ поэтомъ. По его прекрасному и вѣрному опредѣленію значенія поэта: „поэзія бываетъ исключительною страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“. И конечно только эти „немногіе“ могутъ быть названы истинными поэтами. Тогда какъ всѣ интересы Ломоносова, всѣ наблюденія, всѣ усилія и впечатлѣнія его жизни были поглощены наукой, учеными изслѣдованіями природы, и онъ изъ ученаго переходитъ въ поэта только тамъ, гдѣ его поэтическое слово касается величественныхъ явленій и тайнъ природы, — предмета его ученыхъ изслѣдованій, какъ напримѣръ, при описаніи сѣвернаго сіянія въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній: „Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ“. Ломоносовъ имѣлъ вообще поэтическое воззрѣніе на міръ и живо сочувствовалъ красотамъ природы. То и другое онъ умѣлъ выражать съ силою одушевленія и въ изящной формѣ — не только въ нѣкоторыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, но и въ своихъ ученыхъ разсужденіяхъ, гдѣ, нерѣдко увлекаясь своимъ предметомъ и допуская поэтическія отступленія, изъ ученаго натуралиста переходитъ въ поэта. И на оборотъ: судя по нѣкоторымъ лучшимъ мѣстамъ его стихотвореній, — въ стихотворцѣ видѣнъ ученый естествоиспытатель. „Вечернее и т. д.“ и др. стихотворенія Ломоносова, въ которыхъ онъ описываетъ явленія природы и вообще касается своихъ ученыхъ изслѣдованій, доказываютъ, что онъ обладалъ живымъ чувствомъ природы и сильною впечатлительностью. Природа не была для него мертвою книгою, предметомъ сухихъ изслѣдованій ученаго. Онъ душою слыхалъ, онъ глубоко понималъ поэзію природы, называлъ природу своею матерью и „слагалъ гимны матери-природы“, — по его собственнымъ словамъ. „Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно, свято“ (говоритъ Ломоносовъ въ „Словѣ о происхожденіи свѣта“). „Чѣмъ больше тайнства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вѣщнее увеселеніе чувствуется сердце“.

Въ духовныхъ стихотвореніяхъ Ломоносова встрѣчается болѣе поэтическихъ частностей, нежели въ его торжественныхъ и хвалебныхъ одахъ, и именно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ

которыхъ онъ изображаетъ мудрость Создателя или красоту и величіе дѣлъ творенія. Таковы его: „Утреннее” и „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ”, „Ода изъ книги Іова” и переложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ, особенно переложеніе псалма сто третьяго, представляющее, въ высоко-поэтическихъ образахъ, картину вселенной и величіе Создателя и отличающееся прекрасными стихами. Напримѣръ:

„Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета,
Шатру подобно предъ собой.

„Ты землю твердо основалъ,
.....
.....

„Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, случается надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ”, и проч.

Ученыя сочиненія Ломоносова относятся къ области естествовѣдѣнія, а въ частности — къ предметамъ физики и химіи, большая часть изъ нихъ изложена въ литературной формѣ, въ видѣ академическихъ рѣчей. Ломоносовъ, какъ мыслитель и просвѣтитель современнаго русскаго общества, вѣрно угадывавшій его нужды и потребности и стремившійся удовлетворить ихъ, обнаруживается собственно въ этихъ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ, гдѣ изложены его понятія и его взглядъ на науку вообще и его религіозныя и философскія воззрѣнія.

По отзыву специалистовъ, Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель, стоитъ на ряду съ первоклассными учеными своего времени. Знаменитый математикъ Эйлеръ такъ отзывался о его ученыхъ открытіяхъ по физикѣ и химіи: „Онъ производитъ изслѣдованія надъ самыми интересными физическими и химическими явленіями, которыя до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны и казались необъяснимыми для величайшихъ ге-

нѣвъ науки, и притомъ — съ такою основательностью, что я вполне убѣжденъ въ истинности его выводовъ и заключеній: онъ обладаетъ необыкновенно счастливымъ талантомъ, для совершенія новыхъ открытій въ области физики и химіи”.

Наука, особенно наука о природѣ, свобода научнаго изслѣдованія, самостоятельность знанія — были для тогдашней Руси дѣломъ новымъ, основаніе которому положилъ первый Ломоносовъ. Изслѣдованіе физическихъ и химическихъ явленій, которыми онъ занимался, казалось современному обществу чѣмъ — то неслыханнымъ, дерзкимъ нарушеніемъ тайнъ Предвѣчнаго и законовъ вѣры, и, какъ дѣло грѣховное и противное вѣрѣ, подвергалось осужденію не только со стороны массы необразованнаго общества, но и со стороны грамотниковъ, или „чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, еслибы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенія” — какъ говоритъ Ломоносовъ. Вотъ почему въ ученыхъ сочиненіяхъ его о предметахъ естествознанія мы встрѣчаемъ многія мѣста и обращенія къ публикѣ, гдѣ онъ съ свойственною ему энергіею слова и убѣжденія, ратуетъ за право науки и разума человѣческаго — производить свободно испытаніе законовъ и силъ природы, возстаетъ противъ невѣжественныхъ и мнимыхъ защитниковъ вѣры и старается доказать, что наука и религія не только не находятся во враждебномъ другъ другу отношеніи — какъ увѣряютъ поборники старины и мрака, но что, напротивъ, между ними существуетъ тѣсная, родственная связь. Я уже сказалъ выше, что, по убѣжденію и по словамъ Ломоносова, „испытаніе натуры свято”. О святости изслѣдованія законовъ и творческихъ силъ природы, о безгрѣшности и о видимой пользѣ объясненій, путемъ науки, всѣхъ разнообразныхъ явленій природы онъ говоритъ почти во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ по части естествознанія: въ „Словѣ о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющемъ”, въ „Словѣ о рожденіи металловъ отъ трясенія земли”, въ „Прибавленіи второмъ къ металлургіи” и въ др.. Но съ особенною подробностью распространяется Ломоносовъ о томъ, что естественныя науки не противорѣчатъ религіи въ „Прибавленіи“ къ „описанію астрономическа-

го наблюденія надъ явленіемъ Венеры на солнцѣ", т. е. надъ ея прохожденіемъ передъ солнцемъ, въ 1761 г. Наблюденіе было производимо членами петербургской академіи. Это рѣдкое небесное явленіе, какъ видно изъ „Прибавленія“ возбуждало въ суевѣрныхъ современникахъ Ломоносова „всякія неосновательныя сомнительства и страхи“ и неблагопріятныя толки для астрономической науки. Чтобы разсѣять эти „страхи“ и доказать, что научныя наблюденія явленій природы вѣрѣ не вредны, а напротивъ — служатъ къ большему прославленію премудрости и дѣль Божіихъ, онъ и написалъ свое „Прибавленіе“. „Создатель, по словамъ Ломоносова, далъ роду человѣческому двѣ книги:— въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая книга видимый міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на его огромность, красоту и стройность, призналъ божественное всемогущество; а вторая — священное писаніе, въ которомъ показано благословленіе Создателя къ нашему спасенію“. Изъяснители и истолкователи пророческихъ и апостольскихъ книгъ боговдохновенныхъ суть великіе церковные учителя; а истолкователи въ книгѣ сложенія виднаго міра сего“ — физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ дѣйствій, обнаруживающихся въ природѣ. Природа, по ученію Ломоносова, есть „евангеліе, благовѣствующее Творческую силу, премудрость и величество“. Ссылаясь на Василія Великаго, Дамаскина и др. „великихъ свѣтильниковъ“ церкви, которые „познаніе натуры съ вѣрою содружить старались“, онъ говоритъ, что „физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны“, что „права (т. е. наука, изслѣдованія „правду“ — истину) и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя“; но „не здраво разсудителенъ“, придавляеть Ломоносовъ — математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи или химіи“.

Такъ Ломоносовъ старался уяснить вопросъ объ отношеніи науки къ религіи и доказать во 1-хъ, что изслѣдованіе творческихъ силъ и явленій природы должно быть производимо свободно и самостоятельно; а въ 2-хъ, что такое самостоятель-

ное положеніе науки о природѣ ни мало не вредить вѣрѣ и не противорѣчить истинамъ религіи; потому что наука и религія, по ученію Ломоносова, равно удостовѣряютъ насъ не только въ бытіи Божіи, но и въ несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ“, и потому „грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры“. Онъ грозно ополчается противъ старавшихся поселить распрю и „мнимое междоусобіе“ между наукою, вѣрою и рѣзко возстаетъ противъ тѣхъ „умниковъ“, которымъ легко быть философами, выучивъ наизусть три слова: Богъ такъ сотворилъ и давая ихъ въ отвѣтъ на всѣ вопросы о причинахъ существующаго. По словамъ Ломоносова, тѣ, кто „осмѣхаетъ науки“, а особенно „новыя откровенія въ натурѣ“, увѣряя, что они „противны закону“ (т. е. вѣрѣ христіанской) и кто называетъ соблазновъ для вѣры все то, что самъ не понимаетъ, тѣ поистинѣ своимъ „мнимымъ защищеніемъ“ закона только его поносятъ. „Но вѣдай всякъ изъ таковыхъ восклицаетъ Ломоносовъ, „что онъ ссорщикъ, потому что старается произвести вражду между Божіею дочерію натурою и между невѣстою Христовою—церковію“.

Въ „Письмѣ о пользѣ стекла“ такихъ „ссорщиковъ“ науки съ вѣрою Ломоносовъ называетъ „полкомъ свирѣпыхъ невѣждъ“, которые въ озлобленіи своемъ противъ науки, готовы подвергнуть ученыхъ испытателей природы казни Прометей. Содержаніе письма касается предметовъ науки, собственно — предметовъ естествознанія, и вполнѣ выражаетъ взглядъ Ломоносова на науку вообще, на ея отношенія къ религіи и къ обществу и его понятія о пользѣ, которую естественныя науки приносятъ людямъ. Мысли свои онъ высказываетъ здѣсь смѣло и рѣзко мѣстами — въ юмористически — веселомъ тонѣ и очень остроумно. Лицемѣры — говоритъ онъ — вели всегдашнюю брань съ наукою, отчего много знаній въ мірѣ погибло невозвратно. Такъ еще въ языческія времена Аристархъ, который училъ, что земля движется, былъ обвиненъ завистливымъ Клеантомъ въ богохульствѣ и непочтеніи къ богамъ, въ томъ, что онъ дерзнулъ „всю землю отъ тверди потрясти“ и заставилъ богиню неподвижной земли, Весту, Нептуна, Діану, Плутона и всѣхъ боговъ безпрерывно вертѣтся вокругъ, отчего

боги
Терпятъ великій трудъ всегдашній дороги.

Подъ видомъ такого „ложнаго почтенія“ къ богамъ лице-
мѣрные пѣтисты и жрецы древности, главнымъ образомъ, забо-
тились о себѣ. Они опасались, чтобы наука, открывъ величіе
небесъ, не показала всѣмъ, что міръ сей сотворила непости-
жимая сила Единого Творца и

Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ,
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ;
Что агнцовъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно;

„Это и только это одно имъ казалось опаснымъ“, гово-
рить Ломоносовъ.

Вспоминая далѣе о грозномъ электричествѣ, честь от-
крытія котораго принадлежитъ столько же Ломоносову, сколько
и Франклину, и говоря, что при страшныхъ ударахъ грома и
при блескахъ молніи „слабый умъ“ обыкновенно мятется и не
знаетъ, гдѣ укрыться отъ гнѣвнаго часа, но изслѣдовать при-
чины грома и молніи страшится, Ломоносовъ прибавляетъ:

Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ нашъ яростію своею,
Но какъ Онъ насъ казнить, поднявъ въ лучинѣ вальъ,
То грѣхъ-ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ-ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?

Эту же мысль Ломоносовъ высказываетъ и въ рѣчи своей объ
явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происхожденія,
доказывая подробно, что защищаться „удобными способами отъ
смертоносныхъ громовыхъ ударовъ никакъ не составленнаго и
продерзостнаго усилованія гнѣву Божію“ — какъ утверждаютъ
люди преданія, — но что это напротивъ въ такой же мѣрѣ
согласно съ волею Божіею и въ такой же степени разумности

и „обороняться лѣкарствами отъ моровой язвы, плотиною отъ землетрясенія и бури”.

Проведенныя мною мѣста и мысли изъ сочиненій Ломоносова ясно свидѣтельствуютъ о его религіозныхъ и философскихъ убѣжденіяхъ, которыя онъ старался проводить въ своей ученой и литературной дѣятельности. Онъ признавалъ за религіею право высшаго духовно-просвѣтительнаго начала для сердець человѣческихъ; но въ то же время училъ, что наука должна быть самостоятельнымъ знаніемъ, отрѣшеннымъ отъ зависимости и отъ служенія религіи. Дѣйствующимъ началомъ во вселенной онъ признавалъ законы и творческія силы природы, и въ познаніи и объясненіи этихъ законовъ и силъ природы видѣлъ торжество человѣческаго разума. Требуя для науки свободы изслѣдованія и самостоятельнаго мышленія, онъ доказывалъ, что свобода научныхъ изслѣдованій, изыскивающихъ истину, не только не враждебно и опасно для вѣры, но что наука и вѣра пребываютъ въ тѣсномъ союзѣ; потому, что не взирая на всѣ мѣры и способы дѣйствій жизни, онъ стремятся къ одной опредѣленной цѣли — къ раскрытію истины, т. е. къ познанію величія мудрости и благодати Создателя. Признавъ науку самостоятельнымъ знаніемъ, Ломоносовъ превозгласилъ въ средѣ русскаго общества, гдѣ господствовало преданіе и масса суевѣрій, совершенно новое начало, неизвѣстное прежде. И съ этого-то признанія самостоятельности науки собственно начинается у насъ новое движеніе въ умственномъ и научномъ отношеніи, которымъ опредѣляетъ характеръ новаго времени.

Западнической реализмъ въ 40-хъ годахъ. Гончаровъ „Обыкновенная Исторія и Обломовъ“. — Писемскій „Тысяча Душъ.—Дружининъ „Полинька Саксъ“.

Литература сороковыхъ годовъ далеко не однообразно рѣшала вопросъ, что дѣлать и къмъ вести себя русскому чело-

вѣку. За одно съ писателями, герои, которыхъ являются идеалистами, стоящими въ болѣе или менѣе открытомъ антагонизмѣ съ дѣйствительностью; намъ приходится встрѣтиться съ другой точкой зрѣнія совершенно діаметрально противоположной. Лучшій человѣкъ сороковыхъ годовъ XIX вѣка не тотъ, кто стоитъ выше толпы въ умственномъ и даже нравственномъ отношеніи, хотя бы при этомъ его превосходство не приносило никакихъ практическихъ плодовъ, а тотъ лишь, кто обладаетъ умѣніемъ совладать съ трудностями жизни и достигнуть заранее поставленной себѣ, опредѣленной, осязательной цѣли; другими словами, заслуга человѣка заключается не въ прекраснодушій, а въ дѣловитости, и правъ тотъ, кто въ жизненной борьбѣ остался побѣдителемъ. У этихъ писателей идеалисты, неспособные къ практической дѣятельности, совершенно лишены симпатичнаго ореола и представляются просто смѣшными, какъ Александръ Адуевъ въ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова, либо нравственно несостоятельными, какъ герой „Тысячи душъ“ Писемскаго, Калиновичъ.

Два названныхъ писателя выступили съ первыми своими произведеніями почти одновременно съ главными представителями противоположной идеалистической школы, Тургеневымъ, Герценомъ, Григоровичемъ.

Они были у насъ инициаторами литературнаго направленія, открыто разорвавшаго съ романтизмомъ, даже въ той его смягченной формѣ, которая преобладала въ сороковые годы. Я бы охотно сказалъ, что писатели эту ведутъ свою родословную отъ Гоголя, совершенно также, какъ Тургеневъ является у насъ прямымъ наслѣдникомъ Пушкина, если бы самъ Гоголь не былъ такъ сильно проникнутъ романтизмомъ. Въ ходячихъ представленіяхъ о такъ называемой „натуральной школѣ“, ведущей будто бы свое начало отъ Гоголя, существуетъ на самомъ дѣлѣ странное недоразумѣніе. Наша критика охотно смѣшиваетъ натурализмъ формы, т. е. простоту, а иногда и грубость рѣчи и рисовку быта мелкаго люда, съ внутреннимъ реализмомъ, если можно такъ выразиться, или попросту съ реализмомъ содержанія, т. е. съ такою постановкою дѣйствія, при которой интересъ сводится не къ крупности событій и не къ

выдающимся свойствамъ героевъ, а лишь къ правдивости изображенія, Два эти условія, конечно очень часто совпадаютъ, но далеко не всегда. Въ первомъ смыслѣ, т. е. по отношенію къ формѣ, Гоголь служилъ несомнѣнно образцомъ для нашихъ натуралистовъ, и имъ былъ введенъ въ употребленіе языкъ, почти совсѣмъ несвойственный его предшественникамъ. Во второмъ смыслѣ, наоборотъ, слѣдуетъ признать за реалистовъ и Тургенева, и самого Пушкина. Къ чему же сводится тогда контрастъ, замѣчаемый между Гончаровымъ и Писемскимъ, съ одной стороны, и писателями противоположнаго направленія, съ другой?

Повидимому, весь этотъ контрастъ заключается въ слѣдующемъ. Тургеневъ и писатели его школы считали достойнымъ воспроизведенія лишь крупныя явленія жизни, какъ въ природѣ они отыскивали лишь красивые, выдающіеся ландшафты. Этотъ культъ красоты, пластической красоты въ природѣ и красоты духовной въ человѣкѣ, и составляетъ присущій имъ отпечатокъ романтизма. Гончаровъ и Писемскій, наоборотъ, а вслѣдъ за ними большинство позднѣйшихъ нашихъ писателей, не только не считали недостойными воспроизведенія заурядныхъ фактовъ и заурядныхъ людей, но все выдающееся, все, по крайней мѣрѣ, претендующее на исключительность, имъ казалось вычурнымъ и нѣсколько комичнымъ. Это нисколько не помѣшало одному изъ нихъ-именно Гончарову, быть въ высшей степени художественнымъ въ возсозданіи будничной обстановки, которую онъ постоянно рисуетъ.

И упомянутые писатели не ограничиваются простымъ констатированіемъ фактовъ, простою рисовкою быта, а въ свою очередь являются нѣкоторымъ образомъ проповѣдниками и реформаторами. Къ существующему складу жизни они относятся не менѣ отрицательно, чѣмъ писатели идеалисты. Но критику свою они направляютъ совершенно въ иную сторону. Несостоятельнымъ въ ихъ глазахъ оказывается не столько общественный бытъ самъ по себѣ, сколько тѣ мнимо-лучшіе люди, которые претендуютъ на какое-то небывалое превосходство; спасенья они ждутъ вовсе не отъ нихъ, а отъ людей совершенно иного сорта. Люди эти вовсе не должны отличаться ге-

ройскими порывами и высокимъ полетомъ мысли; отъ нихъ требуется одно лишь — трезвый взглядъ на жизнь и умѣніе стряхнуть съ себя завѣтную русскую лѣнь. Въ этой лѣни, въ неспособности къ практическому дѣлу и заключается, такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, вся бѣда. Наклонность къ мечтательному идеализму, нѣжничанье и резонерство служатъ лишь наряднымъ покровомъ для праздности и, что еще хуже, для отсутствія нравственныхъ принциповъ. Застой и пошлость общества, противъ которыхъ такъ возставалъ романтизмъ, писатели реалистическаго направленія видѣли въ самыхъ лучшихъ людяхъ, которымъ романтизмъ поклонялся. Лѣкарство, по ихъ понятіямъ, еще хуже болѣзни, такъ какъ оно позволяетъ успокоиться на пустомъ, ни къ чему не нужномъ фразерствѣ. Мы видѣли, что и Тургеневъ, и самъ Пушкинъ не дѣлали себѣ большихъ иллюзій на счетъ своихъ героевъ. Но тѣмъ не менѣе они не переставали ихъ любить, не переставали въ нихъ видѣть лучшихъ, передовыхъ людей. Гончаровъ и Писемскій не останавливаются на такомъ половинномъ разоблаченіи, — для него романтическая сентиментальность и прекраснодушіе стали синонимами полной непригодности къ дѣлу, и, не обинуясь, героевъ этого сорта онъ представляетъ либо въ комическомъ, либо отталкивающемъ видѣ. Это уже не мягкій, соболѣзнуюющій приговоръ Тургенева, а прямое, немилосердное разоблаченіе. Александръ Адуевъ въ „Обыкновенной исторіи“ проходитъ черезъ рядъ смѣшныхъ неудачъ и спасается тѣмъ лишь, что на порогѣ зрѣлаго возраста отрезвляется и навсегда расстаётся съ мечтательными бреднями; Обломовъ, у котораго спасительный переломъ не успѣлъ совершиться, уже во все не спасается и находитъ жалкій конецъ въ томъ низменномъ счастіи, которое можетъ ему дать Агафья Матвѣевна, — счастіи, незамѣтно приводящемъ его къ смерти; Калиновичъ у Писемскаго не страдаетъ, положимъ, неизлѣчимою дряблостью двухъ Гончаровскихъ героевъ, зато, у него дряблость иного рода — мелкій, дрянной эгоизмъ, доводящій его до нравственнаго позора, а потомъ до позора общественнаго. И писатель не ограничивается этою картиною несостоятельности героевъ, онъ противопоставляетъ имъ положительныя фигуры Петра

Ивановича въ „Обыкновенной исторіи“, Штольца въ „Обломовѣ“, Бѣлавина въ „Тысячѣ душъ“.

Какова же общая характеристическая черта этихъ положительныхъ фигуръ? Что обезпечиваетъ за ними превосходство и сочувствіе читателей? Всѣ они умные люди — это правда, но не въ этомъ главная суть: умны вѣдь и Тургеневскіе герои. Они прежде всего обладатели змѣиной мудрости, сыны вѣка сего; они ставятъ себѣ не мечтательную, а вполне реальную, осязательную цѣль и, главное, умѣютъ достигать; они, конечно, и честные люди, но честность ихъ сухая и дѣловитая; не какія-нибудь новыя идеи они приносятъ съ собою, а лишь новыя приемы, несвойственные натурѣ русскаго человѣка, — практическую смѣтку, аккуратность и энергію. Въ этомъ отношеніи они дѣйствительно представители европейской культуры, гораздо болѣе даже, чѣмъ Тургеневскіе передовые мечтатели, наклонность которыхъ къ бесплодной рефлексіи вѣдь тоже чисто русская черта.

Такимъ образомъ, романисты сороковыхъ годовъ заимствовали у Европы двѣ различныя стороны ея жизни. Первая изъ нихъ преклонялась передъ идеями Запада, вторая — предъ его нравами. То и другое, конечно, по отношенію къ тогдашней Россіи являлось прогрессомъ, но прогрессомъ одностороннимъ. На самомъ дѣлѣ, ни беспочвенный идеализмъ безъ примѣненія на практикѣ, ни энергія безъ внутренняго содержанія ничего существеннаго принести съ собою не могли. Каждое изъ этихъ свойствъ представляло собою лишь половину западнаго культурнаго человѣка и, перенесенное на русскую почву, оставалось одинаково бесплоднымъ. Къ чему сводятся, въ концѣ концовъ, всѣ умныя рѣчи Петра Ивановича Адуева, все чиновническое безкорыстіе Бѣлавина, всѣ дѣловыя способности Штольца? Къ одному лишь — къ личному успѣху, къ обогащенію и къ служебной карьерѣ, положимъ вполне безукоризненнымъ путемъ, но все-таки съ пользою и для самого себя. Если бы у насъ появились даже цѣлыя десятки людей этого склада, едва ли бы подвинулось отъ этого процвѣтаніе Россіи. Бѣлавины стали бы писать очень дѣльныя бумаги, не кривя при этомъ душой, но оставаясь все-таки равнодушными къ ихъ

содержанію; Петры Ивановичы одновременно получали бы чины и директорскіе оклады; Штольцы бы открыли фабрики и вели комерческія дѣла. Но особаго воздѣйствія на общій ходъ русской жизни эти прекрасные люди все-таки не имѣли бы, даже въ смыслѣ административнаго и финансоваго преуспѣнія, потому что воздѣйствіе на другихъ можно имѣть только посредствомъ идей, а идей у этихъ господъ нѣтъ ровно никакихъ.

Новый рецептъ для всероссійскаго прогресса, предложенный беллетристами реального направленія, сводится такимъ образомъ къ проповѣди разумаго и приличнаго эгоизма. И стоитъ замѣтить, что представителемъ этого прогресса является, наперекоръ обычаю, старшее поколѣніе, старшее не столько по годамъ, сколько по темпераменту. Благоразуміе и трезвость, въ самомъ дѣлѣ, — качества преимущественно зрѣлаго возраста, и въ одномъ изъ трехъ произведеній, о которыхъ здѣсь говорится, именно въ Гончаровской „Обыкновенной исторіи“, споръ дѣйствительно идетъ между племянникомъ и дядею, и проповѣдывать новую мудрость берется послѣдній. Этотъ обмѣнъ обычныхъ ролей между отцами и дѣтьми нельзя не признать очень знаменательнымъ. Если всегда правы бывають старшіе, потому что за ними преимущество опыта и разсудительности, и неизбѣжная судьба младшихъ — со временемъ просвѣтиться жизненной мудростью, то прогрессъ становится дѣломъ возраста и совершается путемъ отрезвленія черезчуръ кипучей молодежи или, другими словами, прогресса нѣтъ во все. Вотъ конечный результатъ программы, которая берется преобразовать Россію, прививая къ ней одну лишь западно-европейскую аккуратность.

Извѣстно, что первые два романа Гончарова пріобрѣли ему большую популярность среди передового лагеря. Правда, Бѣлинскій, говоря про „Обыкновенную исторію“, признаетъ за Гончаровымъ лишь крупный художественный талантъ, отрицая въ немъ способность проникать въ самую глубь души. Но въ то же время онъ преклоняется передъ фигурой Петра Ивановича, усматривая въ немъ представителя новаго типа людей, призванныхъ вылѣчить насъ отъ дряблага сентиментализма.

Такой взглядъ на Петра Ивановича нельзя не признать довольно страннымъ, хотя онъ не раздѣляется почти всѣми нашими критиками. Племянникъ старшаго Адуева, Александръ, безъ сомнѣнія смѣшенъ своими ребячески-нѣжными увлеченіями, своею готовностью вѣшаться каждому на шею и малодушнымъ охлажденіемъ, быстро слѣдующимъ за каждымъ его порывомъ. Дядя его, Петръ Ивановичъ, въ самомъ дѣлѣ очень умный человѣкъ, не лишенный доброты, при всей своей преднамѣренной сухости. Если бы дѣло касалось только ихъ взаимныхъ отношеній и задача романа ограничивалась противопоставленіемъ умнаго дяди глупенкому племяннику, можно бы только сказать, что этотъ частный случай разработанъ Гончаровымъ мастерски, развѣ только съ нѣкоторой утрировкой. Но въ дѣйствительности вопросъ поставленъ гораздо шире. Петръ Ивановичъ передъ Александромъ Адуевымъ — это не только разсудительный дядюшка, поучающій уму-разуму племянника, это олицетвореніе европейски-образованнаго, дѣловитаго Петербурга, служащаго образцомъ для закоснѣлой Россіи, это новый трезвый человѣкъ, не теряющій по-пусту время на сентиментальную блажь, а занятый настоящимъ серьезнымъ дѣломъ. Что Гончаровъ именно такъ понималъ свое произведеніе, видно изъ его статьи „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, въ которой онъ подвергъ разбору свои три большіе романа. Какъ видно, въ этой аллегоріи роли перетасованы, и молодая невская столица попала въ учителя къ своей бабушкѣ—Россіи.

Нужды нѣтъ, что впослѣдствіи, въ лицѣ Татьяны Марковны изъ „Обрыва“, Гончаровъ какъ будто измѣнилъ свою точку зрѣнія и преклонился передъ деревенской бабушкой, олицетворяющей старуху, захолустную Русь.

Въ первыхъ своихъ двухъ произведеніяхъ его симпатіи были не на ея сторонѣ. Къ сожалѣнію, свой идеалъ трезваго, дѣловаго чѣловѣка Гончаровъ могъ воплотить лишь въ фигуру чиновника-дѣльца, жизненная задача котораго сводится къ достиженію крупнаго состоянія и генеральскаго чина. Даже супружеское счастье является какъ бы только побочнымъ аксессуаромъ для Петра Ивановича. Художественное чутье не позволило Гончарову снабдить своего героя такими качествами,

которыя могли бы удовлетворить сердце молодой женщины, — и въ концѣ романа онъ даетъ намъ понять, что бѣдной женѣ Петра Ивановича не совсѣмъ-то сладко приходилось отъ его дѣловитости. Но и этотъ упрекъ по адресу своего любимца Гончаровъ дѣлаетъ только мимоходомъ, доставляя ему полное торжество надъ племянникомъ, т. е. въ сущности надъ увлекающимся молодымъ поколѣніемъ, которому со временемъ суждено проникнуться въ свою очередь практическими идеалами служебной карьеры и выгодной женитьбы.

На самомъ дѣлѣ, однако, проповѣдь Петра Ивановича, по видимому, не была услышана. По крайней мѣрѣ 11 лѣтъ спустя, во второмъ Гончаровскомъ романѣ, новый Петръ Ивановичъ, — Штольцъ безуспѣшно читаетъ все ту же мораль жизненной мудрости новому Александру, — Ильѣ Ильичу Обломову. Судя по новому представителю всероссійской безпечности, за эти 11 лѣтъ русское общество еще гораздо болѣе погрузилось въ дремоту. У Обломова нѣтъ уже, правда, бесполезныхъ порывовъ Александра Адуева. Эти порывы у него далеко позади; и, странное дѣло, Гончаровъ самъ въ своемъ второмъ романѣ какъ будто признаетъ, что въ нихъ все таки заключался какой-то задатокъ дѣятельной бодрости. Въ молодые годы Обломовъ былъ, по видимому, тѣмъ же Александромъ, воспримчивымъ и пылкимъ, но огонь увлеченія въ немъ рано угасъ, и повернулъ онъ не въ сторону пракческаго разсчета, какъ герои „Обыкновенной исторіи“, а безпомощно погрузился въ неизлѣчимую апатію. Оказывается, такимъ образомъ, что бѣда не въ однихъ романтическихъ увлеченіяхъ, а въ чемъ-то иномъ, въ какомъ-то коренномъ недугѣ русской натуры. И не въ этомъ одномъ Гончаровъ словно отступился отъ первоначальнаго мотива своего творчества. Не смотря на безвыходную лѣнь, навсегда сковавшую Обломова, и самъ онъ, и та чисто русская обстановка роднаго дома, въ которой онъ выросъ, являются гораздо болѣе симпатичными, чѣмъ безпорочныя стремленія несравненно болѣе живого Александра. Не пробудный сонъ русской жизни, такъ ярко представленный Гончаровымъ, будто пробрѣлъ для него какую-то, невольную привлекательность, не смотря на то, что весь смыслъ его романа направленъ къ изобличенію этого пагубнаго сна.

И вотъ почему отъ энергичнаго и дѣятельнаго нѣмца Штольца, при всѣхъ его несомнѣнныхъ качествахъ, вѣтъ деревянную скукой, а вялый Обломовъ скорѣе вызываетъ къ себѣ сочувствіе, чѣмъ негодованіе. Дѣло въ томъ, что умственные симпатіи Гончарова расходились съ его темпераментомъ. По идеямъ, по складу ума, онъ былъ западникъ, а по складу характера и жизни — коренной русскій. Эта раздвоенность, совершенно конечно иная, чѣмъ раздвоенность Тургенева, своеобразно отозвалась на его творчествѣ и многое въ немъ объясняетъ. Не духъ безпокойнаго анализа и не кропотливая работа надъ собой мѣшали ясности и цѣльности его взгляда. Напротивъ, мысль его всегда опредѣленна и отчетлива, потому что, какъ чистый художникъ, онъ воспринимаетъ внѣшніе образы непосредственно и цѣликомъ, не думая ихъ разлагать. У него разладъ совершенно иного рода — разладъ между отчетливою мыслью и столь же отчетливыми вкусами. Оттого и всѣ дѣйствующія лица у него выходятъ замѣчательно цѣльными — за исключеніемъ двухъ, впрочемъ, о которыхъ мною будетъ сказано позднѣе въ отдѣльномъ разборѣ, но лица эти говорятъ иногда читателю совершенно иное, чѣмъ хочетъ сказать самъ авторъ.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, именно Аполлонъ Григорьевъ, такъ далеко зашелъ въ этомъ истолкованіи Гончарова наперекоръ ему самому, что прямо признаетъ въ Обломовѣ не отрицательный, а положительный типъ русскаго человѣка, отдавая ему свое полное сочувствіе. И въ самой женитьбѣ Обломова на Агафѣ Матвѣевнѣ онъ видитъ торжество русской правды надъ ложью мнимой европейской цивилизаціи, простой, любящей русской женщины надъ искусственной натурой эгоистки Ольги. Сдается мнѣ, что здѣсь Аполлонъ Григорьевъ нѣсколько пересолитъ въ угоду такъ называемой почвенной теоріи. Никакого перерожденія Обломова на здоровой почвѣ русскаго демократизма его женитьбой не совершается, потому что Обломовъ на самомъ дѣлѣ нѣсколько не переродился, а только еще болѣе прежняго погрязъ въ неподвижной лѣни. Нельзя выставять идеаломъ такую жизнь, которая все тѣснѣе замыкается въ удушливомъ воздухѣ спальни, въ которой нѣтъ и слѣда хотя бы умственной дѣятельности, а есть

одно только — удовольствіе сытно поѣсть и сладко выспаться. Если таковъ народный идеаль почвенниковъ, отъ него приходилось бы отрешиваться всѣми силами. Что и въ концѣ концовъ и доводитъ Обломова до ожиренія сердца и апоплексіи; а что тамъ ни говорить, ни въ прямомъ смыслѣ, ни въ аллегорическомъ — это участь не завидная. Вѣрнѣе будетъ сказать, что въ своемъ Обломовѣ Гончаровъ ярко, даже слишкомъ ярко изобличилъ коренной недостатокъ русскаго человѣка, но что въ немъ самомъ тѣмъ не менѣе живетъ непобѣдимая инстинктивная симпатія ко всему складу жизни этого человѣка. Вотъ почему Обломовъ, быть можетъ уродливъ, но не смѣшенъ никогда.

А уродливъ онъ въ самомъ дѣлѣ, и въ очень сильной степени. Другой критикъ Добролюбовъ, какъ извѣстно, воспользовался этою уродливостью, чтобы заклеить ея цѣлый помѣщичій классъ, признавъ въ Обломовѣ полное олицетвореніе этого класса. Въ своемъ истолкованіи Обломова знаменитый критикъ пересолить также, какъ его московскій современникъ Ап. Григорьевъ, но только въ противоположную сторону. Подобно тому, какъ Григорьевъ, въ угоду почвенному демократизму, прославляетъ женитьбу Обломова на простой мѣщанкѣ, Добролюбовъ, въ угоду демократизму космополитическому, клеймитъ въ лицѣ того же Обломова типъ заспавшагося барина. То же самое, что въ глазахъ перваго выражаетъ собою возвратъ дворянства къ родной почвѣ, его сліяніе съ народомъ, знаменуетъ въ глазахъ другого заслуженную казнь этого дворянства, испорченнаго крѣпостнымъ правомъ. Натяжка тутъ въ обоихъ случаяхъ очевидная. Излѣнившись до безобразія, Обломовъ дѣйствительно представляетъ собою поразительно яркое олицетвореніе одной русской національной черты, но только черты цѣлаго русскаго народа, одного помѣщичьяго класса. Безпечность во всѣхъ ея видахъ заразила собою въ самомъ дѣлѣ не одно дворянство. Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо лишь пристально всмотрѣться въ два параллельныхъ явленія, совершающихся на нашихъ глазахъ — на крестьянское я помѣщичье оскуднѣніе. Характеръ и причины того и другого поразительно сходны: отсутствіе разсчета и выдержки до того

одинаковы въ обоихъ нашихъ сельскихъ классахъ, что не признать ихъ родными братьями нельзя. Но если Обломовъ — типъ обще-русскій, то въ послѣднемъ смыслѣ онъ не является представителемъ народныхъ свойствъ въ цѣлой совокупности: какъ всѣ аллегорическіе типы — а таковъ его несомнѣнный характеръ — онъ изображаетъ собою не цѣлаго человѣка, а только одно свойство человѣческой натуры, доведенной до крайности. Художественные типы, въ самомъ дѣлѣ, бываютъ двухъ родовъ: одни служатъ представителями опредѣленной группы живыхъ людей, со всѣми ихъ разнообразными качествами, и хорошими, и дурными; таковы многія изъ фигуръ, изображенныхъ Л. Толстымъ, напримѣръ, князь Андрей и Долоховъ въ „Войнѣ и мирѣ“, Каренинъ и Облонскій въ „Аннѣ Карениной“; таковы нѣкоторые и изъ Тургеневскихъ героевъ, какъ напримѣръ, Рудинъ и Базаровъ. Но бываютъ и типы иного рода, — типы, не рисующіе человѣка во весь ростъ, а дающіе лишь какъ бы силуэтъ фигуры, — силуэтъ, въ которомъ главная, основная черта характера преувеличена до карикатурности. Типы этого рода въ литературѣ гораздо многочисленнѣе первыхъ, потому что они стоятъ художнику меньшаго труда. Всѣ они до нѣкоторой степени отвлеченны; таковы, напримѣръ, почти всѣ Мольеровскіе герои и большинство лицъ „Горя отъ ума“ и „Мертвыхъ душъ“; таковъ несомнѣнно и Обломовъ. Вотъ почему къ лицамъ этого рода нельзя примѣнять строгаго психологическаго анализа, требовать отъ ихъ авторовъ полной мотивировки каждаго изъ ихъ поступковъ. Въ сущности плоти и крови у нихъ нѣтъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ пружинъ человѣческой души у нихъ дѣйствуетъ только одна, объясняющая непонятныя странности ихъ поведения. Типы этого рода могутъ быть и яркими, могутъ становиться нарицательными, но все-таки они изображаютъ собою не живыхъ людей, а только воплощеніе отдѣльныхъ человѣческихъ свойствъ.

Герой романа „Тысяча душъ“, Калиновичъ, нисколько не похожъ на Обломова и Александра Адуева: ни по своему общественному положенію, ни по привычкамъ онъ не принадлежитъ къ помѣщицѣй средѣ. Калиновичъ прежде всего бѣд-

някъ, принужденный искать заработка и вступающій въ жизнь съ очень скромными задатками, но за то съ очень честолюбивыми надеждами на будущее. Онъ является, такимъ образомъ, прототипомъ не тѣхъ карьеристовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ романахъ и повѣстяхъ шестидесятыхъ годовъ. Въ то же время онъ преисполненъ самыхъ высокихъ понятій о цѣли своей будущей дѣятельности и вполне проникнутъ либерально-демократическими идеями сороковыхъ годовъ. Идеи эти у него, вдобавокъ, не плодъ гуманнаго воодушевленія, какъ у тургеневскихъ баричей, а естественный результатъ его собственного положенія: онъ самъ лично заинтересованъ въ ихъ торжествѣ. Калиновичъ стоитъ, такимъ образомъ, на перепутьи между тургеневскими лучшими людьми и героями-разночинцами шестидесятыхъ годовъ. И тѣмъ не менѣе у Писемскаго много общаго съ Гончаровымъ. Во-первыхъ, оба они реалисты въ полномъ смыслѣ слова, и у Писемскаго реализмъ идетъ даже въ ущербъ художественности, такъ какъ онъ выражается не въ одномъ только содержаніи, но и въ формѣ разсказа. Во-вторыхъ, характеръ Калиновича является такою же сатирою на романтическія увлеченія, какъ оба романа Гончарова, о которыхъ говорено выше. Вся суть, вся идея „Тысячи душъ“ заключается въ конфликтѣ между высокими стремленіями Калиновича и его болѣе низменными, матеріальными аппетитами. Результаты этого конфликта — побѣда вторыхъ надъ первыми. Несостоятельность благородныхъ мечтаній Калиновича обусловлена не дряблостью его характера самого по себѣ, а отсутствіемъ въ немъ той силы убѣжденій, которая помогла бы ему въ рѣшительную минуту устоять противъ эгоистическихъ соблазновъ. Для того, чтобы одновременно успѣть на жизненномъ пути и не пожертвовать своими нравственными принципами, нужны способности и сила воли недюжинныя и вѣрность своему дѣлу истинно-героическая, доходящая до готовности за нихъ пострадать. Такое сочетаніе практической умѣлости и нравственной чистоты — явленіе въ самомъ дѣлѣ очень рѣдкое. Если бы Калиновичъ былъ только идеалистомъ, для котораго неприкосновенность понятія о долгѣ выше всякихъ жизненныхъ благъ, онъ подходилъ бы подъ уровень тур-

геновскихъ героевъ и не представлялъ бы въ нашей литературѣ оригинальнаго типа; если бы онъ былъ простымъ искателемъ наживы, онъ бы, не смущаясь, вѣрно и прямо шелъ по дорогѣ къ успѣху и, вѣроятно, избѣгнулъ бы конечнаго крушенія. На бѣду, онъ натура раздвоенная и опять-таки не благодаря избытку рефлексіи, а вслѣдствіе того, что онъ преслѣдуетъ двѣ трудно согласуемыя цѣли и не находитъ въ себѣ достаточно ума и энергіи, чтобы ихъ примирить. Онъ сумѣлъ, правда, достигнуть богатства и высокаго служебнаго положенія, пожертвовавъ сперва для этого любимой дѣвушкой, а потомъ и собственной честью; но онъ все-таки не достаточно закаленный негодяй, чтобы скрыть концы въ воду и уйти отъ обличенія. Борьба, такимъ образомъ, происходитъ не внутри его самого, а въ его виѣшней дѣятельности, въ которой сталкиваются два разнородныхъ психическихъ мотива. И, конечно, его гибель, въ свою очередь, не просто казнь, совершенная надъ нимъ авторомъ, ради удовлетворенія нравственнаго чувства, — она вызвана прямою несовмѣстимостью двухъ началъ, лежащихъ въ основѣ его жизни, и является, такимъ образомъ, не только нравственно, но и логически неизбѣжною. Проблема заключающаяся въ судьбѣ Калиновича, — не психологическаго, а соціальнаго свойства. И въ противовѣсъ ему Писемскій вывелъ предъ читателемъ другого человѣка, тоже сдѣлавшаго карьеру и сохранившаго при этомъ незапятнанную честность — иновѣрика Бѣлавина. Въ типѣ Бѣлавина, являющагося впрочемъ въ романѣ болѣе разсуждающимъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ, Писемскій опять таки выказалъ много оригинальности. Заурядный писатель сопоставилъ бы Калиновича съ настоящимъ Донъ-Кихотомъ, говорящимъ прописныя истины и безкорыстнымъ до аскетическаго самопожертвованія. Но Бѣлавинъ не таковъ: онъ безусловно честенъ, но онъ и о себѣ не забываетъ. Голубиная чистота не убила въ немъ змѣиной мудрости. Бѣлавинъ практикъ, умѣющий избѣгать подводныхъ камней, не плывя исключительно по теченію. „Можно и слѣдуетъ” — какъ будто хотѣлъ сказать Писемскій — „оставаться вполнѣ хорошимъ человѣкомъ, не становясь мученикомъ и не жертвуя благами жизни”. Для этого, правда, нужно много ума

и много стойкости, но, вѣдь, тѣ только люди и годятся на что-нибудь, которые способны разомъ вывозить и себя и свои принципы, потому что какая же польза для самихъ принциповъ, когда изъ-за нихъ безплотно погибають честные люди? Вотъ каково послѣднее слово нашего практическаго реализма? Мы ниже увидимъ, къ какимъ выводамъ онъ пришелъ въ послѣдующую эпоху, когда борьба изъ области фикціи перешла въ дѣйствительную жизнь.

Къ Гончарову и Писемскому примыкаетъ Дружининъ съ своей „Полинькой Саксъ“. Перу Дружинина принадлежитъ нѣсколько такъ называемыхъ великосвѣтскихъ повѣстей, написанныхъ то слащавымъ, то вычурнымъ языкомъ и теперь совершенно позабытыхъ. Но среди этихъ, довольно таки бездарныхъ произведеній, авторъ которыхъ былъ, впрочемъ, далеко не бездарный и во всякомъ случаѣ очень образованный человѣкъ, замѣтно выдѣляется одно, въ которомъ Дружинину удалось создать два живыхъ лица, почти достигающихъ типичности. Граціозная женщина-дѣтя, безсознательно наивная въ своей капризной виновности, Полинька Саксъ въ свое время обворожила читающую публику и до сихъ поръ не утратила своей прелести; а мужъ ея, дѣловитый и умный чиновникъ, не перестаетъ быть симпатичнымъ, когда ему измѣняетъ жена, и не становится ни смѣшнымъ, ни жалкимъ, когда онъ ей великодушно прощаетъ. Заслуга Дружинина въ томъ, что онъ сумѣлъ подняться выше своего сюжета и въ одинаковой мѣрѣ сдѣлать понятными и заслуживающими сочувствія и серьезнаго мужа, неудачно женившагося на легкомысленной дѣвушкѣ, и самую эту дѣвушку, какъ бы не виноватую въ своемъ паденіи. Оба они въ своей печальной судьбѣ какъ бы выражаютъ собою нравственный урокъ, хотя въ романѣ нѣтъ ни прямого нравоученія, ни даже скрытой тенденціозности. И когда Полинька умираетъ, оставаясь тѣмъ же ребенкомъ въ своемъ раскаяніи, какимъ она была въ минуту паденія, превосходство обманутаго мужа ничуть не затемняетъ состраданія къ бѣдной взбалмошной женѣ. Высшая точка зрѣнія, съ которой авторъ не то что извиняетъ обоихъ, а дѣлаетъ ихъ поступки для насъ одинаково понятными, обезпечиваетъ за романомъ Дружинина

его сравнительную живучесть. Хотя дарованіе автора и не может сравниться по яркости съ талантомъ Гончарова, его Саксъ гораздо менѣе сухая, деревянная фигура, чѣмъ гончаровскій Штольцъ. И когда онъ выдаетъ намъ обманутаго мужа Полиньки за положительнаго героя, за умнаго и ревностнаго служителя родины, мы охотно присоединяемся къ его мнѣнію, точно такъ же, какъ нельзя отказать въ сочувствіи поэтической, хоть и нравственно слабой Полинькѣ.

Нельзя не поставить, въ виду этого, романъ Дружинина на ряду съ произведеніями Писемскаго и Гончарова. Въ немъ тоже выражается практическій реальный европеизмъ, который въ культурѣ Запада прежде всего поклоняется ея толковой дѣловитости. Мужъ Полиньки почти даже не русскій по темпераменту, до того Дружининъ въ немъ подчеркнул его полунѣмецкую аккуратную добросовѣстность. И не будь въ немъ высоко-гуманной, уже чисто русской способности забывать понесенную обиду, онъ вышелъ бы совсѣмъ иностранцемъ. Какъ бы то ни было, въ основной чертѣ его характера нельзя не видѣть со стороны Дружинина открытаго поклоненія тому отличительному свойству западной культуры, которая всего болѣе чужда русскому духу, и потому авторъ „Полиньки Саксъ” несомнѣнно является на ряду съ Гончаровымъ и Писемскимъ однимъ изъ носителей западнаго реализма въ нашей беллетристикѣ.

Національное направленіе въ литературѣ 40-хъ годахъ.—Старорусская оппозиція противъ Пушкина. — Характеристика ученія славянофиловъ. — Перерожденіе славянофильства.

Объ литературныя школы, о которыхъ только что было говорено, при всей своей противоположности, имѣли тѣмъ не

менѣ одну общую точку соприкосновенія: обѣ онѣ въ одинаковой мѣрѣ относились къ русской дѣйствительности отрицательно, другими словами, обѣ онѣ были западническими. Въ сороковые годы, однако, не вся наша литература придерживалась этихъ отрицательныхъ взглядовъ. Въ эту эпоху сильнаго умственного движенія выступила цѣлая фаланга писателей, проникнутыхъ любовью къ родному складу русской жизни и къ особому родному идеалу, присущему этой жизни въ политическомъ, социальномъ и религіозномъ отношеніи. И, странное дѣло, это національное направленіе въ свою очередь было навѣяно съ Запада. Читатель помнитъ конечно, что въ числѣ элементовъ, вошедшихъ въ составъ западнаго романтизма, былъ одинъ, довольно долго почти отсутствовавшій въ нашей литературѣ — элементъ національно-патріотическій. Во Франціи и Германіи, благодаря тому, что эпоха Наполеоновскихъ войнъ привела сперва къ порабоженію Германіи, а потомъ къ ниспроверженію французскаго господства въ Европѣ, національное движеніе выразилось, какъ идея объединенія — въ Германіи, какъ идея отместки, реванша — во Франціи. У насъ ничего подобнаго оказаться не могло, потому что наша борьба съ Наполеономъ не только не привела къ пораженію Россіи, а стала, напротивъ, главной эпопеей нашей военной исторіи. Намъ, стало быть, не о какомъ возстановленіи народнаго единства и народной самостоятельности мечтать не приходилось. Отголоски русскихъ побѣдъ звучать, правда, иногда у нашихъ романтиковъ — у Жуковского, Пушкина, Лермонтова, — но звучать лишь изрѣдка, какъ бы мимоходомъ, потому что бряцаніе оружіемъ и военные клики вообще мало свойственны русской натурѣ. Таковы стихотворенія: „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ” Жуковского, „Полководецъ”, „Бородинская годовщина”; „Клеветникамъ Россіи” Пушкина, „Бородино”, Лермонтова. Было, правда, и у насъ литературное направленіе, опередившее даже появленіе романтизма и задавшееся прославленіемъ нашей старины, при томъ старины и по отношенію къ самой формѣ литературной рѣчи. Извѣстно, съ такимъ упорнымъ протестомъ критики этого направленія встрѣтили поэзію Пушкина, усматривая въ удивительной простотѣ егѣ

языка какое-то посягательство на русское слово. Это направлѣніе, однако, ничего общаго не имѣло съ тою національною струей, которая проникала собою западный романтизмъ 20-хъ годовъ. Оно проявлялось исключительно въ области формы, языка и выступало съ такими узкими, закорузлыми понятіями, съ такимъ полнымъ отсутствіемъ таланта, что какого-либо ощутительнаго вліянія на литературу оказать не могло. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, было убѣдить русскаго читателя, что и языкъ Пушкина, и мотивы его творчества не менѣе національны, чѣмъ торжественная лирика Державина и тяжеловѣсные періоды до-Пушкинской прозы. Не доставало, впрочемъ, тогдашнимъ защитникамъ нашей старины самаго главнаго — того воодушевленія, безъ котораго никакая пропаганда не дѣйствительна, и которое, въ свою очередь, находитъ себѣ источникъ лишь въ страстномъ національномъ чувствѣ. А для проявленія такого чувства не имѣлось въ то время достаточнаго повода: не могло оно, въ самомъ дѣлѣ, зажечься отъ воспоминаній о московскомъ періодѣ нашей исторіи и о нашей литературѣ прошлаго столѣтія. Первые рисовали намъ картины замкнутого полу-азіатскаго быта, — Домострой, казни Іоанна IV, заворничество женщинъ, лихоимство воеводъ и приказовъ; вторые снабжали насъ образцами напыщеннаго слога, который на половину былъ сотканъ изъ церковно-славянскихъ, на половину изъ иностранныхъ словъ. И то, и другое особаго энтузіазма возбудить не могло.

Были, правда, у насъ и воспоминанія иного рода — вѣчевой колоколь, новгородская вольница и казачество, и нельзя отрицать, что все это вполне годилось, какъ матеріалъ для поэтическаго вдохновенія. Но, во-первыхъ, все это было не совсѣмъ удобно въ цензурномъ отношеніи, а во-вторыхъ — и это главное — національное чувство, какъ элементъ литературнаго творчества, можетъ ухватиться лишь за такія явленія историческаго прошлаго, которыя выражаютъ собою главную господствующую струю народнаго развитія. Между тѣмъ, упомянутыя явленія стояли въ оппозиціи къ главному центру нашей исторической жизни — въ Москвѣ, и въ концѣ концовъ должны были исчезнуть, подавленныя ею. Прославлять такія

воспоминанія значило, стало быть, отрицать самый ходъ русской исторіи, становясь на сторону противниковъ ея главнаго, ея наиболѣе крупнаго созданія — объединенія русской земли. Не стоитъ доказывать, что такое настроеніе было бы какъ разъ анти-національнымъ. Въ нашемъ историческомъ прошломъ, какъ сложилось это прошлое при торжествѣ Москвы, оно не нашло бы пищи для сочувствія и увидѣло бы въ немъ поводъ къ безплоднымъ и унылымъ сѣтованіямъ.

Какимъ же образомъ могло случиться, что эта московская старина, лишенная всякаго поэтическаго обаянія, все-таки сдѣлалась предметомъ увлеченія? Какимъ образомъ въ такую эпоху, какъ сороковые года, эта старина, на которой лежалъ отпечатокъ невѣжества и застоя, могла воодушевить собою цѣлую группу высокообразованныхъ и талантливыхъ людей? Случилось это по двумъ причинамъ. Несмотря на побѣду надъ центробѣжными элементами русской жизни, Москва, въ свою очередь, была, если не побѣждена, то, по крайней мѣрѣ, отодвинута на задній планъ новой столицей и усвоенными ею внѣшними формами европейскаго быта. Русский народъ, восторжествовавшій надъ всѣми своими врагами, включившій въ составъ огромнаго русскаго государства цѣлый рядъ чужихъ національностей, въ нравственномъ отношеніи оказывался побѣжденнымъ. Высшіе его классы отшатнулись отъ роднаго склада жизни, сбросили національную одежду, отступились отъ многихъ изъ обрядовъ національной религіи, перестали даже говорить на родномъ языкѣ. Населеніе покоренныхъ окраинъ не только не сливалось съ своими побѣдителями, но обнаруживало явное презрѣніе ко всему, что носило на себѣ національно-русскій отпечатокъ. Господствующая народность оказывалась такимъ образомъ въ положеніи народности какъ бы подавленной; ея обычаи, ея вѣра и языкъ становились какъ бы принадлежностью низшей расы. Эта поразительная аномалія долго не примѣчалась вслѣдствіе того, что носителями просвѣщенія были исключительно люди изъ того высшаго класса, который пересталъ жить и мыслить по-русски. Чтобы въ русскомъ обществѣ пробудилось сознаніе неестественности такого порядка вещей, нуженъ былъ новый толчекъ съ Запада. И толчекъ

этотъ былъ данъ въ 30-е годы, притомъ въ двоякой формѣ. 30-е годы были эпохой возбужденія сильнаго національнаго чувства повсюду, гдѣ имѣлись угнетенныя народности, находившіяся въ зависимости отъ иноплеменныхъ покорителей, либо тамъ, гдѣ народности, единыя по крови, были политически разъединены. Движеніе приняло вслѣдствіе того характеръ стремленія къ независимости въ первомъ случаѣ, стремленія къ единству— во второмъ. Оно заключало въ себѣ много данныхъ для внутренняго противорѣчія, потому что то самое чувство, которое въ покоренномъ меньшинствѣ, какъ въ Ирландіи, Бельгіи, Венгріи, вызывало желаніе сбросить съ себя чужое господство, внушало большинству желаніе это господство упрочить и распространить. Но въ то время не замѣчали этого противорѣчія, и борьба за освобожденіе однихъ казалась такою же симпатичною, какъ усилія другихъ сплотиться въ одно политическое цѣлое. Во всякомъ случаѣ оба стремленія носили на себѣ революціонный характеръ, потому что оба они въ одинаковой мѣрѣ шли наперекоръ политическому устройству Европы, созданному Вѣнскимъ конгрессомъ.

Одновременно съ этимъ политическимъ движеніемъ происходило другое, въ мирной области философіи, движеніе не столь шумное, но одинаково значительное по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ оно придавало первому внутреннее содержаніе и смыслъ. Ученіе Шеллинга и Гегеля — такъ называемая школа нѣмецкаго объективнаго идеализма — впервые попыталось опредѣлить формулу историческаго развитія каждаго отдѣльнаго народа, выводя эту формулу не изъ внѣшнихъ признаковъ политическаго устройства, а изъ внутренняго роста народной жизни. Каждый историческій народъ, сообразно этой формулѣ, признавъ осуществить присущую ему идею, и эта историческая роль обезпечиваетъ за нимъ право на самостоятельность. Этимъ признакомъ, т. е. постепеннымъ развитіемъ и осуществленіемъ идеи, историческіе культурные народы и отличаются отъ неисторическихъ. Такое понятіе о національности и о государствѣ, какъ высшей формѣ народной жизни, было совершенно чуждо философіи XVIII вѣка. Какъ извѣстно, критицизмъ прошлаго столѣтія имѣлъ лишь дѣло съ отвлечен-

ной человѣческой личностью, повсюду и всегда равной самой себѣ, т. е. одинаково способной устроить свою жизнь согласно требованіямъ разума. Народъ съ этой точки зрѣнія являлся лишь случайнымъ аггломмератомъ единицъ, связанныхъ между собою договоромъ, и права этого народа вытекали не изъ его исторіи, а изъ прирожденныхъ каждому человѣку совершенно одинаковыхъ, естественныхъ правъ. Шеллингъ и Гегель, разставаясь съ этимъ чисто-раціоналистическимъ міросозерцаніемъ, видѣли напротивъ въ каждомъ народѣ продуктъ историческаго процесса и потому допускали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ большое различіе въ формахъ общественнаго устройства. Ученіе это несомнѣнно представляло собою значительный шагъ впередъ, такъ какъ въ разнообразіи историческихъ явленій оно видѣло не результатъ случайностей, а плодъ медленнаго процесса и объясняло эти явленія не посредствомъ абстрактной логики, а путемъ анализа конкретныхъ историческихъ фактовъ. Признавая законность каждаго историческаго явленія самого по себѣ, оно въ существѣ своемъ было конечно консервативнымъ, такъ какъ не противопоставляло дѣйствительности никакого отвлеченнаго и абсолютнаго идеала, не признавало оно въ то же время за каждой народностью и право на самостоятельную жизнь, а тѣмъ самымъ вело къ усилению народнаго самосознанія. Посягательства на независимость отдѣльныхъ народовъ не всегда совершались во имя отвлеченной логики и непризнанія историческихъ правъ: часто они были дѣломъ простого насилия, не освященнаго никакимъ принципомъ. И во всѣхъ такихъ случаяхъ — а въ Европѣ ихъ было довольно много — ученіе нѣмецкихъ философовъ, при всемъ своемъ консерватизмѣ, прямо вело къ революціи, такъ какъ во имя исторіи оно подстрекало къ ниспроверженію такого порядка, который насильственно включалъ въ одно политическое тѣло различныя національности, или одну и ту же національность столь же насильственно разъединялъ.

Все это не могло не отразиться и у насъ. Долго дремавшее русское самосознаніе наконецъ пробудилось. Русскимъ, правда, не было повода жаловаться на разрозненность отдѣльныхъ частей своего народа, или на то, чтобы которая либо изъ

его отраслей находилась подъ чужестраннымъ игомъ. Но если съ внѣшней, матеріальной стороны русскій народъ представлялъ нѣчто въ высшей степени законченное, то въ нравственномъ, культурномъ отношеніи онъ подвергался унижительной подчиненности. И въ образованномъ русскомъ обществѣ съ конца 30-хъ годовъ все сильнѣе поднимается тревожный вопросъ: съ какой стати терпѣть такое униженіе могущественному русскому народу, съ какой стати ему добровольно отказываться отъ самостоятельной родной культуры, такъ сказать, обезличивать себя, оставаясь вѣчнымъ данникомъ западной цивилизаціи? Исторія не только дала русскому народу очень опредѣленную фізіономію,—его національныя черты въдобавокъ отличаются большою рѣзкостью и содержатъ въ себѣ много новаго. И по своему религіозному чувству, и по семейному и общественному складу онъ не только отличается отъ народовъ романо-германскаго Запада, но быть его да же содержитъ задатки будущаго обновленія этого самаго Запада. Задатки эти, правда, сохранили грубый, не законченный видъ, но виною тому насильственный переворотъ, остановившій ростъ народной жизни, чтобы налѣпить на нее снаружи форму жизни Запада, и оторвавшій отъ народной массы ея передовую, наиболѣе развитую часть, оболоченную блескомъ европейской культуры. Вновь образовавшая школа поставила себѣ задачей сомкнуть порванную цѣпь русской исторіи и оживить заглухнувшіе ростки національнаго развитія. Становясь, такимъ образомъ, въ оппозицію къ реформѣ Петра, эта школа вовсе не думала возвращаться назадъ и разрывать съ европейскимъ просвѣщеніемъ; она хотѣла только привить это просвѣщеніе къ родному стволу, чтобы оно перестало быть обманчивою вывѣской и, претворившись въ народныхъ понятіяхъ, создало особый самостоятельный типъ русской культуры. То обстоятельство, что перестали жить по-русски у насъ высшіе классы, придавало даже новому направленію передовой, демократическій характеръ и дѣлало его подозрительнымъ для тогдашнихъ властей. Одѣваясь въ народный костюмъ, строго соблюдая религіозные обряды и очищая свою рѣчь отъ иностранныхъ словъ, вожди народившагося славянофильства по необходимости должны были

искать въ простомъ народѣ, въ мужикѣ, чистыя, нетронутыя формы русской жизни. Такимъ образомъ, по странной игрѣ насмѣшливой судьбы, крестьянскій тулупъ и зипунъ, ношеніе бороды и строгая православная обрядность превратились въ какіе-то прогрессивные, демократическіе символы. Много было конечно дѣланности и комизма въ этомъ святочномъ переряживаніи себя въ мужика со стороны такихъ высоко культурныхъ людей, какъ Хомяковъ, Кирѣевскій и К. Аксаковъ, и въ томъ, какъ передѣлывали они московскую старину, находя въ ней черты гуманности и свободы, было много самообольщенія. Но во всемъ этомъ было и нѣчто почтенное и плодотворное — стремленіе изучить и поднять русское простонародье и въ то же время страхнуть съ себя приниженное искательство передъ Западовъ, то нелѣпое поведеніе культурнаго выскочки, въ которомъ обвиняли не безъ основанія нашихъ подражателей Европы.

Имѣлась впрочемъ у славянофильской программы и другая сторона, отъ которой была даже заимствована кличка, приданная цѣлой школою. Если русскому народу — думали славянофилы — и удалось создать обширное государство, то прочія отрасли славянской расы не только разрознены, но и находятся сверхъ того подъ чужимъ владычествомъ. Пробудить чувство племенной солидарности между ними, вызвать у каждой изъ нихъ стремленіе сохранить и поддержать родной языкъ и культуру и добиться политической зависимости — вотъ та широкая цѣль, которую они себѣ поставили. Мерешилось при этомъ конечно, что объединителемъ славянства и старшимъ братомъ въ союзѣ станетъ русскій народъ. Такимъ образомъ революціонная идея объ освобожденіи славянскихъ народностей совпадала съ идеей совершенно иного рода — съ объединеніемъ этихъ народностей подъ русской державой. Эта двойственность придаетъ славянофильству много оригинальнаго въ исторіи русской литературы и привело его къ заключенію самыхъ противоположныхъ союзовъ, то съ передовою частью русскаго общества, во имя демократизма, то съ консервативными его отѣнками, во имя старины. Но было у славянофиловъ и другое, еще болѣе коренное внутреннее противорѣчіе. Будучи

одновременно сторонниками славянского единства и русского народного склада, они совершенно упускали изъ виду, что исторія внесла въ бытъ западныхъ славянъ много такихъ чертъ, которыя русскому быту совершенно чужды и притомъ не согласны между собою, — какъ сильное развитіе дворянства и католицизма у чеховъ и поляковъ, и полное отсутствіе сословности у сербовъ и болгаръ. Помирить между собою эти разношерстные свойства было задачею едва ли выполнимою.

И за все время существованія славянофильства замѣтно въ немъ постоянное колебаніе между двумя полюсами его доктрины — между пропагандой славянского единства — съ одной стороны, и культомъ русской самобытности — съ другой. На противорѣчіи этихъ двухъ сторонъ славянофильской программы и основано довольно таки искусственное дѣленіе цѣлой школы на двѣ группы — на чистыхъ славянофиловъ и, такъ называемыхъ, почвенниковъ. У первыхъ будто бы преобладаетъ стремленіе осуществить особые идеалы славянской расы, насколько они выразились и въ русскомъ народѣ, вторые удовлетворяются восхаленіемъ русской дѣйствительности, въ томъ числѣ государственнаго строя. Признавая за славянствомъ вообще и за русскимъ народомъ, въ особенности, право на самостоятельную историческую роль, чистые славянофилы не дѣлаютъ себѣ иллюзій насчетъ слабыхъ сторонъ русскаго національнаго характера и несовершенствъ русскаго общественнаго склада. Ихъ произведенія богаты громкими обличеніями этихъ несовершенствъ. Они поклоняются не реальнымъ формамъ родной жизни, а тѣмъ высокимъ задаткамъ, которые, по ихъ мнѣнію, содержатся въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ русскаго народа. У нихъ оказывается, такимъ образомъ, много общаго съ ученіемъ либеральныхъ западниковъ, тавъ какъ идеалы у нихъ одинаковы, съ тою лишь разницею, что западники находятъ идеалы эти осуществленными въ европейской культурѣ, а славянофилы отыскиваютъ ихъ въ полубезсознательныхъ стремленіяхъ русскаго народа. Почвенники, наоборотъ, склонны восхвалять современную русскую дѣйствительность, какъ бы неприглядна она ни была. Любовь къ родинѣ выражается у нихъ въ самой узкой формѣ такъ называемаго кваснаго патріотизма, го-

товаго прозирать и давить все чужое, во имя національной гордости и національнаго эгоизма. Я назвалъ это дѣленіе искусственнымъ, потому что у самыхъ первыхъ славянофиловъ, — у Хомякова и К. Аксакова, — патріотическая струна звучитъ также сильно, какъ у наиболѣе типичнаго изъ такъ называемыхъ почвенниковъ, у Данилевскаго, и произведенія ихъ полны самыхъ горячихъ обличеній несостоятельности западной культуры. Въ то же время многіе изъ почвенниковъ, какъ Достоевскій, Страховъ, Ап. Григорьевъ, постоянно указываютъ на одну черту русскаго характера — на глубокое смиреніе русскаго человѣка и на способность его увлекаться идеей общечеловѣческаго братства: достаточно указать на извѣстную рѣчь Достоевскаго, сказанную на Пушкинскомъ торжествѣ. Единственнымъ признакомъ, могущимъ служить для раздѣленія славянофиловъ на двѣ группы, является большая или меньшая степень ихъ увлеченія славянскимъ единствомъ. Но и этотъ признакъ годится развѣ, какъ отличіе позднѣйшихъ славянофиловъ отъ ихъ предшественниковъ: съ теченіемъ времени, въ самомъ дѣлѣ, благодаря разочарованіямъ послѣдней восточной войны, обще-славянская идея постепенно меркнетъ и славянофильская школа все болѣе становится строго національной, усваивая себѣ принципъ: „Россія — для русскихъ”. Но и въ этомъ отношеніи она лишь слѣдуетъ примѣру цѣлой Европы, гдѣ повсюду за послѣднія 30 лѣтъ, національный антагонизмъ сталъ проявляться сильнѣе.

Мы не станемъ здѣсь изучать славянофильское движеніе въ трехъ главныхъ областяхъ, въ которыхъ оно выразилось особенно замѣтно — философской, религіозной и политической. Поэты и публицисты славянофильства, — Хомяковъ, Тютчевъ, Мей, братья Аксаковы и Кирѣевскій, — при всей своей высокой талантивости стоятъ внѣ рамокъ настоящаго изслѣдованія. Я задался цѣлью прослѣдить лишь развитіе идей, проявившихся въ области литературнаго творчества, и я такъ долго остановился на славянофильствѣ лишь затѣмъ, чтобы выяснить ту своеобразную точку зрѣнія, на которой основалась у насъ цѣлая литературная школа, въ совершенномъ противорѣчій съ главнымъ теченіемъ нашей литературы. Мы видѣли, что теченіе это относилось къ

русской дѣйствительности отрицательно и сообразно этому представляло себѣ задачу лучшихъ людей, какъ борьбу либо противъ, общественнаго склада, либо противъ дурныхъ сторонъ національнаго характера. Понятно, что славянофилы не могли сдѣлать ни того, ни другого: они уважали общественные порядки, при всѣхъ ихъ несовершенствахъ, какъ продуктъ исторіи, а народный характеръ былъ имъ дорогъ. Недостатки того и другого они приписывали лишь извращенію роднаго склада, и потому задача истинно русскаго человѣка представлялась имъ какъ возвращеніе къ родной почвѣ, какъ строгое соблюденіе національныхъ обычаевъ. А въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ требованія общечеловѣческой нравственности, они указывали на одну преобладающую черту въ народномъ характерѣ, на которой, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ основать нравственное усовершенствованіе. Черта эта — смиренное незлобіе русскаго человѣка и его способность къ всепрощенію. Мы тотчасъ увидимъ, что она служить главнымъ мотивомъ не только въ творчествѣ единственнаго романиста, прямо примыкающаго къ славянофильству, С. Аксакова, но и двухъ писателей, имѣющихъ съ славянофильствомъ лишь косвенную связь — Достоевскаго и Льва Толстаго.

Сергѣй Аксаковъ. — „Семейная хроника“ „Дѣтскіе годы“ — Григорьевъ. — Добролюбовъ. — Достоевскій „Бѣдные люди“ и „Первое творчество его“.

Если бы какому нибудь иностранному критику, не знакомому съ нашей литературой, пришлось впервые прочитать главные произведенія эпохи сороковыхъ годовъ, если бы познакомившись съ тургеневскимъ Рудинымъ, съ гончаровской „Обыкновенной исторіей“, съ романомъ Герцена „Кто виноватъ?“, онъ бы поочередно взялъ въ руки „Бѣдныхъ людей“ Достоев-

скаго, „Семейную хронику“ Аксакова, „Севастопольскіе рассказы“ и „Казаковъ“ Толстого, ему показалось бы вѣроятно, что онъ вдругъ перенесся въ совершенно новый, противоположный міръ понятій. Въ первомъ рядѣ произведеній онъ имѣлъ дѣло съ людьми, стремящимися порвать съ установившимся складомъ жизни, съ людьми, чьи взоры обращены къ Западу, откуда они ждутъ обновленія. И вотъ, когда онъ переходитъ къ писателямъ второй группы, онъ видитъ, что этотъ самый яко бы уродливый бытъ очерченъ съ любовью, что въ своей исторической мощи онъ сильнѣй и устойчивѣе отдѣльнаго члѣовѣка; что правду можно отыскать, не пытаясь обновить этотъ бытъ, а, наоборотъ, усвоивъ себѣ его родные за-вѣты, что не гордому самомнѣнію реформатора, а, напротивъ, смиренной покорности и единенію съ родною почвою и роднымъ народомъ достается нравственная побѣда. Нѣтъ уже передъ нами героевъ стоящихъ выше толпы и призванныхъ учить ее; настоящий герой здѣсь — сама толпа съ ея заурядною жизнью къ какой бы средѣ эта толпа ни принадлежала, — къ провинціальному дворянству, къ мелкому люду низшаго чиновничества, или къ настоящему, заправскому народу. Жалкое ничтожество отдѣльнаго чловѣка передъ толпой, ненужность всякихъ усилій, чтобы выдѣлиться изъ этой толпы, необходимость преклониться передъ той единственной правдой, которая ей доступна, — вотъ главная мысль, проходящая чрезъ всѣ созданія этихъ писателей и съ особенной рельефностью выраженная Л. Толстымъ. Вотъ почему соединяются въ одну группу романисты, столь разнохарактерные и по міросозерцанію, и по литературной манерѣ, и даже по взглядамъ, какъ Достоевскій, С. Аксаковъ и Толстой. Нужды нѣтъ, что по формѣ и языку Аксаковъ очень близко подходитъ къ Тургеневу, несмотря на всю свою славянофильскую окраску, что Толстой совершенно чуждъ этой окраски, что, наконецъ, у Достоевскаго нѣтъ и слѣда той объективной реальной образности, которая у Толстого достигаетъ своего полнѣйшаго выраженія, — при всѣхъ этихъ различіяхъ трехъ названныхъ писателей сближаетъ указанная выше черта — поклоненіе почвеннымъ идеаламъ. Только идеалы эти у каждаго изъ нихъ выразились своеобраз-

но — въ видѣ прочнаго быта хорошей дворянской семьи у Аксакова, въ видѣ религіозно-правственнаго мистицизма у Достоевскаго, наконецъ, въ видѣ инстинктивной, безсознательной жизненной правды у Толстого.

„Семейная хроника“ и „Дѣтскіе годы Багрова внука“ — единственные два крупныхъ произведенія С. Аксакова — рисуютъ картину быта старинной дворянской семьи въ провинціальномъ захолустьѣ на дальней восточной окраинѣ, какою еще была въ началѣ текущаго вѣка Уфимская губернія. И полудикая природа почти безлюднаго Оренбургскаго края, и нравы его обитателей, и сама коренастая фигура главы семьи, дѣдушки Багрова, — все это носитъ характеръ непочатой первобытности и какой-то элементарной, непосредственной простоты. Никакого слѣда внутренней развѣдающей тревоги, мучительнаго анализа семейной и социальной борьбы въ этой картинѣ не отыщешь. Все дышитъ въ ней глубокимъ миромъ твердо установившагося склада, все напоминаетъ величавое спокойствіе неприкосновеннаго вѣковаго лѣса. И самъ дѣдушка Багровъ въ своей неоспоренной патріархальной власти высится надъ жизнью остальной семьи, какъ могучій дубъ надъ молодую порослью. Не какими-нибудь выдающимися свойствами ума и характера, а спокойнымъ авторитетомъ старины и преданій онъ господствуетъ надъ окружающимъ его міркомъ, и никакого сомнѣнія въ его отеческой власти, никакого протеста это господство не вызываетъ. Семья живетъ и множится, какъ природа, — спокойно, безсознательно, — въ силу какого-то непреложнаго внутренняго закона. Само собою разумѣется, что Аксаковъ вовсе не думалъ выставить такую семью, какъ обычный типъ помѣщичьей жизни, какъ условіе крѣпостнаго быта. Не апологію крѣпостничества онъ писалъ въ своей хроникѣ, а лишь непосредственное воспроизведеніе своихъ дѣтскихъ воспоминаній, конечно претворенныхъ фантазіей истиннаго художника. Семья Багровыхъ не типъ, а лишь единичное явленіе древняго склада помѣщичьяго быта, такое явленіе, на которомъ мысль и чувство могутъ остановиться, какъ на идеальной формѣ этого быта. И что придаетъ этотъ идеальный характеръ нарисованной Аксаковымъ картинѣ? Плоный, невоз-

мутимый миръ и среди членовъ семьи, и въ отношеніяхъ ея къ окружающему крестьянскому люду, сознаніе законности, прочности и, главное, правды этихъ отношеній, основанныхъ не на буквѣ закона, а на традиціи, сросшейся съ людьми. Правда эта чувствуется въ полномъ созвучіи людской жизни съ природой, въ любви къ ней поколѣній, мирно отвоевавшихъ прочный семейный уголь у ея первобытной дикости. Чувствуется она и во взаимныхъ отношеніяхъ живыхъ людей, потому что съ одной стороны, нѣтъ попытки злоупотреблять властью, съ другой — нѣтъ сомнѣнія въ ея полной законности. И въ то же время эта мирная жизнь вовсе не представляется соннымъ царствомъ. Точно такъ же, какъ дѣдушка Багровъ, поселившись на дѣвственной Уфимской почвѣ, пробудилъ ея дремавшую производительную силу, отстроилъ усадьбу, распахалъ поля, поставилъ на рѣкѣ мельницу, — словомъ, примѣнилъ къ ней свое знаніе и энергію, — такъ въ младшемъ поколѣніи, въ учебные годы его внука, университетское образованіе такую же мирною струей вливается въ семейную жизнь, не нарушая ея стройной гармоніи. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы въ пятидесятихъ годахъ такимъ долженъ былъ представляться идеаль русской жизни передовымъ людямъ того времени. Семья Багровыхъ была уголкомъ этой жизни, и очень небольшимъ уголкомъ. Но въ тогдашнемъ хорѣ страстныхъ обличеній могла прозвучать и эта спокойная мажорная нота, какъ напоминаніе того, что и въ старинномъ складѣ не все заслуживало отрицанія, и рядомъ съ законнымъ стремленіемъ къ реформамъ, такимъ же законнымъ было право на существованіе здоровыхъ ростковъ, какіе все-таки кое-гдѣ пускало старинное дерево русской жизни.

Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку. Извѣстно, что С. Аксаковъ упорно отрицалъ существованіе органической связи между обоими своими главными произведеніями и былъ крайне недоволенъ, что тогдашняя критика въ „Воспоминаніяхъ Багрова внука“ хотѣла видѣть продолженіе „Семейной хроники“. Не стану подробно разбирать вопросъ о полной искренности этого неудовольствія Аксакова. И хотя вѣроятно семья Багровыхъ та самая, о которой говорится въ „Семейной хроникѣ“,

другими словами, оба романа одинаково носят автобиографическій характеръ, я и здѣсь останусь вѣренъ своему правилу — не выходить изъ области чисто-литературной критики и не касаться частной жизни писателя. Аксаковъ отрицалъ тождество обѣихъ нарисованныхъ имъ семей: съ насъ этого довольно и сомнѣваться въ его увѣреніяхъ мы не станемъ. Но помимо тождества полного, буквального, есть иное — нравственное, есть сходство бытовое и психологическое, и между обоими романами оно несомнѣнно существуетъ. Обѣ семьи, если онѣ даже различны, представительницы одного жизненнаго склада и одинаковаго духа. Вотъ почему, не выходя изъ рамокъ того матеріала, какой даютъ оба произведенія Аксакова, мы въ правѣ разсматривать ихъ какъ двѣ части одного цѣлаго.

Я сказалъ уже, что С. Аксаковъ — единственный представитель чистаго славянофильства въ нашей беллетристикѣ. Это обстоятельство, впрочемъ, не оказало сильнаго вліянія на его литературныя произведенія, которыя бы могли быть написаны и не славянофиломъ. Ученіе славянофильской школы гораздо сильнѣе отразилось на другомъ писателѣ, не беллетристѣ по роду своей дѣятельности, но главномъ выразителѣ идеи этой школы въ области критики, — на Ап. Григорьевѣ. Какъ создатель такъ называемой „органической критики“, Ап. Григорьевъ примѣнилъ къ этой отрасли литературы главную основу славянофильскаго ученія, а съ нимъ вмѣстѣ и ученія цѣлой исторической школы — необходимость органическаго развитія всѣхъ явленій общественной жизни, въ томъ числѣ и литературы. Произведенія родного слова казались ему не произвольными созданіями единичнаго творчества, а выраженіями безсознательной жизни народа въ его совокупности, и потому онъ понималъ разборъ такихъ произведеній не какъ примѣненіе къ нимъ эстетическаго мѣрила, а лишь какъ изслѣдованіе отражавшихся въ нихъ общественныхъ явленій. Его критическій методъ какъ будто очень близко подходитъ къ манерѣ Добролюбова, тоже большого охотника смотрѣть на литературу съ общественной точки зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ коренное различіе между обоими критиками сводится лишь къ тому, что

ихъ партійные взгляды были во многомъ противоположны. На сколько въ глазахъ Добролюбова задача литературы сводилась къ преобразовательной работѣ въ смыслѣ западныхъ демократическихъ идеаловъ, на столько для Григорьева ея цѣль заключалась въ выясненіи національных особенностей русской жизни. Положимъ и его симпатіи тянули въ сторону демократіи, но демократіи исконно русской, нашедшей себѣ выраженіе въ бытѣ великорусскаго народа, въ мірскомъ, общинномъ строѣ и въ преданіяхъ русской старины. Словомъ это былъ демократизмъ совершенно мирнаго свойства, вѣрный традиціямъ и не призывающій ни къ какой сословной борьбѣ. Тамъ, гдѣ Добролюбовъ обличалъ мертвенный застой русской жизни, Ап. Григорьевъ видѣлъ твердую вѣрность народнымъ идеаламъ и здоровымъ преданіямъ русской старины; тамъ, наоборотъ, гдѣ Добролюбовъ привѣтствовалъ нѣкоторое проявленіе свободы и протеста, Григорьевъ оплакивалъ нарушеніе этихъ традицій, отступленіе отъ стародавняго склада семейной и общественной жизни. За примѣрами недалеко ходить. Въ двухъ статьяхъ, посвященныхъ Островскому и названныхъ имъ „Темное царство" и „Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ", Добролюбовъ съ необыкновенною яркостью воспроизвелъ картину заурядныхъ нравовъ купечества и прославлялъ героиню „Грозы" за то, что она искала спасенія отъ домашняго гнета сперва въ свободной любви, а потомъ — въ добровольной смерти. Разбирая Островскаго, въ свою очередь Ап. Григорьевъ не возмущался самодурствомъ его героевъ и закоснѣлостью семейнаго деспотизма въ купеческомъ быту, а видѣлъ въ этомъ быту лишь строгое соблюденіе древняго склада простонародной семьи. Его идеаль — не Катерина, такъ какъ, по его понятіямъ, грѣховная любовь не можетъ быть признана исходомъ изъ тяжелой жизненной обстановки, — а Любимъ Торцовъ изъ пьесы „Бѣдность — не порокъ". Любимъ Торцовъ сохранилъ среди безпутнаго разгула вѣрность истинной народной правдѣ, той правдѣ, которая заключается не во внѣшней порядочности, а въ душевной прямоствѣ, въ способности любить и прощать. Въ другой статьѣ, содержащей разборъ гончаровскаго Обломова, Добролюбовъ съ такою же горячностью клеймитъ основ-

ную черту дворянского быта — его праздную лѣнь, и видить въ ней злополучную печать крѣпостного права. Обломовъ, по его толкованію, оказывается самымъ полнымъ выраженіемъ безнадежнаго застоя помѣщичьяго класса, застоя, котораго не могутъ сколыхнуть попытки обновленія и протеста. Въ лицѣ Обломова съ неумолимою яркостью показана вся тщета этихъ усилій, вся внутренняя несостоятельность дворянства, осужденнаго, подобно Обломову, на роковую бесплодную гибель. Для Ап. Григорьева смыслъ гончаровскаго романа не таковъ. Въ его глазахъ, Обломовъ не конечная ступень цѣлаго восходящаго ряда героевъ, ступень къ которой привели ихъ безсильныя увлеченія. Напротивъ, Илья Ильичъ Обломовъ представляетъ собою возвращеніе къ преданіямъ русской жизни послѣ многочисленныхъ попытокъ его предшественниковъ стряхнуть съ себя ея бремя. По его мнѣнію, Гончаровъ и не думалъ покарать своего героя, а, напротивъ, возвращаетъ его къ жизненной правдѣ, заставивъ его жениться на простой русской женщинѣ. Симпатіи Григорьева тянутъ его не къ Ольгѣ, такъ сухо отвернувшейся отъ Обломова, чтобы выйти за деревяннаго афериста Штольца, а къ этой простой женщинѣ, въ которой больше привлекательности и душевной красоты, чѣмъ въ благовоспитанной, столичной барышнѣ.

Я уже замѣтилъ выше, что два крупнѣйшихъ нашихъ писателя за вторую половину разбираемаго вѣка, Толстой и Достоевскій, не стоятъ въ прямой связи съ такъ называемымъ славянофильскимъ движеніемъ. У Достоевскаго такая связь проявилась лишь позднѣе, во вторую эпоху его дѣятельности и при томъ далеко не въ полной мѣрѣ, у Толстого ея нѣтъ и до сихъ поръ. А между тѣмъ, въ міровоззрѣніи обоихъ съ идеалами славянофильства много общаго. О Левѣ Толстомъ у насъ будетъ рѣчь впереди, а пока займемся Достоевскимъ, и первымъ его крупнымъ произведеніемъ — „Бѣдными людьми“.

Достоевскому издавна дано прозвище „пѣвца униженныхъ и оскорбленныхъ“. Не въ этомъ, однако, заключается отличное свойство его направленія. Заступникомъ обдѣленныхъ жизнью выступалъ не одинъ Достоевскій: сочувствіе къ нимъ звучитъ почти у всѣхъ нашихъ крупныхъ писателей. Ориги-

нальность Достоевскаго въ томъ лишь, какъ это сочувствіе у него выражается. Подмѣтитъ особенность его взгляда на слабыхъ и беззащитныхъ всего удобнѣе на первой его повѣсти, не смотря на то, что „Бѣдные люди“ быть можетъ наименѣе самостоятельное изъ его произведеній, что и по формѣ и по содержанію оно, очевидно, навѣяно Гоголемъ. Макарь Дѣвушкинъ — родной братъ Акакія Акакіевича, но это сходство какъ разъ помогаетъ разглядѣть неодинаковость отношенія обоихъ писателей къ своимъ героямъ. Черты, какими обрисованъ Акакій Акакіевичъ, исключительно внѣшнія, и благодаря этому его фигура, даже вызывая жалость, никогда не перестанетъ быть комичной. Одни внѣшнія проявленія нищеты и забитости, какъ бы грустны они ни были, могутъ вызвать лишь нѣсколько насмѣшливое состраданіе, именно потому, что мы не видимъ, не чувствуетъ воздѣйствія жизненнаго гнета на душу забитаго человѣка, что душа эта относится къ нему совершенно пассивно. Не то съ Макаромъ Дѣвушкинымъ; онъ тоже смиряется передъ своей жалкой долей, не предъявляетъ къ жизни никакихъ требованій; протеста у него тоже нѣтъ и слѣда, — а между тѣмъ Макару Дѣвушкину мы сочувствуемъ, мы глубоко взволнованы его судьбой. И происходитъ это оттого, что, не смотря на всю его безотвѣтность, видимъ, что онъ страдаетъ, страдаетъ глубоко, хотя кротко и безропотно; и кротость эта не только не смѣшна: она высока, геройски высока въ своемъ смиренномъ терпѣніи. Мы сознаемъ, что передъ нами не комическая фигура, служащая мишенью для всѣхъ насмѣшекъ беспощадной жизни и не чувствующая этого, а такой же человѣкъ, какъ мы, отзывчивый на оскорбленія, но только не отвѣчающій на нихъ взрывомъ негодованія. Дѣвушкину немного нужно — его идеалы самые крохотные; но изъ-за этого онъ презрѣнія не заслуживаетъ, потому что источникъ его непритязательности — не въ умственной ограниченности, не въ грубости вкусовъ, а въ скромномъ представленіи о своихъ правахъ на счастье. И если жизнь не даетъ ему даже этого крохотнаго благополучія, отъ этого трагичность его судьбы только усиливается. Дѣло въ томъ, что фигуру, созданную художникомъ, мы всегда видимъ сквозь призму его

собственного представленія о ней и сочувствовать ей мы можемъ тогда только, когда онъ самъ ей сочувствуетъ.

Пресловутая объективность, которая такъ часто выставляется заслугою, не должна доходить до индифферентизма, если онъ желаетъ не только заинтересовать насъ, но и растрогать. И, какъ разъ, Достоевскій въ высшей степени обладаетъ способностью вызвать участіе читателя къ жалкой судьбѣ своихъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Но достигаетъ онъ этого, рисуя передъ нами не горькую картину ихъ безсильной борьбы противъ жизни, а какъ разъ наоборотъ — картину ихъ безропотнаго смиренія передъ нею. Въ этомъ и заключается его близкое родство съ идеалами славянофиловъ. Мы знаемъ уже, что наше національное движеніе выставило какъ высокую нравственную черту русскаго народа его терпѣливое смиреніе, преклоняясь предъ этимъ смиреніемъ, какъ передъ лучшимъ свойствомъ его натуры. Славянофилы искали своихъ лучшихъ людей не среди протестующихъ борцовъ за самостоятельность человѣческой личности, а среди кроткихъ страдальцевъ, въ которыхъ они видѣли истинныхъ представителей христіанскаго ученія. Совершенно также поступалъ и Достоевскій. Во всемъ его творествѣ мы не отыщемъ ни одного лица, которому онъ отдавалъ бы свое сочувствіе за безстрашіе и упорство. Всякій разъ, что его кисть принималась за изображеніе такихъ лицъ, имъ приходилось искупать вину своего возмущенія противъ общества либо долгимъ добровольнымъ страданіемъ, либо добровольную смертью. Таковы: Раскольниковъ, Ставрогинъ и Дмитрій Карамазовъ. И любимые его герои — тѣ, которымъ онъ отдаетъ всю свою душу, — все-таки не они, а страдальцы, безвинно и безропотно переносящіе незаслуженное зло, какъ Макаръ Дѣвушкинъ въ „Бѣдныхъ людяхъ“, Нелли въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, князь Мышкинъ въ „Идіотѣ“, или натуры до того чистыя, что имъ даже искупать нечего, какъ Алеша Карамазовъ. Но всего замѣчательнѣе, что это преклоненіе Достоевскаго передъ идеаломъ свѣтлаго и безропотнаго страданія проявляется въ такомъ раннемъ его произведеніи, какъ „Бѣдные люди“, въ ту самую эпоху, когда онъ участвовалъ въ кружкѣ Петрашевскаго, т. е. самъ готовъ былъ прим-

кнутъ къ движенію революціоннаго характера. Нельзя отрицать въ самомъ дѣлѣ, что идеи, увлекавшія членовъ этого кружка, выросли не самородками на русской почвѣ, а были навѣяны Западомъ. И все-таки, даже въ этотъ моментъ своего развитія, Достоевскій не былъ настолько проникнутъ ими, чтобы духъ протеста отразился на первомъ его произведеніи. У него „последніе“ являются „первыми“, уже въ земной жизни. И вотъ, почему, даже становясь порицателемъ движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, онъ не пересталъ быть любимцемъ русской молодежи, хоть и приносилъ ей не гнѣвное слово протеста, а примиряющее слово всепрощенія.

Гр. Левъ Толстой. — Характеристика общая. — Характеристика типовъ толстовскихъ и отноше- ніе къ нимъ автора.

Едва ли отыщется другой современный писатель, которому было бы посвящено такъ много и столько противорѣчивыхъ отзывовъ, какъ графу Л. Толстому. Произошло это отъ поразительной многосторонности его таланта, многосторонности нисколько, впрочемъ, не мѣшающей единству его творчества.

Люди самыхъ разнообразныхъ партій и воззрѣній находятъ въ немъ сочувственный откликъ на свои идеи и потому естественнымъ образомъ стараются притянуть его къ себѣ. Какъ въ блестящемъ полированномъ многогранникѣ, всякій, съ какой бы стороны онъ на него ни посмотрѣлъ, видитъ въ немъ собственное отраженіе. И все-таки могучая личность Толстого ускользаетъ отъ всѣхъ попытокъ завербовать ее въ ряды какой нибудь партіи. Его оригинальное міросозерцаніе, на зло всѣмъ такимъ попыткамъ, въ партійную рамку не укладывается. Сторонникъ чистой эстетики можетъ указать на удивительное безпристрастіе, съ какимъ Толстой рисуетъ свои типы, понимая съ одинаковымъ, немного ироническимъ сочув-

ствіемъ духовный строй каждого изъ нихъ. Защитникъ тенденціозной литературы въ свою очередь можетъ сослаться на страстную проповѣдь нравственнаго перерожденія, которой отведено столько мѣста, особенно въ послѣднихъ произведеніяхъ Льва Николаевича. Люди, которымъ дороги воспоминанія старины, привольный складъ жизни родового дворянства, найдутъ у него живое сочувствіе къ этому складу, а тѣ, симпатіи которыхъ обращены къ будущему и которыхъ тревожитъ мысль объ имущественномъ неравенствѣ, легко отыщутъ у него страницы, проникнутыя чѣмъ то очень близкимъ къ социализму. Наклонность Толстого объяснять всѣ поступки людей одними свойствами темперамента и потому относиться къ нимъ съ полною терпимостью—можно было бы приписать его нравственному индифферентизму и даже привести ее въ связь съ матеріалистическими взглядами, если бы, съ другой стороны, онъ не являлся такъ часто почти аскетомъ, если бы требовательный моралистъ не выступалъ у него съ такой силой изъ-за художника, съ одинаковою невозмутимостью воспроизводящаго всѣ явленія жизни. Разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ было бы еще сравнительно легко, если бы литературную дѣятельность Толстого можно было разсѣчь на періоды знаменующіе послѣдовательные повороты въ его взглядахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что такую операцію надъ его творчествомъ произвести нельзя. Самъ, Толстой, правда, увѣряетъ насъ въ своей „Исповѣди“, что въ немъ совершился, около половины семидесятыхъ годовъ, крутой переломъ, и ходячее мнѣніе публики вполне подтвердило это признаніе. Но при всемъ томъ, какъ я уже замѣтилъ выше, художественная личность графа Толстого сохраняетъ внутреннее единство, и въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ не трудно отыскать, какъ бы въ зародышѣ, ученіе, съ которымъ онъ выступилъ въ послѣдствіи. И при всемъ томъ, какъ въ первую эпоху его творчества, такъ и теперь, въ немъ проявляются бокъ-о-бокъ симпатіи и мысли, принадлежащія совершенно различнымъ умственнымъ сферамъ. У Толстого въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“; „Войнѣ и мирѣ“ и „Аннѣ Карениной“ рядомъ съ природнымъ бариномъ, любящимъ свою усадьбу и проникнутымъ интересами помѣщичьяго клас-

са, слышится исподволь мыслитель, встревоженный идеей социальной несправедливости, горячий поклонник высокой простоты жизни и вѣрованій народа. Тотъ самый художникъ, который въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“, въ „Семейномъ счастіи“, на многихъ страницахъ „Войны и мира“ — хотя бы, напримеръ, въ описаніи святочной поѣздки Ростовыхъ — такъ проникнуть радостью жизни, такъ полонъ самаго яркого оптимизма, превзошелъ всѣхъ нашихъ писателей въ воспроизведеніи ужаса передъ смертью и въ анализѣ ощущеній умирающаго. На ряду съ жизнерадостными, свѣтлыми картинами мы встрѣчаемъ у Толстого отголоски самаго мрачнаго пессимизма, и при томъ не только въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, въ „Смерти Ивана Ильича“, во „Власти тьмы“, въ „Крейцеровой сонатѣ“, но и въ первую эпоху его творчества, когда онъ съ такою отзывчивостью воспроизводитъ радостное ощущеніе молодой разцвѣтающей жизни. Наконецъ, беспощадный сатирикъ раскрывающій мелочную подкладку самыхъ сильныхъ движеній человѣческой души, почти открыто низводящій эти движенія къ бессознательнымъ физическимъ рефлексамъ, уже чувствуетъ надъ собой вѣяніе идеалистическаго мистицизма, и на одномъ изъ своихъ любимыхъ героевъ, на Пьерѣ Безуховѣ, показываетъ какъ можетъ этотъ мистицизмъ преобразить человека самаго невѣрующаго.

Существуетъ такимъ образомъ не одинъ, даже не два, а какъ бы нѣсколько Толстыхъ, только не смѣнившихъ послѣдовательно другъ друга, какъ обыкновенно думаютъ, а развившихся параллельно. И въ этомъ отношеніи графъ Левъ Николаевичъ — самый полный выразитель русскаго умственнаго склада. Отличительная черта истинно русскихъ людей — неумѣніе подвести себѣ итогъ и ощущать необходимость въ согласованіи отдѣльныхъ своихъ вѣрованій и чувствъ. Вотъ почему русскій умъ, русская культура поражаютъ даже иностранцевъ своею многосторонностью или, вѣрнѣе, своею пестротой. Вотъ откуда берется русское безсиліе и раздвоенность, такъ прекрасно вылившаяся, между прочимъ, въ герояхъ Тургенева. Самыхъ лучшихъ изъ насъ въ нравственныхъ понятіяхъ и въ политическихъ убѣжденіяхъ разомъ тянетъ въ противополож-

ныя стороны, и зачастую мы пробуемъ, не удастся-ли намъ невыполнимая задача — одновременно скакать по различнымъ дорогамъ. У Толстого — русскаго *par excellence* — это свойство нашего ума достигло своего апогея. И если при всемъ этомъ онъ сумѣлъ избѣгнуть борьбы съ самимъ собою, если его творческая сила не только не раздробилась на мелочи, но представляетъ собою настоящий колоссъ, поражающій своей оригинальностью, то обязанъ этимъ Толстой своей огромной художественной воспримчивости, слившей воедино различные теченія его мысли. Если бы ему пришлось стать практическимъ дѣятелемъ, онъ вѣроятно бы разбился на осколки. Но какъ художникъ, онъ съ необыкновенною яркостью отзывается на противорѣчивыя впечатлѣнія, и въ немъ, какъ бы въ волшебномъ фонарѣ, отражаются все проявленія и русской дѣйствительности, и русской отвлеченной мысли.

Такимъ образомъ, принимаясь комментировать Толстого, надо обращаться съ нимъ крайне осторожно. Чтобы показать это, возьмемъ наудачу нѣсколько примѣровъ. Въ „Утрѣ помѣщика“ молодой князь Нехлюдовъ, собирающийся облагодѣтельствовать своихъ крѣпостныхъ, наталкивается на цѣлый рядъ разочарованій, какъ будто подобранныхъ затѣмъ, чтобы показать въ комическомъ видѣ полную невозможность для богатаго барина не только помочь окружающимъ крестьянамъ, но даже столкнуться съ ними. Въ „Казакахъ“ другой столь же богатый молодой человѣкъ, Оленинъ, при томъ очень похожій на князя Нехлюдова, наскучивъ праздною столичною жизнью, уѣзжаетъ на Кавказъ, чтобы набраться тамъ свѣжихъ впечатлѣній. Онъ попадаетъ въ казачью станицу и восторгается первобытной простотой жизни полудикихъ гребенцовъ. Но попытки его сблизиться съ ними, сдѣлаться такимъ же простымъ и непосредственнымъ, какъ они, тоже оканчиваются жалкой неудачей. Можно бы было подумать, что въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ Толстой намѣренно сопоставилъ культурнаго человѣка съ болѣе здоровой народной средой, чтобы наглядно показать ея превосходство надъ искусственной жизнью верхнихъ общественныхъ слоевъ. Не слѣдуетъ, однако, торопиться заключеніемъ и приписывать Толстому чуждую ему демокра-

тическую тенденцію. Тотъ же Нехлюдовъ въ цѣломъ рядѣ другихъ разсказовъ, въ „Люцернѣ” и въ „Запискахъ кавказскаго офицера”, является передъ нами уже созрѣвшимъ вполне, симпатичнымъ героемъ. Константинъ Левинъ въ „Аннѣ Карениной” — тоже представитель стремлений образованнаго человѣка къ полной, безусловной, жизненной правдѣ. Но Левинъ уже не встрѣчается, какъ молодой Нехлюдовъ, съ упорнымъ недовѣріемъ со стороны простого народа — онъ отлично уживается съ своими мужиками, не отстаеетъ отъ нихъ на работѣ во время сѣнокоса, и ничего смѣшнаго нѣтъ въ его попыткахъ сблизиться съ крестьянами; напротивъ, онъ понимаетъ ихъ какъ нельзя лучше, пользуется ихъ довѣріемъ и въ то же время, не обинуясь, признаетъ за собою исконное право считаться настоящимъ аристократомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. сохранять полную независимость и передъ народомъ, который онъ любитъ, и передъ высшими сферами, передъ которыми онъ не раболѣпствуетъ.

Но этимъ не ограничивается своеобразная сложность отношений Толстого къ своимъ героямъ. Особенность его манеры заключается въ томъ, что онъ никогда не скрадываетъ ихъ слабости передъ читателемъ — что лицо, вполне обладающее его симпатіей, онъ тѣмъ не менѣе ставитъ сплошь и рядомъ въ комическое положеніе. Толстой любитъ изобличать тѣ мелкія, даже пошлыя чувства, которыя таятся въ глубинѣ человѣческой души даже у самымъ лучшихъ, у самыхъ честныхъ людей. Ухватившись за эти смѣшныя черты характера толстовскихъ героевъ, легко было бы приписать ему намѣреніе отнестись къ нимъ отрицательно, „развѣнчать” ихъ, какъ принято выражаться. Николенька Иртеневъ, герой „Дѣтства, отрочества и юности” съ полною откровенностью признается иной разъ въ самыхъ дрянныхъ, некрасивыхъ побужденіяхъ: онъ чванится передъ бѣднымъ товарищемъ, старается подражать, и при томъ неудачно, приемамъ блестящей золотой молодежи, хвастается знатной родней и т. д. И тѣмъ не менѣе онъ ни на одну минуту не перестаетъ быть симпатичнымъ, и прямодушная честность его натуры особенно ярко отгѣняется при сравненіи его съ братомъ, изящнымъ и ловкимъ, но совершен-

но пустымъ Володей. Въ описаніи Пьера Безухова и даже любимаго своего героя, Константина Левина, Толстой не поспу-пился на комическія черты. Пьеръ неуклюжъ, не умѣетъ ра-споряжаться огромнымъ состояніемъ, даетъ себя окрутить Ку-рагинымъ, которые женятъ его на своей дочери Эленъ почти насильно; онъ обманутъ женой самымъ наглымъ образомъ и не умѣетъ даже съ достоинствомъ войти въ свою роль одура-ченнаго мужа; онъ въ одинаковой степени не знаетъ, что сдѣ-лать съ собою и въ гостинной, и на полѣ сраженія. Нѣсколько менѣе ярки смѣшныя стороны характера Левина, но ихъ все-таки достаточно, чтобы представить его въ самомъ жалкомъ видѣ. Онъ нелѣпо ревнивъ, обидчивъ и въ то же время не-умѣстно-откровененъ; онъ разсѣянъ до того, что на цѣлый часъ опаздываетъ въ церковь, гдѣ ждетъ его невѣста и все московское общество. У него нѣтъ самаго обыденнаго умѣнья обходиться съ людьми. И все-таки и Пьеръ, и Левинъ не только вызываютъ сочувствіе — они въ глазахъ Толстого представители той настоящей жизненной правды, которой онъ старался неизмѣнно служить во всѣмъ своимъ литературныхъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ одно и то же лицо стано-вится попеременно у Толстого предметомъ сатиры и носите-лемъ его нравственной идеи. И сама эта сатира вовсе не по-хожа на тѣ приемы, которыми другіе писатели, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, очерчиваютъ въ характерахъ своихъ героевъ отрицательныя стороны. Толстой изобличая слабыя, комиче-скія черты созданныхъ имъ типовъ, изъ-за этого не перестаетъ ихъ любить, и въ ироніи его слышится всегда снисходительное добродушіе отца по отношенію къ дѣтямъ. Вотъ почему такъ легко для критика ошибиться насчетъ истиннаго замысла Тол-стого, изуродовать его идею, стараясь вогнать ее въ шабло-ныя рамки ходячихъ воззрѣній.

Какова же объединяющая черта, проходящая чрезъ все творчество Толстого и придающая этому творчеству его ори-гинальный характеръ? Мы едва-ли ошибемся, сказавъ, что черта эта заключается въ недовѣріи къ человѣческой личности, въ отрицаніи за человѣкомъ способности достигнуть чего-либо крупнаго собственными силами. Толстой сказалъ разъ, въ

концѣ „Севастопольскихъ очерковъ”, что настоящій герой его — правда, что ей, и только ей одной, онъ хочетъ служить. Позволю себѣ къ его словамъ сдѣлать не большое дополненіе. Толстому слѣдовало бы упомянуть еще объ одномъ героѣ, которому онъ оставался столь же вѣренъ, какъ и самой правдѣ. Герой этотъ — толпа. Въ ней одной, въ ея вѣрованіяхъ, вкусахъ, понятіяхъ онъ видитъ олицетвореніе той правды, которой служить. Жить хорошо, по его мнѣнію, значитъ жить общемою жизнью народа, учиться у него мудрости, потому что мудрость заключается не въ гордой наукѣ, а въ безсознательномъ чувствѣ народныхъ массъ, идти съ ними заодно, не пытаюсь руководить ими, потому что человѣкъ тогда только силенъ, когда его несетъ съ собою могучая историческая, народная волна. И вотъ почему всѣ фигуры въ толстовскихъ романахъ, которыя поднимаются надъ уровнемъ толпы, все-равно, историческія-ли это фигуры, или вымышленныя, тогда только обладаютъ полной его симпатіей, когда онѣ являются носительницами массовой народной идеи, а не пытаются навязывать другимъ свои единичныя умствованія. Вотъ почему въ „Войнѣ и мирѣ” старикъ Кутузовъ, недовѣрчивый къ себѣ и къ своимъ помощникамъ, но глубоко вѣрящій въ разумъ своего народа, выше и лучше Наполеона, пятнадцать лѣтъ воображавшаго, что онъ ведетъ за собою Европу, между тѣмъ какъ онъ былъ только игрушкою могущественнаго историческаго теченія. И весь смыслъ побѣды Россіи въ 12-мъ году въ томъ, что русскій народъ шелъ на войну безотвѣтно, смиренно, подчиняясь высшему руководству, между тѣмъ какъ его грозный противникъ, нагрянувшій на него съ полумилліонныхъ войскомъ, жалко разбился о его смиренную стойкость. Точно такъ-же, какъ могущество Наполеона сокрушается пассивнымъ сопротивленіемъ Кутузова, и въ другихъ, болѣе скромныхъ рамкахъ, нравственная побѣда всегда остается у Толстого за непритязательною кротостью, за нищими духомъ. Такъ, Платонъ Каратаевъ получаетъ своимъ примѣромъ высокообразованнаго Пьера Безухова, а Безуховъ, въ свою очередь, съ тѣхъ поръ какъ научился смиряться передъ жизнью, находитъ счастье, которое упорно не дается его блестящему товарищу, князю Андрею.

Такъ въ „Аннѣ Карениной“ Левинъ находитъ правду, т. е. разрѣшеніе жизненной задачи, въ семьѣ, между тѣмъ какъ умный и ловкій Вронскій только себѣ и другимъ приносить горе и за разладъ, внесенный въ чужую семью, расплачивается такимъ же разладомъ съ любимой женщиной и сознаниемъ нравственной отвѣтственности за ея самоубійство. Да и Левинъ въ свою очередь,—Левинъ, желающій искренно сблизиться съ народомъ, вѣчно ищущій правды, въ концѣ концовъ находитъ самое полное ея выраженіе въ простомъ мужикѣ, въ его безхитростномъ упованіи на Бога. А всѣ тѣ, съ кого не довольно этого негромкаго идеала, которые ищутъ собственныхъ путей и вѣрятъ въ собственныя силы, либо очерчены Толстымъ въ нѣсколько комическомъ свѣтѣ, либо должны платиться за свои притязанія и обречены на грустный конецъ и на сознание роковой неудачи.

Другими словами, герои Толстого выражаютъ собою отрицаніе самаго геройства, т. е. безсиліе человѣка въ борьбѣ съ жизнью и ненужность, даже нелѣпость этой борьбы. Такимъ образомъ идеалы Толстого въ прямомъ противорѣчій съ идеалами романтизма. Гораздо болѣе всѣхъ прочихъ реалистовъ, гораздо болѣе Гоголя во всякомъ случаѣ, Толстой осмѣиваетъ романтическую погоню за сильною и крупною личностью, и его иронія нѣтъ ярче, что онъ вовсе не выводитъ передъ нами, подобно Гоголю, карикатурныхъ типовъ. Не картину людской пошлости онъ противопоставляетъ титаническимъ натурамъ романтизма, — онъ ограничивается тѣмъ, что показываетъ наглядно, какъ безсильны эти мнимые титаны и какъ смѣшны ихъ попытки бороться съ дѣйствительностью. Идеалъ Толстого, какъ видно, близко подходитъ къ идеалу Достоевскаго. Но и съ Достоевскимъ у него есть одно существенное отличіе: своихъ смиренныхъ героевъ Достоевскій подвергаетъ насмѣшкамъ, даже истязаніямъ: они духомъ высоки, но въ жизни они угнетенные. У Толстого, напротивъ, сознание своего ничтожества передъ обществомъ, передъ природою, передъ Богомъ — не только высшая мудрость, но и дорога къ счастью, и тотъ лишь находитъ эту дорогу, кто соглашается признать себя зауряднымъ человѣкомъ, забывъ о гордынѣ.

Есть въ творчествѣ гр. Толстого и другая объединяющая черта — это поразительное сходство главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ его произведеніяхъ. Такое сходство встрѣчается, конечно, не у одного Толстого; оно болѣе или менѣе свойственно всѣмъ писателямъ, создававшимъ живые типы, а не однѣ только безличныя фигуры. Сходство это ничто иное, какъ отраженіе личности писателя на его герояхъ. Въ самомъ дѣлѣ, главный источникъ психологическаго анализа по необходимости заключается въ наблюденіи человѣка надъ собою; изъ самого себя онъ черпаетъ большую часть того матеріала, на основаніи котораго строить выводы о явленіяхъ психической жизни. Художникъ не уходитъ отъ этого общаго закона, онъ только глубже и ярче сознаетъ происходящее въ немъ самомъ и, съ помощью дарованнаго ему чутья, тоньше другихъ проникаетъ и въ чужія души. Вотъ почему объективность художника — понятіе всегда очень относительное. Въ главныхъ, центральныхъ его фигурахъ онъ болѣе или менѣе воспроизводитъ свою нравственную личность и рисуетъ ее либо въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется ему на самомъ дѣлѣ, либо въ томъ, въ какомъ онъ желалъ бы ее видѣть. Другими словами, онъ воспроизводитъ себя либо въ простомъ, не разукрашенномъ, либо въ идеализированномъ обликѣ. Смотря по тому, которая изъ этихъ двухъ наклонностей преобладаетъ, онъ создаетъ отрицательные или положительные типы. Наши великіе писатели, начиная съ самого Пушкина, постоянно склонялись въ пользу перваго изъ этихъ пріемовъ. Вотъ почему наша литература даже въ эпоху господства романтизма, въ противоположность литературамъ Запада, всегда носила отрицательный характеръ. Та сравнительная трезвость, съ которой и Пушкинъ, и Грибоѣдовъ, и Лермонтовъ, и Тургеневъ, не говоря уже о Гоголѣ, отдавали себѣ отчетъ въ недостаткахъ своихъ героевъ, не позволяла имъ, подобно романтикамъ Запада, преклоняться передъ созданными ими даже идеальными фигурами: на то они слишкомъ ясно видѣли Ахиллесову пяту своихъ героевъ. Пушкинъ былъ несомнѣнно подъ обаяніемъ Онѣгина, Лермонтовъ — подъ обаяніемъ Печорина. Но внѣшній блескъ этихъ фигуръ, создававшій имъ цѣлую толпу подражателей

среди общества, не могъ ослѣплять ихъ творцовъ на счетъ ихъ затаенныхъ слабостей. У Тургенева эта черта проявляется еще сильнѣе, и отсутствіе энергіи, парализующее его главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ рѣшительную минуту жизни — ничто иное, какъ результатъ скорбнаго сознанія, что въ немъ самомъ этой энергіи не доставало.

Но ни въ одномъ изъ нашихъ крупныхъ писателей это отличительное свойство русскаго творчества не сказалось съ такою силою, какъ у Толстого. Не смотря на всю свою объективность, Толстой полнѣе всѣхъ нашихъ художниковъ воспроизводилъ въ своихъ герояхъ самого себя, раскрывалъ передъ читателемъ затаенныя движенія своей души. Поступая такъ, онъ не ограничивался воспроизведеніемъ одного только руководящаго типа, но какъ бы разлагалъ свой внутренній міръ на составныя части и свои противорѣчивыя стремленія воплощалъ въ фигурахъ не только разнообразныхъ, но даже противоположныхъ. Какъ въ библейскомъ сказаніи Творецъ создалъ жену Адама изъ его ребра, Толстой возводилъ отдѣльныя свойства своей натуры на степень цѣльныхъ, самостоятельныхъ характеровъ. Такую поляризацию творчества мы видимъ впрочемъ не у одного Толстого. Воплощать въ противоположныхъ типахъ внутреннюю раздвоенность человѣческаго духа — любимый пріемъ многихъ изъ крупныхъ художниковъ. Какъ на самый яркій примѣръ, можно указать на Гете, который въ Фаустѣ и Мефистофелѣ воспроизвелъ какъ бы двѣ стороны, два борющихся элемента одной и той же натуры.

Всѣ толстовскіе типы могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ: одинъ изъ нихъ, центральный и повторяющійся наиболѣе часто, всего полнѣе выражаетъ собою личность самого художника, стало быть, всего болѣе субъективенъ. Этотъ типъ, остающійся вѣрнымъ себѣ при всѣхъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ, проходитъ чрезъ все творчество Толстого, отъ героя „Дѣтства“ Николеньки Иртенева до самого Позднышева. И нельзя не признать, что влагая самого себя въ этого центральнаго героя, поручая ему быть носителемъ главнаго теченія своей мысли, Толстой обнаружилъ поразительную непритязательность и смиреніе необыкновенное. Никакихъ особенно

выдающихся свойствъ онъ своему герою не придалъ; не только онъ не одарилъ его блестящими качествами, не заставилъ его одерживать побѣды, не прибѣгнувъ, такимъ образомъ, къ удобному способу самовосхваленія, котораго такъ часто придерживался Байронъ, — Толстой, напротивъ, всегда представляетъ своего героя человѣкомъ зауряднымъ, который въ жизни зачастую встрѣчается съ неудачей и попадаетъ въ комическія положенія, которому не остается даже болѣзненного утѣшенія красиво иронизировать надъ собой и любоваться своими недочетами, какъ дѣлаютъ это постоянно герои Тургенева. Толстовскіе герои, напротивъ, обличаютъ самихъ себя гораздо раньше, чѣмъ дѣлаютъ это съ ними безпощадные уроки жизни; и при этомъ они вовсе не рисуются этимъ самообличеніемъ — они преслѣдуютъ въ самыхъ тайникахъ своей души, какъ сорныя растенія, самыя неувимыя попытки угодить тщеславію и побаловать дурныя инстинкты. Главная, руководящая черта ихъ характера — глубокая, неподкупная правдивость. И благодаря этому свойству имъ прощаются всѣ недостатки, прощаются не только читателемъ, но и самимъ авторомъ. Въ самомъ дѣлѣ, при всей безпощадности своего анализа, гр. Толстой никогда не развѣчиваетъ своихъ героевъ — потому, быть можетъ, что онъ ихъ и не вѣнчаетъ вовсе. Нѣтъ у него и слѣда той дѣйствительности по отношенію къ нимъ, которую обнаружили Пушкинъ въ Онѣгинѣ и Тургеневъ въ Рудинѣ. Они могутъ быть неловкими, смѣшными, даже неуклюжими, какъ Пьеръ, даже преступными, какъ Позднышевъ, но своихъ правъ на симпатію нашу, они не утрачиваютъ. Особенность манеры Толстого состоитъ въ умѣнии пользоваться комизмомъ безъ злобы, быть снисходительно гуманнымъ, даже при самой безпощадной ироніи. Онъ изобличаетъ малѣйшую склонность дѣйствующихъ лицъ къ самовозвеличенію, къ рисовкѣ; онъ показываетъ всю неприглядную и мелочную подкладку яко бы возвышенныхъ чувствъ, но при всемъ томъ не перестаетъ любить своихъ героевъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки. Вотъ почему только поразительной близорукостью можно объяснить попытки нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ приписать Толстому тенденціозное намѣреніе заклеить нравственную несостоятель-

ность высшихъ слоевъ русскаго общества. Такая попытка свидѣтельствуетъ лишь о неумѣннн понять истинный смыслъ толстовской сатиры. Толстой потому обличаетъ слабости людей, что вообще мало вѣрить въ силу человѣческаго духа и въ его стремленіи показать себя великимъ подозрѣваетъ одну ходульность. Что это обличеніе не имѣетъ тенденціознаго характера, что оно не вызвано желаніемъ бичевать, а напротивъ — гуманнымъ сочувствіемъ къ человѣческимъ слабостямъ, видно изъ того уже, что своимъ зауряднымъ героямъ Толстой не противопоставилъ положительнаго типа. Напротивъ, тѣ изъ его характеровъ, которые одарены внѣшнимъ блескомъ, силою воли и высокимъ полетомъ мысли, всѣ до единого являются настоящими отрицательными фигурами. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить этихъ сильныхъ, счастливыхъ людей съ его неудачниками, не трудно будетъ убѣдиться, на чьей сторонѣ симпатіи автора. Сравненіе это не всегда возможно, потому что этотъ второй, блестящій типъ не во всѣхъ произведеніяхъ Толстого выведенъ на ряду съ первымъ. Но тамъ, гдѣ онъ имѣется на лицо, выводъ этотъ сдѣлать не трудно. Поставьте въ самомъ дѣлѣ рядомъ съ Николенькой Иртневымъ его старшаго брата Володю, князя Андрея Болконскаго рядомъ съ Пьеромъ Безухимъ, Вронскаго съ Левинымъ — и всякія сомнѣнія исчезнутъ.

Насколько Толстой главныхъ своихъ героевъ, начиная съ десятилѣтняго Николинки въ „Дѣтствѣ“, лишилъ всякаго внѣшняго обаянія, представилъ неловкими и зачастую смѣшными, настолько онъ щедро одарилъ ихъ соперниковъ, одарилъ и блескомъ ума, и физической красотой, и жизненнымъ успѣхомъ. И тѣмъ не менѣе отъ этихъ баловней судьбы, не только вѣетъ на читателя холодомъ, но внѣшнія условія счастья, которыми они обставлены, въ концѣ концовъ имъ все-таки этого счастья не даютъ. Ту же иронію, съ которой Толстой относится къ героямъ первой категоріи, дѣлая ихъ смѣшными, онъ примѣняетъ и къ этимъ уже вовсе не смѣшнымъ фигурамъ. Только иронія здѣсь проникаетъ глубже и добродушіе смѣняется горечью; ее вызываетъ уже не комизмъ положенія, а напротивъ трагическій контрастъ между богатыми дарами счастья

и внутреннею невозможностью ими воспользоваться. Типы этого рода до нѣкоторой степени похожи на тургеневскихъ „лишнихъ” людей. Но и здѣсь Толстой проникъ дальше своего великаго собрата въ тайны человѣческаго сердца. Не слабость воли, не отсутствіе рѣшимости виною тому, что князь Андрей и Вронскій, которыхъ съ дѣтства окружаетъ успѣхъ и которые вступаютъ въ жизнь съ гордымъ сознаніемъ превосходства надъ другими, все-таки не находятъ настоящаго счастья. Причина здѣсь иная — она лежитъ въ роковой несостоятельности личныхъ стремленій человѣка, въ полной его неспособности удовлетвориться тѣмъ внѣшнимъ блескомъ, который даютъ успѣхъ и богатство. Князь Андрей и Вронскій несчастливы потому, что, подобно евангельской Марѣѣ, они избрали себѣ не благую часть. И въ этомъ обличеніи сильныхъ натуръ Толстой опять-таки возвелъ на степень художественнаго типа одну изъ сторонъ своего собственнаго „я” — неудовлетворенность жизнью, которая неизбѣжно сказывается у наиболѣе одаренныхъ людей, и которую онъ втайнѣ чувствовалъ даже въ тѣ годы, когда вполне отдавался жизнерадостнымъ ощущеніямъ.

Есть, однако — и Толстой это сознаетъ прекрасно — особый сортъ людей, которымъ счастье дается вполне, какъ разъ потому, что они не предъявляютъ къ жизни требованій особенно высокихъ. Эти люди, стоящіе какъ бы на перепутьѣ между двумя типами, о которыхъ я только что говорилъ, люди, не гоняющіеся за высокими задачами, но обладающіе достаточнымъ запасомъ заурядной житейской мудрости, то же имѣютъ двухъ видныхъ представителей въ романахъ графа Толстого — Николая Ростова въ „Войнѣ и мирѣ” и Стиву Облонскаго въ „Аннѣ Карениной”. Это вполне здоровыя, уравновѣшенныя, добродушно-эгоистическія натуры, которыхъ не тревожитъ мучительный анализъ надъ собой, а еще менѣе, конечно, состраданіе о чужомъ горѣ. Умѣнье ладить съ людьми и обстоятельствами даетъ имъ успѣхъ, а непритязательность къ жизни позволяетъ довольствоваться счастьемъ не высокаго полета. Эти люди, являющіеся какъ бы продуктомъ скрещенія первыхъ двухъ типовъ, могли бы считаться настоящими поло-

жительными героями, если бы и по отношенію къ нимъ не слышалось у ихъ творца затаенной насмѣшки, вызванной какъ разъ невзыскательностью ихъ нравственныхъ требованій. „Полное счастье возможно“, — какъ будто говоритъ Толстой, — „но дается оно тѣмъ только, кто довольствуется низкопробными радостями.“

Есть, наконецъ, у Толстого еще одинъ основной типъ, составляющій прямую противоположность гордымъ, блестящимъ героямъ, вродѣ князя Андрея и Вронскаго — это люди настоящей внутренней правды, достигшіе того идеала, который только мерещится самымъ излюбленнымъ изъ толстовскихъ героевъ. Они не только аскеты, но почти юродивые. Къ жизни они не предъявляютъ требованій не потому, что ихъ удовлетворяютъ грубые наслажденія, а потому, что имъ ровно никакихъ наслажденій не нужно, что они живутъ одной душой, простой, незатѣйливой, смиренной. Сюда относятся: юродивый въ „Дѣтствѣ“, бѣдный музыкантъ въ „Люцернѣ“, Платонъ Каратаевъ въ „Войнѣ и мирѣ“, старикъ Акимъ во „Власти тьмы“. Люди эти въ свою очередь тоже олицетвореніе одной изъ нравственныхъ сторонъ самого Толстого, — стремленія къ аскетизму, которое рано вступило у него въ борьбу съ эпикурейскими наклонностями его природы.

„Дѣтство, отрочество и юность“ Толстого. — „Утро помѣщика“, „Встрѣча“, въ Люцернѣ; „Записки маркера“; „Два гусара“; „Семейное счастье“; „Набѣгъ“; „Севастопольскіе рассказы“; „Три смерти“; „Казакъ“.

Посмотримъ теперь, какъ основная тема творчества Толстого послѣдовательно выразилась въ его произведенияхъ.

Во всѣхъ европейскихъ литературахъ психологіи дѣтства посвящено много блестящихъ и прочувствованныхъ страницъ. Прослѣдить въ зародышѣ будущее развитіе характера — это

задача, прельстившая большинство крупных романистов. Жоржъ Зандъ и Диккенсъ возвращались къ этой темѣ особенно часто. У насъ Тургеневъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ посвятилъ нѣсколько мастерскихъ главъ молодымъ годамъ своего Лаврецаго; Гончаровъ подробно прослѣдилъ вліяніе среды воспитанія на двухъ своихъ герояхъ, Обломовъ и Райскомъ; Достоевскій въ своихъ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ обрисовалъ цѣлую группу дѣтей, съ поразительную чуткостью воспроизводя ихъ душевный міръ. Но всѣ эти картины дѣтства все-таки представляютъ его лишь въ отрывочномъ видѣ, либо какъ подготовку къ послѣдующему развитію, либо какъ результатъ вліянія старшихъ на подрастающее поколѣніе. У одного Толстого въ его „Дѣтствѣ, Отрочествѣ и Юности“ мы находимъ полное и самостоятельное изображеніе дѣтскихъ годовъ, съ самаго момента, когда зарождается сознание, до наступленія совершеннолѣтія. На своемъ Николенькѣ онъ прослѣдилъ ростъ молодой жизни самой по себѣ, не только въ видѣ отраженія постороннихъ воздѣйствій, но во всей цѣлости внутренняго дѣтскаго міра, со всѣми его помыслами, ощущеніями и тревогами. Толстой не смотритъ на своего героя только со стороны, какъ дѣлаютъ это другіе писатели, — онъ становится на его мѣсто и говоритъ прямо отъ его имени. Въ „Дѣтствѣ“ несомнѣнно заключается автобіографическій матеріалъ, если не въ самой фабулѣ, то въ картинѣ внутренняго психологическаго развитія героя. Тонкій анализъ движеній его души Толстой могъ почерпнуть только изъ самого себя, хотя бы онъ и придумалъ весь внѣшній ходъ разсказа и являющихся въ немъ прочихъ лицъ. Первое его произведеніе было въ то же время и первымъ художественнымъ изображеніемъ дѣтства. Неудивительно, что оно дало ему сразу громкую извѣстность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, г. Скабичевскій, попытался Николенку Иртенева представить какъ типъ юноши изъ дворянской среды, и весь его характеръ истолковать спеціально дворянскимъ воспитаніемъ. Такое объясненіе нельзя не признать въ высшей степени узкимъ и произвольнымъ. Конечно на молодомъ толстовскомъ героѣ обстановка до извѣстной степени отражается, какъ то бываетъ съ любымъ ребенкомъ; внѣ

опредѣленныхъ жизненныхъ рамокъ никакого человѣка представить себѣ вообще нельзя. Но что въ своемъ Николенькѣ Толстой вовсе не хотѣлъ изобразить типъ молодого барича, что типичность его не сословная, а вполне индивидуальная, это ясно уже изъ того, что рядомъ съ Николенькой въ той же средѣ растетъ его старшій братъ Володя, на него совсѣмъ не похожій. Особенности характера Николеньки, притомъ, вовсе не таковы, что бы онѣ могли исключительно обуславливаться воспитаніемъ, какъ было оно, напримѣръ, съ Обломовымъ или съ Райскимъ. Въ томъ-то и заключается коренное отличіе Толстого отъ другихъ изобразителей дѣтства, что своего Николеньку онъ понялъ и нарисовалъ вполне индивидуально и знакомить насъ съ малѣйшими подробностями его внутренняго міра, въ которомъ очень много чертъ совсѣмъ независящихъ отъ какой бы то ни было среды. Двѣ главные основы его характера—совершенная правдивость передъ собой, правдивость щепетильно доискивающаяся самыхъ затаенныхъ и притомъ часто некрасивыхъ внутреннихъ побужденій, болѣзненно-робкое самолюбіе, иной разъ заставляющее его осилить себя и, очертя голову, выказать напускную смѣлость. Николенька иногда лжетъ передъ другими, но передъ собой онъ безусловно правдивъ и ловитъ себя не только на сомнительномъ поступкѣ, но даже на каждой нехорошей мысли. Робѣетъ онъ постоянно, но причиной тому не отсутствіе мужества, а недовѣріе къ себѣ. Недовольство собой,—реакція противъ страданій самолюбія,—и вызываетъ у него порывы отваги не по разуму и благодаря ей онъ нарушаетъ какъ разъ тѣ самыя приличія, о соблюденіи которыхъ такъ болѣзненно старается. Какъ видно, Николенька совершенная противоположность заправскому герою; ему не достаетъ какъ разъ того свойства, которое скрадываетъ недостатки и представляетъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ блестящія качества, не достаетъ той ловкой самоувѣренности, которая всего лучше обезпечиваетъ успѣхъ. Но какъ разъ благодаря этому онъ и симпатиченъ. Его старшій братъ, ловкій и благовоспитанный Володя-одинъ изъ тѣхъ юношей, которыми обыкновенно гордятся родители, потому что они вездѣ успѣваютъ, и въ обществѣ, и на экзаменахъ, и, позднѣе

на службѣ, а между тѣмъ, хотя Толстой нигдѣ не подчеркиваетъ своей антипатіи къ нему, отъ Володи такъ и вѣетъ пустотой и безсердечіемъ. На этихъ двухъ типахъ впервые сказались тотъ особый приѣмъ Толстого, которому онъ оставался вѣренъ во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ, — его умѣніе вызывать сочувствіе къ своимъ героямъ совершенно независимо отъ ихъ внѣшняго блеска и отъ степени ихъ удачи. Иронія Толстого какъ будто двоятся. Она не щадитъ его любимыхъ созданій, безжалостно раскрывая ихъ промахи; но рядомъ съ нею чувствуется другая, болѣе скрытая и глубокая иронія, обличающая всю мишуру наружнаго блеска. Есть и другой любимый толстовскій приѣмъ, отличающій его среди всѣхъ прочихъ нашихъ художниковъ и тоже впервые имъ употребленный въ повѣсти „Дѣтство“. Приѣмъ этотъ заключается въ такомъ анализѣ внѣшнихъ проявленій каждаго психическаго движенія, который разлагаетъ эти проявленія на мельчайшія составныя части, какъ бы подвергая ихъ дѣйствію химическаго реактива. Другіе художники, описывая какой-нибудь душевный аффектъ, стараются изобразить внутреннія ощущенія своихъ дѣйствующихъ лицъ, лишь изрѣдка дополняя ихъ какимъ-либо наружнымъ, болышею частью условнымъ, какъ бы символическимъ жестомъ.

Раскаяніе, горе, злоба, любовь, энтузіазмъ—все это представляется ими, какъ нѣчто цѣльное, и самыя яркія краски пускаются въ ходъ, дабы усилить впечатлѣніе. При этомъ каждое такое чувство овладѣваетъ даннымъ лицомъ непремѣнно сполна, по крайней мѣрѣ съ той минуты, какъ оно восторжествовало надъ противоположными стремленіями души. Если, напримѣръ, сердцемъ героя овладѣла ревность и онъ собирается мстить, то весь онъ дышетъ злобою, не зная уже никакого иного чувства; если герой идетъ на мужественное самопожертвованіе, онъ тоже весь охваченъ пламенною готовностью встрѣтить опасность. Толстой слѣдуетъ діаметрально противоположному методу: онъ какъ будто не довѣряетъ сильнымъ движеніямъ души, какъ не довѣряетъ великимъ характерамъ. Толстой слишкомъ хорошо помнитъ, какъ много таится мелкаго, даже тривіально подъ самыми могучими и благородны-

ми аффектами, какъ всеневная жизнь съ ея матеріальными, иногда пошлыми требованіями сохраняетъ власть надъ человѣкомъ даже въ самыя бурныя минуты; точно сквозь увеличительное стекло, онъ показываетъ всю эту подкладку сильныхъ психическихъ движеній. Въ этомъ тоже отражается его своеобразная иронія, всегда незлобивая, но какъ разъ потому, быть можетъ, неотразимо дѣйствующая на читателя.

Содержаніе „Дѣтства, Отрочества и Юности“ вращается почти исключительно среди самыхъ обыденныхъ и мелочныхъ событій. Игры, а потомъ и кутежи съ товарищами, заучиванье уроковъ, визиты къ знакомымъ, поверхностная влюбленность — вотъ къ чему сводится это содержаніе. Но и здѣсь, на этихъ мелочахъ жизни, представленъ поразительный контрастъ, между официальными чувствами, если можно такъ выразиться, какія долженъ испытывать при всемъ этомъ юноша, и дѣйствительнымъ его душевнымъ состояніемъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы мастерское по своему комизму описаніе первоваго кутежа студентовъ-первокурсниковъ, устроеннаго въ домѣ одного изъ нихъ, съ благословенія родныхъ подъ отеческимъ руководствомъ бывшаго губернатора Неггъа Фроста. Комизмъ этой сцены заключается въ общемъ стараніи всѣхъ присутствующихъ увѣрить себя, что имъ чрезвычайно весело, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, имъ необыкновенно скучно. И всѣ они, въ томъ числѣ и Неггъ Фростъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ, точно по командѣ, напиваются до-пьяна. Въ одномъ только случаѣ разсказъ возвышается до трагической ноты — въ минуту неожиданной для героя кончины его матери, оставшейся въ деревнѣ, когда мужъ и дѣти переселились въ Москву. Но и здѣсь Толстой не приминулъ показать, какъ, при всей искренности горя Николеньки, когда онъ стоялъ предъ гробомъ матери, въ его дѣтской головѣ роились самыя разнообразныя мысли, ничего общаго съ этимъ горемъ не имѣвшія. Такой пріемъ въ описаніи и придалъ творчеству графа Толстого сильную реалистическую окраску. Пріемъ этотъ вызывалъ самыя восторженныя похвалы необыкновенному ясновидѣнію Толстого и его беспощадной правдивости. Но имѣетъ онъ и свою оборотную сторону: анализомъ можно злоупотреблять,

какъ и всѣмъ на свѣтѣ. Микроскопъ открываетъ въ каплѣ воды цѣлый невѣдомый міръ разнообразныхъ, большею частью уродливыхъ существъ; но съ помощью микроскопа нельзя увидѣть прелесть какого-нибудь ландшафта, либо красоты человѣческаго лица. И въ концѣ концовъ, совершенно такъ же, какъ армія есть нѣчто больше, чѣмъ совокупность нѣсколькихъ десятковъ тысячъ солдатъ, а человѣческій организмъ—чѣмъ совокупность нѣсколькихъ милліоновъ клѣточекъ, такъ психическое настроеніе не есть только сумма безразличныхъ жестовъ и полу-безсознательныхъ обрывковъ мыслей. И отдаваясь ѣдкому удовольствію разлагать на мелочи сильное чувство, мы рискуемъ зачастую позабыть о цѣломъ изъ-за ничтожныхъ подробностей.

Герой „Утра помѣщика“ и затѣмъ двухъ другихъ повѣстей, князь Нехлюдовъ,—второй, по очереди, представитель центрального толстовскаго типа. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, г. Скабичевскій, въ статьѣ „Графъ Толстой, какъ художникъ и мыслитель“, пытается даже изобразить Нехлюдова, какъ простаго подражателя Николеньки Иртенева, какъ послѣдовательную ступень въ развитіи его характера. Съ этимъ взглядомъ нельзя, однако, согласиться. Николенька и князь Нехлюдовъ, правда, разновидности одного и того же типа, но разновидности съ очень характерными отличіями. Не говоря уже о томъ, что оба, въ качествѣ близкихъ товарищей, временно появляются въ романѣ, „Юность“—одно обстоятельство не допускаетъ ихъ полнаго тождества: въ характерѣ Нехлюдова есть элементъ серьезной вдумчивости, притомъ съ оттѣнкомъ меланхолической сентиментальности, элементъ совершенно отсутствующій въ менѣ глубокой, но за то болѣе живой натурѣ его товарища. Николенька тоже охотникъ изслѣдовать самого себя, но въ его наклонности къ этому нѣтъ ничего болѣзненнаго, и малѣйшаго развлеченія достаточно, чтобы оторвать его отъ такого анализа. Молодой Нехлюдовъ, наоборотъ, съ перваго же появленія на страницахъ „Юности“ будто находится подъ бременемъ какого-то тяготящаго надъ нимъ и не совсѣмъ понятнаго для него нравственнаго долга, и мысль его постоянно занята выясненіемъ себѣ этого долга, мучительнымъ

вопросомъ, способенъ-ли онъ разрѣшить стоящую передъ нимъ жизненную задачу. Нехлюдовъ по рожденію принадлежитъ къ высшему слою дворянства, и обстоятельство это рано пробудило и вызвало въ немъ неотвязчивую думу о долгѣ передъ родиной и въ особенности передъ многочисленными крѣпостными. Словомъ, Нехлюдовъ одинъ изъ представителей типа скорбящихъ аристократовъ, которыхъ такъ много было въ эпоху романтизма. Изъ числа героевъ Толстого, онъ, по крайней мѣрѣ, всего ближе подходитъ къ этому типу, хотя Толстой, вѣрный своему обычному реализму, и постарался его поставить въ рамки самой обыденной дѣйствительности. И какъ разъ благодаря этому, на Нехлюдовѣ всего удобнѣе прослѣдить, какъ относится гр. Толстой не только къ романтическимъ героямъ вообще, но и къ попыткамъ людей 40-хъ годовъ достигнуть придуманной ими для себя высокой цѣли.

Деятнадцатилѣтній Нехлюдовъ, еще не кончивъ съ университетомъ, рѣшается бросить столицу и навсегда уѣхать въ свое большое родовое помѣстье, чтобы тамъ исключительно заняться изученіемъ быта крестьянъ. Въ письмѣ къ знатной и чопорной теткѣ онъ излагаетъ мотивы своего рѣшенія съ нѣкоторымъ вычурнымъ комизмомъ, но зато и съ наивною искренностью. Конечно, его ожидаютъ одни разочарованія. Его попытки сблизиться съ народомъ встрѣчаютъ глухое недовѣріе однихъ, корыстное искательство другихъ. Обойдя цѣлый рядъ крестьянскихъ дворовъ — въ этомъ заключается „Утро помѣщика“ — Нехлюдовъ возвращается домой усталый, разочарованный въ себѣ и съ страннымъ чувствомъ зависти на сердцѣ, — зависти къ встрѣченному имъ бойкому парню, у которого въ жизни все такъ просто, ясно и опредѣленно. Но здѣсь-то и рождается вопросъ, хотѣлъ ли Толстой, какъ дѣлалъ это такъ часто Тургеневъ, просто развѣнчать своего героя, объяснивъ его неудачу нравственною дряблостью или, пожалуй, дряблостью цѣлаго сословія. Такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, г. Скабичевскій. Мнѣ сдается однако-жъ, что мысль Толстого и глубже и тоньше такой банальной постановки вопроса.

Толстой, конечно, подсмѣивается надъ романтическимъ увлеченіемъ Неклюдова, но лишь тѣмъ добродушнымъ сочувственнымъ смѣхомъ, съ которымъ онъ относится ко всѣмъ своимъ героямъ, въ томъ числѣ къ Пьеру и Левину. Иначе онъ и не могъ посмотрѣть на затѣю молодого князя, въ силу того ироническаго недовѣрія, какое вызываетъ въ немъ всякое горячее стремленіе, все отмѣченное чертою романтизма. И Неклюдовъ разочаровывается въ своей мечтѣ не потому, чтобы на немъ лежала какая-нибудь вина, чтобы самъ онъ лично былъ не способенъ выполнить свою задачу, а потому именно, что эта задача — иллюзія, что она невыполнима ни для кого. Въ глазахъ Толстого каждая попытка единичнаго человѣка кореннымъ образомъ измѣнить къ лучшему судьбу другихъ людей то же, что попытка двигать Сизифовъ камень. Въ „Утрѣ помѣщика“ нельзя не видѣть первый зачатокъ того взгляда, который съ такою рѣзкостью былъ высказанъ гр. Толстымъ по поводу неурожая 1891 года. Помочь народу не подъ силу высшимъ классамъ, думаетъ графъ, хотя бы ими руководили самыя лучшія побужденія. И замѣчательно, что изъ этого квіетизма Толстого — квіетизма, которому онъ, впрочемъ, не слѣдовалъ на практикѣ—широко открыта дорога на всѣ стороны. Основываясь на немъ, любой зачерствѣлый консерваторъ можетъ самодовольно доказывать, что народу помогать назачѣмъ. Зато съ неменьшимъ правомъ можетъ ссылаться на это воззрѣніе и социалистъ, утверждая, что безпомощность высшихъ классовъ въ дѣлѣ благотворительности зависитъ отъ коренной неправды самаго ихъ существованія. Но Толстой не приходитъ ни къ одному изъ этихъ выводовъ—по крайней мѣрѣ онъ не поступалъ такъ, когда писалъ „Утро помѣщика“. Дѣло въ томъ, что міровоззрѣніе Толстого не продуктъ рефлексіи, а результатъ непосредственнаго, прямаго впечатлѣнія. Ему дѣла нѣтъ до того, согласуется-ли мысль, высказываемая имъ въ данную минуту, съ другимъ мнѣніемъ, столь же искренно высказаннымъ въ иное время.

Что гр. Толстой не думаетъ винить Нехлюдова за его неудачу, вполне явствуетъ изъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, Нехлюдову всего 19 лѣтъ, а въ такіе годы нельзя требовать

глубокого знанія народа; во-вторыхъ, даже когда онъ встрѣчаетъ полное недовѣріе въ крестьянахъ и самого себя вынужденъ уличить въ комической наивности, онъ не перестаетъ быть симпатичнымъ, какъ всегда симпатично всякое искреннее стремленіе къ добру. Одно изъ двухъ въ самомъ дѣлѣ: либо онъ не знаетъ, какъ взяться за дѣло, потому что слишкомъ молодъ, либо причиною недовѣрія крестьянъ служить вѣковое рабство, быть можетъ обостренное злоупотребленіями какого-нибудь управляющаго. Ни въ томъ, ни въ другомъ молодой князь не виноватъ. Если онъ вернется въ деревню, когда ему минетъ тридцать, и сохранить прежнюю сердечную теплоту, ему удастся, вѣроятно, кое-что вокругъ себя перемѣнить къ лучшему, какъ удавалось оно многимъ помѣщикамъ не только при крѣпостномъ правѣ, но и послѣ освобожденія. Да наконецъ выскажу свою мысль съ полною откровенностью—едва-ли все происходило на самомъ дѣлѣ такъ, какъ увѣряетъ графъ Толстой въ своемъ „Утрѣ помѣщика“. Что Нехлюдова сплошь и рядомъ обманываютъ, что крестьяне съ непривычки озадачены его участіемъ въ ихъ судьбѣ, что онъ дѣлалъ зачастую промахи вслѣдствіе незнакомства съ ихъ бытомъ,—все это несомнѣнно и не могло не случиться. Но чтобы богатый помѣщикъ не могъ при крѣпостномъ правѣ поднять благосостоянія своихъ крестьянъ, расширивъ ихъ поля, отпустивъ имъ лѣсъ на новыя избы, прикупивъ имъ лошадей,—это явная натяжка, свидѣтельствующая лишь о томъ, что въ 1852 году самъ авторъ былъ недостаточно знакомъ съ народнымъ бытомъ. Еще менѣе вѣроятно, чтобы нищій крестьянинъ Чурисъ, у которого разваливается хата и съ трудомъ подпертая крыша грозитъ паденіемъ, чтобы этотъ Чурисъ отказался получить лѣсъ изъ помѣщичьей рощи и неохотно принялъ деньги изъ рукъ молодого князя. Намъ, по крайней мѣрѣ, даже въ настоящее время ни разу не удалось встрѣтить крестьянъ, которые бы отказались отъ того или другого.

Этотъ взглядъ на Толстовскаго Нехлюдова еще болѣе подтверждается дальнѣйшимъ развитіемъ его характера въ двухъ другихъ разсказахъ: „Встрѣчѣ въ отрядѣ“ (56 г.) и „Люцернѣ“ (57 г.); оба они носятъ заглавіе „Изъ записокъ князя Не-

хлюдова“. Армейскій офицеръ въ „Встрѣчѣ“ и русскій путешественникъ за границей въ „Люцернѣ“ — не только совсѣмъ уже зрѣлые люди, но поставлены они по отношенію къ окружающимъ ихъ лицамъ — и это очень рѣдкій примѣръ у Толстого — въ положеніе несомнѣнно преобладающее. Съ военными товарищами Нехлюдовъ держитъ себя просто и спокойно; безъ всякаго оттѣнка заносчивости или спѣси, и его превосходство становится особенно яркимъ при сопоставленіи съ прежнимъ столичнымъ знакомымъ, разжалованнымъ вслѣдствіе какой-то исторіи и представляющимъ чрезвычайно типичную смѣсь угодливости и хвастовства. Въ „Люцернѣ“ Нехлюдовъ противопоставленъ совершенно иной средѣ — празднымъ космополитамъ, собравшимся въ швейцарскомъ отелѣ. Онъ возмущенъ безсердечіемъ, какое выказываетъ эта богатая публика къ странствующему музыканту, и совершенно явно, на глазахъ у всѣхъ, беретъ этого музыканта подъ свою покровительство, усаживаетъ съ собою, потчуетъ винами, подробно разспрашиваетъ о жизни, словомъ обращается съ нимъ, какъ съ равнымъ. Быть можетъ, во всемъ этомъ есть нѣкоторая рисовка передъ собою, которая иногда побуждаетъ насъ съ трескомъ, бросать обществу вызовъ, и большею [частію вызовъ самъ по себѣ] бесполезный. Что Нехлюдовъ, когда онъ няньчился съ своимъ музыкантомъ, не столько имѣлъ въ виду помочь бѣдному артисту, сколько удовлетворить возмущенное чувство, просившееся наружу, — это несомнѣнно. Но при всей практической бесплодности такихъ манифестацій, а пожалуй и всѣхъ манифестацій вообще — зрѣлице черствой несправедливости по отношенію къ слабымъ вызываетъ иногда такую потребность въ протестѣ, что не устоять противъ нея и самому разсудительному человѣку, если у него есть сердце. Удовлетвореніе нравственнаго чувства конечно не всегда ведетъ къ ожидаемымъ результатамъ, но само по себѣ оно уже результатъ не малый, хотя бы ради очищенія нравственной атмосферы. Какъ бы то ни было, въ обоихъ поименованныхъ разсказахъ симпатіи [автора] несомнѣнно на сторонѣ Нехлюдова и — добавлю кстати — оба они носятъ очевидный характеръ личныхъ воспоминаній. А если такъ, то ужъ нечего говорить, будто Толстой

въ своемъ Нехлюдовѣ хотѣлъ изобличить дряблость и несостоятельность дворянскаго прекраснодушія.

Но—возразятъ быть можетъ—есть и другой разсказъ, въ которомъ появляется Нехлюдовъ, именно „Записки маркера“, и въ этомъ разсказѣ надъ нимъ уже произносится немилосердный и при томъ вполнѣ заслуженный приговоръ. Судьба героя „Записокъ“ въ самомъ дѣлѣ, не смотря на его жалкій конецъ, не вызываетъ ни симпатіи, ни сожалѣнія. При всей неиспорченности, при всей наивной мягкости характера, Нехлюдовъ въ „Запискахъ“ до того слабъ и ничтоженъ, онъ такъ легко поддается самымъ незатѣпливымъ и грубымъ искушеніямъ, что возбуждаетъ скорѣе негодованіе, чѣмъ жалость. Даже раскаяніе, даже смерть не могутъ примирить съ нимъ читателя. Все это несомнѣнно. Но остается рѣшить вопросъ Нехлюдовъ „Записокъ“ одно ли и тоже лицо съ Нехлюдовымъ „Утра помѣщика“? Сомнѣніе на этотъ счетъ можетъ возникнуть уже въ силу того, что послѣдняго зовутъ Дмитріемъ, а перваго Анатоліемъ.

На этомъ впрочемъ настаивать не буду; здѣсь могла случиться простая ошибка, не рѣдкая у Толстого: называетъ же онъ въ „Войнѣ и мирѣ“ Пьера то Безухимъ, то Безуховымъ. Но есть доводы, болѣе существенные. „Записки маркера“ появились въ 1856 году, и если бы графъ Толстой рѣшился покончить такимъ образомъ съ прежнимъ своимъ Нехлюдовымъ, то въ слѣдующемъ году онъ бы не могъ въ „Люцернѣ“ разсказать эпизодъ изъ его жизни, совершенно не соотвѣтствующій такому концу. Въ самомъ дѣлѣ, Нехлюдовъ въ „Запискахъ“ и его однофамилецъ въ „Утрѣ помѣщика“ кореннымъ образомъ разнятся по характеру. Первый—человѣкъ съ надорванной волею, у котораго порывовъ хватаетъ только на удовлетвореніе самыхъ дрянныхъ страстишекъ, а громкое обличеніе самого себя отзывается риторикой. Не таковъ Нехлюдовъ въ „Утрѣ помѣщика“, во „Встрѣчѣ“, въ „Люцернѣ“; онъ увлекается, правда, но увлекается благотворительностью, онъ быть можетъ не ловокъ въ своихъ пріемахъ, но неловокъ только по неопытности, и стыдиться ему этого не за чѣмъ. Можно поручиться, что на вино и на карты не уйдетъ его состояніе, и

что, если онъ даже кончить самоубійствомъ, то будутъ у него иные, болѣе глубокіе мотивы, чѣмъ простая жалкая невозможность куда-нибудь дѣвать свою ненужную жизнь.

Весь разсмотрѣнный циклъ произведеній Толстого вовсе не содержитъ въ себѣ отвѣта на вопросъ, какъ слѣдуетъ жить: дидактическаго характера эти произведенія не имѣютъ. Всѣ они представляютъ лишь картины жизни, такъ сказать безотнositельно къ ея нравственной цѣли, и притомъ жизни исключительно высшаго круга. Тамъ даже, гдѣ лица изъ этого круга сталкиваются съ людьми изъ низшихъ классовъ, ихъ сопоставленіе не вызываетъ передъ читателемъ никакого вопроса, требующаго разрѣшенія. Специальные контрасты, занимавшіе такое видное мѣсто въ литературѣ 40-хъ годовъ, какъ будто вовсе не тревожили мысли графа Толстого въ эту первую эпоху его творчества. Въ „Дѣтствѣ, Отрочествѣ и Юности“ представлены три степени развитія мальчика изъ дворянской семьи и дается полная обрисовка какъ самого этого мальчика, такъ и окружающей его среды, обрисовка вполне правдивая, но и совершенно безпристрастная. Въ рассказахъ, героемъ которыхъ является Нехлюдовъ, богатый молодой человѣкъ поставленъ лицомъ къ лицу съ людьми, стоящими ниже его; и въ своемъ искреннемъ стараніи исполнить свой долгъ передъ этими людьми, Нехлюдовъ является симпатичнымъ представителемъ богатой молодежи, хотя къ результату его попытокъ Толстой и относится немного скептически. Наконецъ, въ „Запискахъ маркера“ представленъ другой типъ изъ того же класса, типъ, носящій всѣ признаки вырожденія, не въ силу своихъ дурныхъ инстинктовъ, а просто вслѣдствіе безхарактерности. Основная толстовская идея — безсиліе личности — во всѣхъ этихъ произведеніяхъ еще не доведена до полного развитія; на нее встрѣчаются только намеки, къ тому же сдѣланные въ тонѣ легкаго, добродушнаго юмора.

Къ этой группѣ повѣстей примыкаютъ еще двѣ, тоже исключительно посвященныя высшему кругу, но уже съ нѣкоторымъ идейнымъ содержаніемъ это „Два гусара“ и „Семейное счастье“. Здѣсь, какъ мы тотчасъ увидимъ, вопросъ о жизненной задачѣ уже затронутъ, если и не поставленъ прямо.

Въ „Двухъ гусарахъ“ выведены представители двухъ послѣдовательныхъ поколѣній одной и той же семьи. Графъ Турбинъ — отецъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ толстовскихъ героевъ, щедро надѣленъ пороками: онъ картежникъ и пьяница, онъ промоталъ состояніе; закона не существуетъ для его залихватской удалы, и съ простою, азбучною честностью онъ обходится иной разъ очень безцеремонно. Все это выкупается однимъ: мотивы его буйныхъ поступковъ безкорыстны; онъ великодушенъ и храбръ, онъ всегда готовъ постоять за обиженного, и чувство высшей, такъ сказать инстинктивной, правды въ немъ живо. Двадцать лѣтъ спустя мы встрѣчаемся съ его сыномъ, офицеромъ того же гусарскаго полка. Онъ полнѣйшій контрастъ своего отца: щепетильно аккуратный и необыкновенно осторожный, онъ никогда не заводитъ исторій и не дѣлаетъ долговъ, но за то всѣ его помыслы основаны на разсчетѣ; помощи отъ него ждать нечего; на товарища онъ смотритъ лишь съ точки зрѣнія выгоды и, всегда приличный въ обращеніи, онъ, на самомъ дѣлѣ, трусъ и лжець. Можно ли этихъ людей признать за настоящихъ представителей двухъ поколѣній, конечно, подлежить спору, но что сорви-голова отецъ лучше мелкаго эгоиста-сына,—это кажется сомнѣнію не подлежить и, добавлю мимоходомъ, фигура Турбина отца—одно изъ рѣдкихъ толстовскихъ созданий, до нѣкоторой степени окрашенныхъ романтизмомъ.

Въ „Семейномъ счастіи“ (59 г.) такихъ контрастовъ нѣтъ: въ этой повѣсти проведена идея, что надо умѣть смиряться предъ неизбѣжною прозою жизни и довольствоваться сѣренькимъ счастьемъ, потому что иное, болѣе высокое,—слишкомъ хрупко. И мудры тѣ, которые, познавъ разочарованіе, не горюютъ о разбитомъ идеальномъ счастьѣ, мирятся на взаимномъ прощеніи. Такимъ образомъ въ этихъ двухъ повѣстяхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой всего трехлѣтнимъ промежуткомъ, симпатіи Толстаго склоняются въ совершенно противоположныя стороны. Въ „Двухъ гусарахъ“ онъ принадлежать буйному представителю лихой старины съ ея молодецкимъ безпривіемъ, и современная посредственность — аккуратная, но безсердечная, — жалка и ничтожна въ сравненіи съ поэзіей бы-

лой удали. Три года спустя, въ „Семейномъ счастьѣ“, Толстой учить довольствоваться осколками разбитыхъ идеаловъ, когда миновало время сладкихъ, обманчивыхъ увлеченій. Неизбѣжная проза жизни уже не представляется чѣмъ-то ненавистнымъ, а, напротивъ, въ умѣнїи ея довольствоваться Толстой видитъ истинную жизненную мудрость, а стало быть и жизненную правду.

Мы переходимъ теперь къ другому циклу повѣстей и рассказовъ, гдѣ уже на первомъ планѣ стоитъ тревожный вопросъ о настоящей цѣли жизни, о томъ, что слѣдуетъ дѣлать человѣку, чтобы жить и умереть хорошо. Сюда мы отнесемъ „Севастопольскіе очерки“ (56 г.), „Набѣгъ“ (52 г.), „Три смерти“ (59 г.) и „Казаковъ“ (61 г.). Страшная севастьяпольская эпопея, въ которой Толстой участвовалъ самъ, натолкнула его, быть можетъ, впервые на грозный вопросъ о смерти, который позже такъ часто носился передъ его [воображеніемъ. Уже нѣсколько ранѣе правда, именно въ 52 году, въ небольшомъ рассказѣ „Набѣгъ“ онъ коснулся этого вопроса, и коснулся совершенно въ томъ же духѣ, какъ въ Севастопольскихъ очеркахъ. Молодой кавказскій офицеръ, только что надѣвшій эполеты, идетъ въ первое дѣло, какъ на праздникъ; онъ исполненъ наивныхъ ожиданій славы и шума и необыкновенно милъ въ своемъ ребяческомъ восторгѣ, которому не грезится даже возможная опасность. И вотъ вмѣсто славы и блеска онъ встрѣчаетъ смерть и смерть даже не въ бою, а случайную, пассивную, не громкую смерть. Умираетъ онъ такъ же безсознательно, какъ передъ тѣмъ шелъ въ дѣло, и точно нѣжною рукой закрываетъ его отроческіе глаза блѣдный призракъ неожиданной гостии. Контрастъ между громкими ожиданіями и быстрымъ, нелѣпымъ, безцѣльнымъ концомъ—этотъ любимый Толстымъ контрастъ здѣсь уже ярко выступаетъ, какъ злая насмѣшка надъ жизнью, со всей жалкой тщетой ея лучшихъ стремленій. И примирить этотъ контрастъ можетъ, по мысли Толстого, только одинаковое смиреніе передъ обманомъ жизни и передъ загадкой смерти. Но все-таки здѣсь эта суровая мысль не обставлена грозными картинами. Смерть подкрадывается невзначай, требуя себѣ жертвъ по одиночкѣ.

Не то было подъ Севастополемъ. Эпизоды кавказской войны — чистая идиллія въ сравненіи съ побоищемъ одиннадцатимѣсячной осады. И какъ разъ потому, что здѣсь носилась огульная массовая смерть, что отдѣльный человѣкъ совершенно терялся почти незамѣченнымъ, Толстому пришлось къ грозной картинѣ войны примѣнить свой любимый пріемъ и лишить ее мнимо-поэтическаго и мнимо-геройскаго ореола. Не людей онъ развѣнчиваетъ, какъ дѣлають это иные, а самыя событія. У Толстого человѣкъ не потому слабъ, чтобы ему нехватало энергіи, а потому, что эта энергія ничто передъ огромностью задачи, передъ подавляющею силой массоваго боя. Но рисуя такими маленькими своихъ дѣйствующихъ лицъ, Толстой не поэтизируетъ и массы; онъ чуждъ и того романтизма, который скрадываетъ индивидуальныя страданія участниковъ боя подъ виѣшной грандіозностью картины пушечнаго грома и побѣдныхъ кликовъ. Какъ талантъ глубоко-аналитическій, Толстой не поддается искушенію широкими размахами кисти набросать блестящую картину общаго боя, — хотя сдѣлать онъ это сумѣлъ бы, чему доказательствомъ служить описаніе Аустерлица и Бородина въ „Войнѣ и мирѣ“. Онъ твердо помнитъ, что, какъ-бы ни безсиленъ и ничтоженъ былъ человѣкъ, все-таки мучится и умираетъ онъ индивидуально, и грандіозность событія развѣнчивается въ концѣ-концовъ, подъ впечатлѣніемъ личныхъ страданій. „Севастопольскіе очерки“ въ литературѣ — явленіе совершенно подобное военнымъ картинамъ Верещагина въ живописи, съ тѣмъ однако различіемъ что Верещагинъ, рисуя ужасы войны, отнимаетъ у нея всю идеальную сторону, а у Толстого изъ-за физически-ужаснаго всегда просвѣчиваетъ нравственная высота; только высоту эту онъ понимаетъ не въ смыслѣ отваги и блеска выдающагося подвига, а видитъ ее въ безсознательномъ смиреніи тѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые совершенно просто исполняютъ свой долгъ, не подозревая даже, что въ этомъ есть что-то великое. И всякую попытку рисоваться, всякую внѣшнюю красоту Толстой караетъ въ своихъ севастопольскихъ бойцахъ такъ же немилосердно, какъ дѣлаетъ онъ это съ любимъ ходульнымъ героемъ, выступающимъ на мирномъ поприщѣ ка-

кой-нибудь гостиной. Величіе только въ простотѣ, и вотъ почему настоящій герой севастопольскихъ очерковъ — это вся русская армія, вся толпа безыменныхъ. Герой этотъ великъ потому именно, что онъ не подозреваетъ своего величія, что каждый изъ участниковъ этой толпы, страдая лично, индивидуально, не рассчитываетъ на личную славу.

Еще рельефнѣе та же идея выражена въ рассказѣ „Три смерти“ (59 г.), гдѣ рядомъ съ безпокойной агоніей свѣтской барыни и безропотнымъ концомъ простолюдина представленъ конецъ дерева, съ величавой безсознательностью падающаго подъ ударами топора. И лучше изъ трехъ смертей, по мнѣнію Толстого послѣдняя. Въ этомъ рассказѣ можно, пожалуй, увидѣть демократическую тенденцію, если бы дереву не было отдано предпочтеніе въ равной мѣрѣ предъ обоими представителями различныхъ общественныхъ слоевъ. Этимъ сопоставленіемъ мысль Толстого приобретаетъ несомнѣнно для насъ еще большую силу, и смѣлость такого вывода, конечно, могла его прельстить. Мнѣ сдается, однако, что здѣсь, какъ и во всемъ, что касается человѣческаго духа, крайнее напряженіе дедуктивной логики имѣетъ свою оборотную сторону и что возвеличивать безсознательное — значитъ, въ сущности, прямо идти противъ своего же тезиса. Самое понятіе о добрѣ и злѣ, о лжи и правдѣ исчезаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе ощущенія. Безсознательность хороша, когда она касается оцѣнки собственного достоинства, но она перестаетъ быть заслугой, какъ скоро относится къ самому страданію, физическому или нравственному. Севастопольскіе солдаты не сознавали себя героями, быть можетъ, но страдали они совершенно реально. И едва-ли сумѣли бы они отстоять стѣны города втеченіе одиннадцати мѣсяцевъ, если-бы у нихъ была только одна пассивная безсознательность дерева.

Если тема рассказовъ, о которыхъ было сейчасъ говорено, главнымъ образомъ вращается около вопроса, какъ слѣдуетъ умирать, то повѣсть „Казаки“ (61 г.) посвящена другому вопросу — какъ лучше, т. е. проще жить. Понятіе о лучшей жизни, т. е. въ сущности понятіе этическое, сводится Львомъ Толстымъ къ первобытной простотѣ этой жизни. Богатый мо-

лодой человѣкъ Оленинъ, тяготясь своей изнѣженной праздностью, ѣдетъ служить на Кавказъ и тамъ попадаетъ въ Гребенскую станицу. Онъ прельщается нравами гребенцовъ, ихъ грубоватой непосредственностью, безыскусственнымъ проявленіемъ ихъ искреннихъ или, говоря попросту, животныхъ инстинктовъ. Онъ всячески старается и самого себя передѣлать, подражая складу ихъ жизни, — проводить цѣлые вечера, выпивая чихирь со старымъ казакомъ Ярошкой, заискиваетъ въ бойкомъ молодцоватомъ парнѣ Лукашкѣ, наконецъ влюбляется въ дочь своего хозяина, красавицу Марьянку, и даже готовъ на ней жениться. Въ своемъ дневникѣ онъ подробно описываетъ совершившееся въ немъ прозрѣніе жизненной правды и довольно-таки витіевато клеймитъ искусственность и ложь цивилизованной жизни. Старанія его, однако, оказываются неудачными: хитрые, при всей своей первобытности, гребенцы встрѣчаютъ его попытки съ недовѣріемъ, отчасти даже надъ нимъ глумятся. Лукашка, которому онъ подарилъ лошадь, подозрительно недоумѣваетъ, съ какой затаенной цѣлью сближается съ нимъ богатый молодой баринъ. Хозяева, родители Марьянки, у которыхъ онъ просиживаетъ цѣлые часы, при всемъ своемъ добродушіи, подумываютъ, какъ бы его лучше оплести. Въ своемъ ухаживаніи за Марьянкой онъ обнаруживаетъ робкую неловкость и на вечеринкахъ у одного товарища, у котораго собираются мѣстныя красавицы, рѣшительно не знаетъ, какъ себя держать. Словомъ, гребенцамъ онъ оказывается совсѣмъ не ко двору, и хотя Марьянка, влюбленная въ Лукашку, сперва выказываетъ Оленину благосклонность, она въ концѣ концовъ, узнавъ о смерти возлюбленнаго, гонитъ отъ себя молодого офицера какъ нельзя болѣе обиднымъ для него образомъ. По идеѣ и по содержанію „Казакъ“, какъ видно, очень близко подходятъ къ Пушкинскимъ „Цыганамъ“. И тамъ, и здѣсь культурный герой хочетъ обновиться въ свѣжей атмосферѣ первобытныхъ нравовъ. И оба они—Пушкинскій Алеко и Толстовскій Оленинъ—являются въ одинаковой степени неспособными къ такому перерожденію. Пушкинъ и Толстой, несмотря на то, что первый развилъ свою тему на романтической почвѣ, а второй доводитъ реализмъ описанія почти до гру-

бости, говорятъ одно и то же, говорятъ, что не къ лицу чело-
вѣку столицы искусственно подлаживаться къ чуждой ему об-
становкѣ, потому что такая попытка сама ничто иное, какъ
ложь. Различна только развязка: трагизма „Цыганъ” у Тол-
стого нѣтъ и Оленину не пришлось совершить надъ Марьян-
кой кровавую расправу, да и не изъ тѣхъ онъ, которыхъ об-
манутая страсть доводитъ до преступленія.

Благодаря этому Оленинъ и лишенъ того поэтического
ореола, который все-таки присущъ Алеко. Преступный герой
въ нашихъ глазахъ всегда симпатичнѣе героя смѣшного. Есть,
впрочемъ, между обоими писателями и другое отличіе. Пуш-
кинъ, если онъ и произнесъ устами стараго цыгана приговоръ
надъ своимъ Алеко, едва-ли, на самомъ дѣлѣ, сочувствовалъ
первобытной дикости кочевыхъ нравовъ, едва-ли признавалъ за
ними какое-либо превосходство надъ культурною жизнью. Въ
его глазахъ, какъ уже имѣлъ случай замѣтить, вина Алеко
заключается не въ томъ, что онъ не сумѣлъ ужиться съ пер-
вобытной средой: настоящая, еще болѣе непростительная ви-
на въ самой его попыткѣ искусственно передѣлать себя въ
первобытнаго челоѣка. Толстой, наоборотъ, склоненъ, пови-
димому, рѣшительно стать на сторону своихъ казаковъ. Быть
можетъ, служа на Кавказѣ, онъ самъ испытывалъ нѣчто подоб-
ное восторгамъ Оленина. Смыслъ его повѣсти таковъ, что
Оленинъ не сумѣлъ опроститься, по винѣ-ли своего воспита-
нія, или потому, что былъ лишенъ способности сближаться съ
непривычною средой. Толстой не думаетъ, повидимому, что са-
мое такое сближеніе по существу нелѣпость и что никакого
прочнаго счастья образованный челоѣкъ не можетъ найти,
женившись на какой-нибудь Марьянкѣ. Въ этомъ отношеніи,
т. е. съ точки зрѣнія идеи, реалистъ Толстой дальше отъ прав-
ды, чѣмъ романтикъ Пушкинъ. Но въ то же время, благодаря
его художественной чуткости, эта самая правда беретъ свое;
нельзя сказать, чтобы онъ представилъ своихъ казаковъ въ
слишкомъ привлекательномъ свѣтѣ. Не говоря уже о томъ,
что у нихъ господствуетъ самое откровенное распутство, всѣ
они оказываются нечуждыми и довольно-таки грубаго разсчета.
Родители Марьянки зазываютъ къ себѣ Оленина съ чисто ко-

рыстными цѣлями; Лукашка получаетъ выкупъ за тѣло убитого имъ Абрека и хвастается тѣмъ, что укралъ у другого горца лошадь; Марьянка далеко не наивно кокетничаетъ съ Оленинымъ, а одна ея подруга просто идетъ на содержаніе къ его товарищу. Нельзя сказать, чтобы все это было особенно красиво. И лучшимъ доказательствомъ, что культурный человѣкъ все-таки можетъ прекрасно уживаться съ первобытными гребенцами, служить этотъ самый товарищъ, который дружитъ съ ними, какъ нельзя лучше, и является общимъ любимцемъ женской молодежи станицы. Повидимому, культурному человѣку надо только не идеализировать первобытную среду и между казачками отыскивать себѣ не жену, а временную подругу. Когда Толстой писалъ „Казаковъ“, онъ очевидно не задался аскетическими идеями „Крейцеровой сонаты“. Это видно хотя бы изъ того, что въ жизни своихъ гребенцовъ онъ съ сочувствіемъ относится ко всѣмъ ея проявленіямъ, даже къ тѣмъ ночнымъ прогулкамъ Лукашки, которыя очень близко граничатъ съ нравами животныхъ. Такимъ образомъ, на основаніи толстовскихъ „Казаковъ“ въ сущности ни къ какому выводу прийти нельзя. Нѣсколько тенденціозная идея повѣсти не подтверждается ея содержаніемъ, благодаря тому, что Толстой, хоть и увлеченъ первобытною простотою гребенцевъ, все-таки не прикрасилъ дѣйствительности въ угоду своему увлеченію. Какъ бы наперекоръ темъ, эта простота не обусловливаетъ собою особенно высокихъ нравственныхъ качествъ. Не такъ поступали писатели XVIII вѣка, любившіе ставить въ примѣръ разлагавшемуся культурному обществу идеальную чистоту нравовъ дикарей. Они не скупились на краски, чтобы представить въ возможно яркомъ поэтическомъ колоритѣ своихъ краснокожихъ индѣйцевъ, одаренныхъ и благородствомъ, и великодушіемъ, и цѣломудріемъ поразительнымъ, и мужествомъ необыкновеннымъ. конечно, все это было списано не съ дѣйствительности, а сочинено въ виду предвзятой темы. Толстой, издавшій своихъ „Казаковъ“ воочію, не покусился на такую идеализацію. Онъ любитъ ими, со всѣми ихъ недостатками. Но даже въ тѣ моменты разказа, гдѣ его симпатіи всего болѣе явно на ихъ сторонѣ, онъ не скрадываетъ ни одной ихъ некра-

сивой черты, ни одного грубаго чувства. Даже при этихъ условіяхъ они остаются для него привлекательными. И если онъ ошибался, то лишь въ своемъ увлеченіи, котораго они не заслуживаютъ, а не въ оцѣнкѣ ихъ нравственнаго облика. Въ этой оцѣнкѣ онъ остается вполне правдивымъ, какъ настоящій реалистъ и великій писатель.

„Казаками” заканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Толстого, послѣ котораго наступилъ довольно длинный перерывъ, исключительно занятый педагогическими трудами. Этотъ перерывъ какъ разъ совпалъ съ движеніемъ 60-хъ годовъ, въ которомъ Толстой не принялъ непосредственнаго участія.

Какъ совершился поворотъ въ русскомъ обществѣ 50-хъ годовъ? — Перемѣна въ содержаніи литературныхъ произведеній и ихъ форма. — Эстетика 60-хъ годовъ. — Теорія искусства для жизни и въ чемъ ея ошибочность.

Повороты въ настроеніи общества обыкновенно совершаются незамѣтно и не дѣлаются по командѣ, какъ перемѣны фронта у войскъ. Трудно, однако, себѣ представить поворотъ болѣе крутой и рѣзкій, чѣмъ тотъ, который произошелъ въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ подъ конецъ 50-хъ годовъ. Конечно, онъ совершился не разомъ и не въ одинъ день, и умственное теченіе предшествовавшей эпохи еще не изсякло, когда новое уже наступило. „Дворянское гнѣздо” и „Обломовъ” появились четырьмя годами позже первыхъ статей Добролюбова и надѣлавшей столько шума диссертациі Чернышевскаго. Произведенія, совершенно различныя по характеру, довольно долго печатались рядомъ на страницахъ нашихъ тогдашнихъ журналовъ. Если бы мы въ точности не знали,

въ какое время появилось каждое изъ нихъ и должны бы судить объ этомъ по ихъ формѣ и содержанію, какъ геологъ опредѣляетъ, къ какой формациі относится найденный имъ допотопный островъ, намъ бы, вѣроятно, пришлось допустить многолѣтніе промежутки между такими произведеніями тогдашней литературы, которыя на самомъ дѣлѣ увидѣли свѣтъ въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ. И тѣмъ не менѣе, повторяю, былъ поворотъ до крайности рѣзкій, и наше общество было завоевано новымъ направлениемъ съ поразительной быстротой. Произошло это по двумъ слѣдующимъ причинамъ. Въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I идеи, вызвавшія на Западѣ революцію 48 года, были у насъ подавлены только снаружи, а, въ дѣйствительности, подъ напоромъ официальныхъ стѣсненій, еще сгустились и накопили еще больше вражды къ тогдашнимъ порядкамъ. Какъ въ театрѣ за полотномъ декораціи уже все готово для слѣдующей сцены, такъ и у насъ стоило только сдвинуть цензурныя ширмы, и скрывавшееся за ними готовое настроеніе ярко предстало передъ глазами всѣхъ. Но рядомъ съ этимъ подготовленіемъ запаса идей, вдругъ неожиданно хлынувшимъ на поверхность, образовался и новый контингентъ для практическаго ихъ выполненія, выступилъ впередъ новый общественный классъ, прежде ничтожный по численности, а теперь разомъ, какъ волна прибоя, затопившій все наше общество. Рамки этого общества, тонкій слой культурной интеллигенціи, были слишкомъ тѣсны и слабы, чтобы вмѣстить въ себя этотъ новый, сырой матеріалъ, и не находя себѣ въ нихъ мѣста, не имѣя времени къ нимъ подладиться, свѣжая общественная волна разбила эти рамки, признавъ ненужною самую культуру, къ которой она примѣниться не умѣла. Итакъ, еще болѣе, чѣмъ идейное содержаніе литературы, измѣнился коренныхъ образомъ составъ и характеръ читателей. Я уже не разъ имѣлъ случай замѣтить, что каждое общество въ своей литературѣ ищетъ прежде всего свое собственное отраженіе, что въ плодахъ своего творчества оно любитъ находить воспроизведеніе того, чѣмъ оно занято и къ чему стремится. Литература служить зеркаломъ общества — я долженъ извиниться предъ читателемъ, повторяя этотъ опошленный афо-

ризмъ — не потому, чтобы оно бессознательно накладывало на нее свой отпечатокъ, а потому въ особенности, что читающая среда предъявляетъ къ искусству настоящее требованіе удовлетворять ея вкусамъ. И если бы послѣ многихъ вѣковъ исчезла память о новѣйшей исторіи нашего отечества, если бы отъ нея уцѣлѣли одни памятники литературы, всякій изслѣдователь, познакомившись съ ними, сказалъ бы не обинуясь, что подъ конецъ 50-хъ годовъ русское общество обновилось въ понятіяхъ и во вкусахъ, что оно словно подверглось какому-то нашествію чужого племени. Между Тургеневымъ, Гончаровымъ, Толстымъ, даже между Гоголемъ и Бѣлинскимъ съ одной стороны и Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, Помяловскимъ и Рѣшетниковымъ съ другой — такой непримиримый психологическій контрастъ, который можно объяснить себѣ только смѣной одной культуры другой. Различіе между ними, строго говоря, — не идейное; въ умственномъ развитіи перерыва здѣсь нѣтъ, а есть нѣчто гораздо болѣе глубокое — различіе бытовое, полная смѣна идеаловъ культурныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ. Человѣкъ 40-хъ годовъ могъ увлечься радикальными теоріями, но объектъ этого радикализма — народъ оставался для него чѣмъ-то далекимъ, почти отвлеченнымъ. Онъ былъ для него лишь предметомъ снисходительнаго, прекраснодушнаго сочувствія. Этотъ народъ можно было освободить, но сливаться съ нимъ никто и не думалъ. Человѣкъ 40-хъ годовъ, при всемъ своемъ демократизмѣ, оставался человѣкомъ высшаго культурнаго слоя, прежде всего боящимся запачкать себѣ руки. Тѣ изъ нашихъ писателей, которые, подобно Тургеневу и В. П. Боткину, въ непосредственной близи видѣли уличныя сцены 48-го года, правда не утратили изъ-за этого сочувствія къ революціи, которая была для нихъ прежде всего интереснымъ зрѣлищемъ, но сочувствіе это было исключительно дилетантскимъ и, если можно такъ выразиться, художественнымъ. Принять въ самой пьесѣ прямое участіе они едва-ли бы захотѣли. Культъ изящнаго и въ жизненной обстановкѣ, и въ литературномъ творествѣ, — культъ, воодушевлявшій и Гоголя, не смотря на его любовь къ изображенію пошлости, и самого Бѣлинскаго, несмотря на огра-

ниченность его средствъ и на его наклонность къ аскетизму — этотъ культъ совершенно исчезаетъ съ поколѣніемъ 60-хъ годовъ. Поколѣніе это прямо даже проповѣдуетъ небрежность формы, презрѣніе къ изяществу и явно подсмѣивается надъ желаніемъ говорить и держать себя красиво, отличавшимъ людей сороковыхъ годовъ. И перемѣна замѣтна не только въ способѣ изложенія, въ манерѣ писателей — она касается и сюжета. Романы и повѣсти 40-хъ годовъ исключительно вращаются въ небогатой средѣ, народной или мѣщанской, рисуютъ жизнь сѣрую и грубою. Конечно, народъ и мѣщанство появлялись въ литературѣ и ранѣе 60-хъ годовъ. Тургеневъ пріобрѣлъ извѣстность благодаря очеркамъ изъ крестьянскаго быта, а Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“ не скупился на грубыя краски. Но у того и другого манера письма совершенно иная, чѣмъ у писателей слѣдующаго литературнаго поколѣнія. Въ крестьянскихъ сценахъ „Записокъ охотника“ очень мало бытовыхъ чертъ, потому что Тургеневъ подъ сермягою мужика отыскивалъ прежде всего человѣка, рисовалъ преимущественно его душу, а не только одежду и языкъ. Гоголь, изображая пошлые типы и грязноватую жизнь, всегда представлялъ ихъ въ видѣ контраста, если не съ дѣйствительностью, которая въ Россіи и пошла и грязна, то съ идеаломъ, съ которымъ онъ не пересталъ носиться. Изъ отрицательнаго его отношенія къ пошлости и вытекаетъ весь его комизмъ. У писателей 60-хъ годовъ, напротивъ, комической ноты почти нѣтъ, и мизерная обстановка ихъ героевъ вовсе имъ не представляется чѣмъ то исключительнымъ и безобразнымъ — для нихъ она явленіе самое естественное и заурядное. Во всемъ этомъ принято видѣть торжество реального направленія, проповѣдникомъ котораго былъ уже Бѣлинскій. Шестидесятники сами себя прославляли какъ непосредственныхъ преемниковъ Гоголя, окончательно вытѣснившихъ изъ литературы послѣднія воспоминанія о романтизмѣ. На самомъ дѣлѣ реализмъ тутъ ни при чемъ: большинство шестидесятниковъ, при всей грубости ихъ кисти, были глубокими идеалистами: а отъ Гоголя ихъ отдѣляетъ цѣлая бездна. У Гоголя нигдѣ не прорывается сочувствіе ни къ матеріальному, ни къ нравственному убожеству. Его смѣшныя

или уродливыя фигуры только комичны и состраданія не вызываютъ нигдѣ. Нигдѣ вы не отыщете у Гоголя сочувственной ноты къ его жалкимъ героямъ, старанія найти въ нихъ примиряющую черту: самый народъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. крестьяне, за исключеніемъ, конечно, „Вечеровъ на хуторѣ“, которые здѣсь въ счетъ не идутъ, являются у него только въ роли статистовъ, у которыхъ бѣгло намѣчены лишь двѣ-три комическія черты. И во всѣхъ его произведеніяхъ вы ни отыщете ни одного мужика, нарисованнаго во весь ростъ, какъ самостоятельная цѣльная человѣческая личность. Признаюсь, мнѣ никогда не вѣрилось въ тѣ знаменитыя слезы, которыя будто бы скрываются за его смѣхомъ, но слезы эти были, если считатьъ съ прошлымъ.

Не то было въ 60-е годы. Писатели 60-хъ годовъ, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ и т. д., не смѣются надъ рубищемъ своихъ героевъ и даже не стыдятся его; они сочувствуютъ ихъ жизни, потому что живутъ ею сами. Весь секретъ реализма новой школы вовсе не въ перемѣнѣ взглядовъ на искусство, а въ перемѣнѣ среды, откуда выходятъ и читатели и писатели: грубость не въ литературѣ только, а въ самой жизни.

Итакъ, движеніе 60-хъ годовъ вовсе не выдвинуло новую литературную школу, какъ принято думать, — оно выдвинуло лишь новый общественный классъ. Оно было гораздо болѣе политическимъ и социальнымъ, чѣмъ литературнымъ въ строгомъ смыслѣ. И только смотря на него съ этой точки зрѣнія, можно вѣрно оцѣнить всѣ его особенности. Въ лицѣ Добролюбова оно подвергло жестокому осмѣянію героевъ прежняго романа, бичуя въ нихъ бесплодную красоту ихъ мирнаго либерализма. Конечно въ своей критикѣ Добролюбовъ, а за нимъ все поколѣніе 60-хъ годовъ, черезъ голову романическихъ героевъ мѣтили въ самый общественный классъ, ничего не сдѣлавшій для осуществленія своихъ просвѣщеныхъ идей. И такой взглядъ, вовсе не обуславливается новыми эстетическими теоріями, а только новою постановкою взаимныхъ отношеній между классами. Когда герои 40-хъ годовъ являлись въ роли демократовъ, они въ сущности заботились не о себѣ, и потому естественнымъ образомъ относились къ своей задачѣ

довольно вяло. Для разночинца шестидесятника, напротив, открыть себѣ широкую дорогу на равныхъ правахъ съ передовымъ сословіемъ было жизненныхъ вопросовъ. Они старались pro domo sua, а потому, опять таки вполне естественно, старались очень усердно. Ставить имъ такую энергію въ особую заслугу въ виду этого и не приходится.

Такое же объясненіе легко найти и для эстетическихъ взглядовъ, преобладавшихъ въ 60-ые годы — для равнодушія къ изяществу формы, для предпочтенія, отдававшагося сюжетамъ бытовымъ, наконецъ для знаменитой теоріи „искусства для жизни“. Нечего удивляться, что наклонность къ изяществу была слабо развита у людей, воспитанныхъ въ бурсѣ и любившихъ коротать часы за полуштофомъ, лучшимъ примѣромъ чему служить преждевременная смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ. У человѣка есть всегдѣшнее стремленіе привести въ равновѣсіе свою жизнь и свои идеалы. Кто окружающую обстановку не въ силахъ поднять до высокаго уровня этихъ идеаловъ, тотъ начинаетъ враждебно относиться къ художественной красотѣ, въ которой онъ видитъ какъ бы насмѣшку надъ дѣйствительностью, другими словами — онъ низводитъ идеалы до уровня привычной ему жизни. И эту нелюбовь къ чуждому для нихъ блеску формы писатели, вышедшіе изъ среды новыхъ общественныхъ слоевъ, переносятъ и на блескъ совсѣмъ иного рода — на то поклоненіе выдающимся характерамъ, которымъ всегда отличался романтизмъ. И неудивительно, что форма, какую принялъ романтическій идеалъ новѣйшей эпохи, должна была въ высшей степени претить беллетристамъ изъ плебеевъ. Изящная пресыщенность, погоня за сильными ощущеніями, нелюбовь къ труду, презрительное отношеніе къ заурядному люду — вотъ къ чему сводились исключительныя свойства блестящаго, но въ сущности пустого, героя романтизма послѣдней формации. Все это, какъ очень дорогая роскошь, было рѣшительно недоступно литераторамъ изъ разночинцевъ и потому казалось имъ въ высшей степени не нужнымъ. Единственное проявленія силы духа, за которымъ они готовы были признать истинное значеніе, заключалось въ заступничествѣ за такъ называемые интересы народа, или, говоря попросту, въ револю-

ціонної агитації. Но такъ какъ съ одной стороны для подобной постановки сюжета въ началѣ 60-хъ годовъ не имѣлось почвы въ русской дѣйствительности, а съ другой герои этого рода натолкнулись бы на нѣкоторые цензурныя неудобства, то оставалось одно лишъ—старательно и подробно разрисовывать народный бытъ, конечно, въ мрачныхъ краскахъ, а грозное столкновѣніе героя съ силами тьмы ограничить скромными рамками семейной жизни, т. е. недоразумѣніями между супругами или между родителями и дѣтьми. Эти два вида борьбы, да въ придачу къ нимъ еще неизбѣжная борьба между исполненнымъ безкорыстія и твердости молодымъ чюновникомъ и зараженнымъ всякими пороками начальникомъ, и составляютъ главное содержаніе романовъ и повѣстей 60-хъ годовъ. Подробнѣе разберется характеръ этой основной ихъ темы нѣсколько дальше.

Перейдемъ пока къ самому крупному изъ вопросовъ, поднятыхъ этою эпохою — къ вопросу о подчиненіи искусства требованіямъ жизни.

Нельзя сказать, чтобы самая постановка этого вопроса, какъ она выразилась въ приведенной формулѣ, отличалась большою ясностью. Чистое искусство, противъ котораго ополчалась тогдашняя критика, вѣдь тоже удовлетворяетъ извѣстнымъ требованіямъ чювѣческаго духа, только эти требованія не практическаго свойства: чистое искусство не берется учить и проповѣдывать, не признаетъ своею задачею усовершенствовать бытъ чювѣка или его нравственность; оно ограничивается тѣмъ, что даетъ пищу его потребности въ художественномъ наслажденіи. Но эту потребность критика 60-хъ годовъ не хотѣла признавать, какъ нѣчто самостоятельное и законное само по себѣ. По ея понятіямъ значеніе науки и искусства исключительно прикладное, и цѣна художественныхъ созданій, точно также какъ и научныхъ изслѣдованій, измѣряется лишъ приносимой ими пользою. Въ этомъ заключается основная идея всей критики 60-хъ годовъ и провозглашеннаго ею начала художественнаго утилитаризма, такъ называемаго принципа „искусства для жизни“.

Не трудно убѣдиться, что подкладка этого ученія опять таки чисто политическая. Критика 60-хъ годовъ, въ лицѣ Чер-

нышевскаго, Добролюбова, Писарева, Зайцева отвергала чистое искусство не во имя какихъ-либо новыхъ эстетическихъ воззрѣній, а исключительно потому, что она стремилась воспользоваться изящной литературой, а заодно съ нею и живописью, для скорѣйшаго достиженія своихъ, вовсе не художественныхъ, цѣлей. Фразы о необходимости общественнаго служенія, о бесплодности такого искусства, которое служитъ лишь забавой для праздныхъ людей, прикрываютъ собою въ сущности убѣжденіе въ ничтожности и бесполезности искусства вообще. Отдаваться художественному творчеству, слѣдуя просто свободному полету фантазіи — это казалось въ то время какимъ-то непозволительнымъ балагурствомъ, настоящею измѣною общему дѣлу. До того ли было тогда, чтобы воспроизводить картины природы или хотя бы борьбу человѣческихъ страстей, когда предстояла борьба совершенно иного рода, когда вся Россія была занята освобожденіемъ крестьянъ, а за этою реформою предвидѣлись другія, не менѣе важныя? Въ такую минуту, когда всѣ помыслы передовыхъ людей были тревожно заняты преобразованіемъ русскаго общества, отрывать отъ этого насущнаго дѣла ради какихъ-нибудь художественныхъ затѣй казалось чѣмъ-то недостойнымъ, даже преступнымъ. И такъ думали не одни представители тогдашняго радикализма: даже сторонники умѣренной, чисто политической программы, даже люди 40-хъ годовъ признавали, что бываютъ въ жизни общества моменты, когда всѣмъ надо жертвовать для главной цѣли и всякая праздная забава должна быть на время отброшена. Главаридемократическаго движенія, настоящіе люди 60-хъ годовъ, шли, разумѣется, гораздо дальше и про себя должно быть подсмѣивались надъ добродушною наивностью умѣренныхъ; въ ихъ глазахъ всѣ реформы начала царствованія Александра II-го имѣли значеніе лишь какъ подготовительный шагъ, какъ средство расшатать общественный порядокъ и подготовить его полное ниспроверженіе. Чтобы въ этомъ убѣдиться, слѣдуетъ прочесть извѣстную статью Добролюбова „Литературныя мелочи прошлаго года“, въ которой онъ съ такою холодною злобою насмѣхается надъ безсильными потугами тогдашнихъ либераловъ и надъ ихъ радостью по случаю подготовлявшихся

реформъ. Для тогдашней партіи движенія надо было итти къ такому перевороту въ обществѣ, который далъ бы власть въ руки тѣхъ, кто стоялъ пока на низшихъ ступеняхъ лѣстницы. Къ этому должна была стремиться литература. И если болѣе умѣреннымъ кружкамъ, сохранившимъ традиціи 40-хъ годовъ, угодно было слѣпо помогать движенію изъ боязни прослыть за отсталыхъ, то этимъ слѣдовало воспользоваться, ни на минуту, конечно, не переставая глумиться надъ близорукостью и ограниченностью либеральной программы.

Вотъ каково было истинное настроеніе тогдашней партіи дѣйствія. И становясь на ея точку зрѣнія, винить ее за это нельзя. „Тамъ, гдѣ будетъ сокровище ваше, будетъ и сердце ваше“, говоритъ Св. Писаніе. Передъ главной, существенной задачей, передъ спасеніемъ отечества — а многіе изъ шестидесятниковъ дѣйствительно воображали, что они отечество спасаютъ — должны умолкнуть всѣ побочныя, второстепенныя стремленія. Людямъ, застигнутымъ голодомъ въ пустынь, показалось бы странно, недостойною насмѣшкой, если бы кто нибудь вздумалъ передъ ними декламировать стихи, или наигрывать имъ хотя бы самыя чудныя музыкальныя симфоніи. Такою же ничтожною побрякушкою казалось искусство и людямъ, передъ которыми, наконецъ, открылась возможность осуществить свои давнишнія, затаенныя мечты. Для вопіющей нужды, какъ и для горячечной страсти, роскошь всегда неумѣстна и презрѣнна, а художественное наслажденіе все-таки роскошь.

Удивляться побѣдѣ утилитаризма въ искусствѣ стало быть нечего. Напрасно было одно лишь — стараніе замаскировать свою очень прозрачную заднюю мысль мнимымъ служеніемъ общественной пользѣ, подчиненіемъ эстетической точки зрѣнія нравственной. Правда, критики, требовавшіе, чтобы литература стала подъ одно знамя съ публицистикой, до нѣкоторой степени могли ссылаться на авторитетъ Бѣлинскаго. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности Бѣлинскій не разъ высказывался въ пользу того, чтобы литература прониклась общественными интересами и поднялась до уровня современнаго умственнаго движенія. Но приравнивать эти взгляды Бѣлинскаго къ тому, что у насъ высказывалось въ концѣ 50-хъ и въ началѣ

60-х годовъ, значить вполнѣ упускать изъ виду глубокое различіе въ настроеніи этой эпохи съ міросозерцаніемъ людей 40-хъ годовъ. Когда Бѣлинскій возставалъ противъ безсодержательной литературы и хотѣлъ оживить беллетристику, сдѣлавъ изъ нея выразительницу общественнаго мнѣнія, его воодушевлялъ чистый идеализмъ 40-хъ годовъ, стремившійся вызвать среди русскаго общества просвѣтительное движеніе. Конечно, идеалы Бѣлинскаго были нѣсколько туманнаго свойства. Благодаря своей неопредѣленности, они не поддавались точной формулировкѣ, а, благодаря своей нравственной чистотѣ, еще менѣе годились для быстрого осуществленія. Но самая эта неопредѣленность, лишавшая ихъ, быть можетъ, практическаго значенія, дѣлала ихъ безвредными для искусства. То, чего добивался Бѣлинскій, дѣйствительно было движеніемъ впередъ, къ свѣту и добру, и все тогдашнее общество признавало это единодушно.

Но далеко не такимъ было движеніе 60-хъ годовъ. Оно выиграло въ опредѣленности, но зато прикрашивало такими словами, какъ гуманность и прогрессъ, дѣло одной партіи, даже одного класса. Видно будетъ, что понималось подъ нравственностью. Въ данномъ мѣстѣ, не вдаваясь пока въ подробную оцѣнку программы этого движенія, ограничусь однимъ замѣчаніемъ: когда искусство проникается тенденціозностью, т. е. становится орудіемъ извѣстной партіи, оно по необходимости заражается всею страстностью, всею односторонностью политической борьбы. Ни одна партія, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ обезпечить за собою притязаніе на безусловную правду по той простой причинѣ, что она по необходимости защищаетъ интересы извѣстной общественной группы, а стало быть дѣйствуетъ вопреки интересамъ остальныхъ. Попытка забрать въ свои руки художественное творчество вызываетъ, притомъ, неизбежный отпоръ со стороны прочихъ партій, которыя, въ свою очередь, пытаются создать партійную беллетристику въ пользу своихъ интересовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто единодушнаго служенія общей идеѣ правды, является въ искусствѣ нѣсколько противоположныхъ лагерей, каждый изъ которыхъ имѣетъ свое особое исповѣданіе вѣры. И кто станетъ рѣшителемъ

ихъ споровъ? Кто скажетъ, на чьей сторонѣ настоящая правда? Численное большинство тутъ уже, конечно, не причесть, такъ какъ литературныя разногласія странно было бы рѣшать счетомъ голосовъ.

Такимъ образомъ, съ объективной точки зрѣнія, подчиненіе искусства высшимъ началамъ прогресса и правды является задачей недостижимой. И убѣждаетъ насъ въ этомъ, между прочимъ, одно чрезвычайно характерное явленіе. Тѣ самые писатели, которые всего громче требуютъ, чтобы искусство прониклось тенденціозностью, или, какъ они любятъ выражаться, идейностью, обыкновенно приходятъ въ негодованіе, какъ скоро тотъ же пріемъ пускается въ ходъ беллетристами иного направленія. Такую нетерпимость, конечно, извиняють тѣмъ, что позволительно проводить въ беллетристику лишь идеи прогрессивнаго или, чтобы выразиться точнѣе, демократическаго свойства, торжество которыхъ и совпадаетъ будто бы съ торжествомъ высшихъ началъ. Но такое отождествленіе нравственности и прогресса съ программой наиболѣе радикальнаго отѣнка едва-ли покажется особенно убѣдительнымъ для тѣхъ, кто этой программѣ не сочувствуетъ. И такимъ образомъ нѣтъ никакой возможности найти рѣшеніе спора, одинаково удовлетворительное для всѣхъ. Причина этой путаницы въ томъ, что въ вопросахъ политическихъ и соціальныхъ не существуетъ общаго мѣрила, съ помощью котораго можно было бы подчинить ихъ какому-либо безусловному, всѣми признанному началу. Въ области чистаго мышленія спорящіе преклоняются передъ логикою очевидныхъ истинъ; въ области нравственныхъ понятій свойственное всѣмъ людямъ если не тождественное, то, по крайней мѣрѣ, однородное чувство подсказываетъ рѣшеніе болѣе или менѣе убѣдительное для всѣхъ. Но въ политическихъ спорахъ такого рѣшенія быть не можетъ, потому что они касаются не понятій только, а противоположныхъ интересовъ, насчетъ которыхъ спорящіе или не могутъ или не хотятъ притти къ соглашенію.

Разбираемый нами вопросъ, конечно, принялъ бы нѣсколько иной характеръ, если бы политическій моментъ мы замѣнили чисто нравственнымъ, т. е., если бы задачею искусства бы-

ло признано служеніе нравственному идеалу, общему для всѣхъ партій, а не измѣнчивымъ преходящимъ заботамъ данной минуты. Тогда, разумѣется, получилось бы общее для всѣхъ и всѣми признанное этическое мѣрило. И въ этомъ именно смыслъ неоднократно высказывалась критика и у насъ, и за границей. Укажемъ хотя бы на многочисленныя статьи г. де-Вогюе, въ которыхъ талантливый критикъ горячо ратуетъ за то, чтобы искусство не оставалось равнодушнымъ къ дѣлу нравственнаго исцѣленія общества. Что такимъ могущественнымъ орудіемъ, какъ художественное слово, можно пользоваться и для вредныхъ, и для высокихъ цѣлей, это не подлежитъ сомнѣнію. А отсюда явствуетъ, что то искусство выше и лучше, которое приноситъ человѣчеству наибольшую пользу. Нравственную отвѣтственность писателя не разъ пытались распространить не на одни только художественныя произведенія, но и на работы научно-философскія. Въ романѣ „Le disciple” Поль Бурже, на примѣръ, проводитъ ту мысль, что ученый обязанъ воздерживаться отъ распространенія такихъ идей, которыя, будучи примѣнены его учениками, могутъ принести нравственный вредъ; и въ своемъ разборѣ этого романа г. Брюнетьеръ доказываетъ, что ученый, даже вполне убѣжденный въ своихъ выводахъ, нравственно обязанъ быть крайне осторожнымъ, провозглашая ихъ. Таковъ же смыслъ знаменитой Крыловской басни „Сочинитель и разбойникъ”. Кажущаяся простота такой постановки вопроса едва ли, однако, не обманчива. Необходимо предварительно рѣшить, ко всѣмъ-ли явленіямъ умственной жизни примѣнимо нравственное мѣрило. Если бы оно было, въ самомъ дѣлѣ, пригодно для искусства, то въ нашей оцѣнкѣ художественныхъ произведеній мы бы имѣли естественную склонность съ нимъ сообразоваться. А между тѣмъ это далеко не такъ. Чувственная живопись Грѣза и Маккарта и не только чувственные, но зачастую соблазнительныя произведенія Фрагонара и Буше всегда будутъ цѣниться гораздо выше какой-нибудь высоко-нравственной, но плохо-написанной картины. Въ театрѣ скучная пьеса неминуемо провалится, хотя бы въ ней содержалась самая нравоучительная проповѣдь. Изъ двухъ романовъ, изъ которыхъ одинъ проникнуть самыми честными

идеями, но отличается блѣдною рисовкою характеровъ и вялымъ изложеніемъ дѣйствія, а другой съ силою и блескомъ проводить какую-нибудь парадоксальную или даже безнравственную идею, второй, по всей вѣроятности, будетъ имѣть гораздо больше читателей. Словомъ, какъ бы не цѣнили высоту и благородство художественнаго замысла, въ своей оцѣнкѣ произведенія, мы все-таки придерживаемся эстетическаго мѣрила. Мы прежде всего требуемъ, чтобы оно доставляло намъ художественное удовольствіе, а для этого удовольствія нравственная точка зрѣнія безразлична.

И не трудно было бы привести цѣлый рядъ такихъ явленій, къ которымъ эта точка зрѣнія, строго говоря, не примѣнима. Если мы, напримѣръ, сравнимъ между собою дѣйствія двухъ полководцевъ, то въ своемъ приговорѣ надъ ихъ военными способностями, мы не будемъ руководствоваться симпатичностью того дѣла, за которое они стояли. Въ памяти каждаго народа, конечно, особенно живо сохранится то сраженіе, въ которомъ онъ отстоялъ свою независимость. Бородино всегда будетъ дорого русскимъ, а Лейпцигъ — нѣмцамъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Кутузовъ и князь Шварценбергъ были даровитѣе Наполеона. Совершенно то же можно примѣнить и къ искусству. Разлагающее остроуміе Бальзака, его отрицательное отношеніе къ либеральнымъ идеямъ не мышаетъ ему въ глазахъ, даже передовой критики, быть однимъ изъ самыхъ крупныхъ романистовъ своего вѣка. Полное отсутствіе патріотизма у Гёте, его олимпійскій эгоизмъ ничуть не уронили его поэтической славы, а безнравственность Мюссе не сократила числа его почитателей.

Каковъ же будетъ окончательный выводъ? Можно развѣ въ художникѣ не видѣть человѣка и какъ бы разсѣкать его надвое, оставляя въ сторонѣ его душу, чтобы исключительно заняться его талантомъ? Если для человѣка существуютъ вообще нравственныя обязанности, то онѣ не утрачиваютъ силы оттого только, что онъ обладаетъ дарованіемъ. Не безразлично, служить-ли талантъ на пользу обществу или только на его потѣху. Нельзя поставить на одинъ уровень удовольствіе, доставляемое намъ внѣшнимъ изяществомъ формы, и то выс-

шее наслаждение, какое вызываетъ въ насъ художественное произведение, глубоко потрясающее душу и сильно возбуждающее мысль. Словомъ, въ твореніяхъ искусства нельзя не отдавать предпочтенія содержанію передъ формой; иначе пришлось бы совершенство техники, умѣнье добиваться внѣшнихъ эффектовъ приравнять по достоинству къ глубинѣ мысли, вылившейся въ художественные образы. И есть, въ самомъ дѣлѣ, цѣлая школа критиковъ, признающихъ это безусловно. Съ ихъ точки зрѣнія, Сикстинская Мадонна ничуть не выше какой-нибудь изящной женской головки, или даже хорошо исполненной *nature morte*, и вся оцѣнка произведеній живописи сводится къ вопросу о томъ, какъ удалось художнику переливы тоновъ и хорошо-ли сумѣлъ онъ на полотнѣ изобразить складки одежды или игру солнечныхъ лучей. Такое-же чисто декоративное пониманіе искусства примѣнимо и къ поэзіи. Во Франціи, на примѣръ, есть цѣлая группа писателей, съ Теофиломъ Готье во главѣ, которые довели чеканку стиха до безукоризненнаго совершенства, и вслѣдъ за ними явились критики, доказывающіе, что этимъ исчерпывается задача поэзіи.

Какъ же избѣгнуть этихъ противорѣчій и уклониться отъ выводовъ, которые, повидимому, навязываются сами собой, какъ скоро мы въ искусствѣ становимся на чисто эстетическую почву? Мнѣ кажется, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ легко устранимымъ, хотя и скрытымъ недоразумѣніемъ, и что заключается оно въ невѣрномъ пониманіи того, что принято называть художественнымъ наслажденіемъ. Характеръ этого наслажденія далеко не одинаковъ у всѣхъ людей и во всѣ эпохи. Какъ и всѣ человѣческія способности, воспріятіе эстетическихъ ощущеній можетъ измѣняться до безконечности.

Для иныхъ людей оно не идетъ далѣе наружной физической красоты — будь это красота природы или прелесть очертаній человѣческаго тѣла. Они не ищутъ ничего далѣе извѣстнаго сочетанія красокъ, линій и звуковъ. Есть и эпоха, когда является преобладающимъ именно такое пониманіе искусства. Но этою своею матеріальной стороною способность къ художественному наслажденію, все-таки, не исчерпывается. Дѣло въ томъ, что общаго, для всѣхъ одинаковаго мѣрила этого на-

слаженія не существуетъ, потому что оно въ высшей степени субъективно. Можно, конечно, сравнивать между собою различныя точки зрѣнія, на которыя становятся другіе, и опредѣлить ихъ относительную высоту, но чужая оцѣнка въ дѣлѣ эстетическихъ ощущеній ни для кого не обязательна, и на какой бы ступени художественной лѣстницы кто-либо ни стоялъ, онъ въ правѣ ее считать за лучшую, не стремясь подняться выше. Вотъ почему критика въ своихъ сужденіяхъ вынуждена строго отличать два понятія: право художника такъ или иначе относиться къ задачамъ искусства и сравнительную высоту его пониманія этихъ задачъ. Требовать отъ него глубины мысли, силы чувства, высокаго нравственного идеала мы не можемъ; но смотря по тому, въ какой мѣрѣ проявляются у него эти качества, мы отмѣчаемъ для него подобающее мѣсто среди его собратьевъ.

Итакъ, художественное наслажденіе можетъ ограничиваться прелестью формы, но далеко не всегда оно останавливается на этой низшей ступени; другими словами, художественная красота не тождественна съ красотой въ общепринятомъ смыслѣ; и притомъ не только съ красотой физической, но и нравственной. Примѣровъ тому можно указать сколько угодно. Даже въ пластическихъ искусствахъ, гдѣ форма на первомъ планѣ, изображаемый предметъ не всегда самъ по себѣ прекрасенъ. „Іоаннъ Грозный” и „Сатана” Антокольскаго далеко не типы пластической красоты. Фламандская живопись изобилуетъ фигурами сморщенныхъ и даже уродливыхъ старухъ и стариковъ, а производимое ими впечатлѣніе тѣмъ не менѣ художественно: оно не отталкиваетъ, а прельщаетъ глазъ. Предметъ, самъ по себѣ некрасивый, можетъ, стало быть, сдѣлаться художественно прекраснымъ подъ рѣзцомъ или кистью. Въ поэзіи мы видимъ тому еще болѣе разительные примѣры. Кто отрицалъ когда-либо высокое художественное совершенство Шекспировскаго Ричарда III, этого физическаго и нравственнаго уроду? А въ самомъ высокомъ поэтическомъ созданіи человѣческаго духа — въ Гетевскомъ Фаустѣ — развѣ не прекрасенъ Мефистофель, не смотря на то, что онъ воплощеніе зла, самой его сущности? Причина этого кажущагося про-

творѣчія въ томъ, что источникъ художественнаго наслажденія, по крайней мѣрѣ, для многихъ — не въ красотѣ внѣшняго облика, а въ его соотвѣтствіи съ выражаемой имъ идеей, т. е. въ степени яркости и силы, съ какою эта идея въ немъ воплотилась.

Мнѣ осталось досказать немного, чтобы устранить недомѣніе, встрѣтившееся на нашемъ пути. Если изъ двухъ произведеній искусства, при равномъ ихъ техническомъ совершенствѣ, то окажется болѣе высокимъ, идея котораго шире, сильнѣе и ярче, намъ уже не трудно будетъ понять, „гдѣ лежитъ точка его прикосновенія нравственной области съ художественной“. Что наличность идеи въ созданіи искусства и затѣмъ свойство этой идеи возвышаютъ его въ нашихъ глазахъ, это явствуется уже изъ превосходства духовной природы человѣка надъ физической, умственной сферы — надъ чувственной. Было уже сказано, что вступать въ эту сферу, т. е. изображать идеи, типы, а не простые образы, для художника не обязательно; но что, поступая такъ, онъ обезпечиваетъ себѣ болѣе высокое мѣсто въ ряду прочихъ. Умственная же область не совпадаетъ съ нравственной. Можно указать на многія гениальныя произведенія, вовсе не касающіяся послѣдней. Умъ можетъ быть заинтересованъ сюжетомъ не только безразличнымъ съ нравственной точки зрѣнія, но прямо идущимъ съ ней въ разрѣзъ. Стало быть, преслѣдованіе нравственной идеи для художника еще менѣе обязательно, чѣмъ преслѣдованіе идеи вообще. Талантъ, посвящающій себя на служеніе нравственному идеалу, т. е. желающій принести людямъ пользу, поступаетъ хорошо, но только съ нравственной, а не съ художественной точки зрѣнія: онъ совершилъ лишнее доброе дѣло, но къ своей артистической славѣ онъ не прибавилъ ничего. Тѣмъ не менѣе, скажу опять, изъ двухъ равныхъ по силѣ художественныхъ произведеній развѣ не лучше, и не выше будетъ то, которое доставитъ не только наслажденіе, но и пользу? Возвращаясь къ примѣру изъ области военнаго искусства, — развѣ изъ двухъ полководцевъ, одинаковыхъ по дарованію, не симпатичнѣе будетъ тотъ, кто служитъ правому дѣлу? А такъ какъ творчество художника нельзя дробить по

частямъ, старательно выдѣляя изъ него то, что относится къ нравственной области, такъ какъ оно представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное, мы не погрѣшимъ противъ искусства, отдавая предпочтеніе тому, у кого наряду съ великимъ умомъ и великое сердце. Итакъ, если здѣсь не можетъ быть и рѣчи про обязательное служеніе литературы нравственнымъ идеаламъ, мы вправѣ отдавать первое мѣсто тѣмъ изъ ея представителей, которые не только плѣняютъ наше воображеніе, не только занимаютъ нашъ умъ, но и согрѣваютъ наше сердце. И въ своей требовательности въ этомъ отношеніи различныя эпохи и различныя поколѣнія не сходятся. Въ моменты полного разцвѣта матеріальной культуры, они останавливаются на идеалѣ пластической красоты. Во время сильнаго умственного возбужденія они требуютъ отъ литературы глубины и оригинальности замысла. Наконецъ, когда взволнованы страсти, затронуты вопросы соціального обновленія, они хотятъ еще большаго — хотятъ, чтобы искусство отдало себя на служеніе людскимъ скорбямъ и на изученіе нравственныхъ болѣзней.

Воздѣйствіе естествознанія и матеріалистической философіи на движеніе 60-хъ годовъ.—Сходство съ раціонализмомъ XVIII в. — Вліяніе эволютивнаго ученія движенія на литературу. — Истинное значеніе реализма 60-хъ годовъ.

Движеніе 60-хъ годовъ не все, однако, ушло на сословную борьбу. Въ немъ была одна, такъ сказать, общечеловѣческая черта, нѣсколько приближавшая его къ раціонализму конца прошлаго вѣка въ Западной Европѣ. Черта эта заключалась въ восторженномъ, даже въ страстномъ поклоненіи точному знанію, отъ котораго ожидалось не только расширеніе научнаго кругозора, но и нравственное обновленіе. Какъ разъ въ

десятилітїє съ 50-го по 60-й годъ естественныя науки не только сдѣлали большіе успѣхи сами по себѣ, но проникли собою и своимъ методомъ чуждую имъ до того область обществознанія. Имена Фарадея, Гельмгольца, Тиндала, Дарвина, Лайеля, Вирхова, Гёксли обозначаютъ собою такой подъемъ естествовѣдѣнія, что за эту эпоху оно совершенно затмило собою прочія науки, тѣмъ болѣе, что, благодаря его методу изслѣдованія, открылись новыя широкія гипотезы, совершенно измѣнявшія господствовавшее до того міросозерцаніе. Не обращая вниманія на то, сколько въ этихъ гипотезахъ было сомнительнаго и недоказаннаго, масса читающей публики и на Западѣ, и въ особенности у насъ ринулась на новыя пути съ тѣмъ болѣе широкимъ довѣріемъ, чѣмъ менѣе она была въ состояніи критически отнестись къ научнымъ догадкамъ. Съ этимъ расширеніемъ области естествовѣдѣнія шла рука объ руку иная работа — попытка распространить на ходъ развитія человѣческихъ обществъ законы и методы естественныхъ наукъ, — объединить, такъ сказать, въ одно цѣлое всю природу, отъ движенія небесныхъ тѣлъ до ощущеній души человѣка. Понятно, что въ этой области, менѣе доступной провѣркѣ опыта, было еще болѣе мѣста для фантазіи, лишь прикрытой именемъ науки, чѣмъ въ области такъ называемыхъ точныхъ знаній. Строго говоря, новыя философскія ученія, получившія названіе позитивизма, эволюціонизма, утилитаризма, были ученіями вполнѣ матеріалистическими, такъ какъ они стремились подвести подъ одинъ уровень явленія физической и нравственной жизни. Отъ чистаго матеріализма ихъ отличалъ только способъ постановки вопроса — именно отсутствіе какихъ-либо доктринальных признаній единства матеріи и духа и допущенное ими симптоматическое различіе между физическими процессами съ одной стороны и психическими съ другой. Но едва ли будетъ ошибкою признать, что быстрая популярность, именно у насъ, пріобрѣтенная именами Локка, Милля, Литрэ, Бокля, Спенсера, была вызвана всего болѣе сходствомъ ихъ выводовъ съ матеріалистическимъ ученіемъ. Это видно уже изъ того, что наряду съ ними пріобрѣли такую же популярность матеріалисты самой чистой воды — Фохтъ, Мошоттъ и Бюхнеръ. Причину

этой наклонности русских прогрессистовъ лнуть къ матеріалистическимъ доктринамъ едва-ли не слѣдуетъ искать въ довольно наивномъ представленіи, будто матеріализмъ такая же освободительная проповѣдь въ области духовной жизни, какую въ политической составляютъ революціонныя ученія. Нашимъ демократамъ, а съ ними заодно, вѣроятно, и демократамъ Запада нравилось видѣть въ человѣкѣ какого-то выскочку природы, который лишь самому себѣ обязанъ тѣмъ, чего онъ достигъ. Освободиться отъ опеки Провидѣнія въ исторіи—значило въ ихъ глазахъ почти то же, что освободиться отъ опеки государственной власти. Не стану утверждать, что тѣмъ самымъ скидывалась съ человѣческой совѣсти нравственная узда, и что въ этомъ полноправіи страстей заключалась главная приманка матеріализма. Но очень возможно, что для многихъ эта перспектива была не лишена прелести. Во всякомъ случаѣ, восторженные адепты неоматериалистическихъ теорій совершенно упускали изъ виду, что свое освобожденіе отъ самодержавія Промысла они покупаютъ дорогою цѣною — полнымъ рабствомъ у слѣпыхъ и безсознательныхъ силъ природы. Допущеніе такого рабства можетъ быть прискорбнымъ результатомъ долгихъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій; но поводомъ къ особой радости оно, казалось бы, служить не должно. Упускались къ тому же изъ виду и два другихъ обстоятельства: то, во-первыхъ, что распространеніе принципа безусловной необходимости на человѣческую жизнь ведетъ къ узаконенію всякаго насилія и вполне устраняетъ милосердіе въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, а во-вторыхъ, что нѣкоторые изъ наиболѣе популярныхъ писателей новой школы, напримѣръ Спенсеръ, вовсе не отличались особою наклонностью къ демократическимъ ученіямъ.

Я позволилъ себѣ остановиться на философскихъ вѣяніяхъ конца 50-хъ годовъ потому, что они не остались безъ воздѣйствія на тогдашнюю литературу. Сущность философскаго направленія, о которомъ я только что говорилъ, сводится къ тому, что оно устраняетъ изъ жизни природы, какъ и изъ жизни человѣка, индивидуальную волю, пытаясь объяснить всѣ явленія той и другой постепеннымъ развитіемъ болѣе сложныхъ формъ изъ сочетаній болѣе элементарныхъ. Внѣшняя двига-

тельная причина, — разумная, сознательная и независимая, — отсутствует, согласно этому воззрѣнію, и въ постепенномъ созиданіи вселенной и въ развитіи человѣческихъ обществъ. Сама психическая жизнь человѣка и тѣ изъ ея отправленій, которыя принято называть волевыми, ничто иное, какъ возвысившееся до самосознанія развитіе органической жизни. Такимъ образомъ, какъ природныя явленія сводятся къ простоту взаимодѣйствію свойствъ вещества, такъ явленія историческія — ничто иное, какъ результатъ условій климата, почвы и расы, совокупность которыхъ и опредѣляетъ собою то, что мы называемъ народнымъ бытомъ. Въ отличіе отъ старинныхъ философскихъ пріемовъ, новая школа, правда, не выражалась догматически, старательно избѣгая подыскивать объясненіе для того, что недоступно опыту, какъ, напримѣръ, проявленіе первыхъ признаковъ органической жизни среди мертвца вещества, или превращеніе безсознательной органической жизни въ сознательную. Но систематически уклоняясь, отъ принципиальныхъ рѣшеній, она тѣмъ не менѣе не избѣгла общей участи всѣхъ философскихъ школъ — не устояла противъ искушенія создать свою новую метафизическую схему. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, не причислить къ метафизическимъ системамъ то широкое обобщеніе, къ которому пришелъ эволюціонизмъ, пытаясь объединить въ одно стройное поступательное движеніе весь ходъ развитія окружающаго насъ міра. Такое построеніе, превышающее всѣ прежнія философскія гипотезы по своей обширности, во всякомъ случаѣ значительно переходитъ за предѣлы точнаго знанія и подтвержденіе себѣ можетъ найти уже, конечно, не путемъ опыта, а развѣ посредствомъ двухъ чисто метафизическихъ пріемовъ—дедукціи и аналогіи.

Какъ бы то ни было, если жизнь человѣческихъ обществъ опредѣляется бытовыми условіями, если само понятіе о нравственности ничто иное, какъ продуктъ эволюціи, то при воспроизведеніи жизни въ художественныхъ образахъ является естественная склонность этимъ же путемъ объяснить и характеръ выводимыхъ лицъ, и ихъ поступки. Другими словами, должна была проявиться склонность къ изученію мелкихъ явленій быта предпочтительно передъ рисовкою крупныхъ ха-

ракторовъ, и самые эти характеры низводить съ той высоты, иногда правда чрезмѣрной, на которую ихъ ставилъ романтизмъ. Судьба человѣка, разгадку которой искали прежде въ немъ самомъ, въ конфликтъ съ окружавшей его обстановкой, теперь уже ставилась въ зависимость отъ внѣшнихъ условий. Къ тому же, утративъ свое право на самостоятельность, отдѣльная личность стусевывалась передъ массою ей подобныхъ, и весь интересъ переносился на безыменную толпу, которой она являлась представительницей. Крайнее развитіе индивидуализма, отличавшее собою романтическую школу, смѣнилось, такимъ образомъ, новымъ представленіемъ о характерѣ человѣка, въ которомъ стали видѣть лишь естественный продуктъ данной среды. Вотъ почему романы и повѣсти 60-хъ годовъ изобилуютъ сословными типами, какъ будто принадлежность къ извѣстному классу уже сама по себѣ опредѣляетъ душевное свойство лица. Явились фигуры купца-самодура, образованнаго разночинца, безсердечнаго сановника, богатаго хлыща, честнаго труженика-пролетарія, наконецъ — безусловно забитаго, оупѣвшаго отъ раболѣпства мелкаго человѣка, къ которому нельзя даже питать состраданія — до того онъ утратилъ чувство собственного достоинства. Всѣ эти фигуры повторялись многіе десятки разъ и переполняли тогдашнюю литературу героями — это названіе можно имъ дать только въ видѣ насмѣшки — до того похожими другъ на друга, что трудно указать даже порядокъ заимствованія ихъ однимъ авторомъ у другого. Всѣ эти особенности новаго литературнаго направленія получили въ то время общую кличку реализма и выдавались за крупный поворотъ въ беллетристику, хотя въ то же время молодые шестидесятники громко провозглашали свое прѣмство отъ главнаго основателя натуральной школы, — отъ Гоголя.

Мнѣ сдается, что мнимые ученики Гоголя нѣсколько злоупотребляли этою кличкою. Какъ всѣ названія, получившія обширное примѣненіе, слово реализмъ выражаетъ собою понятіе далеко не всегда тождественное. Когда онъ впервые былъ пущенъ въ обращеніе, т. е. подъ конецъ 30-хъ годовъ, подъ реализмомъ понималась возможность строгого соблюденія бытовой правды въ описаніяхъ, и правды, такъ сказать, внутрен-

ней психологической въ постановкѣ характеровъ. Предметомъ художественнаго изображенія стали не исключительныя только, но и обыденныя явленія жизни, и одновременно съ этимъ измѣнившійся вкусъ сталъ требовать болѣе точнаго и подробнаго воспроизведенія внѣшней обстановки, языка, одежды и т. д. Съ теченіемъ времени эта разработка деталей становилась все тщательнѣе, какъ будто къ изученію жизни примѣнялись методы и приборы все болѣе точные. Въ этомъ нельзя не видѣть успѣха въ построеніи романа, но успѣха лишь техническаго, дающаго, правда, возможность лучше и полнѣе воспроизводить дѣйствительность, но вовсе не обезпечивающаго интересъ и глубину содержанія. Эта форма реализма ничуть притомъ не исключала психологическаго анализа характеровъ и созданія крупныхъ и мощныхъ индивидуальныхъ фигуръ. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ романы Бальзака, гдѣ на-ряду съ кропотливымъ изученіемъ среды встрѣчаются и герои рѣзко-индивидуальные по характеру, какъ, напримѣръ, Демарсе, Ростиньякъ и Вотренъ, и типы общечеловѣческіе, далеко превосходящіе сословныя рамки: таковы Гранде, Гріо и Гопсекъ. Не то, повидимому, понимали подъ реализмомъ наши шестидесятники. Подчиненіе личности условіямъ среды и странная погоня за грубостью въ изображеніяхъ и въ рѣчи — вотъ тѣ главные черты, которыя они внесли въ беллетристику, чисто-сердечно воображая, что слѣдуютъ примѣру Гоголя. Къ счастью, самый характеръ романа таковъ, что онъ не допускаетъ полного устраненія психологическаго мотива, безусловной зависимости характера отъ внѣшняго быта. Каковы бы ни были философскія убѣжденія автора, онъ не можетъ обойти, подъ страхомъ не имѣть вовсе читателей, внутреннюю борьбу человѣка съ самимъ собою и вынужденъ благодаря этому заглядывать въ сложный душевный механизмъ своихъ героевъ. У шестидесятниковъ былъ, впрочемъ, достаточный мотивъ, побуждавшій ихъ къ послѣдовательности. Теоретически нравственное ученіе, провозглашавшееся ими, было исключительно построено на утилитаризмѣ. Но на практикѣ, какъ мы знаемъ, они были не въ силахъ оставаться вѣрными своему принципу, потому что въ основѣ ихъ стремленій все-таки лежалъ тотъ самый идеализмъ, который они на словахъ такъ громко отрицали.

Отличіе 70-хъ годовъ отъ 60-хъ. — Отличіе радикализма 70-хъ годовъ отъ народничества. — Салтыковъ („Помпадуры и помпадурши“. — „Господа Ташкентцы“). — Второй, третій и послѣдній періодъ дѣятельности Салтыкова.

Умственное движеніе 60-хъ годовъ распространилось и на слѣдующее десятилѣтіе совершенно такъ же, какъ случилось это съ предшествовавшимъ ему движеніемъ 40-хъ. Въ литературѣ и журналистикѣ 70-хъ годовъ мы встрѣчаемся съ главными чертами эпохи времени — съ восторженнымъ поклоненіемъ естествознанію, съ господствомъ матеріалистическихъ ученій и сильно выраженными демократическими симпатіями.

Требованіе обязательной тенденціозности въ беллетристикѣ проводилось критиками 70-хъ годовъ, какъ дѣлалось это ихъ учителями, — Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и Писаревымъ.

И все-таки не смотря на эту кажущуюся вѣрность принятому направленію, оно понемногу внутренне перерождалось. Радикализмъ начала 60-хъ годовъ былъ въ сущности не строго народнымъ, и только что освобожденное крестьянство, о которомъ такъ много говорилось въ печати, на самомъ дѣлѣ оставалось для коноводовъ движенія отвлеченной величиной. Новый общественный слой, выдвинутый эпохой бурнаго времени, набирался преимущественно изъ рядовъ духовенства и мелкаго чиновничества и главнымъ предметомъ его заботъ и симпатіи, естественнымъ образомъ, былъ онъ самъ.

Большинство литературныхъ произведеній новой школы вращалось, какъ видѣлъ читатель, въ средѣ такъ называемаго разночинства. Была, правда, и чисто народная беллетристика: мужикъ и тогда уже сталъ любимцемъ нашего передового лагеря, хотя любимцемъ довольно платоническимъ, котораго выводили на показъ, какъ рѣдкаго звѣря. Но, во первыхъ, на

страницахъ тогдашнихъ журналовъ народная беллетристика занимала гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ впослѣдствіи, а во-вторыхъ, — простолюдинъ являлся въ ней лишь въ одномъ изъ двухъ слѣдующихъ видовъ — либо какъ предметъ слезливой идеализаціи, либо въ качествѣ мало знакомаго и потому интереснаго чудака, дававшего мотивы для забавныхъ эскизовъ. Къ первому типу относятся сентиментальныя повѣсти Марко-Вовчка, ко второму — народные очерки Слѣпцова, Левитова и Николая Успенскаго. Одинъ Рѣшетниковъ стоитъ особнякомъ со своими мрачными картинами изъ крестьянскаго быта, но, конечно, этотъ единственный представитель настоящаго народничества не могъ въ то время придать замѣтную окраску цѣлой литературѣ.

Причина этой отчужденности радикальнаго движенія отъ заправскаго народа лежитъ въ чисто-западническихъ симпатіяхъ руководителей этого движенія. Тотъ скачекъ въ сторону демократіи, котораго они добивались, могъ быть осуществленъ, по ихъ мнѣнію, только прививкой къ намъ западнаго радикализма. Я уже сказалъ, какъ много было сходства между взглядами, господствовавшими у насъ въ эпоху бурнаго времени, и ученіемъ французскихъ раціоналистовъ XVIII вѣка. Въ началѣ 60-хъ годовъ у насъ думали, какъ думали французскіе энциклопедисты, что есть безусловно лучшее политическое устройство, пригодное для всѣхъ народовъ и во всѣ времена: стоитъ его ввести, хотя бы насильственно, и благіе результаты не замедлятъ сказаться. Но, думая такъ, руководители движенія не могли, однако, не сознавать, что русскій народъ, въ тѣсномъ смыслѣ, пока совершенно чуждъ идеаловъ западной демократіи и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы эти идеалы водворить въ Россіи. Въ его собственномъ бытѣ, въ его преданіяхъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ не было рѣшительно ничего такого, чему могли бы сочувствовать наши тогдашніе обновители. Сперва онъ долженъ былъ подвергнуться коренной переработкѣ, чтобы изъ него могъ сформироваться матеріалъ для будущей русской демократіи. Это, конечно, не останавливало нашихъ реформаторовъ, такъ какъ просвѣщеніе народа, то есть уничтоженіе всего запаса его историческихъ преданій, они охотно брали на себя.

Но входить съ нимъ въ прямое соприкосновеніе они пока не думали, и та школа писателей, которая съ половины 30-хъ годовъ проповѣдовала обновленіе Россіи снизу, путемъ возрожденія до-петровской старины, уцѣлѣвшей у мужика, была у нашихъ доморощенныхъ радикаловъ на самомъ дурномъ счету. Понятно, однако, что это мужикофильство безъ мужика, эта демократизація, вопреки народу, не могла устоять долго, такъ какъ въ ней заключалось внутреннее и довольно-таки нелѣпое противорѣчіе. Въ сущности, славянофилы, столь ненавистные радикаламъ „Современника“, тоже изображали собою попытку сліянія западнаго просвѣщенія съ русской деревней, такъ какъ они свою національную теорію строили согласно методу нѣмецкой философіи. И, въ концѣ концовъ, развѣ можно помогать народу, отстраняясь отъ него? И самъ этотъ народъ, несмотря на всю свою косность, развѣ не сумѣлъ выставить изъ своихъ рядовъ такихъ бунтарей, какъ Стенька Разинъ и Пугачевъ, и создать такія крупныя и самородныя явленія, какъ расколъ и казачество? И вотъ, наряду съ прославленіемъ западнаго радикализма, идетъ у насъ съ самага начала 60-хъ годовъ, — правда, въ видѣ очень слабой струи, — идеализація русскихъ бунтовъ и старательное, хотя тенденціозное, изученіе раскола. Главнымъ, можно сказать, почти единственнымъ представителемъ этого направленія былъ Щаповъ, въ которомъ нельзя не видѣть настоящаго основателя народничества. Съ конца десятилѣтія эта струя мало-по-малу разростается, заливая собою, если можно такъ выразиться, сперва беллетристику, а потомъ, еще въ большей степени, экономическую литературу. Изслѣдованіе народа въ бытовомъ и хозяйственномъ отношеніи, рядомъ съ картинами изъ его жизни въ формѣ очерковъ и повѣстей, идетъ съ 1868 года въ геометрической прогрессіи. Много было тому причинъ. Во-первыхъ, въ передовомъ лагерѣ пробуждалось убѣжденіе, что нельзя ограничиваться девизомъ „tout pour le peuple“, а надо къ нему прибавить и другой: „tout par le peuple“; что помогать народу, не зная его, невозможно. Во вторыхъ, открывшіяся съ 1765 года земскія учрежденія не только создали почву для сближенія между классами, но вынудили къ внимательному изслѣдованію народа въ

качества земскаго плательщика. Выросшая отсюда земская статистика послужила, можетъ быть, главнымъ поводомъ къ тому, что представители такъ-называемой „интеллигенціи“ набросились на хозяйственный бытъ крестьянства, какъ на лакомую terra incognita. Земскія статистическія изслѣдованія и пошедшія съ ними рядомъ изслѣдованія этнографическія — интеллигенція входила понемногу во вкусъ — открыли совершенно новый, вполне неизвѣстный народъ, а въ то же время розовыя надежды на быстрый подъемъ благосостоянія послѣ реформъ стали исчезать передъ неожиданностью явленій совершенно иного рода, обнаруживавшихъ среди крестьянства признаки хозяйственнаго упадка. Тогда за дѣло принялись и кабинетные экономисты, и труды князя Васильчикова, профессора Янсона, вполнѣдствіи гг. В. В. Исаева, Ходскаго, Южакова, Пругавина и друг. внесли въ эту область много свѣта, а подчасъ и еще болѣе тьмы. И какъ разъ въ это время пріостановился ходъ законодательныхъ преобразованій и стала поднимать голову партія, твердившая на всѣ лады, что рядъ скороспѣлыхъ реформъ расшаталъ политическое устройство Россіи и въ особенности значительно ослабилъ главный бытовой общественный классъ — поземельное дворянство. На дальнѣйшіе успѣхи на пути официальной демократизаціи надежда стала плоха. Разчитывать на одну интеллигенцію, когда ея программѣ стала измѣнять безсознательная ея союзница — столичная бюрократія, было, очевидно, нельзя. И вотъ съ конца 60-хъ годовъ растетъ убѣжденіе, что безъ народа не обойдешься и слѣдовало бы попытаться, не сослужить ли онъ интеллигенціи добрую службу, то есть, говоря попросту, — нельзя-ли будетъ разыграть второй актъ Пугачевщины.

Ходъ событій достаточно извѣстенъ, чтобъ мнѣ здѣсь не зачѣмъ было его воспроизводить. Рядъ политическихъ процессовъ, начавшихся съ 1871 года, достаточно указываетъ на исходную точку такъ называемаго „хожденія въ народъ“.

Но для меня здѣсь важенъ не столько самый этотъ фактъ, сколько то умственное настроеніе, та политико-философская доктрина, которая на немъ выросла. Даже при бѣгломъ про-

этой оппозиціи, какъ нельзя болѣе по вкусу, давая ей требуемый камертонъ.

Къ тому же, одновременно съ пріостановкою реформъ, въ литературѣ стали все чаще появляться голоса, относившіеся несочувственно къ цѣлому складу идей времени 70-хъ годовъ.

Перевѣсъ таланта съ конца десятилѣтія, несомнѣнно, переходитъ на сторону охранительнаго теченія, и не только по тому, что почти всѣ литературные представители 40-хъ годовъ, въ особенности Достоевскій и Гончаровъ, стали въ явно враждебныя отношенія къ шестидесятникамъ, а и потому въ особенности, что большинство вновь появившихся второстепенныхъ талантовъ, — Лѣсковъ, Вс. Крестовскій, Ключевскій и Маркевичъ, выступили съ рѣзкими обличеніями противъ времени 70-хъ годовъ.

Такимъ образомъ, передовымъ идеаламъ опасность стала грозить съ трехъ сторонъ. Правительство отъ нихъ отвернулось, среди общественнаго класса, противъ котораго были направлены главные нападки шестидесятниковъ, — среди помѣстнаго дворянства стала обнаруживаться наклонность къ самозащитѣ; и, наконецъ, даже въ области литературы наиболѣе яркія произведенія были отмѣчены враждебностью къ движенію 60-хъ годовъ, доходившею до открытаго глумленія. Не мудрено, что два такихъ могучихъ, психологическихъ стимула, какъ собственное разочарованіе и противодѣйствіе со стороны, вызвали и въ передовомъ лагерѣ воинственныя наклонности, создавъ, такимъ образомъ, ту атмосферу почти явной борьбы, которую Лѣсковъ охарактеризовалъ въ своемъ романѣ „На ножахъ“.

Внутренний расколъ среди русскаго общества съ начала 70-хъ годовъ обострился до того, что противники стояли другъ противъ друга, какъ бы въ боевой готовности, и если бы въ Россіи переходъ отъ слова къ дѣлу былъ легче, можно было, судя по настроенію враждующихъ сторонъ, ожидать чего-то похожаго на междоусобную войну. Природа же русскаго чело-вѣка заключаетъ въ себѣ очень характерную особенность. На самомъ дѣлѣ онъ настроенъ всегда гораздо мягче, чѣмъ это

кажется по страстности вырывающихся у него рѣчей, и не будь даже присутствія властей предержащихъ, едва-ли бы приходилось особенно часто разнимать борцовъ. Все дѣло, вѣроятно, ограничилось бы обмѣномъ печатныхъ любезностей. Впрочемъ, борьбѣ нашихъ партій и тогда, и позднѣе придавало нѣкоторую безобидность то обстоятельство, что, за исключеніемъ самыхъ крайнихъ представителей активного анархизма, всѣ они, въ сущности, полководцы безъ арміи. Ни за либералами, болѣе или менѣе яркихъ оттѣнковъ, ни за представителями дворянскаго консерватизма, ни даже за литературными охранителями не стоялъ, въ сущности, никто, и подъ тонкимъ покровомъ раскаленной лавы царило мертвенное равнодушіе.

Особенно замѣтно было это равнодушіе какъ разъ въ наиболѣе заинтересованной средѣ — въ кругу провинціального дворянства.

Будущій историкъ движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, вѣроятно, удивится той добродушной, почти бараньей апатіи, иногда превращавшейся даже въ выраженіе прямого, хотя и вялаго сочувствія, съ которымъ наше провинціальное дворянство относилось къ людямъ, явно выказывавшимъ ему свою ненависть.

Но въ тогдашнемъ передовомъ лагерѣ, хотя, вѣроятно, очень хорошо сознавали все безсиліе, всю дряблость отпора, тѣмъ не менѣе горячо возмущались его внѣшними, особенно его литературными проявленіями. И это негодованіе нашло себѣ наиболѣе громкое выраженіе въ сатирахъ Щедрина, относящихся ко второй эпохѣ его дѣятельности отъ 1867 — 81 годъ.

Сравнивая эти сатиры съ произведеніями болѣе ранней эпохи его творчества, нельзя не замѣтить, что, если тонъ измѣнился мало, то значительно измѣнился характеръ выводимыхъ имъ каррикатурныхъ лицъ. Это уже не прежніе глуповцы, безобидные въ своей дремотѣ, хотъ и глубокие въ своихъ порокахъ. Ихъ тоже коснулось пробуждающее дыханіе цивилизации, и развратъ ихъ сталъ утонченнѣе, если можно такъ выразиться, — активнѣе и злѣе. Словомъ, они даютъ матеріалъ не для комедіи только, но и для драмы. Изъ всѣхъ

сборниковъ Щедрина, относящихся къ этой эпохѣ, одинъ только — „Помпадуры и Помпадурши“—носитъ на себѣ характеръ зубоскальства.

Напыщенные фигуры администраторовъ новой формациі, даже тѣхъ изъ нихъ, которые искренно желаютъ заняться „искорененіемъ“, какъ „помпадуръ борьбы“, — безусловно комичны. Зависитъ это отъ того, должно быть, что въ сущности тогдашніе администраторы, всѣ эти вылощенные и самоуверенные птенцы лица и петербургскихъ охранительныхъ говорилень, были довольно безсильны въ своихъ попыткахъ на борьбу, до того безсильны, что они подчасъ и не знали, противъ чего имъ бороться.

Вспомнимъ, что тогдашнія попытки къ усиленію губернской власти свелись къ придуманному новому китайскому церемоніалу въ обмѣнѣ официальныхъ любезностей между помпадуромъ и мѣстными представителями разныхъ вѣдомствъ. Чутье Щедрина подсказывало ему, что метать настоящіе перуны на губернскихъ сановниковъ было въ то время излишнимъ дѣломъ; что смѣсь почти уже европейской деликатности въ обращеніи съ попытками „искоренить“ и „подтянуть“ не давала пищи для ювеналовской сатиры.

Свое негодованіе Щедринъ приберегалъ для иныхъ, болѣе опасныхъ представителей общественнаго зла.

Просматривая сборники, относящіеся къ эпохѣ 1867 — 81 г., „Господа Ташкентцы“, „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Убѣжище Монрепо“, „Господа Головлевы“, „Сказки и рассказы“, можно отмѣтить въ нихъ три слѣдующихъ типа, становящихся главными предметами обличенія, — и всѣ они продукты уже пореформенныхъ вѣяній. Два изъ нихъ принадлежатъ къ оскудѣвшему дворянству, послѣдній является представителемъ зародившагося вновь хищнаго класса изъ крестьянской среды.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ дворянскаго оскудѣнія было исканіе благъ насущныхъ вдали отъ родныхъ гнѣздъ—исканіе, за которое наиболѣе расторопные изъ помѣщиковъ и принялись весьма усердно.

Шло оно по двумъ главнымъ направленіямъ, — въ сторону государственной службы, гдѣ пристроиться особенно старалось молодое поколѣніе, и въ области дѣловой спекуляціи, манившей къ себѣ преимущественно зрѣлыхъ представителей дворянства. Какъ разъ въ половинѣ 60 годовъ на томъ и другомъ поприщѣ открылись широкіе виды на обильную жатву. Реформы значительно размножили административно-судебный персоналъ, обставивъ новыя должности сытными окладами, а разростаніе желѣзнодорожной сѣти значительно увеличило тяготѣніе провинціи къ столицѣ. Это тяготѣніе и вызванный имъ усиленный обмѣнъ не только людей, но и товаровъ, между деревней и городомъ, въ свою очередь создало, прежде со-всѣмъ неизвѣстные источники обогащенія. Сидѣвшее по своимъ угламъ провинціальное дворянство протерло глаза, почуявъ негаданную добычу. Возможность приобрѣсти нѣсколько учредительскихъ паевъ въ желѣзнодорожной концессіи или пристроиться къ какому-нибудь вновь открывшемуся банку блестящимъ миражемъ проносилась предъ восхищенными глазами старосвѣтскихъ помѣщиковъ, которыхъ прежде и во снѣ не снились сказочныя суммы, теперь представлявшіяся уже не во снѣ только, а и на яву. Въ то же время вѣсти о новыхъ мѣстахъ и неслыханные прежде оклады по судебному, финансовому и другимъ вѣдомствамъ давали надежду обезпечить сынковъ, которымъ уже не сидѣлось въ деревнѣ и прежняя карьера армейскаго кавалериста, да украшеніе сельскихъ досуговъ прелестями разныхъ Палашекъ и Матрешекъ, казались уже очень мизерными. Аппетитъ разыгрался и у дѣтей, и у отцовъ, и разыгрался не потому только, что дома наступало оскудѣніе, а потому въ особенности, что далекая прежде столица стала такою доступною, благодаря чугункѣ. Я охотно бы даже сказалъ, что не оскудѣніе вызвало эмиграцію въ Петербургъ, а какъ разъ наоборотъ, — пробужденіе новыхъ потребностей и погоня за мишурными приманками столицы вызвали бросаніе имѣній на произволъ судьбы и потому разорили помѣщичья хозяйства. Какъ бы то ни было, надежда обогатиться разомъ, вдругъ, естественнымъ образомъ, должна была обусловить и готовность достигъ такого обогащенія какимъ бы то

смотрѣ нашей литературы и публицистики съ конца 60-хъ годовъ нельзя не примѣтить существенной перемѣны настроенія. Проповѣдь благоразумнаго эгоизма и разсудочной трезвости, которая, правда, съ разной интонаціей, слышится постоянно у трехъ главныхъ представителей литературы времени 70-хъ годовъ смѣнилась проповѣдью иного рода, требовавшей самоотверженнаго и безкорыстнаго служенія народу. Не жизненное счастье обѣщаютъ своимъ adeptамъ непосредственные преемники Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, а нѣчто очень похожее на мученическій вѣнецъ. Непрерывное преемство между учениками и учителями, правда, не нарушалось, и новый аскетизмъ выступаетъ подъ знаменемъ той же положительной трезвости, во имя которой въ началѣ десятилѣтія сулили новымъ людямъ всеобщее благополучіе. Но въ нравственномъ кодексѣ все-таки совершилась замѣтная перемѣна. Необходимость жертвы для выполненія долга, столь осмѣянная Писаревымъ и столь презрительно отвергавшаяся Добролюбовымъ и Чернышевскимъ, была теперь у всѣхъ на устахъ. Не одни народники въ тѣсномъ смыслѣ, — вся передовая интеллигенція оказалась вдругъ охваченною глубокимъ сознаніемъ какой-то священной обязанности передъ мужикомъ. Не одни только плоды западной цивилизаціи надо пересадить на суровую русскую почву, дабы устроить на ней, съ помощью положительнаго метода, жизнь культурныхъ людей, — надо прежде всего поспѣшить на помощь къ народу, просвѣтить его и поднять его имущественный уровень. Будущій переворотъ являлся уже не въ видѣ праздника для передовой интеллигенціи, а какъ тяжелый подвигъ, на культурные общественные слои всѣхъ ходовъ русской исторіи. И если мы спросимъ у себя, откуда взялся этотъ поворотъ, какимъ образомъ жизнерадостный задоръ Писарева и мрачная сухость Добролюбова неожиданно смѣнились чѣмъ-то очень похожимъ на мистическо-религіозный энтузіазмъ, — разгадка, я думаю, найдется въ самомъ расширеніи задачи, какую ставилъ себѣ нашъ радикализмъ. Пока онъ заботился объ одномъ культурномъ пролетаріатѣ, онъ могъ проповѣдывать разумный эгоизмъ и видѣть въ немъ путь къ общему благополучію, такъ какъ передовая интелли-

генція ратовала тогда лишь за самое себя. Но какъ скоро она захотѣла окунуться въ народныя массы, пробудить ихъ и повести за собою, эгоизмъ оказался недостаточнымъ. Будущее торжество было такъ далеко, столькихъ жертвъ оно требовало для своего достиженія, что, очевидно, нельзя уже было воодушевлять передовую молодежь обѣщаніемъ близкаго жизненнаго пира, а надо было закалить ее на трудную борьбу, со всѣми ея лишеніями.

Сдѣлать это могъ уже не эгоизмъ, при всей своей разумности, а лишь упоеніе жертвой. Вотъ какимъ путемъ наша яко-бы реальная школа 60-хъ годовъ вернулась на путь западнаго романтизма 40-хъ, на этотъ столь осмѣянный путь, давно намѣченный Жоржъ-Зандъ и молодой Германіей.

Людямъ времени 70-хъ годовъ пришлось итти по стопамъ своихъ предшественниковъ въ 40-ые годы, пришлось только значительно расширить и обострить тогдашнюю программу, а главное, ея осуществленіе поручить не либеральному дворянству, а болѣе искреннему въ своемъ радикализмѣ культурному пролетариату.

Но, перемѣняя, такимъ образомъ, фронтъ, радикализмъ 60-хъ годовъ все-таки не вполне слился съ народничествомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Его задачей все-таки осталось приобщеніе народа къ западной цивилизаціи, — конечно, лишь той части этой цивилизаціи, которая приносила съ собой успѣхи положительнаго знанія и улучшеніе матеріальнаго быта. Другая, быть можетъ, наиболѣе существенная ея часть, — культура въ тѣсномъ смыслѣ, то есть вся совокупность не столько знаній, но обычаевъ и нравовъ, оставалась довольно таки чуждою самой тогдашней интеллигенціи. Въ этой культурѣ нашъ радикализмъ усматривалъ нѣчто изысканное, аристократическое и потому ненужное, какую-то дорогую роскошь черезчуръ изнѣженнаго западнаго общества.

Особенность нашего демократическаго движенія, отличающая его отъ всѣхъ подобныхъ движеній на Западѣ, заключается именно въ томъ, что оно презрительно отвергло изящество формъ общежитія, выработанныхъ Западомъ и перенятыхъ тонкимъ слоемъ высшаго класса.

Какъ бы то ни было, повторяю, между измѣнившейся программой столичнаго радикализма и народничествомъ все-таки оставалось нѣкоторое внутреннее противорѣчіе. Народники не только стремились ввести мужика въ круговоротъ общественной жизни и поднять его умственно, они, сверхъ того, хотѣли поучиться у него самого и проникнуться его духомъ. Прогрессивное развитие русскаго народа должно было итти, по ихъ мнѣнію, не по космополитическому шаблону, а по особому, русскому пути. Уже не одни устарѣлые предразсудки и грубая суевѣрія они находили въ мужикѣ, а цѣлый складъ народныхъ идеаловъ, не только почтенныхъ, какъ наслѣдіе прошлаго, а прямо достойныхъ подражанія. Семейно-общинный бытъ, съ подчиненіемъ личности волѣ и нуждамъ семьи и міра, имъ казался драгоцѣнною формою народнаго строя, которую не только оберегать надо отъ разложенія, но въ которой слѣдуетъ искать прообразъ будущаго развитія цѣлой Россіи. Такимъ образомъ, мужикъ изъ предмета сердобольнаго покровительства сталъ таинственнымъ носителемъ какой-то высшей правды. Въ этомъ нельзя не видѣть безсознательнаго воспріятія народниками наиболѣе существенныхъ чертъ славянофильскаго міросозерцанія. Изъ прежней славянофильской программы выключалось, правда, поклоненіе старинѣ во всей ея совокупности и, въ особенности, строгая преданность обрядамъ православія, и мужикъ прославлялся народниками не какъ твердый устой древняго историческаго быта, а какъ здоровый обновитель будущей демократической Россіи. Но та часть передовой интеллигенціи, которая приняла народническое ученіе, все-таки до нѣкоторой степени перестала вѣрить въ догматъ космополитическаго либерализма; а это должно было рано или поздно привести ее къ столкновенію съ другою, западническою частью передового лагеря.

Особенно замѣтно поворотъ въ общественномъ настроеніи отразился на такъ называемомъ „женскомъ вопросѣ“. Проповѣдь свободнаго удовлетворенія личныхъ влеченій, обѣщаніе легко устранить, путемъ разумной трезвости всѣ жизненныя столкновенія смѣнились проповѣдью аскетизма и законности сближенія между полами лишь на почвѣ совмѣстной работы въ пользу народнаго дѣла. Герои стали приглашаться не толь-

ко къ такъ называемому „развиванію” барышень, подъ которымъ подразумѣвалось разъясненіе имъ прелестей свободной любви, но и къ воспитанію въ нихъ подвижническихъ инстинктовъ, купно съ подходящимъ чтеніемъ либеральныхъ книжекъ. Конечно, цѣлью для героя или героини стало избраніе себѣ одной изъ профессій, предназначенныхъ для служенія мужику, именно профессій по учительской и врачебной части, до сельской акушерки включительно.

И всякое уклоненіе отъ этой программы въ сторону легкихъ амуровъ стало клеймиться названіемъ „пошлаго разврата”. Такимъ образомъ подготовительныя умственные занятія вполне удовлетворявшія Базарова и героя романа „Что дѣлать?”, смѣнились дѣятельностью чисто гражданского свойства. „Настоящій день”, повидимому, наступалъ.

Посмотримъ теперь, какъ отразилось это измѣнившееся общественное настроеніе на литературной дѣятельности Щедрина. Самъ авторъ „Губернскихъ очерковъ” въ пріемахъ своего творчества измѣнился очень мало — Щедринъ, вообще говоря, одинъ изъ наиболѣе цѣльныхъ нашихъ писателей, сначала до конца сохранившій почти безъ измѣненія свою литературную фizioномію. Измѣнилось отношеніе къ нему общества и въ особенности передовой его части, съ конца 60-хъ годовъ принявшей смотрѣть на него, какъ на своего руководителя. Эта перемѣна въ настроеніи публики была вызвана, главнымъ образомъ, тѣмъ, что различные оттѣнки нашихъ либераловъ съ конца 60-хъ годовъ стали тѣснѣе сплавиваться, хотя не въ той еще степени, какъ 10 лѣтъ спустя. Произошло это благодаря всеобщему разочарованію въ правительственныхъ реформахъ, — разочарованію, заразившему теперь и наиболѣе умѣренную часть либеральнаго лагеря, недовольную замедленіемъ въ ходѣ преобразовательныхъ работъ. Это сближеніе между правымъ и лѣвымъ крыломъ нашихъ либераловъ не дошло, правда, еще до братанія съ крайними представителями движенія и ничуть не мѣшало союзникамъ перебраниваться между собою иногда очень рѣзко.

Тѣмъ не менѣе, была создана почва для единодушной оппозиціи, и ѣдкій, отрицательный талантъ Щедрина пришелся

не дореформенной только, а преимущественно современной движенію 60-хъ и 70-хъ годовъ. Помимо невѣжества и насилія — этихъ старыхъ остатковъ дореформеннаго времени, — Щедринъ всего болѣе ненавидѣлъ самодовольную ложь, превращавшую даже лучшія реформы въ источникъ новаго зла; притомъ ложь, гнѣздившуюся не въ однихъ только людяхъ, но въ самомъ, такъ сказать, безсознательномъ жизненномъ процесѣ. Міросозерцаніе Щедрина побуждало его видѣть мишуру во всемъ, потому что отъ самой жизни онъ ожидалъ одного зла, потому что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на почву, на которой могутъ расти одни плевела. Какую то глубокую и злую иронію онъ чуюлъ въ самой природѣ вещей, относясь еще съ большимъ недовѣріемъ къ попыткамъ исцѣлить общество, чѣмъ къ старымъ его болѣзнямъ.

И съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть на третій изъ его главныхъ типовъ — на кулака, выведеннаго въ лицѣ Деруновыхъ, Разуваевыхъ, Стрѣловыхъ и т. д.

Свобода оказалась для крестьянъ Данаевымъ даромъ, и, благодаря ей, изъ ихъ же среды выросъ новый угнетатель, едва-ли не худшій всѣхъ прежнихъ, потому что этотъ угнетатель не въ исключительныхъ только случаяхъ, но постоянно, въ силу самаго принципа своего существованія, не зналъ и не могъ знать правды и жалости. Гнетъ, выработанный борьбою за существованіе, не исходящій извнѣ отъ помѣщичьей власти или отъ казеннаго чиновника, а свой домашній гнетъ — безпощаднѣ всякаго другого. Кулакъ, самъ вышедшій изъ крестьянства, можетъ подняться надъ своими односельчанами только посредствомъ эксплуатаціи, не знающей никакого милосердія, и на это онъ снабженъ орудіемъ, котораго недостаетъ ни помѣщику, ни полицейскому чиновнику, — основательнымъ знакомствомъ со всѣми мелкими условіями крестьянскаго быта. Помѣщикъ и становой могли притѣснять мужика, даже истязать его, но въ его разореніи ни тотъ, ни другой не были заинтересованы. Вся сила кулака, напротивъ, основана на имущественномъ порабощеніи сосѣда, и въ концѣ концовъ, сдѣлавшись властелиномъ своего общества, кулакъ плететъ уже дальше свою паутину, вбирая въ нее и помѣщика, и стано-

вась въ глазахъ полицейскихъ охранителей почтеннымъ усто-
емъ порядка.

Въ „Убѣжищѣ Монрепо“ вернувшійся къ себѣ помѣщикъ
убѣждается, что и ему надо пасовать предъ Разуаевымъ,
тѣмъ болѣе, что сама полицейская власть относится къ этому
Разуаеву съ уваженіемъ и въ попыткахъ съ нимъ бороться
готова усмотрѣть признаки неблагонадежности. Новая невзго-
да ожидаетъ, такимъ образомъ, вернушагося домой помѣщика:
бдительное око станового и урядника, принявшихъ на себя
роль сердецѣдовъ, смотритъ на него съ недоувѣріемъ и при
первомъ случаѣ заставляютъ его почувствовать всю тщету
мнимой дворянской вольности. Въ этой картинѣ принижен-
ности обѣдѣвашаго дворянства и необходимости для него ра-
скланиваться передъ Разуаевымъ Щедринъ едва-ли опять-таки
не поресолить. Помѣщикамъ приходится дрожать передъ уряд-
никомъ только на страницахъ его рассказовъ, и если ухажи-
ваніе за Разуаевымъ входило не разъ въ программу дворян-
ской политики, то оно было, во всякомъ случаѣ, совершенно
добровольно и основывалось на корыстныхъ расчетахъ. Какъ
бы то ни было, въ этомъ противопоставленіи разореннаго по-
мѣщика Разуаеву съ компаніей нельзя не замѣтить, что тай-
ныя симпатіи влекли Щедрина скорѣе къ людямъ его класса,
чѣмъ въ сторону вновь народившихся представителей бур-
жуазіи и преобразованнаго чиновничества.

Съ 1881 года начинается третій и послѣдній періодъ твор-
чества Щедрина, совпавшій съ новой эпохой въ жизни рус-
скаго общества. Эпоху эту можно прежде всего охарактери-
зовать однимъ признакомъ — выцвѣтаніемъ идеаловъ и стуше-
ваніемъ тоновъ. Это была не столько реакція въ прямомъ
смыслѣ, сколько замѣна бурныхъ стремленій и яркихъ, типич-
ныхъ характеровъ всеобщей апатіей и повальною безцвѣт-
ностью. Ниже я буду имѣть случай подробнѣй разсмотрѣть,
въ чемъ состояла перемѣна въ общественномъ настроеніи. Те-
перь ограничусь указаніемъ на воздѣйствіе этой перемѣны на
литературную дѣятельность Салтыкова. Наша критика любитъ
утверждать, что въ эту послѣднюю эпоху своего творчества
онъ сталъ еще мрачнѣе прежняго, что злое отчаяніе овладѣло

имъ окончательно. Быть можетъ, въ послѣдніе годы своей жизни Салтыковъ, въ самомъ дѣлѣ, подѣ влияніемъ подступавшей болѣзни, сталъ еще раздражительнѣе. Была у него и другая причина къ озлобленію: въ 1884 году его журналъ „Отечественныя Записки“ былъ запрещенъ. И съ послѣдними своими произведеніями онъ долженъ былъ явиться гостемъ на страницахъ „Вѣстника Европы“.

Отличительную черту этихъ произведеній составляетъ, однако, не усилившаяся ихъ желчность. Въ нихъ отражается прежде всего блѣдность общественной жизни, пониженіе ея пульса. Особенно крупныхъ типовъ мы уже не видимъ въ очеркахъ Щедрина за эту эпоху, и сатира его не бьетъ уже постоянно въ одну и ту же цѣль. Она разбрелась по сторонамъ, улавливая мелкія жизненныя явленія, притомъ далеко не исключительно явленія общественныя. Это видно уже изъ того, что одинъ изъ его сборниковъ „Пошехонскіе рассказы“ носитъ эпиграфъ „По Сенькѣ шапка“ и остается этому эпиграфу вѣренъ, по случайности и мелочности содержанія. Другой сборникъ — „Мелочи жизни“, хотя по силѣ рисунка гораздо крупнѣе и ярче предыдущаго, исключительно посвященъ воспроизведенію частной жизни, безотносительно къ какой бы то ни было общественной борьбѣ. Здѣсь Щедринъ является уже чистымъ беллетристомъ, и впервые изъ подѣ его пера выходятъ заботливо и тонко очерченные женскіе типы: въ этой области онъ прежде не особенно отличался. „Письма въ тенькѣ“ и „Пестрыя письма“, хотя и тѣ, и другія опять переносятъ читателя въ сферу общественныхъ столкновеній, прихотливо выхватываютъ оттуда лишь случайные мелкіе факты, не группирующіеся около одного центрального явленія. Постоянныхъ руководящихъ типовъ здѣсь нѣтъ вовсе. Передѣ читателемъ быстро проходитъ цѣлая вереница портретовъ, изъ которыхъ нѣкоторые прямо даже списаны съ живыхъ лицъ, притомъ съ постояннымъ, не всегда пріятно дѣйствующимъ шаржемъ. Комизмъ этихъ каррикатуръ сильно напоминаетъ зубоскальство временъ города Глупова. Таковы адвокатъ Крамольниковъ, генералъ Редедя, графъ Твердоонто, генералъ-маіоръ Отчаянный, князь Сампантре, безшабашные совѣтники

Удавъ и Дыба. Всѣ эти фигуры возбуждаютъ смѣхъ, и нѣкоторые изъ разсказовъ, какъ, напримѣръ, поѣздка цѣлой компаніей въ Корчеву для основанія тамъ университета и слѣдующая затѣмъ сцена суда, по живости и комизму принадлежатъ къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ Салтыкова. Къ этому же времени относятся нѣкоторыя изъ наиболѣе мѣткихъ выраженій, придуманныхъ Щедринымъ, какъ „Образъ торжествующей свиньи“, „благодямѣренный вздоръ“, „государственный младенецъ“ и т. д. И тѣмъ не менѣе, едва-ли вся эта соль не вытравится очень скоро, и всѣ эти фигуры, яркія, но эскизные — не забудутся еще скорѣй. Въ этомъ отсутствіи крупныхъ типовъ, впрочемъ, слѣдуетъ винить не Щедрина: на его творчествѣ въ эту эпоху отразилась бѣдность самой жизни.

Особенной силой и яркостью отмѣчено двое изъ щедринскихъ произведеній этой эпохи — его „Сказки“ (числомъ 25) и „Пошехонская старина“. Нечего и говорить, что „Сказки“ всѣ имѣютъ политическую подкладку; но, независимо отъ вложенной въ нихъ задней мысли, которую живо подхватывала публика, сказки обладаютъ и глубиной, и несомнѣннымъ поэтическимъ колоритомъ. Строго говоря, онѣ даже вовсе не сатиры. Въ формѣ короткаго символическаго разсказа, гдѣ фигурируютъ большей частью животныя, выражается цѣлая драма, содержащая въ себѣ вѣчный, общечеловѣческій конфликтъ. По краткости и выпуклости изложенія, это едва-ли не лучшее изъ написаннаго Щедринымъ. Такою же драматическою силою и мѣткостью анализа отличаются и очерки изъ „Пошехонской старины“, посвященные описанію самыхъ мрачныхъ сторонъ крѣпостного права. Фигуры крестьянъ и, въ особенности, дворовыхъ людей очерчены чрезвычайно ярко, и въ нѣкоторыхъ изъ разсказовъ этого сборника опять съ блескомъ выразилась трагическая сторона таланта Салтыкова. При всей своей тенденціозности, эти разсказы особенно замѣчательны какъ разъ по литературному достоинству. Другое дѣло, если мы посмотримъ на нихъ съ точки зрѣнія бытовой правды. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что мрачный колоритъ въ нихъ сгущенъ до крайности и вслѣдствіе того по-

ни было путемъ. Погоня за успѣхомъ во что бы то ни стало не могла не подѣйствовать развращающимъ образомъ.

„Чѣмъ же я хуже?“ — думалось любому дворянчику, узнавшему, что такому-то изъ его знакомыхъ удалось примазаться къ концессіи или получить выгодное мѣсто. А такъ какъ для достиженія перваго надо было втереться въ общество дѣльцовъ и научиться у нихъ, какъ склонять въ свою пользу власть имѣющихъ, для достиженія же втораго надо было умѣть понравиться, — то и создавалась очень скоро особая мораль, примѣнявшаяся къ условіямъ разнообразныхъ, вновь открывшихся карьеръ. Само собой разумѣется, что на этомъ пути сыновья пошли дальше отцовъ, что, менѣе привыкшіе къ рутинѣ и болѣе доступные новымъ пріемамъ, они на поприщѣ карьеризма перещеголяли своихъ папенокъ.

И вотъ неистощимая фантазія Щедрина въ длинномъ рядѣ очерковъ нарисовала самые разнообразные виды молодыхъ искателей фортуны, глубоко убѣжденныхъ, что честно работаютъ одни дураки и что, съ помощью сметки, можно очень быстро достигнуть благъ земныхъ путемъ угодничества предъ начальникомъ, или хотя бы эксплуатаціей прибыльныхъ амуровъ. Этотъ типъ беззащѣтныхъ тунеядцевъ, быть можетъ, лучшій изъ всѣхъ щедринскихъ типовъ, получилъ у него собирательное названіе „Господъ Ташкентцевъ“, хотя онъ выступаетъ не въ одномъ сборникѣ, озаглавленномъ этимъ именемъ. Ташкентцы разнаго рода, то есть дворянскіе недоросли, знающіе, гдѣ раки зимуютъ, и рано научившіеся жизненной мудрости, такъ и остались до конца однимъ изъ любимыхъ сюжетовъ его творчества.

Съ теченіемъ времени, думалъ Салтыковъ, типъ все разрослся и крупнѣлъ, постепенно обнимая всѣ отрасли русской жизни, и по мѣрѣ того, какъ поколѣніе Ташкентцевъ созрѣвало, все грознѣе оно становилось для Россіи; помышляя захватить въ свои руки уже настоящую власть.

Отцы, какъ я уже сказалъ, на этомъ пути отстали отъ сыновей. Въ умѣнии примѣняться къ новымъ пріемамъ добыванія средствъ жизни они обнаруживаютъ, быть можетъ, такую же беззащѣтность, какъ и дѣти, но за то и гораздо больше

наивности. „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ” рисуется, главнымъ образомъ, траги-комическія скитанія по стогнамъ Петербурга полуразоренныхъ помѣщиковъ, благодаря новымъ вѣяніямъ превратившихся въ такъ называемыхъ „мѣстныхъ дѣятелей”, Съ нѣкимъ Прокопомъ во главѣ, они голодной саранчею налетѣли на столицу и пробуютъ какъ-нибудь пристроится къ одному изъ видовъ столичнаго пѣнокоснимательства. Длинной и подчасъ, надо признаться, довольно скучной галлереей проходятъ мимо насъ роскошные завтраки съ биржевиками, переднія столичныхъ канцелярій, ученые говорильни и консервативныя гостиныя, въ которыхъ нѣсколько презрительно, раскрываютъ провинціаламъ объятія петербургскіе тузы. Въ концѣ концовъ, разумѣется, большинство „мѣстныхъ дѣятелей”, отвѣдавъ столичной жизни, вмѣсто искомага обогащенія, только проѣдаютъ выкупныя свидѣтельства. Во всемъ этомъ много юмора, есть мѣткіе штрихи, но еще болѣе пересола, и, вдобавокъ, пересола, ставшаго почти непонятнымъ для читателя, до того выдохлись и поблѣднѣли картины, срисованныя Щедринымъ съ тогдашняго общества. Но въ особенности нельзя не замѣтить, что въ концѣ концовъ разоряющіеся провинціалы возбуждаютъ болѣе жалости, чѣмъ омерзенія или даже смѣха, да и позволительно думать, что въ глазахъ самого Салтыкова отцы, то есть помѣщики — крѣпостники, не смотря на всю свою грубую отсталость, были симпатичнѣе сыновей.

Это видно уже изъ финала, придуманнаго имъ для петербургскихъ скитаній провинціаловъ. Для нихъ остается одно лишь — возвратится въ свои „Убѣжища Монрепо”, въ тщетной надеждѣ поправить дѣла съ помощью агрономіи, и тамъ убѣдиться, къ своему немалому ужасу, что ихъ беспощадно одолеваетъ вновь народившаяся сила кулака. Особенно ярко эта гнусная побѣда кулачества изображена въ разсказѣ „Отецъ и сынъ” („Благонамѣренныя рѣчи”), гдѣ старикъ-генералъ Утробинъ, нѣкогда богатый владѣлецъ роскошной приволжской усадьбы, благодаря, своему неумѣнію примѣниться къ новымъ условіямъ, мало-по-малу разоряется, попадая наконецъ въ лапы кулака Стрѣлова. Послѣдній ударъ ему наноситъ его сынъ, блестящій петербургскій чиновникъ, пріѣхавшій къ отцу, чтобы выс-

манить послѣднее выкупное свидѣтельство, и затѣмъ, когда это не удалось, занимающій у Стрѣлова деньги подъ вексель съ подложною бланковою подписью генерала. Въ развязкѣ этого разсказа, гдѣ, отецъ, разставаясь съ сыномъ, суетъ ему въ руку то самое выкупное свидѣтельство, которое онъ прежде не рѣшался отдать, Щедринъ достигаетъ настоящаго трагизма. Контрастъ между наивною слабостью старика и каменнымъ безсердечіемъ сына, у котораго и теперь не дрогнула совѣсть, вызываютъ такую же глубокую жалость, какъ судьба иныхъ шекспировскихъ героевъ, и сомнѣнія быть не можетъ, на чьей сторонѣ симпатіи автора.

Трагическая струна вообще сильно звучала въ талантѣ Щедрина.

Онъ блистательно доказалъ это въ своей знаменитой эпопеѣ о семьѣ Головлевыхъ. Въ этомъ наиболѣе крупномъ, и по объему, и по содержанію, изъ своихъ литературныхъ произведеній Салтыковъ съ истинно шекспировскою мощью показалъ, до такихъ чудовищныхъ размѣровъ можетъ развиваться въ человѣкѣ нравственное зло, воспитанное двумя такими стимулами, какъ лицемѣріе и корыстолюбіе. Фигура Іудушки — живой примѣръ, какъ затаенная страсть постепенно разѣдаетъ не только душевный, но и физическій организмъ, губя человѣка какъ разъ путемъ достиженія того, къ чему онъ стремится. Алчность Іудушки постепенно растетъ въ своей омерзительной силѣ, мельчая въ своихъ проявленіяхъ, вытраивая въ немъ не только всякое человѣческое чувство, но даже всякое содержаніе собственной жизни. Въ этомъ единственномъ своемъ обширномъ повѣствованіи Салтыковъ явился болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, тонкимъ и глубокимъ психологомъ.

Правда „Господа Головлевы“ не свободны отъ крупнаго недостатка: они до крайности разтянуты, что дѣлаетъ чтеніе книги утомительнымъ. Но впечатлѣніе остается сильнымъ, какъ разъ потому, что Салтыковъ покаралъ своего отвратительнаго героя не путемъ конфликта съ окружающей средою, а посредствомъ внутренняго суда, посредствомъ сознанія полной внутренней пустоты. Іудушка восторжествовалъ надъ всѣмъ и, теряя одного за другимъ нелюбимыхъ имъ близкихъ, онъ

не ощущалъ ни горя, ни раскаянія. Но когда послѣднее изъ этихъ близкихъ существъ исчезло, онъ вдругъ понялъ, что самъ опустошилъ свою жизнь, и тяжесть одиночества его придавила.

Наша критика часто искала въ „Господахъ Головлевыхъ” жестокаго обличенія крѣпостнаго права и дворянской распущенности. Но понимать романъ Салтыкова въ этомъ смыслѣ, значить черезчуръ расширять его значеніе съ одной стороны, и черезчуръ суживать съ другой. Іудушка — не сословный, а вполне личный и въ то же время общечеловѣческій типъ. Онъ ужасенъ не какъ рабовладѣлецъ, и его безжалостная алчность, плохо скрытая подъ маскою приниженного лицемѣрія,— совсѣмъ не плодъ дворянскаго привольнаго житья, а тайная душевная язва, которая можетъ заразить человѣка любого круга. Іудушки бываютъ не въ одной Россіи и не въ дворянской только средѣ.

Въ романахъ Бальзака и Диккенса можно отыскать нѣсколько фигуръ, очень близкихъ къ щедринскому герою. Въ „Господахъ Головлевыхъ”, не только нельзя усматривать картины специально крѣпостнаго строя, но Іудушка, наоборотъ, скорѣе является продуктомъ новѣйшаго времени. Въ сравненіи съ нимъ, мать его, когда то самовластная богатая помѣщица, почти симпатична, и безсердечный гнетъ, который испытываютъ на себѣ поочередно близкіе Іудушки, гораздо сильнѣе отражается на его семьѣ, чѣмъ на его крѣпостныхъ. Замѣтимъ кстати, что привычка видѣть въ Щедринѣ по преимуществу обличителя крѣпостнаго права и прямого сторонника радикализма 60-хъ годовъ, — привычка эта основана на явномъ недоразумѣніи. Щедринъ, конечно, глубоко ненавидѣлъ дореформенные порядки, и ненависть эту раздѣляли съ нимъ всѣ, или почти всѣ его современники. Но едва-ли главнымъ ея предметомъ былъ тотъ классъ, изъ котораго вышелъ онъ самъ. Все-го только разъ, въ послѣднемъ своемъ произведеніи — въ „Пошехонской старинѣ” — онъ набросалъ яркую и нѣсколько одностороннюю картину помѣщичьяго безобразія; но даже эта картина окажется блѣдною, если мы поставимъ наряду съ нею безчисленные его очерки общественной жизни, и притомъ

лучается одностороннее воспроизведеніи крѣпостного быта. Конечно, взятая въ отдѣльности, каждая изъ этихъ мрачныхъ исторій могла случиться въ дореформенное время. Но, соединенная въ одно цѣлое, нанизанная, такъ сказать, одна на другую, онѣ въ совокупности даютъ невѣрное представленіе объ эпохѣ. Дѣло въ томъ, что въ глазахъ читателя подобные рассказы имѣютъ значеніе не только сами по себѣ, въ качествѣ конкретныхъ фактовъ, но получаютъ характеръ типическихъ явленій, рисующихъ всю деревенскую жизнь въ совокупности. И понятыя, такимъ образомъ, они рисуютъ ее въ невѣрномъ свѣтѣ. Правда, особенно рѣзкихъ проявленій жестокаго гнета въ „Пошехонской старинѣ“ нѣтъ или почти нѣтъ. За то это сплошная картина нелѣпой безтолковости тогдашняго быта, гдѣ баринъ и крѣпостной могутъ только приносить вредъ другъ другу и взаимно одинъ другого развращать. И ни одной чертой не указано на искупающія стороны этой, правда отталкивающей, картины на культурное значеніе тогдашнихъ помѣщичьихъ усадебъ и на существовавшую зачастую взаимную привязанность между господами и слугами. Неизбѣжная судьба тенденціозной беллетристики заключается въ томъ, что мы не можемъ предъявлять къ ней лишь требованій чисто литературнаго свойства, а вынуждены разсматривать ее съ точки зрѣнія строгой правдивости. И благодаря тому, что правда и справедливость для тенденціозности недоступна, она и заключается въ себѣ неизбѣжное внутреннее противорѣчіе, ставя себѣ задачу, которую выполнить не въ силахъ.

Подводя итогъ литературной дѣятельности Щедрина, нельзя не пожалѣть, что весь его огромный талантъ пошелъ на борьбу со злобою дня, на такой односторонній и узкій видъ творчества, какъ сатира. Сатира, по необходимости, имѣетъ дѣло лишь съ мимолетными явленіями жизни, vyplывающими на время на ея поверхность, и вслѣдствіе того, какъ скоро такіа явленія исчезаютъ, сатирическія произведенія неизбѣжно утрачиваютъ интересъ и значеніе. Случается это впрочемъ, правда, не всегда; а между тѣмъ другому нашему великому сатирику — Гоголю удалось создать фигуры, сохранившія всю свою свѣжесть до нашихъ дней. Но въ томъ то и дѣло, что

смѣхъ Гоголя не останавливался на случайныхъ особенностяхъ выводимыхъ имъ лицъ, что, помимо внѣшнихъ уродливостей, созданныхъ эпохой, онъ доискивался ихъ глубокихъ внутреннихъ корней, лежащихъ въ самой основѣ человѣческой натуры.

Никому и въ голову не приходило допытываться, съ кого списаны Чичиковы, Собакевичи, Хлестаковы, Сквозники-Дмухановскіе. Формы ихъ безобразія могли быть временными и преходящими, но суть ихъ характеровъ вѣчна и потому безсмертна. Смѣхъ Гоголя никогда не обращался противъ живого лица и никогда къ нему не примѣшивалось желчнаго озлобленія. Ни того, ни другого про Салтыкова сказать нельзя. У него никогда не звучитъ здоровый, освѣжающій смѣхъ и за карриатурами его, какъ ни ярки онѣ, не чувствуется подкладки вѣчныхъ свойствъ человѣческой натуры. Отнимите у нихъ костюмъ, привычныя имъ пріемы, обороты рѣчи, словомъ все созданное минутой, — и отъ нихъ не останется почти ровно ничего... Вотъ почему созданіямъ Щедрина едва-ли можно обѣщать такую же долговѣчность, какъ типамъ Гоголя. А между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ созданій изобличаютъ въ Щедринѣ крупнаго художника и глубокаго психолога. Таковы, на примѣръ, фигура Іудушки въ „Господахъ Головлевыхъ“, генералъ Утробинъ и его сынъ въ разсказѣ „Отецъ и сынъ“ („Благонамѣренныя рѣчи“), отставной чиновникъ. Разумовъ въ „больномъ мѣстѣ“, таковы, наконецъ всѣ его сказки. Если бы Салтыковъ шире и глубже разработалъ эту сторону своего дарованія, еслибъ онъ освободился отъ преслѣдовавшей его злобы дня, чтобы отдаться простору художественнаго творчества, — плоды его дѣятельности вышли бы гораздо болѣе крупными и онъ оставилъ бы намъ образы, въ которыхъ пришлось бы удивляться не одной только мѣткости его желчнаго остроумія.

**Достоевскій послѣ ссылки. — Характеристика его
воззрѣній. — Религіозные взгляды. — „Бѣсы“. —
Нравственные идеалы Достоевскаго къ своимъ
героямъ. — Отличія Достоевскаго отъ Толстого.**

Когда на 29-омъ году жизни Достоевскаго постигла тяжкая и незаслуженная кара; онъ всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ принадлежалъ къ движенію 40-хъ годовъ. Новаго своего онъ внесъ въ литературу своимъ первымъ романомъ — лишь мягкую ноту участливой жалости, до того мягкую и сердечную, что ни у одного изъ прочихъ русскихъ писателей она не звучала такъ, какъ въ его „Бѣдныхъ людяхъ“. И, благодаря этой глубоко-искренней жалости, „Бѣдные люди“ могли показаться оригинальнымъ произведеніемъ, хотя положеніе и характеръ главнаго дѣйствующаго лица были заимствованы у Гоголя. Но, повторяю, новая струя, внесенная Достоевскимъ въ нашу беллетристику, прекрасно могла бы умѣститься въ общее русло либерализма 40-хъ годовъ, не случись въ его жизни рокового перелома, не пройди онъ черезъ сибирскую каторгу. Каторга возвратила его не озлобленнымъ, а вѣрующимъ и примиреннымъ, глубоко вѣрующимъ, по крайней мѣрѣ, въ тотъ духовный складъ понятій, изъ-за котораго онъ такъ полюбилъ русскаго простолюдина, полюбилъ не отвлеchenною любовью агитатора, а живымъ сочувствіемъ собрата.

Настроеніе, какое Достоевскій привезъ изъ Сибири, было очень сложнаго свойства и никакою обыденною кличкой характеризовано быть не можетъ. Критика пробовала его пристегивать то къ славянофиламъ, то къ консерваторамъ, придумала даже особенное названіе почвенниковъ, къ которому относил Достоевскаго, наряду съ Ап. Григорьевымъ. Но суть таланта Достоевскаго все-таки ускользала отъ этихъ опредѣленій. Отъ консерваторовъ въ строгомъ смыслѣ его отдѣляетъ не перестававшая въ немъ биться демократическая жилка, отъ славянофиловъ — отсутствіе въ его творчествѣ историческихъ мо-

тивовъ. Слово „почвенникъ“, какъ нѣчто болѣе индивидуальное, могло бы для него пригодиться, если бы само оно обладало какимъ-нибудь точнымъ смысломъ. Единственный крупный писатель, которому присвоивалась эта кличка наряду съ Достоевскимъ — Ап. Григорьевъ — совсѣмъ не походитъ на него ни по манерѣ, ни по духовному складу. Ухарскій демократизмъ Григорьева, его инстинктивная любовь къ стариннымъ обычаямъ мало имѣетъ общаго со скорбнымъ патріотизмомъ Достоевскаго, который въ русскомъ человѣкѣ любилъ не его внѣшность, а его душу, его способность прощать и каяться.

Достоевскій, если можно такъ выразиться, любилъ русскаго человѣка, вопреки ему самому. Онъ не только не восторгался его жизнью, — онъ находилъ ее омерзительной. И такую онъ постоянно рисовалъ ее въ своихъ произведеніяхъ.

И тѣмъ не менѣе онъ преклонялся передъ этимъ человѣкомъ, во всей его нравственной и физической грязи, любя въ немъ смиренную высоту духа, до которой грязь эта добрызнуть не могла. Всего лучше опредѣлилъ себя Достоевскій самъ на пушкинскомъ юбилейномъ торжествѣ.

Опредѣлилъ онъ себя не самохвальнымъ выставленіемъ на показъ особенностей своего таланта, а задушевною исповѣдью своихъ вѣрованій и симпатій. Знаменитая рѣчь, сдѣлавшая его на закатѣ дней чуть не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Россіи, была провозглашеніемъ первенства русскаго народа, но своеобразнаго первенства смиренія. Русскій народъ, говорилъ Достоевскій, оттого стоитъ нравственно выше прочихъ, что онъ не замыкается въ самого себя, а во всякомъ чужестранцѣ готовъ видѣть брата; что одинъ онъ въ своей жизни осуществилъ христіанскій идеалъ любви и всепрощенія. У себя дома русскій человѣкъ въ падшемъ, даже преступникѣ, видитъ не злодѣя, а несчастнаго. А внѣ своихъ предѣловъ, у него есть враги — лишь пока они посягаютъ на цѣлость его отечества и на его православную вѣру. Едва окончилась борьба, онъ готовъ простить понесенныя обиды, и въ недавнемъ врагѣ снова видитъ брата. Русскій человѣкъ въ томъ идеальномъ образѣ, какой набросалъ Достоевскій,

какъ бы осуществляетъ уже на землѣ евангельское слово о Царствіи Небесномъ, гдѣ послѣдніе будутъ первыми.

Но въ рѣчи Достоевскаго было и нѣчто иное. Прославляя свой народъ, онъ всего выше ставитъ его способность сближаться съ чужими національностями и воспринимать въ себѣ особенности ихъ культуры. Такимъ образомъ, если, за одно съ славянофилами, Достоевскій поэтизировалъ душевную красоту русскаго человѣка, онъ расходился съ ними въ одной очень существенной чертѣ. Онъ не проповѣдывалъ культурной обособленности своего отечества, не призывалъ его къ военному преобладанію. Въ его патріотизмѣ звучитъ, стало быть, несомнѣнная космополитическая нота; и за то совершенно отсутствуетъ въ немъ вызывающій задоръ, всегда готовый въ правѣ сильнаго, въ господствѣ большинства видѣть законное основаніе къ подавленію всего чужого. Этимъ Достоевскій и подкупилъ разомъ въ свою пользу двѣ такія непримиримыя группы нашего общества, какъ славянофиловъ съ одной стороны и передовую молодежь съ другой. Конечно, для послѣднихъ каждое его слово было священо, какъ слово политическаго мученика, а первые его прославляли за то, что съ каторги онъ вернулся любящимъ не только свою родину, но и свою вѣру.

А между тѣмъ, еслибы тѣ и другіе поближе всмотрѣлись во внутреннюю борьбу, не перестававшую въ немъ кипѣть, они въ его духовномъ складѣ нашли-бы, вѣроятно, много такого, что сильно расходилось съ ихъ собственнымъ настроеніемъ.

Достоевскій въ своихъ романахъ часто касался религіозныхъ вопросовъ. Въ одномъ изъ нихъ, въ послѣднемъ, эти вопросы даже проникаютъ собою все его содержаніе, они становятся предъ читателемъ, какъ первенствующая, какъ неотступная задача. И симпатіи автора, повидимому, лежатъ на сторонѣ положительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Необходимость искупленія, какъ примиряющей жертвы, признается Раскольниковымъ на самой послѣдней страницѣ „Преступленія и Наказанія“.

Въ „Бѣсахъ“ носитель авторскихъ симпатій, подобно са-

тому автору обращенный въ отеческую вѣру, — Шатовъ обличаетъ своихъ бывшихъ собратій въ отступничествѣ отъ этой вѣры, — и падаетъ жертвою этихъ обличеній.

Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ” — этой лебединой пѣснѣ Достоевскаго, — религіозная нота звучитъ еще сильнѣе. Православіе не только воплощено въ идеальной фигурѣ отца Зосимы и въ его кроткомъ ученикѣ Алешѣ, — примиряющая сила искупленія опять сказывается надъ грѣшной душой главнаго героя, Дмитрія Карамазова, когда его постигаетъ наказаніе за мнимую вину. Прѣшлое всегда напоминало о себѣ Достоевскому и отражалось на его произведеніяхъ. Онъ по опыту зналъ, что незаслуженное наказаніе приносить съ собою душевный миръ.

И, несмотря на все это, несмотря на заключительныя слова „Братьевъ Карамазовыхъ”, такая страстная тревога слышится во всемъ, что Достоевскій говоритъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу, что полного душевнаго мира въ немъ, очевидно, все-таки не было, и коренной вопросъ религіи оставался для него неразрѣшеннымъ. Слишкомъ ужъ живо отождествляется онъ съ душевнымъ складомъ Ивана Карамазова — этого мученика безвѣрія, если можно такъ выразиться, чтобы и въ немъ самомъ не продолжалась тяжелая борьба съ неотступными сомнѣніями. Своеобразность манеры Достоевскаго (какъ видно будетъ ниже) заключается въ томъ, что онъ никогда, подобно другимъ нашимъ великимъ писателямъ, не воплощаетъ себя въ одномъ изъ своихъ героевъ всецѣло. Каждому изъ нихъ онъ попеременно сообщаетъ искру собственного духа, поочередно заставляя ихъ говорить его словами.

Достоевскій по преимуществу художникъ мысли, а не характера, и многосторонность его умственной жизни, постоянно работавшей надъ неразрѣшимыми проблемами, могла находить себѣ отраженіе въ самыхъ разнообразныхъ фигурахъ. Вотъ почему въ послѣднемъ и самомъ могучемъ изъ его произведеній всѣ три брата Карамазовы, при всемъ своемъ различіи, являются носителями его мысли. Каждому изъ нихъ онъ далъ какъ бы по частицѣ своей души. Онъ одинаково понимаетъ шальное безпутство Дмитрія, холодно-злую и, въ то

же время, страстно болѣющую натуру Ивана, и кроткій энтузіазмъ Алеши. Все это онъ переиспыталъ самъ. Натура его, какъ музыкальный инструментъ, готова отозваться на каждое чувство; струнъ у него хватило бы на цѣлую симфонію. Оттого-то онъ и такой великій писатель, несмотря на всѣ свои огромные недостатки.

Въ знаменитой галлюцинаціи Ивана Карамазова, когда упреки совѣсти поколебали въ его душѣ мнимо-спокойное безвѣріе, Достоевскій до того чутко отозвался на психическое настроеніе своего героя, что позволилъ задаться мыслью, не испыталь-ли чего нибудь подобнаго онъ самъ. Легенда о „Великомъ инквизиторѣ“, въ которой аналитическій талантъ Достоевскаго достигъ своей высшей точки, оставляетъ въ читателѣ смутное недоумѣніе, кого, въ концѣ концовъ, онъ считалъ болѣе правымъ — невѣрующаго представителя земныхъ интересовъ церкви, или основателя этой самой церкви — Христа. Сомнѣніе такъ коварно, такъ жутко прокрадывается въ душу, что странный ознобъ проходитъ по тѣлу въ ту самую минуту, когда Христосъ [своимъ прощающимъ, грустнымъ поцѣлуемъ смягчилъ даже непреклонную душу инквизитора. И какъ ни тепла любовь, вызываемая фигурой Спасителя, нельзя оторваться отъ мысли, что въ глазахъ Достоевскаго Онъ все-таки былъ неправъ въ своемъ неземномъ милосердіи, что, стало быть, дѣло искупленія не удалось. Пока длится разсказъ, обѣ чашки вѣсовъ остаются въ такомъ безусловномъ равновѣсіи, что не получаешь утѣшительнаго впечатлѣнія полной побѣды христіанскаго милосердія. И, несмотря на этотъ неразрѣшенный диссонансъ, геніальность разсказа, — какъ разъ благодаря ему, быть можетъ, — тѣмъ ощутительнѣе, болѣзненный вопросъ, остающійся безъ отвѣта, волнуешь душу сильнѣе, чѣмъ могло бы это сдѣлать несомнѣнное торжество правды. Но еще болѣе основанийъ недоумѣвать даютъ намъ „Бѣсы“.

Въ этомъ романѣ есть замѣчательное мѣсто, характерное для міровоззрѣнія его автора и почему-то до сихъ поръ совершенно оставленное безъ вниманія критикой. Я имѣю въ виду длинный разговоръ между Ставрогинимъ и Шатовымъ,

въ которомъ оба они, какъ бы повинуюсь невольному взаимному притяженію, раскрываютъ другъ передъ другомъ самыя тайныя свои помыслы. Замѣчательна эта сцена не потому только, что самовластный, гордый Ставрогинъ приходитъ объясняться съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который наканунѣ ему нанесъ тяжкое оскорбленіе, — эта кажущаяся несообразность читателя ничуть не удивляетъ, — но потому еще, что самъ Достоевскій поддается невольной потребности высказаться. Устами Шатова, несомнѣнно, говоритъ онъ.

Просимъ читателя припомнить эту мастерскую сцену. Когда Ставрогинъ догадывается самъ, что Шатовъ его оскорбилъ не изъ-за такого обыденнаго чувства, какъ месть, а изъ-за горькаго разочарованія въ своемъ прежнемъ учителѣ; когда оба они возвращаются къ своей встрѣчѣ за границей, гдѣ Ставрогинъ краснорѣчиво разжигалъ въ собесѣдникѣ преданность родинѣ и ея вѣрованіямъ, Шатовъ съ негодованіемъ упрекаетъ его въ отступничествѣ, въ томъ, что его горячія слова были напускными и онъ никогда не переставалъ быть скептикомъ, играющимъ съ убѣжденіями ради умственного спорта. И повторяя слышанное имъ прежде отъ Ставротина, Шатовъ мало-по-малу высказываетъ самыя затаенныя свои мысли.

„Великимъ историческимъ народомъ, — говоритъ онъ, — можетъ быть лишь тотъ, кто имѣетъ своего національнаго Бога. И въ самомъ дѣлѣ, у каждаго народа такой Богъ непременно есть, и каждый изъ нихъ, провозглашая своего, отрицаетъ тѣмъ самымъ всѣхъ остальныхъ”. Шатовъ, правда, за тѣмъ признаетъ, что истина одна, и русскій народъ тѣмъ и великъ, что его Богъ настоящій. Но бѣда въ томъ, что въ этого Бога онъ вѣритъ все-таки только изъ патріотизма. Когда Ставрогинъ его настойчиво допрашиваетъ, вѣруетъ-ли онъ самъ, Шатовъ отвѣчаетъ: *) „Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе... я вѣрую въ тѣло Христово... я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи... я вѣрую...”

— А въ Бога? Въ Бога?

*) Достоевскій. Сочиненія томъ 7-й.

— Я... я буду вѣровать въ Бога...

Итакъ, вотъ каково было настоящее міросозерцаніе Достоевскаго. Православіе ему дорого было не само по себѣ, а лишь какъ русская, историческая, національная вѣра.

Еще осязательнѣе обманывались насчетъ Достоевскаго тѣ, кто ожидалъ увидѣть его борцомъ за направленіе времени 70-хъ годовъ.

Цѣлую сторону этого направленія, — его матеріалистическую доктрину — Достоевскій не только отвергалъ, онъ глубоко ненавидѣлъ ее и надъ нею ѣдко глумился. И, быть можетъ, эта ненависть была тѣмъ сильнѣе, что самъ онъ съ трудомъ оборонялся отъ налетающихъ сомнѣній. На которѣ онъ нашелъ душевный миръ, благодаря единенію съ церковными идеалами народа. И этимъ утѣшеніемъ онъ дорожилъ тѣмъ болѣе, что зналъ по опыту, какъ оно было въ немъ шатко. Самъ раздираемый внутреннею борьбой, старавшійся окунуться въ простодушную вѣру народа, онъ искренно возмущился легковѣснымъ самодовольствомъ, съ которымъ радикалы-шестидесятники разрѣшали самые трудные вопросы жизни и духа. Вотъ почему ни у одного изъ нашихъ великихъ писателей школы сороковыхъ годовъ не отыщешь такого безпощаднаго отрицанія идеаловъ шестидесятыхъ, какъ у Достоевскаго. Въ „Преступленіи и наказаніи“ онъ заставляетъ крѣпкаго умомъ, хоть и слабаго волей и много думавшаго Раскольникова преклониться, со всѣмъ своимъ знаніемъ, передъ умственно неразвитой и, вдобавокъ, потерянной дѣвушкой. И не свою преступность только онъ повергаетъ къ ногамъ этого просто-го, наивно развратнаго существа. Всѣ свои высокоумные помыслы онъ признаетъ ничтожными передъ ея безхитростной любовью къ родной семьѣ.

Въ „Идіотѣ“ носителемъ авторскихъ симпатій является человѣкъ не только умственно слабый, но психически больной и къ практической жизни совершенно не пригодный. И когда этотъ человѣкъ встрѣчается съ заносчивыми притязаніями передовой молодежи, онъ побѣждаетъ эту молодежь своею незамысловатою кротостью. „Скрылъ отъ мудрыхъ и ученыхъ —

будто говорить Достоевскій евангельскими словами — и открылъ дѣтямъ”.

Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ представитель безшабашнаго радикализма — Ракитинъ — и гадокъ и смѣшонъ, хотя въ умѣ, и въ особенности, въ развязности ему отказать нельзя. Но самые жестокіе удары были нанесены шестидесятникамъ въ „Бѣсахъ“, гдѣ вопросъ о „новыхъ людяхъ“ разработанъ уже не мимоходомъ, не въ качествѣ аксессуара, а прямо составляетъ главную тему романа. Здѣсь, правда, въ лицѣ Петра Верховенскаго, Ставрогина и Шатова выведено три очень крупныхъ представителя движенія, — крупныхъ и по уму и по характеру. Но какъ разъ поэтому Достоевскаго нельзя обвинить въ написаніи памфлета на шестидесятниковъ, подобно Тургеневу въ „Дымъ“ и Гончарову въ „Обрывъ“.

Если картина его не вполнѣ правдива, то грѣшитъ она скорѣе изобиліемъ трагическаго элемента, чѣмъ каррикатурностью дѣйствующихъ лицъ. Но за то, наряду съ выдающимися фигурами героев — какъ мастерски изобразилъ Достоевскій тщету и нелѣпость ихъ начинаній!

Какимъ безпощаднымъ комизмомъ брызжетъ его рассказъ хотя бы въ сценѣ собранія революціоннаго общества и въ слѣдующемъ за нею описаніи концерта, гдѣ разыгрывается безобразно-смѣшная манифестація.

Какимъ негодующимъ ужасомъ исполняется читатель во время сцены убійства Шатова, приговореннаго къ смерти своими товарищами; и еще большій ужасъ охватываетъ его, когда затѣмъ Петръ Верховенскій совершаетъ надъ полусумасшедшимъ Кирилинымъ нравственное насиліе, заставляя его лишить себя жизни.

А между тѣмъ, не смотря на эти рѣзкія обличенія Достоевскій стоялъ, быть можетъ духовно ближе къ движенію шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ всѣ прочіе наши писатели, даже либеральнаго лагеря, какъ Тургеневъ и Григоровичъ.

Помимо всего напускнаго и задорнаго, въ этомъ движеніи была одна несомнѣнно искренняя черта — стремленіе отыскать новую жизненную правду, свободную отъ условностей и традицій. Нужды нѣтъ, что сплошь и рядомъ оно принимало

комическія и даже нелѣпыя формы. Суть его оставалась честною и гуманною. И какъ разъ въ этой сути, въ этой честной гуманности заключается точка соприкосновенія между Достоевскимъ и шестидесятниками. Онъ тоже хотѣлъ обновить свихнувшуюся общественную нравственность, вернуться къ ея первоисточнику, засоренному предразсудками и рутиной. Добро и зло — такъ думалъ всегда Достоевскій — отличаются между собою не формальными признаками, а внутренними мотивами. Общество требуетъ отъ своихъ членовъ соблюденія внѣшнихъ условныхъ приличій, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ внутреннимъ побужденіямъ. Но правда — истинная и вѣчная правда, провозглашенная Христомъ — не такова. Передъ нею не только наружная порядочность и соблюденіе приличій не значить ничего, — передъ ея судомъ человѣкъ, прямо нарушившій законъ, несомнѣнный преступникъ, во сто разъ лучше того, кто строго этотъ законъ соблюдаетъ, если въ первомъ не угасла животворящая любовь, а у второго ея нѣтъ.

Вотъ почему, въ глазахъ Достоевскаго, падшая, даже развратная, женщина можетъ быть нравственно выше той, которая осталась строго вѣрна формальному долгу. Убійца лучше такъ называемаго порядочнаго человѣка. Припомнимъ всѣ фигуры, выведенныя Достоевскимъ, въ томъ числѣ и обитателей „Мертваго дома“, и постараемся объяснить себѣ, почему одни пользуются его симпатіями, а другіе нѣтъ.

Какая черта отдѣляетъ передъ его судомъ правыхъ и неправыхъ, овецъ и козлищъ? Степень виновности тутъ, очевидно, ни причемъ. Каторжники „Мертваго дома“, Раскольниковъ, Мармеладовъ и его дочь Соня, Дмитрій Карамазовъ, Грушенька — исчерпываютъ собою едва-ли не всѣ виды порока и вины. А между тѣмъ любовь ихъ творца, Достоевскаго, а съ нею и симпатіи читателя, остаются за ними.

О нравственно чистыхъ фигурахъ въ его произведеніяхъ — о Дунѣ Раскольниковой, о Шатовѣ, князѣ Мышкинѣ, отцѣ Зосимѣ и Алешѣ Карамазовѣ — я уже не говорю. Даже отвратительный Свидригайловъ, этотъ сластолюбецъ до безумія, вдобавокъ сильно заподозрѣнный въ убійствѣ жены, — и тотъ не совсѣмъ утрачиваетъ право на жалость, потому что и въ немъ

еще тлѣетъ искра человѣчности. За то немало найдется въ романахъ Достоевскаго и такихъ характеровъ, которые не запятнали себя, повидимому, ничѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, во многомъ уступаютъ по виновности только что перечисленнымъ мною, и надъ которыми все-таки будто произносится грозное слово отверженія.

Вспомнимъ, хотя бы Варвару Петровну Ставрогину изъ „Бѣсовъ“, генеральшу Епанчину и дочь ея Аглаю изъ „Идіота“, Ивана и Катю изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ — о настоящихъ негодяяхъ, о Петрѣ Верховенскомъ и Карамазовѣ-отцѣ, я и не упоминаю.

Къ чему сводятся черты, обуславливающія несомнѣнную антипатичность этихъ фигуръ? Ихъ можно, кажется, свести къ двумъ главнымъ. Сухая гордость съ одной стороны, ложь съ другой — вотъ что ненавистно Достоевскому, вотъ чего онъ не прощаетъ. И если къ этимъ двумъ чертамъ присоединяется третья — тупое самомнѣніе — фигура изъ ненавистной становится комической. Достаточно указать на Лебезятникова въ „Преступленіи и наказаніи“, на второстепенныхъ агитаторовъ изъ „Бѣсовъ“, на г-жу Хохлакову и на Ракитина изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Впрочемъ, нельзя по настоящему сказать, что имъ не прощаетъ Достоевскій. На самомъ дѣлѣ, его милосердіе не знаетъ границъ. И если бы сухія, гордыя и самодовольныя натуры могли покаяться и полюбить, онъ готовъ бы открыть имъ объятія, — онъ почти сдѣлалъ это даже съ отцеубійцей Смердяковымъ. Но въ томъ-то и бѣда, что такимъ натурамъ смягчиться невозможно; и Достоевскій это сознаетъ, — сознаетъ, быть можетъ, съ болью на сердцѣ.

Словомъ, въ нѣсколько искаженномъ видѣ, въ его романахъ мы встрѣчаемъ евангельскую мораль. Я говорю: въ нѣсколько искаженномъ видѣ, потому что Достоевскій, кажется, все свое вниманіе остановилъ на тѣхъ евангельскихъ главахъ, гдѣ говорится о покаявшемся разбойникѣ, о блудномъ сынѣ и о прелюбодѣйной женѣ.

Нравственная чистота, которой тоже вѣдь требовалъ Христосъ, его какъ будто не особенно тревожить.

Но тѣмъ самымъ онъ и приближался къ идеалу шестиде-

сятых годовъ. Стремленіе отыскать крупцу чистаго золота въ падшемъ человѣкѣ, жемчужину въ кучѣ навоза, всегда отличало собою шестидесятниковъ. И несмотря на всю ихъ матеріалистическую трезвость, въ этомъ стремленіи тоже нельзя не видѣть искаженнаго отголоска евангельской проповѣди. Бѣда лишь въ томъ, что зачастую самый фактъ паденія казался шестидесятникамъ залогомъ и признакомъ нравственной высоты, что куча навоза порой имъ становилась дорожке искомой жемчужины. И благодаря этой наклонности любоваться грязью, имъ не удалось въ своихъ произведеніяхъ нарисовать ни одной правдивой картины духовнаго возрожденія, создать глубоко потрясающую внутреннюю драму, въ которой борьба виновнаго человѣка съ самимъ собою отражалась бы правдиво и просто. Задача, выполненія которой они добивались, оказалась имъ не подъ силу — за нее долженъ былъ взяться человѣкъ, прошедшій самъ черезъ тяжелый кризисъ возрожденія, сблизившійся съ народомъ не путемъ книжной любви, а школой страданія, — человѣкъ, у котораго милосердіе къ падшимъ было не результатомъ задорнаго протеста, а болѣзненной любви. Вотъ почему Достоевскій и былъ такъ дорогъ русской молодежи и она такъ охотно прощала ему все его ѣдкое глумленіе. Въ его романахъ она видѣла настоящее воплощеніе того нравственнаго идеала, съ которымъ безсильно и тщетно носились беллетристы ея собственнаго лагеря. На примѣрѣ Достоевскаго было доказано лишній разъ, что настоящая любовь безъ вѣры невозможна.

Говоря выше о Львѣ Толстомъ, я имѣлъ случай замѣтить, что причина его огромной популярности лежитъ во всесторонности его таланта, въ томъ замѣчательномъ свойствѣ этого таланта, что каждый, съ какой бы сторону онъ къ нему ни подходилъ, видитъ въ немъ какъ бы отраженіе собственныхъ мыслей. Нѣчто подобное мнѣ придется сказать и о Достоевскомъ. Разница между ними въ томъ лишь, что многосторонность Толстого какъ бы внѣшняя, что она безъ труда и борьбы вытекаетъ изъ его поразительной способности воспринимать всѣ жизненныя явленія.

У Достоевскаго не то. Онъ не отражаетъ только внѣш-

ній миръ, со всѣми его непримиримыми противорѣчіями, какъ дѣлаетъ это Толстой, — онъ принимаетъ въ себя, въ свою болѣющую душу всѣ пересѣкающіеся разноцвѣтные жизненные лучи и собираетъ ихъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ. Въ немъ тоже, какъ и въ Толстомъ, нашли себѣ выраженіе всѣ разнообразныя струи русской мысли шестидесятыхъ годовъ, отъ религіознаго мистицизма народнаго сектанта до горячаго увлеченія демократическими идеалами. На эти разнообразныя теченія его душа отзывалась не какъ равнодушное зеркало, а какъ горнило, мучительно перерабатывавшее ихъ въ себѣ. Можетъ быть, его готовность къ всепрощенію, его недостаточная брезгливость къ пороку объяснялась тѣмъ, что порочныя страсти шевелились въ немъ самомъ. Но какъ разъ благодаря этому, онъ понималъ чужой грѣхъ не однимъ художественнымъ чутьемъ, а искреннимъ сочувствіемъ чловѣка, хорошо знавшаго заманчивую силу зла. И если даже онъ предпочиталъ совершенно безукоризненнымъ натурамъ существа падшія, — онъ проявилъ въ этомъ свое духовное единеніе съ инстинктивнымъ милосердіемъ русскаго народа. За то онъ такъ и любилъ этотъ народъ, видя въ немъ самаго вѣрнаго послѣдователя Христа.

И если это былъ не совсѣмъ евангельскій Христосъ, если Достоевскій слегка передѣлывалъ его на русскій ладъ, онъ не переставалъ быть искреннимъ, несмотря на бурное сомнѣніе, никогда, вѣроятно, не перестававшее его терзать.

Изъ всѣхъ великихъ русскихъ писателей Достоевскій, быть можетъ, наиболѣе сложный, наименѣе поддающійся опредѣленію. Борьба въ немъ никогда не прекращалась, противоположныя теченія не приходили къ равновѣсію. Какъ разъ поэтому онъ и обладалъ такой способностью тревожить сердца, поднимая со дна ихъ накопившійся тамъ порочный илъ, но за то и зажигая въ нихъ искру свѣтлой чловѣчности.

Источника обновленія русскаго общества Достоевскій искалъ въ немъ самомъ — и это его сближало съ славянофилами. Но искалъ онъ его не въ завѣтахъ старины, не во внѣшнихъ формахъ быта, какъ дѣлали это они, а въ народной душѣ, живой и свѣтлой даже подъ оболочкой невѣжества и

грязи. И это поклоненіе духа народа, искру котораго Достоевскій любилъ находить даже въ самыхъ уродливыхъ проявленіяхъ жизни, въ тѣхъ даже русскихъ людяхъ, которые отъ своего родного отрещивались, — дѣлали его такимъ удобопонятнымъ, такимъ симпатичнымъ для самыхъ разнородныхъ слоевъ нашего общества. Если въ преступникѣ онъ отыскивалъ не угасшій еще послѣдній лучъ душевной чистоты, — въ умственно заблудшемъ онъ не отчаявался найти неугасшій лучъ правды. И эта черта сближала его съ шестидесятниками.

Міросозерцаніе Достоевскаго опредѣлило его писательскую манеру. Онъ былъ художникомъ только внутренней, психологической правды. Предметомъ его наблюденій была исключительно душа человѣка, — душа, въ особенности, больная. Тщетно мы стали бы отыскивать у него бытовыхъ картинъ или картинъ природы.

Природа не занимала его, благодаря своему невозмутимому равнодушію. Въ бытѣ занимало его одно лишь — выраженіе индивидуальнаго характера, а не массовыхъ безсознательныхъ наклонностей. Вотъ почему у него такъ мало описаній не только внѣшней обстановки, но и образовъ дѣйствующихъ лицъ. Тѣло было для него лишь оболочкой души. И конкретныя изображенія его героевъ слагаются передъ читателемъ лишь по мѣрѣ того, какъ выясняется ихъ характеръ. Скажу болѣе: безразличное отношеніе къ внѣшнему міру доходитъ у Достоевскаго зачастую до непониманія условій общественной жизни.

Въ его романахъ немало совершенно невѣрныхъ положеній, невѣрныхъ, конечно, въ бытовомъ смыслѣ. Укажу хотя бы на ту сцену въ „Идіотѣ“, гдѣ на дачу едва выздоровѣвшаго князя Мышкина вваливается цѣлая ватага незнакомыхъ ему людей, и, въ присутствіи его невѣсты и ея матери — чопорной генеральши Епанчиной, эти люди нагло предъявляютъ совершенно нелѣпыя требованія и говорятъ хозяину дома непозволительныя дерзости. Въ бытовомъ отношеніи эта сцена совершенно невозможна. Изъ любого дома такихъ посѣтителей выпроводили бы вонъ. Но Достоевскому нѣтъ до этого дѣла. Ему надо ярко изобразить именно наглость этого сорта

людей и, въ видѣ контраста съ нею, безграничное незлобіе Мышкина. И онъ достигаетъ этой внутренней правды, подъ условіемъ полного нарушенія правды внѣшней. Вотъ почему, если Достоевскій и былъ реалистомъ — а такимъ его принято называть — то реалистъ онъ былъ только въ психологическомъ смыслѣ. Онъ не скупился на описаніе нравственнаго уродства. Его романы кишатъ безобразными сценами, въ которыхъ, однако, чувствуется, какъ въ иныхъ картинахъ испанскихъ мастеровъ, особая красота типическаго, идеальнаго безобразія. Сцену ареста Дмитрія Карамазова въ Мокромъ послѣ безшабашной оргіи, среди которой пробушевалъ онъ цѣлую ночь, можно приравнять къ самымъ трагическимъ — по силѣ ужаса — произведеніямъ кисти, — да, именно кисти, потому что своею рельефностью Достоевскій здѣсь почти дошелъ до области пластическаго искусства.

И вотъ какимъ образомъ, не будучи мастеромъ въ литературной живописи, одною мощью психологическаго анализа, Достоевскій сумѣлъ придать своему изображенію самую полную конкретность.

Той банальной, вседневной правдѣ, съ которой носились шестидесятники, Достоевскій измѣнялъ, впрочемъ, не въ одномъ этомъ. Онъ поднимался надъ нею всею мощью своей трагической, вѣчно борющейся души. Изъ жизненныхъ конфликтовъ онъ выбиралъ только самые потрясающіе. Обыденная, спокойная, плоская жизнь для него будто не существовала. Припомните содержаніе всѣхъ его романовъ, отъ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ до „Братьевъ Карамазовыхъ“ включительно. Это все сплошные надрывы, картины самыхъ ужасныхъ столкновений, которыхъ въ жизни настоящіе люди долго не могли бы вынести, которыя съ трудомъ выносить и читатель, — до того напрягаются его нервы. Въ постановкѣ всѣхъ своихъ сюжетовъ и многихъ изъ своихъ характеровъ Достоевскій является, такимъ образомъ, преемникомъ романтизма, въ особенности тѣхъ его представителей, которые любили рисовать ужасное. Странное дѣло — несмотря на поклоненіе русскому духу, въ одномъ отношеніи Достоевскій не былъ русскимъ вовсе: въ немъ совсѣмъ отсутствовала склонность къ

мірской, къ массовой жизни. Онъ индивидуалистъ до мозга костей, иначе онъ не могъ бы сочувственно воспроизвести такіе чисто индивидуальныя характеры, какъ Раскольниковъ, какъ Ставрогинъ, какъ Дмитрій Карамазовъ. Понять это противорѣчіе, конечно, трудно, но оно бьетъ, несомнѣнно, въ глаза. Въ томъ-то и дѣло, что таланты, великіе умомъ и потому захватывающіе особенно глубоко, всегда — ничто иное, какъ продуктъ непримиримыхъ противорѣчій.

Въ одномъ еще отношеніи Достоевскій рѣзко отличается отъ большинства крупныхъ русскихъ писателей. Всѣ они по преимуществу были пѣвцами женской красоты, физической и духовной. Одни, какъ Тургеневъ, всѣ энергическія черты, которыми располагала ихъ кисть, отдавали своимъ женскимъ фигурамъ. Другіе, какъ Толстой, надѣляли, правда, своихъ героинь менѣе выдающимися умственными и душевными качествами, но за то ихъ вполне реальные образы одухотворялись такою неподражаемою граціей, что поэтичность въ нихъ совмѣщалась съ реальностью. У Достоевскаго нѣтъ ни того, ни другого. Его сильныя натуры грубоваты, болѣе мягкія и женственныя, напротивъ, расплывчаты и какъ-то нетверды въ своихъ контурахъ. Все это, конечно, не мѣшало ему въ своихъ женщинахъ достигать глубокаго психологическаго анализа. Но цѣльность образа у однѣхъ его героинь, эстетичность у другихъ, все-таки не достигали совершенства рисовки Тургенева и Толстого. Въ одномъ только онъ былъ настоящимъ мастеромъ — въ воспроизведеніи полудѣтскихъ фигуръ. Нѣкоторыя изъ его дѣвочекъ-подростковъ, какъ Нелли въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ и Лиза Хохлакова въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, написаны увлекательно. Ранняя заря пробуждающагося не дѣтскаго чувства изображена имъ рукой знатока, который не боится въ полудѣтской душѣ раскрыть первые ростки будущей страсти — раскрыть порою такъ, что его кисть почти граничитъ съ порнографіей. Но чувство мѣры ему не измѣняется, и останавливается онъ всегда на порогѣ уже нехудожественнаго рисунка, возбуждая лишь въ читателѣ легкую зыбъ тревожнаго ощущенія.

Попробуемъ теперь бѣгло просмотрѣть главныя произведенія Достоевскаго.

Ни одно изъ этихъ произведеній не окрашено такъ сильно романтизмомъ, какъ „Записки изъ Мертваго дома“. Близорукая критика передового лагеря въ этихъ потрясающихъ картинахъ сибирской каторги хотѣла видѣть лишь выраженіе либеральнаго протеста и всепрощающаго милосердія къ виновнымъ. О какомъ-нибудь либеральномъ протестѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о разбойникахъ и убійцахъ, смѣшно и говорить. И опровергать это комическое представленіе о Мертвомъ домѣ не стоитъ. Но помимо всепрощенія, звучитъ здѣсь у Достоевскаго и совершенно иная нота. Суровыя и сильныя фигуры его преступниковъ внушаютъ не одну жалость — примѣшивается къ ней и удивленіе. Достоевскій словно любитъ разнузданной силой своихъ безшабашныхъ героевъ. Никакой раздвоенности, никакой слабонервной рефлексіи нѣтъ въ нихъ и слѣда. Это все мощныя и цѣльныя натуры, ни передъ чѣмъ не останавливающіяся; а между тѣмъ — и въ этомъ великое мастерство Достоевскаго — наряду съ энергіей, не изыкла у нихъ и человѣчность. Герои каторги не просто злодѣи — простыми у Достоевскаго никогда не бываютъ даже цѣльныя натуры — и не внушаютъ они омерзенія какъ разъ потому, что ихъ ожесточенное сердце способно порой смягчиться. Эта загорающаяся въ нихъ иногда теплая искра дѣлаетъ почти симпатичной ихъ грозную суровость. Какъ бы то ни было, въ чувствѣ трепета, какое охватываетъ читателя передъ дикою мощью обитателей Мертваго дома, въ невольномъ восхищеніи, съ какимъ рисуетъ Достоевскій ихъ отвагу, есть что-то очень сродное поклоненію безшабашной удали, какимъ отличался романтизмъ 20-хъ годовъ. Но, пожалуй, можетъ показаться, что романтизму нѣтъ мѣста среди черезчуръ даже реальныхъ картинъ Мертваго дома. Такъ думаютъ, конечно, тѣ, въ глазахъ которыхъ романтизмъ тождественъ съ прикрашеною слащавостью. Но если не останавливаться на внѣшнихъ пріемахъ творчества, на авторской Technikѣ, если проникнуть далѣе въ самую глубь міросозерцанія, романтизмъ предстанетъ передъ нами въ иномъ, несравненно болѣе широкомъ значеніи. Онъ

быть ничѣмъ инымъ, какъ преобладаніемъ личнаго элемента въ искусствѣ. И всякій разъ, что художникъ создаетъ крупный, индивидуальный образъ и поклоняется въ немъ проявленію личной энергіи, мы вправѣ его признать за романтика. Такимъ и былъ Достоевскій въ Мертвомъ домѣ. И если его каторжники тѣмъ не менѣе реальны, то происходитъ это оттого лишь, что сибирская тайга въ высшей степени благопріятная рамка для полнаго развитія безудержной индивидуальной силы. Еслибы Достоевскій подбавилъ къ своимъ описаніямъ героевъ тайги присочиненные имъ либеральные мотивы, какъ сдѣлалъ это въ послѣдствіи его подражатель Короленко, онъ бы въ самомъ дѣлѣ пересталъ быть реалистомъ. Въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“ надо искать широкой гуманной идеи не въ искусственномъ пристегиваніи къ факту преступленія какого-то либеральнаго протеста, а въ томъ глубокомъ чувствѣ милосердія, которое даже въ преступникѣ силится отыскать, и дѣйствительно находить, проблески человѣчности.

Въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ Достоевскій вернулся къ темѣ своихъ „Бѣдныхъ людей“. Но разница между концепціей обоихъ романовъ тѣмъ не менѣе большая. Макаръ Дѣвушкинъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, кроткою и безотвѣтною жертвою настоящаго гнета. Герои „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ — Ваня и Наташа — жертвы по доброй волѣ. Униженія, которымъ они подвергаются, на половину, по крайней мѣрѣ, вызваны ихъ собственной охотой склонять голову передъ воображаемымъ ярмомъ. Они принадлежатъ къ тому великому сонму романическихъ агнцевъ, которые агнцами являются не по кротости только, но и по неразумію. Страдаютъ они, въ самомъ дѣлѣ, очень больно. Ваня, отъ котораго ведется рассказъ, любитъ Наташу Ихменеву и не только узнаетъ, что она отдалась молодому князю Алексѣю Валковскому, но вдобавокъ счастіемъ влюбленныхъ мѣшаетъ жестокосердіе Алешинаго отца. Наташа то и дѣло терзается и проливаетъ слезы, попеременно ощущая жалость къ бѣдному, нелюбимому ею, Ванѣ и великодушное забвеніе обидъ, нанесенныхъ ей Валковскимъ. Чувствительность ихъ обоихъ, увы, напоминаетъ Карамзинскую „Бѣдную Лизу“. И ни сами они, ни читатель никакъ не

разберутся въ сложныхъ ощущеніяхъ, наполняющихъ ихъ скорбныя души. Не получается впечатлѣнія искренняго, въ самомъ дѣлѣ, горькаго горя въ ихъ длинныхъ и плаксивыхъ сѣтованіяхъ. Наташа, въ сущности, ничуть не возмущена противъ обольстившаго ее молодого князя, и это, пожалуй, еще понятно, такъ какъ она не перестала его любить, хотя въ концѣ концовъ выходитъ за Ваню. Но не болѣе возмущенъ поступкомъ Алеши и самъ Ваня. Онъ то и дѣло самымъ дружескимъ образомъ увѣщаетъ молодого князя жениться на Наташѣ, которую любитъ самъ, а Алеша слезливо отвѣчаетъ, что сдѣлалъ бы это съ величайшимъ удовольствіемъ, но боится отцовскаго гнѣва. Алеша Валковскій не только не черствый сластолюбецъ, а совсѣмъ напротивъ. Въ своей безхарактерности онъ мечется отъ Наташи къ отцу и отъ послѣдняго къ Ванѣ, стараясь какъ-нибудь выпутаться изъ своего нелѣпаго положенія и всѣмъ угодить.

Но и самъ виновникъ этой семейной передраги — старый князь Валковскій оказывается весьма карточнымъ угнетателемъ, и въ одинъ прекрасный день, встрѣтившись съ Ваней въ ресторанѣ, какъ болтливый юноша, повѣряетъ ему всѣ свои адскіе помыслы. Въ концѣ концовъ выходитъ, такимъ образомъ, чувствительная драма во вкусѣ XVIII-го вѣка, гдѣ всѣ безъ вины виноваты, гдѣ угнетатели склонны къ чувствительнымъ изліаніямъ не менѣе угнетенныхъ.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, сводится фабула романа и картина униженія правыхъ и невинныхъ? Къ тому, что полупомѣшанный самодуръ князь Валковскій грубо-выгналъ ничѣмъ не провинившагося управляющаго Ихменева и противится женитьбѣ сына на дочери этого управляющаго. Домашній деспотъ выходитъ, конечно, очень гнуснымъ. Но исторія съ семьей Ихменевыхъ все-таки не болѣе, какъ частный случай, едва-ли достаточный для широкихъ рамокъ большого романа, въ которомъ авторъ собирается представить картину безпомощнаго униженія слабыхъ и страждущихъ. Ничего типичнаго, обобщающаго въ этой исторіи нѣтъ.

Не типиченъ и представитель угнетателей — старый князь. Его демоническая злоба черезчуръ болѣзненнаго свойства, что-

бы на кого-либо наводить ужасъ, — развѣ на такого глупенькаго труса, какъ его сынокъ. Въ концѣ концовъ, благородство жертвъ граничитъ съ наивностью, а жестокосердіе угнетателя — съ помѣшательствомъ. Единственная фигура, нарисованная вполне жизненно, — тринадцатилѣтняя Нелли, спасенная Ваней изъ притона разврата и влюбившаяся въ него безсознательно.

Нельзя, такимъ образомъ, не признать „Униженныхъ и оскорбленныхъ” однимъ изъ наименѣ удачныхъ романовъ Достоевскаго. Его главный недостатокъ — шаткость и неопредѣленность психическихъ мотивовъ. Великое значеніе Достоевскаго основано на тонкости его психологическаго анализа — тонкости, доходящей до того, что онъ видитъ въ душѣ человѣка такіе потаенные мотивы, которые обыкновеннымъ людямъ недоступны. Это свойство его таланта можно сравнить съ особенною способностью уха различать мельчайшія дѣленія музыкальных тоновъ.

Человѣку, обладающему этой способностью, міръ звуковъ представляется совершенно инымъ, чѣмъ обыкновеннымъ людямъ. Таковъ и Достоевскій, какъ наблюдатель психическихъ движеній. И какъ разъ благодаря тонкости его анализа, большинство подмѣченныхъ имъ душевныхъ явленій кажутся заурядному читателю ненормальными, а герои его — психически больными. За удачное воспроизведеніе душевныхъ болѣзней многіе критики въ томъ числѣ извѣстный психіатръ докторъ Чижъ, особенно превозносили Достоевскаго, хотя едва-ли великая заслуга для художника — исключительно вращаться въ области болѣзненныхъ явленій. Есть, конечно, въ романахъ Достоевскаго нѣсколько фигуръ, носящихъ явные признаки умственнаго расстройства. Таковы Голядкинъ въ „Двойникѣ”, Кирилинъ въ „Бѣсахъ”, князь Мышкинъ въ „Идіотѣ”. Но обобщать эту наклонность Достоевскаго и видѣть помѣшанныхъ во всѣхъ, или въ большинствѣ его героевъ — значитъ невѣрно понимать великаго романиста. Творчество его всегда вращается въ области потрясающихъ жизненныхъ столкновений, и оттого герои его зачастую находятся подъ влия-

ніемъ душевнаго аффекта — въ спокойномъ состояніи преступленій и самоубійствъ вѣдь не совершается.

Эта тревожная возбужденность его дѣйствующихъ лицъ, подмѣченная имъ съ поразительнымъ мастерствомъ, и вызвала ходячее мнѣніе, будто въ романахъ Достоевскаго передъ нами выступаютъ разнообразные виды помѣшательства. Едва-ли здѣсь его поразительная чуткость не сослужила ему плохую службу. Надо лишь вдуматься поглубже въ затаенный душевный процессъ, совершающійся у его героевъ, и не останется сомнѣній, что мы имѣемъ дѣло не съ картиной помѣшательства, а лишь съ поразительнымъ ясновидѣніемъ художника. Не основательно было бы взваливать на него отвѣтственность за несовершенство нашего собственнаго духовнаго зрѣнія.

Какъ бы то ни было, въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ” признаковъ этой необыкновенной прозорливости нѣтъ. Чувства, мысли, поступки дѣйствующихъ лицъ не только мотивированы недостаточно — они зачастую освѣщены невѣрно. Такихъ болтливыхъ злодѣевъ, такихъ недалекихъ хитрецовъ, какъ старый князь, въ дѣйствительности не бываетъ. Рѣдко встрѣчаются въ жизни и люди съ такой овечьей наивностью, какъ самъ герой. А слабохарактерные глупцы, вроде Алехи Валковскаго, хоть и встрѣчаются сплошь и рядомъ, — по своей ничтожности не стоятъ вниманія крупнаго писателя.

Настоящую славу Достоевскаго создало „Преступленіе и наказаніе”. Вопреки установившемуся мнѣнію, я не могу въ героя этого романа — Раскольникова — признать душевнобольнаго: мнѣ сдается, напротивъ, что не только всѣ его поступки, но всѣ мельчайшія движенія его глубоко потрясенной души неумолимо правдивы и слѣдуютъ другъ за другомъ съ поразительной логикой. И въ равной мѣрѣ я вынужденъ отвергнуть другую очень распространенную оцѣнку Раскольникова — будто онъ выведенъ Достоевскимъ, какъ представитель молодежи 60-хъ годовъ. Въ томъ обстоятельствѣ, что Раскольниковъ написалъ статью, оправдывающую преступленіе, когда оно совершено крупною личностью, нѣкоторые критики упорно хотятъ видѣть тенденціозное обличеніе матеріализма. Достоевскій, будто, хотѣлъ сказать молодежи: „посмотрите, къ

чму ведутъ ваши излюбленныя доктрины; ихъ логическое послѣдствіе — убійство съ корыстной цѣлью!"

Между тѣмъ, едва-ли такая мысль приходила въ голову великому писателю. Нельзя прежде всего не признать, что теорія, приписываемая Раскольникову — теорія мнимаго права крупной личности на преступленіе, — неоднократно проводилась какъ у насъ, такъ и за границей. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы Достоевскій приписалъ этотъ взглядъ своему герою съ цѣлью наглядно показать ужасающіе выводы, къ которымъ приводитъ матеріализмъ. Незачѣмъ обвинять Достоевскаго въ такой напрасной и плоской клеветѣ, когда напращивается совершенно иное объясненіе. Взглядъ Раскольникова на законность убійства введенъ въ разсказъ не для того, чтобы унижить молодое поколѣніе, а для того, чтобы въ извѣстной степени оправдать самого героя. Не простая алчность грабителя руководила имъ, а признаніе за талантливомъ человѣкомъ права обезпечить себя отъ нужды, чтобы имѣть досугъ для умственной работы. Это, пожалуй, дико, нелѣпо, но это все же мотивъ до нѣкоторой степени идеальный. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, Раскольниковъ не кажется намъ гнуснымъ злодѣемъ, несмотря на всю гнусность совершеннаго имъ дѣла и на долгія его старанія уйти отъ заслуженной кары? Оттого, конечно, что онъ мучится ужаснымъ воспоминаніемъ о своемъ убійствѣ, которымъ и не воспользовался вовсе. Но оттого также, что, совершая это убійство, онъ не одинъ только голодъ хотѣлъ утолить, а чувствовалъ въ себѣ умственные силы, которымъ при его обстановкѣ нельзя было развернуться. И когда онъ усумнился въ этихъ силахъ, охота бороться въ немъ мигомъ исчезла, и онъ пошелъ съ повинной въ полицейскій участокъ.

Подтвердить эту догадку можно ссылкой на извѣстный романъ Бульвера „Юджинъ Арамъ" — произведеніе тоже очень крупное и до извѣстной степени параллельное „Преступленію и наказанію".

Арамъ такой же бѣднякъ, какъ Раскольниковъ, и, подобно ему, совершаетъ убійство, чтобы пріобрѣсти средства на свои ученыя занятія. Идеальный мотивъ и здѣсь лежитъ въ

основѣ злодѣйскаго поступка, и, путемъ ряда добросовѣстныхъ софизмовъ, доводитъ героя Бульвера до убѣжденія въ своемъ правѣ убить. И результатъ получается одинаковый — въ душѣ читателя къ чувству ужаса присоединяется глубокая жалость. Строго говоря, нельзя даже Раскольникова признать за полного матеріалиста. Онъ одинъ изъ числа тѣхъ, у которыхъ матеріализмъ сидитъ только въ умѣ, не коснувшись сердца, которые чувствуютъ наперекоръ своимъ мыслямъ.

Такихъ людей отвлеченная логика можетъ довести до преступленія, но въ собственной душѣ они носятъ неумолимаго судью, который покараетъ ихъ строже, чѣмъ можетъ это сдѣлать судъ общества. Раскольниковъ потому и крупное созданіе, что онъ не исчерпывается эпохой, что на немъ Достоевскій изучилъ вѣчно совершающійся въ человѣческой душѣ болѣзненный процессъ раскаянія, когда эта душа не зачерствѣла. Раскольниковъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ своему поколѣнію, но онъ переросъ это поколѣніе и волновавшія его тревоги — переросъ вѣчностью того психологическаго явленія, которое въ немъ совершается.

То же надо сказать и о прочихъ фигурахъ романа — о Мармеладовѣ, о Сонѣ, о Екатеринѣ Ивановнѣ, о Свидригайловѣ. Всѣ они страдаютъ отъ неисцѣлимой болѣзни, — и болѣзнь эта не повѣтріе, вызванное условіями времени. И опять-таки смотрѣть на нихъ съ психіатрической точки зрѣнія, очевидно, нельзя. Душевно-больная одна только мать Сони — и то только вслѣдствіе страшныхъ перенесенныхъ ею потрясеній. Она не въ силахъ примирится съ ужасающимъ контрастомъ — между своей наивной гордостью, съ которой носитъ, какъ съ послѣднимъ утѣшеніемъ, и долгимъ гнетомъ униженія. Ея разумъ погибаетъ въ борьбѣ съ этимъ униженіемъ, и прежняя гордость переходитъ въ ребяческую манію величія. Но и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ опредѣленною формою помѣшательства, — въ несчастной женѣ Мармеладова совершается острый процессъ духовнаго крушенія, — до того острый, что въ нѣсколько часовъ онъ приводитъ ее къ смерти. Ни Мармеладовъ, ни Свидригайловъ, при всей яркой гнусности ихъ жизни, ничуть не помѣшанные и, въ то же время, не безусловно дурные люди.

Въ каждомъ изъ нихъ порочная наклонность, — пьянство у Мармеладова, развратъ у Свидригайлова — доведены до той степени, при которой уродливость становится типичной, стало быть до нѣкоторой степени идеальной. Въ этомъ отношеніи ихъ можно поставить наряду съ Обломовымъ: подобно послѣднему они переходятъ за предѣлы обыденной реальности, они порочнѣе самаго порока; эта сила изображенія какъ будто даже стираетъ съ нихъ грязь. И благодаря этой силѣ, ихъ тоже, какъ Раскольниковъ, нельзя считать продуктомъ эпохи. Рѣдко случается, чтобы писателю въ одномъ произведеніи удалось создать нѣсколько фигуръ, въ такой мѣрѣ ярко типичныхъ. Неудивительно, что „Преступленіе и наказаніе“ поразило всѣхъ при своемъ появленіи. Какъ ни великъ считался талантъ Достоевскаго, подобной выпуклости рисунка и отъ него не ожидали.

Такимъ же вѣчнымъ типомъ является и Соня Мармеладова. Только ея типичность не въ бытовой, не во внѣшней сторонѣ ея жизни, а, если можно такъ выразиться, въ той идеальной концепціи, на которой построены ея характеръ. Много имѣется особенно во французской литературѣ, фигуръ поэтизированныхъ развратницъ, и всѣ онѣ написаны на тему, сводящуюся къ тому, что развратъ, когда онъ не затрогиваетъ души, оставляетъ женщину чистой. Одного сравненія этихъ фигуръ, представляющихъ рядъ попытокъ возвеличить падшую женщину, съ кроткою героиней Достоевскаго вполне достаточно, чтобы оцѣнить превосходство его пониманія характера Сони. Онъ не старается отъ читателя скрадывать уродливость ея жизни, не дѣлаетъ никакихъ попытокъ облагородить и приподнять Соню мнимо-очищающею страстью, не придаетъ ей никакой риторичной ходульности. Онъ ограничивается тѣмъ, что мотивомъ паденія Сони выставляетъ нужду, и не ея собственную, а ея семьи, ея братишекъ и сестреночъ; и что, сохраняя въ ней полное сознаніе окружающей ее грязи, онъ показываетъ Соню, не перестающую искренно вѣрить и молиться. Образъ этой вѣчно кающейся дѣвушки изъ-подъ иного пера могъ бы выйти комичнымъ. Но у Сони Мармеладовой столько неподдѣльнаго смиренія, что у читателя даже не зарожда-

ся вопроса, законны-ли его симпатіи къ ней, и, заодно съ Раскольниковымъ, онъ готовъ воскликнуть: „Я не тебѣ поклонился, я всему страданію чловѣческому поклонился“. О положительныхъ фигурахъ романа — о матери Раскольникова, о его сестрѣ Дунѣ и пріятелѣ Разумихинѣ — говорить не приходится. Все это совершенно простые, честные и здоровые люди, написанные прекрасно, но до того здоровые и простые, что ни малѣйшаго вопроса они не затрагиваютъ.

Что же касается до идеальнаго слѣдователя Порфірія — это вовсе не характеръ, а ходячая слѣдственная власть, доведенная до такого совершенства, котораго у насъ она едва-ли когда-нибудь достигала.

Перейдемъ къ „Бѣсамъ“ — къ этому воинствующему роману, заслужившему своему автору кличку реакціонера. При несомнѣнной тенденціозности, „Бѣсы“ наряду съ „Преступленіемъ и наказаніемъ“ и „Братьями Карамазовыми“, — одно изъ трехъ крупнѣйшихъ произведеній Достоевскаго. Оно крупно и по достоинствамъ своимъ, и по недостаткамъ. Фабула не только сложна и запутана до крайности, но воображенію читателя сплошь и рядомъ приходится дополнять существенные пробѣлы въ разсказѣ. Особенно загадочной является личность главнаго героя — Николая Ставрогина, для разъясненія которой предоставлено уже слишкомъ много простора читательской фантазіи. Есть, правда, какая-то особенная прелесть въ этой загадочности. Но въ „Бѣсахъ“ этотъ приѣмъ, вообще свойственный Достоевскому, доведенъ до того, что нѣкоторые изъ главныхъ моментовъ романа вовсе не мотивированы предыдущимъ его ходомъ. Такова, между прочимъ, заключительная любовная сцена между Ставрогинымъ и Лизой, послѣ которой они расстаются почти врагами, и Лиза въ сырое осеннее утро выбѣгаетъ полуодѣтая на улицу изъ ставрогинскаго дома. Да и всѣ прошлыя отношенія Ставрогина къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ остаются до такой степени не разъясненными, что является вопросъ, не выкинулъ-ли Достоевскій изъ своего романа нѣсколько существенныхъ главъ.

Впрочемъ, и въ судьбѣ другихъ лицъ, выведенныхъ въ „Бѣсахъ“, много остается темнаго. Такова, напримѣръ, вся

фигура Марьи Тимофеевны, тайной жены Ставрогина, и въ особенности исторія ея страннаго замужества. Таковы отношенія Петра Верховенскаго къ Кирилину и причина его непонятной власти надъ бѣднымъ полупомѣшаннымъ энтузіастомъ. Таково, наконецъ, положеніе самого Верховенскаго въ городѣ, гдѣ онъ одновременно играетъ роль приближеннаго къ губернатору и главы революціоннаго кружка. Цѣлая половина романа уходитъ, такимъ образомъ, въ полутьму, словно жизнь его героевъ должна оставаться для читателя такою же тайной, какой остается для властей организація революціоннаго общества. Но всего болѣе недоразумѣній вызываетъ мелодраматическій конецъ романа, гдѣ катастрофы разражаются одна за другой, какъ громовые удары въ лѣтнюю грозу. Въ ту самую ночь, когда разбойникъ Федька Каторжный убиваетъ Марью Тимофеевну, Лиза отдается Ставрогину въ его загородномъ домѣ и, вслѣдъ затѣмъ, становится жертвою слѣпой народной мести. Такое накопленіе ужасовъ годится развѣ для опернаго финала, тѣмъ болѣе, что трагическая смерть Лизы не только сама по себѣ неправдоподобна, но рѣзко противорѣчитъ самому духу русскаго народа. Французская рабочая толпа могла бы выместить убійство женщины на любовницѣ того человѣка, котораго она заподозрѣла въ этомъ убійствѣ. Но едва-ли такое проявленіе ярости соотвѣтствуетъ нашему сѣверному темпераменту?

Недостатки „Бѣсовъ“, повторяю, очень крупны. Но ихъ скупаютъ съ избыткомъ качества романа, его потрясающій интересъ, мастерство, съ какимъ изображены главные характеры, и въ особенности глубина мысли, которой преисполнены почти всѣ его сцены.

Ни въ одномъ изъ прочихъ своихъ произведеній, развѣ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, Достоевскій не высказалъ такъ много оригинальныхъ и мѣткихъ сужденій, не развернулъ передъ нами души своихъ героевъ съ такимъ поразительнымъ, даже потрясающимъ ясновидѣніемъ. Отличаются „Бѣсы“ и еще однимъ достоинствомъ, довольно рѣдкимъ у Достоевскаго — блестящимъ юморомъ, образцомъ котораго можетъ служить знаменитая сцена засѣданія революціоннаго кружка. Ко-

мизмъ этой сцены совершенно неподдѣльный и нигдѣ не доходить до шаржа, отъ котораго не свободно другое мѣсто въ романѣ, — описаніе благотворительнаго концерта. Изъ всѣхъ обличительныхъ произведеній беллетристики, направленныхъ противъ уродливостей нашего радикализма, „Бѣсы“ наиболѣе правдивое и яркое. Оттого то, должно быть, несмотря на все негодованіе, вызванное ими въ передовомъ лагерѣ, критика отнеслась къ нимъ очень осторожно, почти боязливо. Изобличенные почувствовали силу удара и пробовали обвинить Достоевскаго лишь въ томъ, что фабулу своего романа онъ всецѣло извлекъ изъ Нечаевского процесса, притомъ намѣренно изуродовавъ его главныхъ участниковъ. Нельзя не замѣтить, что оба эти обвиненія какъ будто противорѣчатъ другъ другу. Въ дѣйствительности ни то, ни другое невѣрно. Убійство студента Иванова, конечно, послужило темой для Достоевскаго, сдѣлалось для него, такъ сказать, исходнымъ стимуломъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы Достоевскій представилъ въ „Бѣсахъ“ не болѣе, какъ переложеніе Нечаевской исторіи на каррикатурный ладъ. Онъ поступилъ такъ, какъ до него поступали всѣ гениальные писатели. Дѣйствительное событіе дало толчекъ его фантазіи, но, перерабатывая его въ романъ, онъ не просто воспроизводилъ сырой фактъ, выхваченный изъ революціоннаго броженія, а переработалъ этотъ фактъ, придавъ ему характеръ типичности. Когда политическое движеніе ограничено довольно тѣснымъ кругомъ дѣятелей, нѣтъ возможности обойтись безъ воспроизведенія индивидуальных чертъ, принадлежащихъ дѣйствительнымъ лицамъ. Вотъ почему въ личности Петра Верховенскаго могло встрѣтиться нѣкоторое сходство съ Нечаевымъ. Но Достоевскій все-таки не скопировалъ фізіономію агитатора, а возсоздалъ его фигуру самостоятельно, открывъ передъ нами весь его сложный психологическій образъ. И поступая такъ, онъ пользовался не одними данными уголовного слѣдствія, а въ своей фантазіи переработалъ фигуру Нечаева. И нельзя сказать, чтобы онъ поскупился на яркія, даже на блестящія черты. Верховенскій негодяй, это правда, но обладаетъ онъ недюжинными способностями и силой воли необыкновенной. И еслибы

всѣ коноводы движенія 70-хъ годовъ были равны ему по дарованіямъ, оно могло бы повести къ послѣдствіямъ несравненно болѣе крупнымъ.

И одна искупающая черта все-таки имѣется у Верховенскаго — черта, притомъ, очень рѣдкая. Онъ искренній энтузіастъ, и холодность ума не умѣряетъ горячности его увлеченій.

Шатовъ — жертва Верховенскаго — совсѣмъ уже не похожъ на бѣднаго Иванова. Достоевскій поручилъ ему въ романѣ гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ была роль Иванова въ революціонномъ кружкѣ. Онъ сдѣлалъ изъ него носителя воихъ идей и, въ особенности, того идеала всепрощенія, съ которымъ всегда носился Достоевскій. Стоитъ вспомнить великолѣпную сцену между Шатовымъ и его виновной женой, когда онъ принимаетъ ее къ себѣ въ домъ наканунѣ своей мученической смерти. Нельзя не видѣть параллелизма между душевнымъ процессомъ, совершающимся у Шатова, когда онъ отказывается отъ своего революціоннаго прошлаго, и перерожденіемъ самого Достоевскаго на сибирской каторгѣ.

И прочіе болѣе мелкіе революціонные дѣятели, вплоть до барышни, пріѣхавшей изъ Петербурга, чтобы протестовать отъ имени студентовъ, написаны все съ тѣмъ же яркимъ мастерствомъ. Ни одного фальшиваго штриха, ни тѣни перерисовки, даже въ фигурахъ совершенно комическихъ. И что за убійственный контрастъ между силою натуры Верховенскаго, между преступленіями, на которыя онъ идетъ не обинуясь, и жалкими, даже смѣшными средствами, къ которымъ онъ вынужденъ прибѣгать, какъ, напримѣръ, распространяемая имъ стихотворенія о „свѣтлой личности” и скандалъ, устроенный на концертѣ.

Не менѣе ярки и правдивы фигуры лицъ, не участвующихъ въ движеніи. Губернаторъ фонъ-Лембке — этотъ образецъ административной безтолковости, отецъ Петра Верховенскаго Степанъ Трофимовичъ — отставной выдохшійся либераль 40-хъ годовъ, — и мать Ставрогина, Варвара Петровна, совершенно бездушная, хоть и умная эгоистка, какъ всѣ женщины, которымъ пришлось жить лишь умомъ и гордостью.

Слабѣ прочія женскія фигуры — Марья Тимофеевна, сестра Шатова Дарья и, въ особенности, сама героиня романа Лиза, вышедшая даже не совсѣмъ ясною. Молодыя женщины, впрочемъ, если онѣ не подростки, словомъ рѣдко удаются Достоевскому.

Мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ о Николаѣ Ставрогинѣ. Одной его фигуры достаточно, чтобы опровергнуть мнѣніе, будто Достоевскій въ „Бѣсахъ” ограничился воспроизведеніемъ Нечаевского процесса. Ставрогинъ выдуманъ Достоевскимъ съ головы до ногъ и, сказать правду, едва-ли имѣлъ себѣ подобныхъ во время 70-хъ годовъ. Онъ напоминаетъ демагоговъ изъ аристократовъ въ романахъ Жоржъ-Занда, Ежени Сю, Карла Гуцкова и Шпильгагена. Это „рыцарь духа” чистѣйшей воды, запоздалый отпрыскъ 40-хъ годовъ, только 40-хъ годовъ не русскихъ, а иностранныхъ. Богатый, избалованный баринъ, презирающій всѣхъ, въ томъ числѣ и себя, дѣлающійся революціонеромъ отъ скуки, женящійся на полусумасшедшей мѣщанкѣ, на зло гордой матери, способный на все, даже на гнусное преступленіе, и все-таки не лишенный нѣкотораго великодушія — это лишь на половину русскій человѣкъ, русскій лишь по утонченному самодурству. Гражданинъ кантона Ури, вѣрящій въ революцію такъ же мало, какъ и во все остальное, нелѣпо кончающій жизнь самоубійствомъ, когда она ему давала полную чашу наслажденій, Ставрогинъ гораздо ближе къ героямъ первой эпохи западнаго романтизма, къ байроновскому „Корсару”, къ „Эрнани” Виктора Гюго, къ шиллеровскому „Фіеско”, чѣмъ даже къ фигурамъ Пушкина и Тургенева. Если всѣ его подвиги сводятся къ тому, что онъ грубо насмѣялся въ клубѣ надъ двумя — тремя городскими тузами, виноватъ въ этомъ не онъ самъ — онъ весь жаждетъ сильныхъ впечатлѣній — виновата бѣдная русская дѣйствительность, гдѣ даже въ революціонной агитаціи нѣтъ мѣста такимъ аристократическимъ Донъ-Жуанамъ. Однимъ онъ отличается отъ героевъ чистаго романтизма — онъ гораздо циничнѣе и грубѣе, и сверстниковъ ему (не по духу, правда, — по духу онъ чистокровный сынъ Байрона) — а по наклонностямъ и поведенію — надо искать въ романахъ молодой Германіи,

гдѣ романтическій идеаль нѣсколько заразился буржуазнымъ скептицизмомъ и буржуазными вкусами, и гдѣ Донъ-Жуанамъ зачастую приходилось искать приключеній на улицѣ.

Оцѣнка читающей публики всегда была справедлива къ Достоевскому. Два его романа „Идіотъ” и „Подростокъ” не имѣли успѣха и, дѣйствительно, стоятъ гораздо ниже „Преступленія и наказанія” и „Бѣсовъ”. Одинъ изъ нихъ „Подростокъ” — едва ли не самый неудачный и безыдейный изъ крупныхъ романовъ Достоевскаго. Это запутанная исторія объ отношеніяхъ незаконнаго сына къ своему отцу — отношеніяхъ, въ которыхъ глухая ненависть страннымъ образомъ примѣшивается къ горячей, хотя и подавленной любви. Тема не лишена интереса, но разработана, повидимому, съ такой поспѣшностью, что даже въ фантазії автора не успѣла сложиться въ ясные и опредѣленные образы. Читатель на меня, вѣроятно, не поспѣуетъ, если я объ этомъ романѣ здѣсь говорить не буду. Но на „Идіотъ”, хотя онъ тоже плодъ незаконченнаго, такъ сказать, не остывшаго творчества, остановиться слѣдуетъ.

Въ „Идіотъ” мы встрѣчаемся съ тѣми же недостатками, которые были уже мною отмѣчены въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ”. Характеры, правда, гораздо ярче и выпуклѣе, но, къ сожалѣнію, многіе изъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ не вытекаютъ ни изъ ихъ душевныхъ свойствъ, ни изъ взаимнаго ихъ положенія. Мотивировка здѣсь отсутствуетъ еще въ большей степени, чѣмъ въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ”. И къ этимъ недостаткамъ прибавляется еще одинъ. Слогъ до крайности неряшливъ и неизященъ. Достоевскаго часто упрекали за необработанность стиля, и упрекали несправедливо. Языкъ его не имѣетъ художественной отдѣлки тургеневскаго или гончаровскаго слога и лишень оригинальной образности языка Толстого. Достоевскій, вообще говоря, не описательный, стало быть, не пластическій художникъ. Но во всемъ, что касается психическихъ движеній и анализа чувствъ, онъ всегда находитъ подходящее мѣткое, сильное выраженіе. Его немного тусклый языкъ становится въ разговорѣ, особенно въ разговорѣ страстномъ, чрезвычайно гибкимъ и живымъ.

Единственное исключеніе составляет „Идіотъ“, въ этомъ уступающій даже „Подростку“. Форма здѣсь неуклюжа до того, что не сдѣлала бы чести и начинающему писателю. И все-таки „Идіотъ“ заслуживаетъ вниманія. Нигдѣ идея всепрощенія не высказана Достоевскимъ такъ ярко и своеобразно. Характеръ князя Мышкина, составляющій какъ бы перифразу евангельскаго изреченія о нищихъ духомъ, приближаетъ Достоевскаго къ идеалу Толстого, выраженному въ Платонѣ Каратаевѣ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что характеръ Мышкина построенъ на почвѣ болѣзни. Въ сущности Мышкинъ вовсе не „идіотъ“ — по мнѣнію автора, онъ даже наиболѣе умный изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа — но онъ совершенно лишенъ способности воспринимать жизненныя впечатлѣнія въ ихъ обыденномъ, общепринятомъ смыслѣ. Я намѣренно здѣсь избѣгаю прилагательнаго „условный“, хотя совершенно очевидно, что Достоевскій имѣлъ какъ разъ въ виду поступки своего Мышкина противопоставить ходячей условности. Но если, пожалуй, можно еще понять, что герой „Идіота“, только-что пріѣхавшій въ Петербургъ, отдаетъ совершенно незнакомому прощальнѣ Фердыщенко свои единственные 25 рублей, что, получивъ отъ Гани Иволгина пощечину, онъ вовсе не чувствуетъ себя оскорбленнымъ, терпѣливо выслушиваетъ дерзости ворвавшихся къ нему нигилистовъ, то въ двухъ существенныхъ моментахъ разсказа его поведеніе совершенно непонятно. Непонятно, какимъ образомъ, послѣ того, какъ разстроилась его свадьба съ Аглаей Епанчиной, онъ вдругъ женится на Настасѣ Филипповнѣ и потомъ, едва съ нею обвѣнчавшись, спокойно даетъ ее увезти своему пріятелю, купцу Рогожину. Мышкинъ едва-ли ощущалъ когда-либо чувство любви въ женщинѣ. Не любилъ онъ, вѣроятно, ни первой, ни второй своей невѣсты. Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить его странную женитьбу?

И если побудило его стать мужемъ Настасьи Филипповны какое-то совсѣмъ особое, неизвѣстное прочимъ людямъ, идеальное чувство жалости къ падшей женщинѣ, какъ могъ онъ хладнокровно снести нанесенную ему кровную обиду?

Даже его незлобивая натура должна была возмутиться

поступкомъ Рогожина и неожиданнымъ бѣгствомъ Настасьи Филипповны.

Еще болѣе непонятна заключительная сцена романа — правда, очень эффектная въ своемъ ужасѣ, но психологически совершенно невозможная. Мышкинъ идетъ отыскивать бѣжавшую отъ него жену и, найдя ее зарѣзанною Рогожинымъ, садится рядомъ съ убійцей у похолодѣвшаго трупа и всю ночь проводить въ этомъ страшномъ обществѣ. Не мудрено, что слабый разсудокъ Мышкина не выдержалъ, и онъ вышелъ изъ дома Рогожина сумасшедшимъ. Но до этого момента Достоевскій рисуется его не такимъ: мягкая человѣчность большого князя должна бы отозваться хотя бы состраданіемъ къ жертвѣ и еще болѣе, можетъ быть, къ убійцѣ. Въ этой развязкѣ все одинаково невозможно — и поведеніе Настасьи Филипповны, и тупое хладнокровіе Мышкина, и кровавый поступокъ Рогожина. Рогожинъ только страстный и буйный, а не сумасшедшій человѣкъ, и когда, наконецъ, послѣ долгихъ страданій, любимая женщина была въ его власти, — съ какой стати зародилась въ немъ дикая мысль объ убійствѣ?

Несмотря на всѣ эти крупные недочеты, „Идіотъ“ все-таки недюжинное произведеніе. Не говоря уже о глубокой идеѣ, воплощенной въ личности Мышкина — идеѣ, положимъ, не совсѣмъ выдержанной — нѣкоторые изъ прочихъ характеровъ — генеральша Епанчина съ своей дочерью Аглаей, Фердыщенко, наконецъ, русская гетера Настасья Филипповна — написаны очень сильно и бойко. Удаченъ и старый враль генералъ Иволгинъ въ своей нѣсколько преувеличенной комичности, а нѣкоторыя сцены романа, напримѣръ, конецъ первой части, гдѣ Настасья Филипповна бросаетъ въ каминъ привезенные ей Рогожинымъ сто тысячъ — написаны Достоевскимъ съ обычнымъ мастерствомъ. Есть въ „Идіотѣ“ и въ высшей степени трогательное мѣсто, показывающее, что даже своихъ политическихъ враговъ Достоевскій умѣлъ любить — раскаяніе, охватившее передъ смертью чахоточнаго нигилиста Ипполита, когда оскорбленный имъ Мышкинъ съ такою почти женственной нѣжностью за нимъ ухаживаетъ. Взрывы крупнаго таланта, даже геніальности, чередуются, такимъ образомъ, въ

этомъ романѣ съ цѣлымъ рядомъ страницъ, написанныхъ вяло, торопливо, необдуманно.

„Братья Карамазовы“ — послѣдній изъ большихъ романовъ Достоевскаго, въ то же время и самый крупный изъ нихъ, какъ по широтѣ захвата, такъ и по силѣ драматизма. А между тѣмъ мы имѣемъ въ этомъ романѣ лишь часть незавершеннаго литературнаго произведенія, созданнаго вдобавокъ совершенно вопреки законамъ художественной архитектуры. „Братья Карамазовы“ напоминаютъ собою тѣ недостроенныя средневѣковыя итальянскія церкви, въ которыхъ успѣли додѣлать одинъ только фасадъ, и все-таки эти неоконченные храмы грандіознѣе и лучше самыхъ роскошныхъ современныхъ зданій. Изъ первыхъ же словъ вступительной главы видно, что первоначальнаго своего замысла Достоевскій не выполнилъ. Этотъ замыселъ давилъ его, должно быть, колоссальными размѣрами. Существуетъ догадка, что настоящимъ героемъ романа долженъ былъ сдѣлаться Алеша — младшій изъ Карамазовыхъ — и что характеръ его долженъ былъ въ послѣдствіи развиться не въ сторону религіознаго мистицизма, наполняющаго его кроткое юное сердце.

На это есть указаніе въ самомъ романѣ: Достоевскій относитъ убійство Карамазова-отца къ давно прошедшему времени, хотя въ послѣдней части, въ рѣчи защитника Дмитрія, много намековъ на факты, современные появленію романа, то есть относящіеся къ концу 70-хъ годовъ. Этотъ анахронизмъ объясняется тѣмъ, что планъ автора и его отношеніе къ своему герою, современемъ измѣнились. Нельзя тоже допустить, чтобы Достоевскій безъ причины вывелъ цѣлую группу подростающихъ мальчиковъ, одинъ изъ которыхъ, Коля, носитъ въ себѣ уже задатки будущаго революціонера. Его симпатичная натура, кстати сказать, наглядно показываетъ, что Достоевскій готовъ былъ признать хорошія, даже привлекательныя черты и въ той части молодежи, которая захвачена движеніемъ. Все это, конечно, онъ собирался развить въ послѣдствіи, и намъ предстояло увидать широкую картину умственного броженія 70-хъ годовъ, съ богатымъ разнообразіемъ индивидуальныхъ характеровъ. Та молодая экзальтація, тотъ юный революціон-

ный идеализмъ, представителемъ котораго можетъ служить Коля, гораздо болѣе свойственъ началу 60-хъ годовъ, чѣмъ концу 70-хъ. И едва-ли можно допустить, чтобы примирительная бодрая рѣчь Алеши, которой закончивается романъ, должна была, по первоначальному замыслу автора, служить ему заключительнымъ аккордомъ. Что самъ Алеша предназначался для иной, не столь миролюбивой роли, видно уже изъ самой фамилии Карамазовъ, слишкомъ напоминающей одно несчастное и зловѣщее имя. Какъ бы то ни было, все это лишь догадки, и Достоевскій не оставилъ намъ прямыхъ доказательствъ своихъ первоначальныхъ намѣреній. Должно быть, чистая натура Алеши увлекла его, и онъ захотѣлъ остановиться на первой стадіи развитія своего героя, когда весь онъ былъ одна теплая и кроткая вѣра. Уголъ зрѣнія автора постепенно измѣнялся, и центръ тяжести переходилъ отъ Алеши къ его старшему брату — отъ политической къ семейной драмѣ.

Но и въ этомъ, такъ сказать, усѣченномъ видѣ романъ представляетъ картину огромнаго интереса. Фигуры трехъ братьевъ символизируютъ какъ бы все умственное состояніе Россіи. Двое старшихъ представляютъ собою двѣ главныхъ болѣзни общества — недугъ воли въ лицѣ Дмитрія, въ которомъ олицетворяется нравственная распущенность, недугъ мысли въ лицѣ Ивана, зараженнаго умственнымъ шатаніемъ; третій, младшій братъ — представитель здоровой Россіи, которую Достоевскій видитъ въ народной вѣрѣ и въ кроткой, всепрощающей любви. Для нравственной болѣзни есть выздоровленіе — оно въ безропотномъ смиреніи передъ незаслуженною карою, — незаслуженною, какъ наказаніе за мнимую вину, но вполне соотвѣтствующую цѣлой безпутно проведенной жизни. Для умственной болѣзни такого выздоровленія нѣтъ. Въ сущности, приличный и сдержанный Иванъ оказывается виновнѣе своего распутнаго брата, такъ какъ мысленно онъ былъ соучастникомъ въ убійствѣ отца. Паденіе умственныхъ устоевъ — такъ думаетъ Достоевскій — влечетъ за собою и заразу для совѣсти. И отъ этой заразы нѣтъ уже спасенія. Даже раскаяніе не помогаетъ — въ больную душу оно вноситъ лишь новую смуту. Колебля въ ней безвѣріе, оно приноситъ съ со-

бой лишь отчаяніе для сердца и галлюцинацію, почти сумасшествіе, для ума.

Вотъ что хотѣлъ сказать Достоевскій своимъ послѣднимъ романомъ.

Нечего и говорить, съ какимъ блескомъ онъ выполнилъ свою задачу. Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ” такое разнообразіе психическихъ мотивовъ, въ нихъ такая полная симфонія разыгрывается на всѣхъ струнахъ человѣческой души, что въ сравненіи съ ними блѣднѣетъ даже такая крупная и могучая вещь, какъ „Преступленіе и наказаніе”. Въ этомъ романѣ разыгрывается все одинъ и тотъ же глубоко трагическій мотивъ. Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ” словно цѣлый оркестръ разливаетъ передъ нами широкое море самыхъ разнообразныхъ звуковъ. Гадливое отвращеніе къ нравственной грязи Карамазова-отца, ужасъ въ сценѣ убійства, тревога во время ареста Дмитрія въ Мокромъ, глубокая сочувственная жалость въ исторіи бѣднаго мальчика и его пропавшей собачонки, напряженность ожиданія во время процесса, ѣдкая иронія во всемъ, что касается Ракитина и г-жи Хохлаковой, ясное религіозное чувство, наконецъ въ предсмертной бесѣдѣ отца Зосимы — вотъ многообразныя ощущенія, которыя вызываютъ у читателя отдѣльные моменты этого поразительно многосторонняго романа. И смѣхъ, и ужасъ, и негодованіе, и слезы — все это сумѣлъ затронуть и расшевелить Достоевскій. Въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ даже въ „Братьяхъ Карамазовыхъ” два большихъ романа Толстого — „Войну и миръ” и „Анну Каренину”. Появись „Братья Карамазовы” въ одной изъ иностранныхъ литературъ, гдѣ критика привыкла отзываться на всѣ художественныя явленія, цѣлые томы были бы написаны по ихъ поводу. У насъ они разработаны критикой пока довольно мало и для будущихъ изслѣдователей представляютъ цѣлый непочатый рудникъ. Самая многочисленность отступленій, какъ бы придающая роману нестройную виѣшность, усиливаетъ его интересъ. Эпизодъ съ мальчиками до того богатъ въ идейномъ смыслѣ и такъ много въ немъ самаго искренняго чувства, что самъ по себѣ онъ могъ бы составить отдѣльное, законченное произведеніе. Сцены въ монастырѣ даютъ полную живую кар-

тину мало изслѣдованнаго явленія русской монастырской жизни — именно, старчества. Изложеніе процесса Дмитрія обнаруживаетъ въ Достоевскомъ большого знатока судебныхъ порядковъ, и рѣчи прокурора и защитника могли бы служить образцами для специалистовъ. Наконецъ, поразительная по глубинѣ сцена галлюцинаціи Ивана даетъ ключъ къ самымъ потаеннымъ изгибамъ мысли самого Достоевскаго, раскрывая передъ нами его собственныя мучительныя сомнѣнія. Одной легенды о „Великомъ инквизиторѣ“ было бы довольно, чтобы доставить ей автору славу.

Размѣры настоящей книги не позволяютъ мнѣ подвергнуть анализу всѣ эти стороны послѣдняго романа Достоевскаго, и мнѣ остается только пожелать, чтобы каждая изъ нихъ нашла себѣ достойнаго истолкователя. Глава о „Великомъ инквизиторѣ“ получила, впрочемъ, талантливую и мѣткую оцѣнку въ книгѣ г. Розанова. Повторяю еще, что я не вполне согласенъ съ почтеннымъ авторомъ: мнѣ сдается, что полной увѣренности въ превосходствѣ ученія Христа не было у Достоевскаго, и съ грустью на сердцѣ онъ готовъ былъ признать, что слабому человѣчеству болѣе по плечу змѣиная мудрость инквизитора. Есть, конечно, сильное обличеніе католицизма въ томъ, что Достоевскій его ученіе отождествляетъ съ тремя совѣтами, данными Христу духомъ тьмы. Но при всемъ томъ, авторъ, кажется, не быть вполне увѣренъ, кто остался побѣдителемъ въ спорѣ за человѣческую душу — сатана или Христосъ.

Конечно, это очень безнадежный выводъ и хуже онъ, пожалуй, любого скептицизма. Привело же Достоевскаго къ этому выводу сомнѣніе не въ правотѣ Бога, а въ достоинствѣ человѣка. И тому, кто въ силахъ воспринять свѣтлый законъ Христа, авторъ сулитъ уже на землѣ полное спокойствіе, когда онъ чистъ, какъ отецъ Зосима и Алеша Карамазовъ, или, по крайней мѣрѣ, умиротвореніе, когда онъ кающійся грѣшникъ, какъ Дмитрій.

„Война и миръ“, гр. Л. Толстого.

Добрались до самой кульминаціонной точки, какой достигла русская беллетристика, — до двухъ капитальныхъ произведеній Толстого. — Едва-ли въ цѣлой всемірной литературѣ найдется крупное созданіе человѣческаго генія, въ которомъ объемъ и содержаніе соотвѣтствовали бы другъ другу въ такой степени, какъ въ этихъ двухъ колоссальныхъ картинахъ русскаго общества. Самъ Толстой ни прежде, ни позднѣе не достигалъ этой полной гармоніи, свидѣтельствующей о томъ, что сюжетъ и его исполненіе, идея и ея конкретный образъ зародились въ душѣ художника одновременно и безраздѣльно. Въ „Войнѣ и мирѣ“ и въ „Аннѣ Карениной“ нѣтъ ни одного штриха, обличающаго, чтобы какая-нибудь фигура или положеніе были нанизаны на придуманную заранѣе тему или, наоборотъ, идея была пристегнута къ готовому уже образу. Заднихъ мыслей и, пожалуй, мыслей тенденціозныхъ у Толстого въ обоихъ этихъ романахъ очень много. Много ихъ особенно въ „Войнѣ и мирѣ“. Нетрудно, однако, убѣдиться, что это простой наростъ на колоссальномъ здоровомъ тѣлѣ, и наростъ этотъ, какъ мохъ на стволѣ, можно снять, не повредивъ коры. Если изъ „Войны и мира“, гдѣ субъективному философствованію отведено особенно широкое мѣсто, выкинуть всѣ постороннія разсужденія, всю теорію историческаго фатализма, романъ останется цѣль и невредимъ, и ни одна изъ его фигуръ не утратитъ своей яркой рельефности. Сами по себѣ эти разсужденія очень важны и интересны, какъ пособіе для характеристики міросозерцанія Толстого. Для оцѣнки его художественнаго творчества они безразличны. Графъ Левъ Николаевичъ представляетъ собою любопытный примѣръ совершеннаго разъединенія между дѣятельностью ума и работою фантазіи. Тамъ, гдѣ онъ творитъ безсознательно, переработывая въ себѣ внѣшніе образы, онъ однимъ, повидимому, легкимъ взмахомъ достигаетъ неподражаемаго совершенства. Какъ скоро онъ принимаетъ за анализъ и хочетъ данное явленіе разложить на со-

ставныя части, или, наоборотъ, когда онъ пытается среди жизненной пестроты уловить ея отвлеченный синтезъ, онъ путается въ опредѣленіяхъ, въ аналогіяхъ, даже въ логическихъ водахъ. Ясновидѣніе художника какъ бы мѣшаетъ дальности мыслителя. И въ этомъ — да проститъ мнѣ такое замѣчаніе гениальный авторъ „Войны и мира“ — сказывается у графа Толстого какъ бы женская черта, — склонность перепутывать логическое мышленіе съ непосредственнымъ чувствомъ, доводы разума съ впечатлѣніями сердца. И вотъ почему, тоже, какъ у женщинъ, противорѣчія, въ которыя онъ попадаетъ безпрестанно, не разрушаютъ цѣльности его художественной фигуры. Сами эти противорѣчія какъ бы становятся одной изъ ея основныхъ чертъ.

До „Войны и мира“, въ раннихъ произведеніяхъ Толстого, тенденціозность, задняя мысль, притомъ скажу откровенно, мысль довольно часто колебавшаяся, проникала собою все произведеніе, смѣшивалась съ его конкретнымъ содержаніемъ. Оттого-то здѣсь тенденція и не слишкомъ была въ глаза. Въ „Войнѣ и мирѣ“ выдѣленіе совершилось. Тенденціозная идея сама по себѣ, художественная картина — тоже. Первая выступаетъ въ своей голой, неприглядной искусственности, если можно такъ выразиться, но за то тѣмъ совершеннѣе вторая. Въ „Аннѣ Карениной“ отдѣлить одно отъ другого не такъ легко. Не легко по двумъ причинамъ. Тенденціозныя идеи здѣсь не собраны какъ бы въ отдѣльный пучекъ, а понемногу разлиты по цѣлому роману. Притомъ эти идеи довольно противорѣчиваго свойства. Видно, что умъ Толстого находился въ періодъ самой горячей внутренней борьбы, и несходныя теченія шли въ немъ параллельно.

„Война и миръ“ и „Анна Каренина“ стали теперь всемірнымъ достояніемъ, одинаково роднымъ всѣмъ образованнымъ людямъ. При своемъ же появленіи они не сразу завоевали себѣ живую популярность среди русскихъ читателей, и въ этомъ отношеніи имъ гораздо болѣе посчастливилось за границей. Особенно замѣтно это сказалось на „Аннѣ Карениной“, къ которой наша критика отнеслась на первыхъ порахъ далеко несимпатично. Въ числѣ теперешнихъ поклонниковъ Тол-

стого есть такіе, которые встрѣтили этотъ романъ почти съ насмѣшками. А если припомнить, что даже такой крупный умъ, какъ Тургеневъ, отзывался о „Войнѣ и мирѣ“ довольно пренебрежительно, придется сказать себѣ, что и крупнымъ и зауряднымъ русскимъ людямъ надо было сперва войти во вкусъ манеры Толстого, чтобы вполне оцѣнить его. А между тѣмъ Толстой обладалъ ужъ громкимъ литературнымъ именемъ, когда его историческій романъ сталъ появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Что же новаго было здѣсь въ манерѣ художника?

Возьмемъ для сравненія „Казаковъ“ — послѣднее изъ раннихъ произведеній Толстого. Рельефность образовъ, яркость рисунка, наконецъ, небрежливое отношеніе къ деталямъ быта, иной разъ намѣренно тривіальнымъ — всѣ эти отличительныя особенности „реализма“ Толстого въ „Казакахъ“ уже имѣются налицо. Но есть въ нихъ и нѣчто иное, нѣчто какъ бы завѣщанное болѣе раннимъ литературнымъ поколѣніемъ. Герой „Казаковъ“ — Оленинъ, по старинному рецепту, признанъ говорить отъ имени автора, хотя послѣдній съ нимъ часто не соглашается и даже разоблачаетъ его несостоятельность. Въ то же время весь сюжетъ повѣсти носитъ характеръ спорной темы, конфликта, не даннаго жизнью, а внесеннаго въ нее извнѣ. Все это приемы, до извѣстной степени, искусственные. Въ результатѣ оказывается, что очень много мѣста отведено резонерству героя и его внутреннему раздвоенію, что всѣ дѣйствующія лица какъ бы выведены для того лишь, чтобъ собою нѣчто доказать.

Всего этого въ „Войнѣ и мирѣ“ уже нѣтъ. Объектомъ творчества здѣсь является сама жизнь, какова она есть, или, вѣрнѣе, — каковой она отражается въ фантазіи автора. Подчеркиванія, искусственной группировки, преднамѣренныхъ сопоставленій здѣсь нѣтъ и слѣда. „Война и миръ“ ровно ничего не доказываетъ и не пытается доказать. Она только „показываетъ“, какова была Россія въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. И художникъ, не какъ фотографическій аппаратъ, конечно, а какъ живой, отзывчивый организмъ, воспроизводитъ ея жизнь, съ спокойнымъ, широкимъ сучувствіемъ. Говорю:

съ „широкимъ“, потому что онъ относится одинаково ко всѣмъ явленіямъ этой жизни, даже, — страшно сказать — къ крѣпостному праву. Это не сочувствіе сторонника опредѣленной партіи, желающаго въ прошломъ уловить дорогія ему современныя черты, а сочувствіе высшаго существа, съ одинаковымъ мягкосердіемъ смотрящаго и на высокія стремленія людей, и на ихъ мелкія ошибки. И въ то же время это не олимпійское равнодушіе Гете, которому дорогá одна отвлеченная красота мысли. Толстому дороги именно люди, притомъ родные, русскіе люди; но всѣ они дороги ему одинаково, каковы бы ни были они, — высокіе или низкіе, прекрасные или уродливые. Ловкій царедворецъ, князь Василій Курагинъ, съ своей распустной дочерью Элень, и жесткій эгоизмъ, пройдоха Долоховъ ничуть не вызываютъ негодованія Толстого. Онъ видитъ въ нихъ лишь продукты среды, интересные для наблюдателя, — и только. Но говоритъ въ немъ здѣсь не безсердечіе французскаго натуралиста, смотрящаго на человѣка, какъ на матеріаль для изслѣдованія, а какое то снисходительное признаніе человѣческой слабости и ничтожества самой быстротечной жизни. Эта черта какъ будто сближаетъ Толстого съ Достоевскимъ. Для полнаго сходства недостаетъ только того страстнаго заступничества за виновныхъ, какое постоянно звучитъ у автора „Преступленія и наказанія“. Толстой не волнуется никогда, потому что самая вина, и страданіе тоже, ему кажутся тѣмъ-то безконечно мелкимъ, — мелкимъ до того, что и страданіе, и вина перестаютъ для него будто существовать вовсе. Можно, пожалуй, допустить, что въ этой безмятежной жалости есть какъ бы отзвукъ древней классической драмы, что-то похожее на спокойный трагизмъ Софокла, видящаго въ злодѣянιάхъ и въ скорбяхъ своихъ героевъ лишь неумолимую волю боговъ. Въ этихъ боговъ, конечно, Толстой не вѣритъ, и едва-ли даже ихъ мѣсто въ его душѣ замѣнилъ единый Богъ христіанства. Но вѣяніе безымяннаго рока все-таки какъ бы носится надъ судьбой его дѣйствующихъ лицъ и придаетъ ихъ поступкамъ какую-то безотвѣтственность.

И все это нисколько не мѣшаетъ Толстому въ „Войнѣ и мирѣ“ являться писателемъ въ высшей степени тенденціознымъ

конечно, только не въ томъ смыслѣ, какой этому слову придавали шестидесятники. Тенденція здѣсь не политическаго, а чисто философскаго свойства. Но, какъ я уже сказалъ, ей отведено въ романѣ особое мѣсто, точно авторъ „Войны и мира“ счелъ нужнымъ комментировать свое произведеніе и тѣмъ самымъ дать ключъ къ пониманію великой эпопеи революціи и наполеоновскихъ войнъ. Можно откинуть его толкованіе, не согласиться съ его теоріей безличности историческихъ событій, и романъ все-таки останется во всемъ своемъ монументальномъ величіи, какъ яркое изображеніе цѣлой эпохи.

Мнѣ могутъ, конечно, сказать: философско-историческое ученіе Толстого — ничто иное, какъ примѣненіе къ массовымъ событіямъ его же взгляда на судьбу отдѣльныхъ людей. Надъ тѣмъ и другимъ, по его понятіямъ, одинаково тяготеетъ анонимный рокъ, далеко не похожій на христіанское Провидѣніе, но все-таки менѣе слѣпой и бездушный, чѣмъ прославляемая матеріалистами премудрая и всезнающая природа. Это, конечно, такъ, и я выше уже имѣлъ случай указать на эту основную черту міросозерцанія графа Льва Николаевича.

Толстой видитъ одну комичную безпомощность во всемъ, что говорятъ такъ называемые великіе люди, мнящіе себя руководителями исторіи. Во всемъ, что дѣлаетъ Наполеонъ и въ Тильзитѣ и, позднѣе, на Бородинскомъ полѣ сраженія и во время занятія имъ Москвы, авторъ „Войны и мира“ видитъ одинъ рядъ либо совершенно безсвязныхъ и не идущихъ къ дѣлу, либо тщеславныхъ, бьющихъ на эффектъ и потому тоже очень мелкихъ поступковъ. И когда, для контраста съ вѣчно суесящимся гениальнымъ французскимъ полководцемъ, Толстой выводитъ передъ нами неповоротливаго скептика Кутузова, накануне Бородина занятаго чтеніемъ какого-то романа, мысль художника бьетъ въ глаза своей яркостью. Мудрымъ, по его мнѣнію, оказывается тотъ, кто не вѣритъ въ себя и событіямъ даетъ совершаться помимо своего участія. На самомъ дѣлѣ, какъ думаетъ авторъ, мнимые руководители исторіи — только жалкіе фигуранты, дѣлающіе видъ, что двигаютъ нитью событій. Единственнымъ творцомъ этихъ событій является толпа неудержимо, хоть и безсознательно, передѣлывающая по свое-

му измышленія своихъ вождей. А надъ нею, въ смутномъ туманѣ, чувствуется какая-то невидимая, непонятная, но всемогущая рука, и ей одной эта толпа повинуетъ. Но опять-таки даже въ этомъ такъ ярко подчеркнутомъ контрастѣ я не могу подмѣтить искаженія, поддѣлки исторической картины въ угоду предвзятой теоріи. Толстому разъ навсегда люди кажутся паяцами, выдѣлывающими только для виду разные жесты, между тѣмъ какъ ихъ держать за проволоку рука фокусника. Такими ему представляются и частная жизнь и жизнь историческая. Вѣрно или невѣрно подобное міросозерцаніе — это другой вопросъ. Но такими „кажутся“ Толстому люди на самомъ дѣлѣ, и онъ добросовѣстно передаетъ намъ ихъ образы, какъ они отражаются въ его фантазій. И какъ разъ потому, что мысль о безотвѣтственности человѣка окончательно овладѣла его умомъ, въ „Войнѣ и мирѣ“ онъ и достигъ полной объективности. Негодовать на людей, указывать, предписывать имъ что-либо очевидно нельзя, коль скоро они являются лишь автоматами. Остается одно — воспроизвести, разложить на мельчайшія составныя части совершающійся внутри этихъ людей психическій процессъ. Вѣдь изъ того, что на самомъ дѣлѣ вмѣсто живой души у нихъ оказывается только сложный механизмъ, работа этого механизма не перестаетъ быть интересною. Разновидности инстинктовъ и стремленій, какіе вложены въ натуру животного, именуемаго человѣкомъ, могутъ складываться въ очень своеобразныя сочетанія. И никто не сравнялся съ Толстымъ въ умѣнии изслѣдовать и воспроизводить эти сочетанія. Строго говоря, къ огромной картинѣ „Войны и мира“ Толстой примѣнилъ ту же детальную работу, которая дала такіе поразительно яркіе, блестящіе результаты въ маленькомъ этюдѣ, посвященномъ дѣтству и отрочеству Николинки Иртенева. Оригинальность колоссальнаго романа и заключается въ этомъ перенесеніи миниатюрной отдѣлки на полотно огромныхъ размѣровъ. И этого, повидимому, не поняла сразу русская публика. Она привыкла къ широкимъ, крупнымъ мазкамъ кисти Гончарова, къ ударамъ ланцета, которымъ въ самой глубинѣ души копаются Достоевскій, къ нѣжнымъ штрихамъ Тургенева, скорѣй подсказывающимъ, чѣмъ дорисовывающимъ

образъ. Кропотливое аналитическое письмо въ большой исторической картинѣ было для нея чѣмъ-то совершенно новымъ.

И эта новизна какъ разъ и составляетъ оригинальность приѣма Толстого. Умѣніемъ вызывать цѣльный образъ передъ читателемъ, путемъ накопленія мелкихъ штриховъ — въ такой мѣрѣ не обладалъ до него ни одинъ художникъ. И можно только изумляться, какъ вопреки законамъ перспективы, такой детальной рисовкѣ удается создавать впечатлѣніе быющей ключемъ жизни цѣлой страны, да еще въ великій историческій моментъ.

Но примѣненіе микроскопическаго анализа и къ міровымъ событіямъ, и къ психологіи отдѣльнаго человѣка имѣетъ и свою опасную сторону. Конечно, микроскопъ позволяетъ глубже проникать въ тайники совершающагося процесса, но онъ за то мѣшаетъ обнять явленіе въ цѣлой совокупности. Дробя его, мы рискуемъ не подмѣтить его основной черты, убить въ немъ, такъ сказать, жизненный нервъ. Несомнѣнно, что любое крупное, массовое событіе на самомъ дѣлѣ разлагается на милліоны ничтожныхъ, даже пошлыхъ деталей. И когда намъ представляютъ картину какого-нибудь сраженія, въ которомъ мы сыздѣтства пріучились видѣть исполненіе геніальнаго плана десятками тысячъ самоотверженныхъ героевъ, когда такое сраженіе намъ рисуютъ какъ совокупность безчисленныхъ, единичныхъ и, притомъ, зачастую нелѣпыхъ поступковъ, мы невольно поражены неожиданностью. Въ душѣ каждого изъ насъ на подобное толкованіе готова сочувственно откликнуться та затаенная наклонность къ ироніи, къ завистливому опошленію всего великаго, какая живетъ въ душѣ каждого зауряднаго человѣка. То же повторяется и съ великодушными поступками отдѣльныхъ людей, когда ихъ вывертываютъ на изнанку, отыскивая въ нихъ рядъ мелкихъ, себялюбивыхъ, даже презрѣнныхъ мотивовъ. Такое извращеніе ходячихъ понятій и традиціоннаго поклоненія великому всегда можетъ разсчитывать на успѣхъ. Но, увы, — низкая сторона человѣческаго сердца, какую заставляетъ звучать этотъ приѣмъ, не представляетъ изъ себя чего-либо новаго, неизвѣданнаго до Толстого. Стоитъ припомнить Иліаду и Терсита, чтобы сказать себѣ, какъ старо

глумленіе надъ крупными проявленіями человѣческой души и надъ историческими движеніями массъ, вызванными безкорыстнымъ энтузіазмомъ. Велика заслуга Толстого, когда онъ съ поразительнымъ ясновидѣніемъ допытывается до сокровенныхъ мотивовъ изображаемыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ. Ни одинъ писатель до него не обладалъ такимъ совершеннымъ и тонкимъ аппаратомъ для изслѣдованія психики — это безспорно. И смутныя, иногда безсознательныя ощущенія людей всякаго возраста и положенія ему одинаково доступны. Отъ причудливаго кокетства двѣнадцатилѣтней дѣвочки, въ сердцѣ которой чуть брезжетъ проснувшаяся чувственность, до сложныхъ и глубокихъ колебаній угасающей жизни въ утонченной натурѣ князя Андрея, отъ грубой, первобытной наивности Платона Каратаева до рѣзкихъ внутреннихъ переворотовъ въ мистическомъ, хоть и невѣрующемъ умѣ Пьера Безухова, отъ ребяческаго военного энтузіазма шестнадцатилѣтняго Пети Ростова до замороженнаго жизненнымъ опытомъ старика Кутузова, — всѣ оттѣнки, всѣ стадіи психическаго настроенія открыты пониманію Толстого и передаются имъ одинаково рельефно.

Но изъ этого не слѣдуетъ еще, будто психическаго единства нѣтъ вовсе и психологическіе атомы не складываются въ цѣлостную духовную силу, какъ не складываются въ организованное войско толпы единичныхъ солдатъ. Не слѣдуетъ также, что не существуетъ сознательнаго великодушія, сознательнаго благородства и возможны самоотверженная любовь и беззавѣтное мужество только для простаго, не разсуждающаго сердца пылкаго юноши или грубаго простолюдина. Неправда, что княжна Марія Болконская, молясь передъ трупомъ любимаго отца, могла ощущать только физическій ужасъ; неправда, что умный Кутузовъ, только что передъ тѣмъ совершившій за Дунаемъ блестящій маневръ и, нѣсколько дней послѣ Бородина, такъ удачно исполнившій геніальный обходъ позиціи Наполеона, — чтобъ этотъ самый Кутузовъ могъ отрицать значеніе полководца для арміи. Знакомые ему примѣры Макка и Вейротера могли его достаточно убѣдить въ противномъ. И не совсѣмъ удобно было примѣнять эту своеобразную философію исторіи какъ разъ къ наполеоновскимъ походамъ.

Какъ объяснить въ самомъ дѣлѣ, помимо военнаго генія, пятнадцатилѣтніе постоянные успѣхи, между тѣмъ какъ лишенное своего полководца то же самое французское войско постоянно давало себя бить Веллингтону? И вѣдь тотъ же Наполеонъ, какъ скоро имъ завладѣло слѣпое желаніе сперва покорить цѣлую Европу, а потомъ вернуть все потерянное, сталъ терпѣть неудачу за неудачей, потому что, подобно древнимъ титанамъ, онъ свою колоссальную силу сталъ направлять къ недостижимой цѣли. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, военный геній, какъ не умѣніе вѣрно оцѣнить и себя и противника и сразу открыть путь, ведущій къ побѣдѣ, — другими словами, умѣніе располагать средствами, какія въ данную минуту находятся въ рукахъ?

Итакъ, если Толстой обнаружилъ поразительную геніальность въ пониманіи затаенныхъ и мелочныхъ движеній чело-вѣческой души, онъ обнаружилъ столь же поразительную слѣпоту въ отрицаніи связи между поступками чело-вѣка и его жизнью, между психическими мотивами съ одной стороны и фактами исторіи съ другой. Отрицать эту связь — значило, въ сущности, разрывать нить, соединяющую послѣдствія съ причиной.

И вопреки ему самому, этотъ великій отрицатель субъективной воли, какъ оно всегда и бываетъ съ геніями, создалъ цѣлый рядъ примѣровъ, вопіющихъ противъ его теоріи. Стоитъ взглянуть въ судьбу его героевъ, и нельзя не замѣтить полного логическаго соотвѣтствія между ихъ характеромъ и тѣмъ, какъ складывается ихъ жизнь. Въ „Войнѣ и мирѣ“ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ можно раздѣлить на двѣ группы, — на тѣхъ, которые активно воздѣйствуютъ на свою и на чужую жизнь, всегда подчиняясь извѣстному основному побужденію, и на тѣхъ, которые безвольно отдають себя теченію. Къ первымъ относятся, кромѣ двухъ воюющихъ императоровъ, прежде всего князь Андрей Болконскій и его старикъ-отецъ, Долоховъ, вся семья Курагиныхъ и героиня романа, Наташа Ростова. Ко вторымъ, — Пьеръ Безуховъ, графъ Ростовъ-отецъ, княжна Марія и Платонъ Каратаевъ. Къ нимъ же, насилую исторію, Толстой попытался присоединить и Кутузова. Нечего

и говорить, что всѣ симпатіи автора на ихъ сторонѣ. На пути между ними стоитъ храбрый, стремительный, пылкій Николай Ростовъ, не дающій себѣ только труда заранѣе намѣтить планъ жизни и быстро увлекаемый впечатлѣніями минуты. Присоединимъ его, пожалуй, тоже ко второй группѣ. Нельзя не замѣтить поразительной разницы въ отношеніи автора къ тѣмъ и другимъ. Какъ распорядитель судьбы своихъ героевъ, Толстой будто караетъ первыхъ за ихъ попытку къ самостоятельности, расточая всѣ свои милости вторымъ. Оставляя опять въ сторонѣ историческихъ лицъ, надъ судьбою которыхъ онъ не былъ воленъ, мы видимъ, что неудача преслѣдуетъ какъ разъ тѣхъ изъ героевъ „Войны и мира“, которыхъ наиболѣе щедро надѣлила природа, одаривъ ихъ въ особенности энергической волей. Единственное исключеніе составляетъ Долоховъ, проходящій черезъ весь романъ, какъ олицетвореніе необузданной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся смѣлости. Долохова казнить не судьба, а только нѣмой приговоръ автора. Какъ лицо второстепенное, онъ могъ, впрочемъ, изобразить собою торжествующее зло, не нарушая этимъ общаго міросозерцанія художника. Натуры, окончательно замкнувшіяся въ эгоизмъ и безъ колебаній отдавшіяся культу успѣха, большей частью и проходятъ черезъ земную жизнь безъ особыхъ невзгодъ. Не такова участь тѣхъ людей, въ которыхъ мягкіе инстинкты гуманности не подавлены себялюбіемъ, — натуры, виновныя тѣмъ лишь, что гордо пытаются въ жизни достигнуть намѣченной цѣли, ставя себя выше окружающей среды. Князь Андрей не эгоистъ, подобно Долохову, или, по крайней мѣрѣ, его эгоизмъ утонченнаго свойства. Одинъ матеріальный успѣхъ князя Андрея не удовлетворяетъ. Онъ носится съ мыслями о служеніи родинѣ и мечтаетъ стать однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и полезныхъ ея слугъ. Бѣда лишь въ томъ, — бѣда, конечно, по мнѣнію Толстого, что блестящій князь не только не олицетворяетъ въ себѣ народныхъ идеаловъ, а въ своемъ презрѣніи къ толпѣ, повинувшись лишь измышленіямъ гордаго ума, думаетъ принести родинѣ пользу. Его широкая душа открыта любви къ людямъ, но служа имъ, онъ хочетъ ихъ вести за собою. И первое мѣсто въ его во-

ображеніи всегда занимають не они, а самъ онъ, князь Андрей, избранникъ судьбы, призванный осуществить великую идею вѣка. И вотъ вмѣсто лавроваго вѣнка, вмѣсто ожидаемой власти, его сторожить смерть. И является она почти желанной гостьей, потому что даже въ своей частной жизни князь Андрей не нашелъ себѣ самаго зауряднаго семейнаго счастья. Невѣста, которую онъ полюбилъ, какъ ему казалось, самую искреннюю и полную любовью, грубо его обманула. И князь Андрей смутно чувствуетъ, что это заслуженный обманъ, что въ сущности, его сухая любовь, на половину сотканная изъ чувственности, не могла удовлетворить свѣжее сердце дѣвушки, что ея молодой натурѣ было холодно въ обществѣ преждевременно состарѣвшагося честолюбца.

Наташа Ростова, въ свою очередь, должна нести наказаніе за порывы къ независимости. Она не заражена гордостью князя Андрея и не помышляетъ подняться выше своихъ близкихъ. При всей своей поэтической граціи, Наташа даже заурядная натура. Но избалованная съ ранняго дѣтства, она совсѣмъ чужда понятія о нравственномъ долгѣ, и духъ непокорства владѣетъ ея пылкимъ, причудливымъ сердцемъ. Съ раннихъ поръ грезы о блестящемъ, выходящемъ изъ ряду героѣ овладѣли ея воображеніемъ. А когда этотъ герой явился въ лицѣ Андрея Болконскаго, и Наташа смутно поняла, что стать его женой—значить утратить самостоятельность, дѣвушка такъ же быстро отвернулася отъ жениха, какъ отдала ему прежде свою любовь. Но увлеченіе грубой красотой Анатолія Курагина также мало принесло ей счастья, какъ и быстро потухшая страсть къ Андрею. И въ концѣ концовъ ей пришлось удовольствоваться незавидною участью жены Пьера Безухова, народить ему дѣтей, стать, по выраженію автора, „удовлетворенной самкой“. Толстой намѣренно сорвалъ поэтическій вѣнокъ съ своей героини, какъ бы покаравъ ее за попытку выйти изъ колеи обыденнаго счастья. И многимъ читателямъ, вѣроятно, казалось, что это опошленіе Наташи испортило для нихъ ея чарующій образъ. Большинства женщинъ, конечно, въ зрѣлые годы касается немилосердная рука жизненной прозы, но особой необходимости это непосредственно показывать

читателю, въ угоду реализму, не было для автора „Войны и мира“. Не зачѣмъ было въ особенности представлять Наташу довольно своей незавидной судьбой преждевременной деревенской матроны.

Въ глазахъ Толстого, впрочемъ, заурядное, невзыскательное счастье имѣеть, быть можетъ, извѣстную прелесть. Такимъ счастьемъ наградили онъ и другое лицо романа, Наташинаго брата Николая, женивъ его на далеко не красивой и не молодой уже княжнѣ Маріи. Перу Толстого удалось, конечно, скрасить что было непривлекательнаго въ женитьбѣ Николая, основанной, въ сущности, на расчетѣ. Но внимательный читатель все-таки чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко при мысли, каковъ идеалъ счастья геніальнаго художника, если только въ судьбѣ Николая не скрывается затаенной ироніи.

Итакъ, вотъ какова дилемма: натурамъ сильнымъ и самонадѣяннымъ — разочарованіе, горе, даже смерть; натурамъ мягкимъ, нѣсколько вялымъ, напротивъ, — всякое благополучіе, точно волна успѣха ихъ носить на себѣ. Стоитъ же всмотрѣться попристальнѣе, и картина представится нѣсколько иной. Не всякій позавидуетъ тому счастью, какое выпадаетъ на долю излюбленнымъ героямъ Толстого, въ особенности Пьеру Безухову. Съ широкимъ образованіемъ и огромнымъ богатствомъ, онъ рѣшительно не знаетъ, что съ собою дѣлать, и польза, какую онъ приноситъ родинѣ, очень сомнительнаго свойства. Въ какомъ-то полуснѣ онъ проходитъ черезъ весь романъ, какъ послушная жертва любого захватившаго его теченія. Пьера женятъ противъ воли на бездушнѣй и безнравственной дѣвушкѣ, которой онъ не любитъ. Пассивно онъ дѣлается и женихомъ и обманутымъ мужемъ, не пытаясь даже отстаивать свое достоинство. И во время дуэли съ Долоховымъ онъ остается безучастнымъ, точно его подтолкнула дратья чья-то посторонняя рука. Своими имѣніями онъ управлять не въ силахъ, и крѣпостные бурмистры его такъ же водятъ за носъ, какъ люди его круга. Вольнодумецъ французской школы, онъ подпадаетъ, незамѣтно для себя, подъ вліяніе масоновъ и становится мистикомъ. Апатичное безучастіе не покидаетъ его даже въ страшную годину отечественной войны. Онъ

слоняется по Бородинскому полю, какъ незванный гость, невзначай попавшій въ чужой домъ. И охваченный какой-то галлюцинаціей, онъ также безцѣльно слоняется по горячей Москвѣ и самымъ нелѣпымъ образомъ попадаетъ къ французамъ въ плѣнъ. Подозрѣваемый въ поджогѣ, онъ едва уходитъ изъ-подъ французскихъ пулъ и вмѣстѣ съ своимъ новымъ другомъ Каратаевымъ идетъ по грязнымъ дорогамъ вслѣдъ за отступающей арміей Наполеона. Толстой увѣряетъ насъ, что никогда Пьеръ не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ эти дни, потому что всякая воля надъ собою у него окончательно отнята. Воли у него, дѣйствительно, нѣтъ никакой, нѣтъ съ первой страницы романа до послѣдней, и вся его полубезсознательная жизнь — ничто иное, какъ неизбежное послѣдствіе этого отсутствія инициативы. Толстому угодно выдавать за идеаль такое низведеніе свободного человека до уровня растенія или моллюска, и это отрѣшеніе отъ себя гениальный художникъ выдаетъ за полное счастье. Смѣло думать, что всякій, въ комъ течетъ не рыба кровь, такимъ идеаломъ не воодушевится.

Такое же соотвѣтствіе между судьбою и основными чертами характера замѣчается и у князя Андрея. Всѣ его неудачи и, въ особенности, тотъ червь разочарованной тоски, отъ котораго онъ не можетъ освободиться, — вовсе не плоды излишней самонадѣянной энергіи, а совсѣмъ напротивъ. У князя Андрея порывы сильны и планы широки, но выполненіе не соотвѣтствуетъ задачамъ. Въ сущности у него много сходства, съ тургеневскими „лишними людьми“. И онъ зараженъ, какъ они, преобладаніемъ ума надъ волей, медленнымъ ядомъ анализа, не дающимъ сложиться въ душѣ никакому сильному, непосредственному чувству, отравляющимъ горечью равнодушія каждое наслажденіе. И когда, раненый на смерть, онъ полубезсознательно доживаетъ послѣдніе часы, безучастный даже къ ласкамъ Наташи, князь Андрей въ ясныя минуты поминаетъ это прекрасно. Безъ сожалѣнія онъ расстаётся съ жизнью, понимая, что она не въ силахъ дать ему никакихъ радостей. И неудачникомъ онъ является не потому, что слишкомъ дерзки его требованія, а потому, что онъ быть счастливымъ не умѣ-

еть, что удача не по плечу скептическому изяществу его въ сущности холодной души.

Переходя отъ частной жизни героевъ Толстого къ его исторической картинѣ, и здѣсь нельзя не сдѣлать поправки къ предлагаемому имъ толкованію. Кутузовъ побѣдилъ не потому, что смиренно отдавалъ себя и свою армію на волю обстоятельствъ. Вѣрно оцѣнивая и себя и свое войско, онъ не хотѣлъ, ради блеска выигранной битвы, ставить на карту вѣрный успѣхъ, когда у него были такіе союзники, какъ голодъ и морозъ. Здѣсь былъ расчетъ, а не пассивная бездѣятельность, расчетъ тонкій и вѣрный, хоть, можетъ быть, и не геройскій. И если кампанія не закончилась громовымъ ударомъ, если подъ Березиною Наполеонъ не былъ взятъ, то причиной здѣсь былъ не рокъ, не безсознательное дѣйствіе какихъ то смутныхъ историческихъ силъ, а вполне сознательные мотивы — лукавая медлительность Кутузова, не захотѣвшаго раздѣлить побѣду съ двумя другими главнокомандующими, излишній пылъ Чичагова и завистливая уклончивость Витгенштейна. Результаты и здѣсь оказались въ полномъ согласіи съ дѣйствіями людей и съ ихъ затаенными расчетами.

„Анна Каренина“ гр. Л. Толстого.

Въ „Аннѣ Карениной“ не такъ отчетливо и ярко, какъ въ „Войнѣ и мирѣ“, проведенъ контрастъ между двумя противоположными началами, — гордымъ индивидуализмомъ и смиреннымъ подчиненіемъ высшей силѣ, конкретной представительницей которой является народная масса. Въ „Войнѣ и мирѣ“ этотъ контрастъ выраженъ и въ лицѣ двухъ главныхъ героевъ, князя Андрея и Пьера Безухова, и въ противоположеніи мирнаго русскаго народа завоевательному духу Запада. Въ „Аннѣ Карениной“, гдѣ дѣйствіе съ широкой исторической сцены спускается въ область обыденной жизни, та же идея про-

ведена болѣе мягко, и внутренняя борьба происходитъ уже не между враждебными полчищами, даже не между отдѣльными лицами, а, если такъ можно выразиться, внутри самыхъ этихъ лицъ, въ ихъ индивидуальной душѣ. Первоначальное названіе, которое Толстой хотѣлъ дать своему роману, могло бы навести на мысль, что авторъ думалъ противопоставить патріархальную Москву придворно-чиновному Петербургу. Но если поближе всмотрѣться въ картину жизни обѣихъ столицъ, нельзя не признать, что обѣ онѣ въ одинаковой мѣрѣ, если не въ тѣхъ же формахъ, представляютъ собою зрѣлище суетнаго и лживаго тщеславія, какъ бы привитаго къ здоровой жизни простого народа. Можно бы было, пожалуй, искать олицетворенія коренной мысли Толстого въ контрастѣ между столицей и деревней. Но и въ провинціи, какъ нарисована она въ „Аннѣ Карениной“, оказывается немало элементовъ суеты и самомнѣнія. Мѣстные дѣятели, главнымъ представителемъ которыхъ служить Свѣягинъ, вращаются въ такомъ же кругу мнимыхъ и ложныхъ интересовъ, какъ петербургскіе карьеристы съ одной стороны и московскіе ученые съ другой. Всѣ они въ одинаковой мѣрѣ преисполнены ложной вѣры въ самихъ себя, въ плодотворность своихъ начинаній, въ силу индивидуальнаго разума. Всѣ они забываютъ, что правда, — конечно, по мнѣнію графа Толстого, — не дана отдѣльному человѣку, что вмѣщается она лишь въ безсознательномъ народномъ духѣ и что воспринять ее можно не гордымъ умомъ, а лишь чутьемъ сердца. Даже любимый герой автора, Константинъ Левинъ, этой прямой наслѣдникъ Пьера Безухова, не успѣваетъ до самой послѣдней страницы романа вполне очиститься отъ навѣянныхъ извнѣ тлетворныхъ идей. Левинъ по духу близокъ народу и дорогъ автору. Онъ ѣдко, хоть и добродушно, высмѣиваетъ городскую суетолоку, со всѣми ея мишурными интересами. Онъ не только не пытается по своему передѣлать жизнь, накладывая на бытъ деревни дерзновенную печать своей европейской образованности, — онъ, напротивъ, силится въ самого себя впитать первобытный народный духъ, сблизиться съ простолюдиномъ, пріобщая себя къ его грубой работѣ. Въ его лицѣ Толстой преподаетъ намъ первый урокъ оздоровленія

путемъ физическаго труда. Левинъ, подобно своему творцу, не только не вѣритъ въ послѣднее слово науки, — онъ отрицаетъ самую плодотворность общественной дѣятельности, увѣряя, что человѣкъ тамъ только можетъ трудиться, гдѣ онъ заинтересованъ лично. И тѣмъ не менѣе, эта проповѣдь эгоизма мирится у него оригинальнымъ образомъ съ проходящими иной разъ черезъ его голову мечтами социалистическаго свойства. Въ знаменитой сценѣ охоты онъ на ночлегѣ вступаетъ въ споръ съ Облонскимъ и Весловскимъ, вдругъ охваченный сознаніемъ незаконности пользованія чужимъ трудомъ, противостественности самаго понятія и вознагражденія за работу. Словомъ, Левинъ вмѣщаетъ въ себѣ, какъ бы въ зародышѣ, то міросозерцаніе, которое впослѣдствіи Толстой развилъ въ своихъ философскихъ произведеніяхъ. Вдобавокъ, отсутствіе инициативы доведено въ Левинѣ до того, что онъ лишенъ всякой способности примѣниться къ условіямъ реальной жизни. Такъ, въ день своей свадьбы онъ опаздываетъ въ церковь, заставляя себя ждать слишкомъ цѣлый часъ, на дворянскихъ выборахъ онъ не знаетъ, какому кандидату положить направо, и спрашиваетъ объ этомъ громко. Когда въ деревнѣ къ нему пріѣзжаетъ Весловскій, онъ ревнуетъ къ нему жену оттого лишь, что та любезно принимаетъ гостя, и, не давая себѣ труда скрыть нелѣпую ревность, грубо выпроваживаетъ Весловскаго изъ дома. И, тѣмъ не менѣе, этотъ первобытный, сырой человѣкъ не вполне свободенъ отъ вѣяній цивилизаціи. Она заразила его невѣріемъ, почерпнутымъ изъ тѣхъ же научно-философскихъ доктринъ, къ которымъ онъ относится такъ презрительно. При всемъ своемъ неуваженіи къ учености, онъ поддается иной разъ искушенію и свое и крестьянское хозяйство обновить на европейскій ладъ. Свое оригинальное міросозерцаніе, сотканное изъ противорѣчій, Левинъ силится привести въ стройную систему, изложить его на бумагѣ, то есть опять-таки подчинить строгимъ рамкамъ опредѣленной доктрины. Разумѣется, книгу ему дописать не удастся, какъ не удастся ему въ любомъ спорѣ договориться до опредѣленнаго вывода, ясно формулировать свои взгляды. Онъ только чувствуетъ инстинктомъ коренную ошибочность всѣхъ теоре-

тических построений, основанных на логикѣ, не будучи въ состояніи указать, въ чемъ ошибка.

Левинъ же все-таки пытается отыскать другую, тоже рациональную точку опоры для своихъ взглядовъ. И тогда только онъ постигаетъ, что такой опоры человѣкъ себѣ найти не можетъ, когда, въ самомъ концѣ романа, онъ подслушиваетъ мужика, безхитростно выражающаго безусловную покорность Богу. Тутъ ему открывается, наконецъ, истинный смыслъ жизни, а для насъ, читателей, и смыслъ романа, противопоставляющаго искусственной, суетной жизни высшихъ классовъ простыя вѣрованія народа, его смиренную покорность власти надъ нимъ природы и быта. Позволительно, однако, замѣтить, что полученное Левинымъ впечатлѣніе черезчуръ мелко и случайно, чтобъ уравнивать всю нарисованную авторомъ огромную картину русскаго общества и дать ключъ къ ея пониманію. То, что услышалъ Левинъ въ этотъ радостный для него день, онъ могъ услышать тысячу разъ отъ любого мужика. И странно, что раньше онъ не находился подъ впечатлѣніемъ подобныхъ рѣчей. Откровеніе, котораго онъ искалъ такъ долго, было у него подъ рукой. Отчего же онъ не прозрѣвалъ до сихъ поръ, если прозрѣлъ въ этотъ день? Внутренняго переворота въ немъ самомъ вѣдь не происходило. И въ сущности тотъ Богъ, въ котораго внезапно увѣровалъ Левинъ, не христіанскій Богъ, требующій отъ человѣка, конечно, покорности, но требующій въ то же время и собственнаго почина. Это увы, Богъ Нирваны и буддизма. Кто знаетъ, — можетъ быть, исходъ, котораго такъ болѣзненно доискивался Левинъ, и самому его творцу мерещился лишь въ полутьмѣ неясныхъ догадокъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что самъ Толстой послѣ своего перерожденія не вышелъ на торный путь простыхъ народныхъ вѣрованій и во имя своихъ личныхъ, субъективныхъ выводовъ отвернулся отъ народнаго православія такъ же рѣшительно, какъ отъ его нѣсколько искаженной европейской формы, — отъ православія культурныхъ классовъ. Стало быть, откровеніе, на мигъ озарившее колеблющійся умъ Левина, все-таки не было окончательнымъ.

Если приходится такимъ образомъ идѣ романа дать нѣ-

сколько иное освѣщеніе, чѣмъ хотѣлъ это сдѣлать самъ авторъ, передвинуть, такъ сказать, фокусъ лучей, въ которомъ Толстой собралъ особенно ярко свои единичныя мысли, нельзя все-таки не признать, что въ „Аннѣ Карениной” необыкновенно глубоко схвачена основная тема его творчества, — контрастъ между суетной мишурной жизнью города и безыскусственной правдой жизни, не оторванной отъ природы. Тема эта не принадлежитъ одному Толстому. Какъ неизмѣнная нота, она болѣе или менѣе искренно, болѣе или менѣе сильно, звучитъ у каждаго изъ нашихъ великихъ писателей. Она слышится уже въ „Евгеніи Онѣгинѣ”, этомъ прародителѣ русскаго романа, она носилась въ фантазіи Лермонтова, скорѣе, правда, какъ поводъ къ риторическимъ возгласамъ, чѣмъ какъ задушевное выраженіе сердечной скорби. Принимались за нее не разъ Тургеневъ и Гончаровъ, хотя, быть можетъ, не съ полною искренностью, скорѣе отдавая дань обязательному культу деревни, чѣмъ дѣйствительно проникнутые любовью къ простотѣ ея склада. Для Достоевскаго, совсѣмъ не знавшаго деревни, эта нота раздавалась, какъ болѣзненный укоръ всей накопившейся въ человѣческой душѣ искаженности понятій и вкусовъ. Но съ настоящей, можно сказать, съ органической полнотой тема эта была разработана однимъ Толстымъ. Она не отступно преслѣдовала его фантазію то смутными, то яркими образами, какъ результатъ не умственного анализа, а непосредственного, инстинктивного воспріятія. Толстой нигдѣ не даетъ формулы своего требованія правды, какъ дѣлали это на Западѣ такъ часто Руссо и Жоржъ-Зандъ. И всякій разъ, что въ послѣдствіи онъ пытался точно высказать, въ чемъ заключается ложь нашей культурной жизни, онъ оказывался вынужденнымъ дать одностороннее объясненіе, отождествляя ее то съ наукой, то съ язычествомъ, то, наконецъ, съ самымъ государственнымъ строемъ. За то, если Толстому искомый контрастъ не давался въ видѣ формулы, онъ понималъ его чутьемъ съ необыкновенной силой. И въ цѣлой всемірной литературѣ не отыщется произведенія, гдѣ бы конкретные образы выражали этотъ контрастъ съ такою яркостью, какъ въ „Аннѣ Карениной”.

Своеобразность конструкции этого романа заключается именно въ томъ, что контрастъ этотъ содержится въ душѣ каждого изъ дѣйствующихъ лицъ, — и у Вронскаго, и у Каренина, и у Николая Левина, и у самой Анны. Свободенъ отъ него одинъ только Облонскій, сибаритская натура котораго находится въ полномъ уравновѣшенномъ покоѣ. Облонскій въ „Аннѣ Карениной” занимаетъ почти такое же мѣсто, какъ Николай Ростовъ въ „Войнѣ и мирѣ”. Они сводятъ все къ возможности пріятно и неустойчиво проводить жизнь среди матеріальныхъ удовольствій. Знаменательно же, какъ измѣнился взглядъ автора. Николай Ростовъ пользуется его симпатіей. Въ искренней, грубоватой невзыскательности его вкусовъ Толстой видитъ тоже, какъ будто, выраженіе непосредственной правды, хотя правды невысокаго полета. Стива Облонскій, не смотря на цѣлый рядъ привлекательныхъ качествъ, — и въ этомъ сказалось огромное мастерство Толстого, тѣмъ не менѣе носить на себѣ печать отверженія. Его веселый, самодовольный оптимизмъ ничто иное, какъ признакъ окончательнаго, непоправимаго разрыва съ правдой. Это спокойствіе тѣхъ, отъ которыхъ отвернулась истина и которымъ тьма кажется свѣтомъ. И замѣчательно, что Толстой передаетъ читателю такое впечатлѣніе, нигдѣ не выражаясь отрицательно о Стивѣ, который не перестаетъ быть милымъ и забавнымъ. Это внутреннее созвучіе между художникомъ и читателемъ, — созвучіе, не требующее опредѣленныхъ словъ для своего выраженія, — и есть та высшая ступень творчества, до которой можетъ доходить писатель. Толстой не прибѣгаетъ здѣсь ни къ подчеркиваніямъ, ни даже къ простоту анализу, какъ дѣлаютъ это сплошь и рядомъ другіе великіе художники, въ томъ числѣ Тургеневъ и Достоевскій. Его фигуры прямо, непосредственно стоятъ передъ нашей фантазіей, не нуждаясь въ комментаріяхъ. Пластика слова достигаетъ здѣсь того совершенства, при которомъ получается нѣчто похожее на зрительное впечатлѣніе.

Совершенно то же можно повторить и о прочихъ лицахъ романа. Отдѣльныя черты не только ихъ характера, но и внѣшняго ихъ облика до того слились въ нѣчто цѣльное и

единое, что разсѣкать ихъ путемъ анализа, какъ дѣлала это постоянно критика даже съ фигурой Евгенія Онѣгина, нѣтъ никакой возможности. Нельзя даже сказать, умные-ли они или ограниченные люди, хорошіе или злые. Надо воспроизвести въ себѣ самомъ тотъ именно актъ, какой происходилъ у Толстого во время ихъ созданія, надо ихъ непосредственно воспринять, какъ рельефные, живые образы.

Вотъ почему, строго говоря, не зачѣмъ искать ключа къ героямъ „Анны Карениной“. Оцѣнивать ихъ, истолковывать, произносить надъ ними приговоръ — дѣло совершенно пустое. Тому, кто не видитъ ихъ передъ собой ясно, они не скажутъ своего секрета. Слѣдуетъ особенно замѣтить это по отношенію къ главной героинѣ: что за женщина Анна, изъ какихъ отдѣльныхъ качествъ слагается ея натура, — опредѣлить нельзя. Она вся — непосредственное очарованіе, непосредственная страсть, не отдающая никому отчета и непослѣдовательная въ своихъ проявленіяхъ. Большого о ней сказать нечего. Права она или нѣтъ — этотъ вопросъ даже и въ голову не приходитъ читателю, несмотря на эпиграфъ романа, какъ бы ее косвенно осуждающій. И мнѣ очень хотѣлось бы этотъ эпиграфъ понять не въ томъ смыслѣ, что Толстой произносить надъ нею приговоръ, а въ томъ, что и надъ вымышленными художественными созданіями, какъ скоро они дѣйствительно служатъ живыми образами настоящихъ людей, судъ принадлежитъ не намъ. Нашъ умъ и наша совѣсть не въ силахъ проникнуть въ ту сокровенную область, гдѣ создается нравственная отвѣтственность, и настоящая мѣра вины не въ предѣлахъ нашего пониманія.

Да и зачѣмъ непременно судить? Пусть Анна, съ своимъ грѣхомъ, съ своимъ обаятельнымъ легкомысліемъ, своей ужасною, нелѣпою смертью, остается для насъ загадкою, какъ любое человеческое существо, съ какимъ мы встрѣчаемся въ жизни. Она на вѣкъ останется живымъ изображеніемъ женскаго очарованія и женской слабости. Если въ двѣ рѣшительныя минуты своей жизни — когда она бѣжитъ отъ мужа за границу, вмѣсто того, чтобъ согласиться на предлагаемый разводъ, и когда, инстинктивно сознавая охлажденіе Вронскаго,

она выводитъ его изъ терпѣнія, дѣлая ему одну сцену за другой,—если въ эти двѣ рѣшительныя минуты Анна поступаетъ какъ разъ вопреки разсудку, она тѣмъ не менѣе воплощаетъ въ себѣ ту своеобразную, не поддающуюся логикѣ гармонію женской души, которую разстраиваетъ грубое прикосновение черствой мужской послѣдовательности. И какъ разъ въ этомъ образѣ Анны оставилъ за собой всѣ женскія фигуры, созданныя прочими художниками, за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ гетевской Маргариты.

Несравненно менѣе удался Толстому другая героиня, — жена Левина, Китти. И странное дѣло: ему, повидимому, не стоило никакихъ усилій нарисовать отдѣланную до совершенства фигуру Анны, а Китти, на описаніе которой онъ потратилъ много труда, въ которой онъ видитъ чуть не идеаль русскоѣ женщины, осталась блѣдною и незаконченною. Мы не ощущаемъ на себѣ ея обаянія, и въ воображеніи нашемъ она обрисовывается скорѣе отрицательными качествами — нѣкоторой заурядностью ума и характера, приравнивающей ее къ толпѣ самыхъ обыкновенныхъ женщинъ. Не слѣдуетъ забывать, конечно, что въ этомъ сляніи съ толпой, въ этой утратѣ личности Толстой силится найти драгоцѣнное свойство. Но здѣсь любимая идея оказала ему какъ разъ плохую услугу, исказивъ, вопреки его стараніямъ, юную прелесть его второй героини.

За то, что за рядъ безподобныхъ фигуръ представляютъ собою Каренинъ, Вронскій, Николай Левинъ! Съ какой отчетливостью, съ какимъ совершенствомъ сливаются въ типическій образъ ихъ отдѣльныя черты — бюрократическая сухость съ истиннымъ величіемъ смиренія въ обманутомъ мужѣ Анны, условная испорченность гвардейскаго франта съ неподдѣльнымъ великодушіемъ въ лицѣ Вронскаго, у котораго погоня за искусственнымъ блескомъ общественнаго положенія не затмила способности трезво и правдиво относиться къ себѣ; наконецъ, изломанный узкою доктриной ограниченный умъ Николая Левина, съ поразительно-мягкой простотой его неиспорченнаго сердца. Рѣдко можно встрѣтить въ литературномъ произведеніи такое гармоническое примиреніе исключających

другъ друга контрастовъ, такое ясновидѣніе въ отысканіи искупающихъ свойствъ у самыхъ антипатичныхъ натуръ. Душевный организмъ всѣхъ этихъ людей открытъ передъ нами съ полной ясностью, открытъ не путемъ кропотливаго анализа, а прямо, непосредственно, будто волна электрическаго свѣта проникаетъ во всѣ его сокровенные углы. Въ этомъ секретъ глубокаго, обаятельнаго дѣйствія Толстого на читателей всего образованнаго міра.

Сліяніе добра со зломъ въ одной и той же душѣ, какъ оправданіе для однихъ, какъ отрезвляющій урокъ для прочихъ ни у одного романиста, даже у Бальзака, не доведено до такого совершенства. И если Толстому иногда кажется, что чловѣкъ — безсознательный и потому безотвѣтственный рабъ своихъ инстинктовъ, то, вопреки своей теоріи, авторъ „Анны Карениной“ далъ намъ столько примѣровъ руководящаго воздѣйствія психическаго склада на жизнь, что теорію можно спокойно отбросить, наслаждаясь гармонической полнотою изображенія.

ПРИМѢЧАНІЯ И РАЗЪЯСНЕНІЯ.

¹⁾ *Н. Костомаровъ*. Славянская міѳологія. Кіевъ. 1847 г. — *И. Срезневскій*. Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ. Харьковъ. 1846 г., а также въ Фил. Вѣстникѣ. 1847 г. №№ 9—11. — *А. Афанасіевъ*. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 тома. Москва. 1865—1869 гг. — *А. Потебня*. О міѳологическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей. 1865 г., 2—4. Разборъ *И. Лавровскаго*. Ibidem. 1866 г., кн. 2, стр. 1—102. — *А. Потебня*. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ: колядки и щедрівки. Варшава. 1887 г. 869 стр.

²⁾ *К. Калайдовичъ*. Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, 211.

³⁾ *Е. Барсовъ*. Причитанія Сѣвернаго края, стр. 59, стихъ 24—26.

⁴⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 92. — „Навѣя на коняхъ“ — можно объяснить обычаемъ древнихъ Славянъ закапывать съ мертвецами ихъ любимыхъ коней.

⁵⁾ *Е. Барсовъ*. Причитанія Сѣвернаго Края, стр. 212.

⁶⁾ *Е. Барсовъ*. Причитанія Сѣв. Края, стр. 3.

⁷⁾ *Вареницовъ*. Собраніе духовныхъ стиховъ, стр. 68—69.

⁸⁾ *Е. Барсовъ*. Причитанія Сѣв. Края, стр. 304—305.

⁹⁾ *Е. Барсовъ*. Ibidem, стр. 214.

¹⁰⁾ *В. Антоновичъ*. Раскопки въ странѣ Древлянъ. Древности Югозападнаго Края, изд. Археологической Коммиссіей въ СПб.

¹¹⁾ См. *А. Котляревскій*. О погребальныхъ обычаяхъ язы-

ческихъ славянъ (отдѣльно, но есть и въ Полномъ Собраніи Сочиненій, изд. Академіей Наукъ. СПБ. 1893 г.).

¹²⁾ *Е. Барсовъ.* Ibidem, стр. 79.

¹³⁾ *Снегиревъ.* Русскіе простонародные праздники, томъ IV, стр. 111—113.

¹⁴⁾ *Н. Тихонравовъ.* Лѣтопись Русской Литературы, вып. IV, отд. 3., стр. 89—112 — Почитаніе предковъ указываетъ лишь на то, что славянорусы когда-то (быть можетъ даже въ то время, когда они не отдѣлились отъ другихъ племенъ славянскихъ) переживали родовой бытъ, но никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія родового быта и въ позднѣйшее время. Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ нерѣдко сохраняются слѣды такого быта, который давнымъ-давно утерять реальное значеніе.

¹⁵⁾ Отъ корня „svar“, „suvar“ и суф. „ga“; svar+ga легко приравняется свар-о-гъ.

¹⁶⁾ Наша Ипатьевская Лѣтопись, изд. 1881 г., стр. 200, упоминаетъ „Сварогъ“. Это мѣсто издатели приравниваютъ къ Хроникѣ Георгія Амартолы, изданія Муральта, СПБ. 1859 г., стр. 369. Однако лѣтописецъ могъ имѣть подъ руками и текстъ Малалы (ср. Ioan Malal. Chronogr. ed. Bonn. p. 21). — Индійское божество Vârunas и греческое Ὀβρανός по значенію ихъ можно приравнивать нашему сварогу; слѣдуетъ помнить, при этомъ, что корень Vârunas съ Ὀβρανός-var-tegere, extendere, отличный отъ корня, лежащаго въ основѣ слова „Сварогъ“.

¹⁷⁾ *С. М. Соловьевъ.* Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религій слав. и проч. въ Archivъ Историко-юридич. свѣдѣній, изд. Н. Калачевымъ. СПБ 1876 г., кн. I, отд. I, стр. 23.

¹⁸⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II, изд. 1-ое, р. 257.

¹⁹⁾ Отъ корня раг., славянское пь (е) р-сравни: пьрати; перя въ суфф. „унъ“. —

²⁰⁾ Ср. литовское Perknause, латышское Pehrkons и прусское Perkunis.

²¹⁾ Изд. кн. *М. Оболенскаго*, стр. 21.

²²⁾ Лѣтопись по Лаврент. сп., изд. 1879, стр. 52.

²³⁾ *W. H. S. Ralston.* songs of the Russian people p. p. 86—152; conf. Russian Folk- tales, p. 338.

²⁴⁾ *Даль.* Пословицы русскаго народа, стр. 1029.

²⁵⁾ *Н. В. Калачевъ.* Archivъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, т. II. Ст. Буслаева, стр. 44.

²⁶⁾ *Сахаровъ.* Сказанія русскаго народа т. II, стр. 47.

²⁷⁾ *И. Срезневскій, Θ. Буслаевъ, Ор. Миллеръ и Афанасьевъ.*

²⁸⁾ Древн. Тр. М. Ар. Общ. т. I, М. 1865 г. Матеріалы для словаря.

²⁹⁾ Отъ „сир“, отсюда сиріо (лат.) кипѣть и отъ „яр“; ср. „яръ“ — весна, яриться.

³⁰⁾ По мнѣнію покойнаго профес. *Потебни* стоитъ въ связи съ корнемъ *vars, vrsa (vrsam* — проливающийъ дождь, оплодотворяющій, эпитетъ *Индры*). — По мнѣнію *А. Эрбена* — съ прилагательнымъ „великъ“.

³¹⁾ Лаврентьевская Лѣтопись. Изд. 1872 г., стр. 31 и 72.

³²⁾ *Dévana Daeva*.

³³⁾ Цѣликомъ заимствована отъ проф. *Н. Θ. Сумцова*. Свадебные обряды и пѣсни.

Считаю необходимымъ къ настоящей статьѣ и послѣдующей „Основной тонъ русской народной пѣсни“ привести двѣ художественныя характеристики русской народной пѣсни изъ „Пѣвцовъ“ *И. С. Тургенева* и „Мертвыхъ Душъ“ *Н. В. Голя*.

I.

Парень-запѣвало починалъ чистымъ звонкимъ голосомъ, выводя какъ бы изъ соловьиного горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, востепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русский...

(*Н. В. Гоголь. Мертвые Души, часть 2*).

II.

... Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертвого, глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но пронесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комна-

ту. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звучащій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Ивановича такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ быстро замирающимъ колебаніемъ, за вторымъ — третій, и понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня „Не одна во полѣ дороженька пролежала“ — пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слышивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣсня росла, разливалась. Яковомъ, видимо, овладѣвало упоеніе; онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе—онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время оглива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжело шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянію зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страннымъ участнымъ участіемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждого звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и невообразимо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ нами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцахъ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія сдержанныя рыданія внезапно поразили меня... я оглянулся — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Ивановичъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичекъ тихонокъ всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шепотомъ покачивая головою; и по желѣзному лицу Дикаго-Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза: рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленіе, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно

тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся, всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаніемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его...

(И. С. Тургеневъ. Пѣвцы).

³³⁾ *Сахаровъ*. Сказанія русскаго народа, 2-е изд., т. I, 3 въ отдѣлѣ русскія святки текстъ пѣсенъ. — *Снегиревъ*. Русскіе престонародные праздники и суевѣрные обряды. Вып. 2-ой.

Памятники народнаго быта Болгаръ. Изданіе Каравелова. 1861 г. — Праздникъ 31-го декабря и 1 января. Это, пожалуй, общеславянскій праздникъ, но и онъ же сохранился у грековъ (см. у Валсамона патріарха, Снегирева, стр. 61 и 240).

Вообще о гадальныхъ обрядахъ: *И. О. Сумцовъ*. Культурныя переживанія 90 года въ Кіевѣ помѣщено въ Кіевской старинѣ 1889 — 90 года, отдѣлы 55 и 127 и здѣсь же приведена литература. — *Леббокъ*. Исторія цивилизаціи. — *Афанасьевъ*. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. II, стр. 194 и т. III, стр. 385—386 только необходимо отбросить міѳологическія толкованія.

И. О. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г., глава V.

Потебня. Поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, стр. 774—776.

Общія сочиненія: *Кудрявцевъ*. Христіанское чтеніе. 1877 г. (о праздникѣ Рождество Христово, какъ онъ складывался). — *Цетковскъ*. „Рождество Христово“ у разныхъ народовъ. 1886 г. — *Смирновъ*. Происхожденіе и значеніе праздника „Рождество Христово“. Труды Кіевской Академіи 1870 и 1882 гг. — *Revue politique*, 1885, t 26 (о праздникѣ Рождество Христово и вообще о католическихъ обрядахъ). — *Usener*. Das Weihnachtsfest. 1889. — *Gastel*. Weihnachten.

³⁴⁾ См. пр. 32.

³⁵⁾ См. примѣчаніе 45-ое.

³⁶⁾ „Бурніи вѣтры“ — выраженіе, напоминающее стиль народныхъ пѣсенъ.

³⁷⁾ Мѣдный змѣй является прообразомъ Распятаго Спасителя. Манассія и Ефремъ — прообразами Ветхаго и Новаго заветъ. Извѣстно, слѣпой уже отъ старости Іаковъ младшему изъ нихъ далъ предсказанія о большой славѣ.

³⁸⁾ Въ словѣ на Вербное Воскресеніе Кириллъ Туровскій объясняетъ, что жеребенокъ, на которомъ ѣхалъ Спаситель,

означаетъ увѣровавшихъ язычниковъ; ризы, постилаемыя на дорогѣ, — христіанскія добродѣтели; встрѣчающіе Спасителя люди — кающихся грѣшниковъ; кричавшіе „Осанна“ — апостоловъ и пророковъ; старцы — язычниковъ; отроки — монаховъ; дѣти — христіанъ. — Толкованіе довольно искусственное.

³⁹⁾ „Гуменець“ латинское tonsura. — Кирилль Туровскій, пользуясь, вѣроятно, апокрифическими разсказами, такъ объясняетъ значеніе этого обряда. Израильтяне, выходя изъ Египта, не успѣли даже приготовить себѣ хлѣба и взяли сырое тѣсто. Дорогою они дѣлали изъ него лепешки, клали ихъ на голову, и солнце быстро пекло ихъ. Конечно, при сниманіи такихъ лепешекъ съ головы, вырывались вмѣстѣ съ ними и волосы, такъ что у Израильтянъ образовались плѣши во время ихъ странствованія. Монахи такъ же, какъ Евреи въ пустынь, находятса въ этомъ мірѣ лишь временно, пока не достигнутъ рая — земли обѣтованной; и у монаховъ, какъ у Израильтянъ, есть небольшая плѣшь-гуменець,

⁴⁰⁾ Въ притчи „О хромцѣ и слѣпцѣ“ разсказывается, какъ хозяинъ приставилъ къ своему винограднику двухъ сторожей — слѣплого и хромого, разсчитывая, что они будутъ способны сохранить виноградникъ отъ воровъ, а сами не смогутъ имъ воспользоваться. Сторожа же сговорились; хромой сѣлъ на плечи слѣпому и вдвоемъ они обокрали хозяина. Послѣдній, выгнавъ плутовъ, приказалъ „немилостиво бить“ ихъ.

⁴¹⁾ Сюжетъ притчи „О хромцѣ и слѣпцѣ“ есть и въ Талмудѣ, есть и въ 1001 ночи, извѣстенъ былъ и въ Греціи. Но въ томъ видѣ, съ тѣмъ нравоученіемъ, какъ приведена эта притча у Кирилла она сходна съ восточною; въ греческой же литературѣ до насъ дошелъ такой вариантъ: хромой и слѣпой переправились черезъ рѣку, пользуясь взаимною помощію, — такъ учить нужда изворачиваться во всякихъ обстоятельствахъ. Между этими двумя вариантами есть сходство, но разница въ обработкѣ заставляетъ думать, что въ разное время проникали въ Европу варианты одного восточнаго сказанія; причемъ одинъ изъ вариантовъ отразился на притчѣ Кирилла, другой на притчѣ, извѣстной по греческой антологіи.

⁴²⁾ Повѣсть „о Варлаамѣ и Іоасафѣ“ пользовалась широкимъ распространеніемъ и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Кирилль зналъ ее или въ полномъ составѣ или, по крайней мѣрѣ, отрывки изъ нея.

⁴³⁾ „Поученіе“ занесено, и не совсѣмъ кстати, подъ 1096 г. въ Лаврентьевскую лѣтопись. Нельзя рѣшить, вставлено ли оно древнѣйшимъ лѣтописцемъ или переписчиками. — Первое

изданіе „Поученія” принадлежитъ гр. Мусину-Пушкину, первоначальному владѣльцу Лаврентьевскаго списка; позднѣе издано „Поученіе” въ „Полномъ собраніи Россійскихъ лѣтописей” и въ изданіяхъ Лаврентьевскаго списка.

⁴⁴⁾ Въ этой части замѣчается пропускъ въ самомъ текстѣ.

⁴⁵⁾ Мѣстоименіе „вы”, съ которымъ обращается Мономахъ къ своимъ дѣтямъ, вдругъ замѣняется мѣстоименіемъ „ты”, и только поэтому можно опредѣлить, гдѣ кончается одно поученіе и начинается другое, обращенное къ Олегу Святославичу, какъ видно изъ содержанія его: Владимиръ проситъ Олега Святославича прислать вдову, убитаго имъ князя Изяслава Владимировича.

⁴⁶⁾ Вопросъ о томъ, кто вставилъ въ „Поученіе къ дѣтямъ” отрывокъ изъ посланія къ Олегу, можно, кажется, рѣшить положительно: еслибы переписчикъ захотѣлъ его вставить, вставилъ бы его въ конецъ, и можно думать, что вставилъ его самъ Владимиръ, найдя необходимымъ сообщить въ назиданіе своимъ дѣтямъ тѣ мысли, которыя онъ высказалъ въ посланіи къ Олегу. Удивляться не приходится, что вставка сдѣлана не совсѣмъ удачно съ нарушеніемъ связи: Владимиръ, надо полагать, не думалъ о литературномъ достоинствѣ своего „Поученія”. Это „Поученіе” настолько характерно для современности по изложеннымъ въ немъ мыслямъ, что невольно встаетъ вопросъ, когда же оно написано. Исходнымъ пунктомъ для рѣшенія этого вопроса служило прежде выраженіе „сѣдя на санехъ”, дважды повторяющееся въ „Поученіи”. Его понимали въ переносномъ смыслѣ—„приближаясь къ смерти”. Въ подтвержденіе такого объясненія указывали на древне-русскій обычай, сохранившійся и теперь въ глухихъ мѣстностяхъ, перевозить мертваго на кладбище въ саняхъ. Ссылали при этомъ и на лѣтописное сказаніе: Феодосій Печерскій, почувствовавъ приближеніе смерти, захотѣлъ проститься съ братіей, велѣлъ вынести себя на дворъ, и вся братія окружила его, а онъ, „сидя на саняхъ”, сказалъ имъ поученіе и простился съ ними. — Несмотря на эти факты, нельзя выраженіе „на санехъ сидя” понимать въ переносномъ значеніи. Мертвыхъ, правда, перевозили и перевозятъ на саняхъ, но это не *обрядъ*: сани въ этомъ случаѣ выбираютъ потому, что перевозка трупа на телегѣ по плохой дорогѣ считается неудобною, а на саняхъ если и долго везти, то во всякомъ случаѣ спокойно. Допустимъ даже невозможное, пусть перевозка мертваго на саняхъ — повѣрье, но все-таки „сидѣть на саняхъ” можетъ имѣть лишь одно значеніе — „умирать”, а не „приближаться къ смерти”.

Разсказъ о Θεодосіи Печерскомъ тѣмъ болѣе не даетъ никакого права на какой либо выводъ: сани были единственного мебелию, соотвѣтствовавшей въ древней Руси нашимъ кресламъ, на нихъ всего удобнѣе было сидѣть больному старику, а собратся къ его кровати въ его тѣсную келью вся братія, конечно, не могла. — Выраженіе „на саняхъ сидя“ слѣдуетъ понимать въ самомъ простомъ и обыкновенномъ значеніи — „находясь въ зимнемъ пути“. Такое объясненіе помимо своей простоты находитъ подтвержденіе и въ контекстѣ. Аще кому не любя грамотица си“, пишетъ Мономахъ, „а непоохрिताются (смѣются), но тако се рекутъ: на далечи на пути, да на саняхъ сидя безлѣпию си молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя на Волзѣ“. Связь рѣчи непосредственно указываетъ на то, что Владимиръ упоминаетъ здѣсь время и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ свое „Поученіе“, и на *дорогу ссылается, какъ на причину неудачныхъ выраженій*, если они попадутся въ его „Поученіи“. Наконецъ есть еще указаніе на то, что Владимиръ написалъ „Поученіе“ задолго до смерти — не позже 1117 г. — Именно, онъ упоминаетъ о рожденіи старшаго своего сына Мстислава въ такихъ выраженіяхъ, „въ то же лѣто и дитя ся роди старѣйшее Новгородское“. Такъ сказать могъ Владимиръ не потому, что Мстиславъ родился въ Новгородѣ (онъ родился въ Кіевѣ), а потому, что съ 1105 до 1117 г. Мстиславъ былъ Новгородскимъ княземъ, и въ этотъ промежутокъ времени Владимиръ могъ, не называя Мстислава по имени, сказать „дитя Новгородское“ — Погодинъ идетъ даже дальше: на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, возникающихъ при чтеніи „Поученія“, онъ опредѣляетъ годъ, когда было написано „Поученіе“, именно 1099 г.

⁴⁷⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археографической Коммисіи. Спб. 1872 г., стр. 255.

⁴⁸⁾ Ibidem, стр. 236.

⁴⁹⁾ Ibidem, стр. 236.

⁵⁰⁾ Аскетизмъ, какъ извѣстно, цѣнилъ не столько чистоту побужденій, сколько усилія воли, какія требовались для совершенія различныхъ благочестивыхъ подвиговъ (*ἀσκησις* — упражненіе).

⁵¹⁾ Ibidem, стр. 236.

⁵²⁾ Ibidem, стр. 236.

⁵³⁾ Ibidem, стр. 237.

⁵⁴⁾ Въ „Исторіи русской словесности“ г. Порфирьевъ объясняетъ это слово такъ: „унеинъ“ просящій, алчущій (Исторія русской словесности. ч. I. Древній періодъ. Изд. 6-ое. Казань. 1897 г., стр. 418). Принять подобное поясненіе слова такого

неяснаго значенія, разумѣется, можно, но не согласиться, такъ какъ г. Порфирьевъ пояснилъ „унеинъ“ по смыслу и притомъ *приблизительно и гадательно*: г. Порфирьевъ указалъ значеніе, а этимологіи и основаній, почему именно „унеинъ“ — просящій, алчущій, не привелъ. Во всякомъ случаѣ съ подобными словами при объясненіи ихъ значенія нужно быть крайне осторожнымъ и даже лучше поставить себѣ за правило оговариваться и указывать, что это одно изъ объясненій значенія, но ни въ какомъ случаѣ не подтвержденное наукой и не получившее правъ гражданства въ языкѣ. — Унеинъ — слово неяснаго значенія.

⁵⁵⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 237.

⁵⁶⁾ Ibidem, стр. 237.

⁵⁷⁾ Ibidem, стр. 238.

⁵⁸⁾ Ibidem, стр. 236.

⁵⁹⁾ Существуютъ такія объясненія по этому поводу. 1. Въ словахъ Владимира Мономаха сказалась мягкость славянской натуры; 2, родовая месть по древнимъ славянскимъ обычаямъ преслѣдовала каждаго убійцу, такъ что даже князь, позволившій себѣ казнить преступника, самъ становился преступникомъ въ глазахъ общества. 3, Вліяніе христіанства отразилось на Руси въ томъ, что смертная казнь стала казаться грѣхомъ. — Первое объясненіе въ виду положительныхъ свидѣтельствъ лѣтописей оказывается несостоятельнымъ. Два другія кажутся болѣе вѣроятными. Какъ извѣстно, еще Владимиръ Святой отказывался казнить разбойниковъ. Лѣтописецъ оставилъ намъ разсказъ о томъ, какъ епископы спросили Владимира Святого, почему онъ не казнить разбойниковъ. „Боюся грѣха“ сказалъ Владимиръ, но по настоянію духовенства сталъ прибѣгать къ смертной казни. Конечно, можно видѣть въ этомъ фактѣ благотворное вліяніе христіанства, хотя странно, почему не замѣтно этого вліянія на самихъ проповѣдникахъ христіанства. Нужно думать, что Владимиръ находился отчасти подъ вліяніемъ существовавшаго въ обществѣ взгляда на смертную казнь, какъ на дѣло личной мести, а не государственный институтъ. Какъ бы то ни было, *нельзя не обратить вниманіе на то, взятое изъ „Поученія“ Мономаха, какъ на одно изъ выраженій его гуманнаго взгляда.*

⁶⁰⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 237.

⁶¹⁾ Ibidem, стр. 238.

⁶²⁾ Володаръ, Василько Ростиславичи.

⁶³⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 232—233.

⁶⁴⁾ Что такое былъ князь до-монгольской эпохи? Предводитель дружины, защищавшій населеніе противъ внѣшнихъ

враговъ, посредникъ, разбиравшій ссоры его (населенія). Въ этомъ отношеніи князь былъ полезенъ для населенія. Но, съ другой стороны, князь былъ склоненъ пользоваться своимъ положеніемъ, какъ средствомъ нажитыя насчетъ населенія. Недаромъ, такъ часто повторялось: „сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато“. Заботясь о своихъ доходахъ, князь заботился о доходахъ дружины, обеспечивавшей его силу. Отсюда, стремленіе князя — всѣми средствами обогатить себя и дружину. Намъ не безызвѣстно, что Игорь своею алчностью вывелъ изъ терпѣнныя древлянъ, Святославъ охотнѣе жилъ въ Переяславлѣ на Дунаѣ, чѣмъ въ Кіевѣ, потому что туда „вся благая сходятся“. Такія отношенія князей къ землѣ обусловливались тѣмъ, что прочныхъ связей между ними и землею не было, а прочныхъ связей не было въ свою очередь по тому, что князья часто мѣняли мѣста своего княженія. Такое перемѣщеніе отчасти происходило на томъ основаніи, что само населеніе иногда изгоняло своего князя и призывало другого, а, главнымъ образомъ, сами князья, заботясь прежде всего о своихъ доходахъ, всѣми силами старались заполучить княженія побогаче. Припомнимъ характерное выраженіе: „луче бы ми смерть, а не курское княженіе“. Естественно, что, по мѣрѣ увеличенія числа князей, переходъ съ болѣе бѣднаго княженія на болѣе богатое становился все и труднѣе. Явилось соперничество, явились междоусобія, тяжело отзывавшіяся на благосостояніи населенія. Любецкій съѣздъ былъ результатомъ того, что населеніе и лучшіе князья сознавали весь вредъ существующаго положенія дѣлъ. Какъ извѣстно, постановленія этого съѣзда скоро были нарушены — Подъ вліяніемъ такихъ-то условій выработалось два типа князей. Одинъ типъ князя — удалыца. Однимъ изъ князей такого типа является Мстиславъ Удалой. Этотъ князь энергичный, храбрый и безпокойный, не думающій среди своихъ походовъ о выгодахъ земли. Наиболѣе же яркимъ представителемъ, былъ Олегъ, названный Гориславичемъ. Ему не хватало простора для его дѣйствій, онъ думалъ только о наживѣ и прибѣгалъ къ помощи половцевъ въ ссорахъ съ другими князьями.

Князья, не имѣвшіе личной храбрости, при такихъ же эгоистическихъ стремленіяхъ дѣйствовали иначе. Напримѣръ, Святополкъ Изяславичъ, и не предпринимая пагубныхъ походовъ, приобрѣлъ общее нерасположеніе своими корыстолюбивыми дѣйствіями. Такъ, онъ захватилъ въ свои руки торговлю солью, заключилъ какую-то сдѣлку съ евреями, вызвавшую возстаніе населенія. Въ этомъ князѣ виденъ другой типъ

— типъ князя-скопидома. Онъ, очевидно, не думалъ даже о дружинѣ, а только пекся о своихъ выгодахъ.

⁶⁵⁾ Посмотримъ, что говорятъ намъ про Мономаха *Татищевъ* и *Соловьевъ*.

Портретъ Мономаха у Татищева (II, 229): „Лицемъ былъ красенъ, очи велики, волосы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростомъ не велми великъ, крѣпкій тѣломъ и силенъ велми, въ воинствѣ велми храбръ, и хитръ на устроение войскъ, многихъ враговъ своихъ побѣдилъ и покорилъ, самъ же единою только у Триполя побѣжденъ былъ, о чемъ никогда поминать не могъ, частію отъ жалости по утѣшамъ тогда братѣ, Ростиславѣ, котораго велми любилъ, частію отъ стыда, что непорядкомъ Святополковымъ къ тому приведенъ”. (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ *С. М. Соловьева*. Изданіе типографіи „Общественная Польза” I, 357, прим. 2-ое).

„Въ жизни многихъ князей замѣчаемъ сильное религіозное направленіе: Мономахъ былъ религіозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ только дѣтямъ; по словамъ лѣтописца, онъ всею душою любилъ Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храня заповѣди Божіи, имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ неимовѣрно; данъ былъ ему отъ Бога такой даръ, прибавляетъ лѣтописецъ, что когда онъ входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то онъ не могъ удерживаться отъ слезъ...” (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ *С. М. Соловьева*. Изданіе тип. „Общественная Польза” I, 742).

Не обойдемъ молчаніемъ и такой памятникъ, какъ посланіе митрополита Никифора къ великому князю Владимиру Мономаху, которое приводится и разбирается въ „Ученыхъ Запискахъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“, книга II, выпускъ 2-ой, стр. 213 и „Словарь Русскихъ Достопамятностей”, I, стр. 61. — Посланіе митрополита Никифора къ великому князю Владимиру Мономаху важно для насъ: во 1) по отзывамъ о поведеніи Мономаха; во 2) по высказывающимся въ немъ отношеніямъ власти духовной къ свѣтской — митрополита къ князю. Посланіе написано во время великаго поста, когда по словамъ митрополита, уставъ церковный и правило есть — говорить князьямъ что-нибудь полезное: Митрополитъ разсматриваетъ различные виды грѣховъ, и не находитъ, въ которомъ бы изъ нихъ можно было упрекнуть Мономаха: этому князю не нужно говорить въ похвалу поста, потому, что онъ благочестіемъ воспитанъ и постомъ воздоенъ, потому что воздержаніе его во время поста всѣ видятъ и чудятся... (Исторія Россіи *С. М. Соловьева*, I, 749—750).

Насколько Владимиръ Мономахъ былъ симпатиченъ населенію и памятенъ ему, литературные памятники позднѣйшаго происхожденія это вскрываютъ такъ: сочинитель „Слова о полку Игоревѣ“ начинаетъ свое повѣствованіе съ Владимира Стараго, т. е. Мономаха. Волынская лѣтопись также упоминаетъ о Владимирѣ Мономахѣ (Исторія Россіи, С. М. Соловьева, I, стр. 764—766).

Не бесполезно ознакомиться съ коротенькой брошюркой, хотя правда и старой, но довольно живо изложенной „Князь Володимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его, Мономаховичи или о временахъ княжескихъ смуть и усобицъ. Сочиненіе К. Евстуржева-Рюмина. СПб. 1865 года“.

Какъ учебное пособіе можно рекомендовать вып. XVI-й Русской классной библіотеки издаваемой подъ редакцію А. Н. Чудинова. Изданіе И. Глазунова.

⁶⁶⁾ Скажемъ здѣсь кстати о значеніи псалтири въ древней Руси. — Это была книга 1) книга богослужебная, 2) книга для чтенія, 3) книга учебная и 4) гадательная. По старинной программѣ псалтирь была 2-ой книгой послѣ азбуки: сначала учили азбуку, затѣмъ принимались за часословъ и за псалтирь. Гаданіе по псалтири не считалось предосудительнымъ: Владимиръ, какъ онъ самъ говоритъ, въ своей печали развернулъ псалтирь и началъ читать, есть и другія указанія на тотъ же способъ гаданія. Дошли до насъ даже такія псалтири, на страницахъ которыхъ помѣщены замѣтки о значеніи той или другой страницы.

⁶⁷⁾ И цитируются видимо на память.

⁶⁸⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археогр. Коммиссіи. Спб. 1872 г. стр. 235—236.

Во многихъ литературныхъ памятникахъ, даже западныхъ, повторяется мысль о разнообразіи человѣческихъ лицъ, какъ доказательство мудрости Божьей. Рейнгольцъ Кёлеръ (R. Köhler) въ статьѣ „Разнообразіе человѣческихъ лицъ“ собралъ цѣлый рядъ указаній на эту мысль, общую въ средневѣковой литературѣ. Вотъ одинъ примѣръ, взятый изъ легенды объ апостолѣ Андреѣ. Діаволъ, искушая святого, спросилъ его: „что самое премудрое изъ твореній Божьихъ?“ — „Разнообразіе лицъ человѣческихъ“ тотчасъ же отвѣтилъ св. Андрей. Такимъ образомъ одна изъ приведенныхъ нами мыслей Владимира не оригинальная. То же нужно думать и о другой — о перелетѣ птицъ. — Интересно упоминаемое здѣсь имъ Ирій, въ смыслѣ мѣста, гдѣ царствуетъ вѣчная весна.

Ученые сближали это имя съ малороссійскимъ „Вирія“ употреблявшимся въ томъ же значеніи (см. А. А. Котляревскій).

О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, или въ Собраніе Сочиненій *А. А. Котляревскаго*, т. III, СПб. 1893 г.), но при объясненіи этого слова пока надо быть очень осторожнымъ.

⁶⁹⁾ С. М. Соловьевъ такъ опредѣляетъ значеніе этого памятника.

„ Во время, протекавшее отъ призванія князей до смерти Ярослава, племена волею-неволею были втолкнуты въ общую жизнь, быть ихъ подвергся измѣненіямъ; но это были во всемъ только начатки. Чтобъ эти начатки развились, укрѣпились, — нужно было продолженіе такого же сильнаго движенія князей и дружинъ ихъ, движенія, сосредоточеннаго въ области намѣченной оружіемъ первыхъ князей. И, дѣйствительно, мы видимъ это движеніе, совершающееся вслѣдствіе единства княжескаго рода, родовыхъ счетовъ между князьями. Время и отъ смерти Ярослава до Боголюбскаго представляетъ намъ продолженіе того же героическаго богатырскаго періода, періода движенія, имѣющаго цѣлю пробужденіе исторической жизни. Князья по прежнему отличаются богатырскимъ характеромъ, они движутся безпрестанно изъ одной области въ другую; устѣясь на одномъ мѣстѣ, завести что-нибудь прочное, постоянное — не въ ихъ характерѣ; хорошій князь не долженъ ничего копить, собирать впрокъ, — долженъ все раздавать дружинѣ, съ которою можетъ добыть все; князь имѣетъ въ виду постоянное движеніе съ одного стола на другой до тѣхъ поръ, пока не сложить костей въ завѣтномъ Кіевѣ, подлѣ гробовъ отцовскихъ и дѣдовскихъ. Князь-богатырь, который оставилъ по себѣ больше другихъ славы, Мономахъ самъ подалъ о себѣ вѣсть потомству, описалъ свою дѣятельность: эта дѣятельность состояла въ вѣчномъ движеніи, въ непрерывныхъ походахъ изъ одной стороны въ другую. Если мы взглянемъ на карту Россіи и припомнимъ, что должно было представлять это обширное пространство въ XI и XII вѣкахъ, то понятно намъ станетъ значеніе Мономаха, значеніе этой постоянной передвижки, бѣготни, подъ условіемъ которыхъ поддерживались начатки исторической жизни во всѣхъ частяхъ, поддерживалось всюду сознаніе о единствѣ Русской Земли”.

(Ibidem IV, 634).

⁷⁰⁾ Отъ древней Руси до насъ дошло множество списковъ и передѣлокъ житій, это несомнѣнно даетъ поводъ думать, что житія были наиболѣе любимымъ и распространеннымъ чтеніемъ у нашихъ предковъ. Древнѣйшіе образцы житій относятся безспорно еще къ до-монгольской эпохѣ. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ.

1) „Слово о законѣ и благодати и похвала кагану (князю) нашему Владимиру“. Первая часть этого произведенія имѣетъ характеръ поученія, вторая представляетъ Владимира, какъ распространителя христіанства на Руси. Въ рукописи не указано имени автора, но проф. Горскій высказалъ догадку, что авторомъ былъ митрополитъ Кіевскій Иларіонъ. Такая догадка представляется довольно вѣроятною, если сопоставить данныя, получаемыя объ авторѣ „Слова“ изъ самаго произведенія съ данными, извѣстными объ Иларіонѣ. Это взглядъ покойнаго академика И. Н. Жданова на догадку проф. Горскаго. Да и въ самомъ дѣлѣ, авторъ „Слова о законѣ и благодати“ — современникъ Ярослава; въ концѣ слова онъ дѣлаетъ обращеніе къ умершему Владимиру, проситъ посмотрѣть на добрыя дѣла, совершаемыя его сыномъ... Слѣдовательно, „Слово“ было произнесено въ Десятинной церкви, гдѣ покоемъ Владимиръ, и произнесено, конечно, духовнымъ лицомъ и притомъ образованнымъ и краснорѣчивымъ, по своему времени. Объ Иларіонѣ же извѣстно, что первоначально онъ былъ священникомъ села Берестова (близъ Кіева), гдѣ находились церковь и дворецъ, построенные княземъ. Иларіонъ былъ „мужъ книжный и благочестивый“, даже подвижникъ: онъ вырылъ себѣ пещеру и время отъ времени уединялся туда для молитвы и размышленія. Ярославъ указалъ на него, какъ на кандидата въ митрополиты, и, благодаря своей жизни и дарованіямъ, Иларіонъ былъ утвержденъ въ санѣ митрополита Кіевского въ 1051 году. Такимъ образомъ, Иларіонъ, будучи современникомъ Ярослава, краснорѣчивымъ, образованнымъ митрополитомъ, могъ быть авторомъ „Слова о законѣ и благодати“, но все это одна догадка. Около Ярослава были и другіе образованные люди, которыхъ онъ приближалъ къ себѣ и которымъ поручалъ переводъ книгъ.

2) „Память и похвала князю русскому Владимиру“. Это произведеніе монаха Іакова (XI в.) и раздѣляется на три части: авторъ сначала говоритъ о принятіи христіанства княземъ Владимиромъ, затѣмъ о крещеніи Ольги, наконецъ, снова о крещеніи Владимира. Высказываютъ догадку, что „Похвала“ дошла до насъ не въ первоначальномъ видѣ: первый и третій отдѣлы представляли сначала разные рассказы объ одномъ и томъ же событіи и рассказъ объ Ольгѣ, вставленный между ними, тоже существовалъ отдѣльно. Какъ бы то ни было, но „Похвала“ безспорно произведеніе очень древнее, явившееся не позже XI вѣка. Объ этомъ можно судить по выраженіямъ, разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ „Похвалы“. Между прочимъ въ самомъ началѣ авторъ говоритъ: „Азъ худый мнихъ

Іаковъ слышалъ отъ многихъ" и пр. Отсюда можно заключить, что онъ писалъ со словъ свидѣтелей крещенія, т. е. никакъ не позже XI вѣка. Затѣмъ, русскихъ людей онъ называетъ „новоизбранными", говоря объ ихъ крещеніи, что также указываетъ на древность памятника, близость времени его появления къ крещенію Руси. Ученые пытались собрать возможно больше свѣдѣній о жизни Іакова. — До насъ дошли слѣдующіе древніе памятники съ этимъ именемъ: посланіе митрополита Іоанна къ черноризцу Іакову, посланіе чернца Іакова къ князю Димитрію; въ житіи Θεодосія Печерскаго разсказывается, что Θεодосій назначилъ себѣ въ пріемники Іакова, который, однако, не былъ избранъ, потому что постригся не въ Печерскомъ монастырѣ. Конечно, если принять, что всѣ эти свѣдѣнія касаются Іакова, автора „Похвалы", то составить нѣкоторое представление о немъ возможно, однако нѣтъ никакого положительнаго основанія сближать ихъ: извѣстно лишь одно, что какой-то чернецъ Іаковъ въ XI в. написалъ „Похвалу князю Владимиру".

3) Два житія — Бориса и Глѣба и Θεодосія Печерскаго, — принадлежащія *несомнѣнно* монаху Кіево-Печерскаго монастыря Нестору, которому, справедливо или нѣтъ, приписывается такъ называемая Несторова лѣтопись. Имя Нестора встрѣчается не только въ заглавіи (что могло быть случайною опискою переписчика), но и въ самомъ текстѣ этихъ двухъ житій.

4) Житіе Бориса и Глѣба и житіе князя Владимира, неизвѣстнаго автора. Отрывки этихъ жизнеописаній и внесены въ лѣтопись. Древность ихъ происхожденія засвидѣтельствована наукой. Покойный Макарій, митрополитъ Московскій, приписываетъ оба эти житія тому же Іакову черноризцу, который написалъ „Память и Похвалу князю Владимиру", но это какое то недоразумѣніе: между „Похвалою" Іакова и „житіемъ Владимира" неизвѣстнаго автора есть замѣтныя противорѣчія.

Всѣ указанные выше житія появились въ южной Руси, но можно указать нѣсколько житій, явившихся на сѣверѣ въ ту же до-монгольскую эпоху. Таковы, напримѣръ, житіе (новгородское) Варлаама Хутынскаго, умершаго въ 1192 г., житіе Леонтія Ростовскаго.

71) Біографъ долженъ разсказать не о нѣкоторыхъ только чертахъ и дѣйствіяхъ извѣстнаго лица, но возможно полнѣе обрисовать его характеръ, какъ человѣка вообще. Напримѣръ, отъ біографа Александра I Благословеннаго мы требуемъ не только разсказа объ его походахъ и реформахъ, но и ясной характеристики, какъ государя, политика, отца, человѣка.

⁷²⁾ „Слово о законѣ и благодати и похвала кагану нашему Владимиру“, „Память и похвала князю Владимиру“ и т. п.

⁷³⁾ Подобная же цѣль была и у позднѣйшихъ „сказителей“ и „слагателей“ народныхъ пѣсенъ, преимущественно историческихъ легендъ, сказаній, повѣстей. См. прим. 129. Автономъ Булгаковъ. Пособіе и матеріалы по русской словесности, ч. II.

⁷⁴⁾ Константинъ принялъ христіанство и способствовалъ распространенію его въ Греціи: онъ поэтому святой. Владимиръ крестился и крестилъ русскихъ: поэтому и онъ долженъ быть святымъ. — Князья Борисъ и Глѣбъ сравниваются съ христіанскими мучениками. На томъ основаніи, что они, какъ и мученики за вѣру, потерпѣли, будучи не виновными.

⁷⁵⁾ Въ житіи Ѳеодосія Печерскаго разсказывается, какъ великій князь Изяславъ прибылъ однажды къ монастырю въ полдень, когда уставъ предписывалъ монахамъ отдыхать и никого не пускать въ монастырь. Привратникъ, хотя и узналъ князя, но не рѣшился нарушить устава, а пошелъ спросить приказанія Ѳеодосія. Авторъ житія сравниваетъ при этомъ ожиданіе Изяслава съ ожиданіемъ апостола Петра, когда апостолъ Петръ, выведенный ангеломъ изъ темницы, пришелъ къ дому, гдѣ собрались другіе апостолы, но служанка не впустила его, а побѣжала извѣстить о его приходѣ находившихся въ домѣ. Вотъ еще примѣръ подобнаго сравненія. Князья Борисъ и Глѣбъ при крещеніи получили имена Романа и Давида. Авторъ житія пытался установить связь между именами Бориса и Романа, Давида и Глѣба. Связь, понятно, вышла искусственной. Давидъ (сынъ Іессея) и Глѣбъ сравниваются въ томъ, что оба они младшіе сыновья. Сравненіе Бориса съ Романомъ - сладкопѣвцемъ оказалось труднѣе. — Существовало преданіе, что поэтический даръ получилъ Сладкопѣвецъ отъ Богородицы въ видѣ свитка съ пѣснями. Діаволъ какъ-то стащилъ этотъ свитокъ, и Богородица принесла Роману другой, который велѣла ему съѣсть. — Авторъ житія находитъ сходство Романа съ Борисомъ именно въ томъ, что діаволъ у Романа похитилъ свитокъ, а у Бориса жизнь, „войдя въ его бра-та старѣйшаго“.

⁷⁶⁾ Святополкъ сравнивается съ Каиномъ, смерть его со смертію Юліана-Богоотступника, который по преданію лопнулъ. Авторъ житія Бориса и Глѣба говоритъ, что „и Святополку была смерть суца тако, якоже и Юліану Богоотступнику“.

⁷⁷⁾ Этотъ пріемъ, извѣстный еще классическимъ писателямъ, представляетъ попытку психологическаго освѣщенія факта.

⁷⁸⁾ Извѣстно, что Борисъ былъ женатъ — черта безраз-

личная для характеристики его, какъ святого. Несторъ, не имѣя возможности умолчать объ этомъ фактѣ, говоритъ, что Борисъ хотѣлъ угодить отцу и поэтому женился. Такимъ образомъ обнаруживается добродѣтель Бориса — послушаніе. Смерть Бориса и Глѣба — событіе печальное и только, но Несторъ влагаетъ въ уста князей размышленія и молитвы, которыя освѣщаютъ извѣстнымъ образомъ это событіе. Такъ, Борисъ не поддается на совѣты своей дружины итти и, прогнавъ Святополка, завладѣть престоломъ; онъ обнаруживаетъ смиреніе, „покорство“ старшему брату въ слѣдующихъ словахъ: „Сердце мое горитъ и душа моя смущается, и не знаю, къ чему обратиться и передъ кѣмъ излить горькую печаль мою. Къ брату ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Не думаю, что онъ печется и мірскомъ и помышляетъ объ убійствѣ моемъ. Что же я скажу и что сотворю? Пойду къ брату и скажу ему: ты будь мнѣ отцомъ, ты мнѣ братъ старшій, что повѣлитъ мнѣ господинъ мой?“ Глѣбъ, узнавъ о смерти брата въ такой молитвѣ высказываетъ свою братскую любовь и желаніе принять мученическій вѣнецъ: „Моли и Бога брата, чтобъ и мнѣ принять мученическій вѣнецъ и снова узрѣть тебя въ селеніяхъ райскихъ, оставивъ всѣ тягостныя бѣдствія земныя“.

⁷⁹⁾ Святополкъ глаголаше душѣ своей окаянной: „грѣхъ матери моей не очистися“ и проч. — По поводу „грѣха матери“ позднѣйшее преданіе говоритъ, что Владимиръ женился на женѣ убитаго имъ Ярополка и вскорѣ послѣ брака родился Святополкъ, бывший сыномъ какъ бы двухъ отцовъ.

⁸⁰⁾ Когда Θεодосій Печерскій, убѣжавъ изъ родительскаго дома, явился въ Антонію; послѣдній долго не соглашался принять въ монастырь молодого еще тогда Θεодосія и открывалъ ему всю тяжесть монашеской жизни. Авторъ житія Θεодосія придалъ и этому незначительному факту особенный смыслъ: Антоній провидѣлъ, какой подвижникъ выйдетъ изъ стоящаго передъ нимъ юноши и хотѣлъ испытать его. — Авторъ житія Бориса и Глѣба зналъ, что Борисъ былъ грамотенъ; онъ не упустилъ въ своемъ житіи этого факта, какъ случайнаго и не имѣвшаго прямого отношенія къ святости Бориса, но освѣтилъ его надлежащимъ образомъ. Именно, по его разсказу, Борисъ очень охотно читалъ священныя книги, поученія, житія святыхъ, а Глѣбъ всегда внимательно слушалъ его чтеніе.

⁸¹⁾ Ср. съ легендой „Пустынникъ“ и см. лубочную картину: „О пѣнствѣ сказать о примѣсу — отъ мастеровыхъ вдался бѣсу“.

⁸²⁾ Статья *Θ. Гуслава*, Русскій Вѣстникъ. 1856 г. № 13, стр. 21—23. — См. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, *Пилина*, стр. 204—205.

⁸³⁾ *Боричевскій*. Народн. слав. рассказы, стр. 167—182.

⁸⁴⁾ Рукописи славянскія и русскія И. Н. Царскаго, разобраны и описаны *П. Строевымъ*, стр. 552.

⁸⁵⁾ Лѣтопись русской литературы и древностей, т. I, отд. III, стр. 165; т. IV — сборникъ Мордовцевой и Костомарова. — Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ. Изд. Общества Любителей Древней Письменности. Выпускъ 6-ой. Пѣсни былевые, историческія: Москва. Грозный царь Иванъ Васильевичъ, стр. 1—212. — Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, т. III. — *Павелъ Якушкинъ*. Сочиненія. Изданіе Вл. Михневича. СПб. 1884 г., стр. 242—245 (П. И. Якушкинъ сообщаетъ крайне интересный рассказъ о пребываніи въ Псковѣ царя Ивана Васильевича Грознаго); на стр. 313 (характерный анекдотъ передаетъ Якушкинъ о ц. Иванѣ Грозномъ, въ которомъ царь выставляется человекомъ разсудительнымъ. Этотъ анекдотъ очень распространенъ, что, повидимому, показываетъ, насколько образъ Грознаго царя овладѣлъ воображеніемъ народнымъ); на стр. 525—532 (пѣсни). — *Иосифъ Сенизовъ*. Народное воззрѣніе на Іоанна Грознаго. — *Аристовъ*. Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. I. Воцареніе Грознаго (Труды 3-го Археологическаго Съѣзда. I). — Русскія былины старой и новой записи, подъ ред. *Н. С. Тихомирова* и *В. Θ. Миллера*. — *П. Вейнбергъ*. Русскія народныя пѣсни объ царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Варшава. 1875 г. — Преданія объ Иванѣ Грозномъ были разсмотрѣны *Гуслаевымъ* (Очерки, I, 512—515) и *А. Веселовскимъ* (Древняя и Новая Россія. 1876 г., № 4). — *Ив. Ждановъ*. Русскій Былевой Эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I — V. СПб. 1895 г., стр. 1, 12—13, 15, 63, 70, 139, 146—147, 151, 189—192, 205, 226, 463, 502. — *Лихачевъ*. Разрядные дѣякія XVI вѣка, стр. 405—414 (о царскомъ родословцѣ времени Ивана Грознаго). — Родословная книга времени царя Ивана Васильевича [Временникъ, X, 204—266 (по рукописи Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ)]. — *Стоюнинъ*. Руководство къ теоретическому преподаванію русской литературы. (Настоящая тема и заимствована изъ „Руководства“ Стоюнина). — *Проф. Ковалевскій*. Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе. (Съ этой монографіей нужно быть осторожнымъ въ виду ея тенденціозности). — *Е. Соловьевъ*. Біографія Іоанна Грознаго. Изд. Павленкова. — *Порфирьевъ*. Исторія русской словесности, ч. I. Древній періодъ. Изд. 6-е. Казань. 1897 г., стр. 110—116. (Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ). — *А. И. Незеленовъ*.

Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 8-е, подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, часть I. Москва. 1899 г., стр. 34—36 (пѣсня времени Іоанна Грознаго).—*Орловъ*. Курсь исторіи русской литературы. Изд. 7-е, стр. 158—160 (пѣсни о Грозномъ).

⁸⁶⁾ Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 6, стр. 75, стихъ 192—196.

⁸⁷⁾ Укажу параллельныя страницы приведенныхъ былинь въ текстѣ по сборникамъ *Мордовцевой* и *Костомарова*, *Якушкина* и *Кирѣевского*.

Былина про осаду Казани „Ужъ вы люди-ли, вы люди стародавніе!“, по сборнику Якушкина стр. 523—524, помѣщена въ сборникѣ Кирѣевского въ вып. 6-мъ, на стр. 3. По сборнику Кирѣевского эта былина для чтенія нѣсколько удобнѣе. Былина про тотъ-же историческій моментъ:

„Кто бы намъ сказалъ про царѣвъ походъ,
Про Грознаго царя Ивана Васильевича?“,

по сборнику Мордовцевой и Костомарова стр. 15, помѣщена въ сборн. Кирѣевского въ 6-мъ вып., на стр. 4. Въ сборн. Кирѣевского нѣтъ 2-го варианта этой былины, а потому при чтеніи упомянутой былины удобнѣе пользоваться сборн. Мордовцевой и Костомарова, но въ виду малой распространенности этого сборника привожу оба варианта былины.

I.

Кто бы намъ сказалъ про царѣвъ походъ,
Про грознаго царя Ивана Васильевича?
Какъ онъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ;
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Скоплѣмши свою силушку воевать пошелъ
Онъ подъ славное царство казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ въ заповѣданныхъ,
Какъ онъ Грозенъ царь подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону—подъ Булатъ рѣку
Сорокъ бочекъ закатилъ со лытымъ зельемъ,

Со лытымъ зельемъ — со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова,
Зажжёмши свѣчи, сами прочь отошли,
А злые Татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя бѣлаго Ивана Васильевича подражниваютъ:
— „Ты не городъ пришелъ братъ, пришелъ тылъ казать”.
На то грозный царь Иванъ Васильевичъ осѣрдился:
„подавай мнѣ пушкаревъ казнить-вѣшати!
Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкарь:
— „Не изволь, государь, насъ вѣшати-казнить,
Дай ты намъ государь, рѣчи сговорить:
Наружи-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Въ подземельѣ свѣчи не скоро теплятся. —
Не успѣлъ слова сказать—стало бочки рвать,
Стало бочки рвать—землю нѣ розно метать
Какъ стѣны бросало за Булатъ-рѣку
И побило всѣхъ татаръ камѣнничкомъ.

II.

Вы молодые ребята послушайте,
Что мы стары старики будемъ сказывать
Про Грознаго царя Ивана про Васильевича,
Какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань-городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки, снаряды во чистомъ полѣ разставлялъ.
А Татарченки по городу похаживаютъ,
Всяко грубѣанство оказываютъ,
Они Грозному царю насмѣхаются:
„Не бывать нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!”
Ужъ какъ тутъ нашъ государь-царь прогнѣвался,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ,
Что отъ нихъ отъ измѣна учинилась, —
Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится.
А и тутъ всѣ пушкари призадумались,
Большой за меньшого хоронится,
А одинъ пушкарь отважился:
„Прикажи, государь-царь, слово молвить,
Не вели, государь насъ казнити:
Что на полѣ горитъ свѣча скорѣе,

Подъ землей-то свѣча идетъ тишѣе". —
Не успѣлъ пушкаръ слово выговорить,
Подъ землею свѣча догорала, —
И тутъ разорвало бочки съ порохомъ,
Стало стѣны бросать за Сулай рѣку,
Забросало палаты бѣлокаменны:
Всѣ Татары тутъ, братцы, устрашилися,
Они бѣлому царю покорилися.

Двѣ былины про свадьбу Грознаго:

„Приутихло-приуныло море синее,
Глядучись-смотрячись со черныхъ кораблей”,...

по сборн. Якушкина стр. 524—528, помѣщены въ сборн. Кирѣвскаго въ вып. 6-мъ, въ отд. „Царь еще женится”, на стр. 114—120. У Якушкина по мнѣнію Общества Любителей Древней Письменности эти былины сильно искажены, почему пользоваться при чтеніи необходимо сборн. Кирѣвскаго, да и вообще отдѣлъ 3-й „Царь еще женится” сборника Кирѣвскаго самый полный и самый употребительный (стр. 121—161).

88) Былина:

„Ой вы люди, людюшки мои,
Ужъ вы людюшки умненькіе,
Старички вы стародавненькіе!” ...

по сборн. Морд. и Кост., стр. 16—19, помѣщены въ сборн. Кир. въ вып. 6-мъ, на стр. 182—185, гдѣ указаны и разнорѣчія со сборн. Морд. и Кост. Привожу эту былинку по вышеуказанной причинѣ по сборн. Мордовцевой и Костомарова.

М а м с т р ю н ь .

Ой вы люди, людюшки мои,
Ужъ вы людюшки умненькіе,
Старички вы стародавненькіе!
Вы повѣдайте, что встарь было,
Что встарь было, на Руси слыло,
Какъ женился православный царь,

Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Да и бралъ онъ много приданаго:
Коробамъ съ добромъ счету не было,
Злату, — серебру — мѣры не было.
Вотъ и гости къ царю съѣхались:
Всѣ князья, бояре, люди ратные,
Да боярскихъ дѣтей до полутораства,
Да посадскихъ людей четьреста,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ, —
Удальца-бойца, славна витязя, —
Самого ли князя Черкаскаго,
Мамстрюка-ли Мамстрюковича.
Загремѣло на дворѣ государевомъ,
Какъ пріѣхалъ давно жданный гость —
Князь Черкасскій Мамстрюкъ Мамстрюковичъ,
Со храброю своею со дружиною,
Со своею молодою княгинею.
Какъ пріѣхалъ то князь опослѣ всѣхъ,
А садится онъ повыше всѣхъ;
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Гуся-лебедя не рушаетъ,
Зелена вина въ ротъ не беретъ;
А глядитъ онъ на князей, бояръ,
Царску гридницу златомъ убранну, —
Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
Добра молодца кулешника,
Да изъ этихъ изъ князей, бояръ
Не нашелъ себѣ поборничка,
Что поборничка-супротивника.
Какъ возговорить Черкасскій князь:
„Ой, вы гой есть, добры молодцы!
Вы напрасно землю топчете,
У царя дарма ѣдите хлѣбъ,
Зеленѣ вино распиваете,
На боку лежа, дары получаете“. —
Всѣ князья-бояре призадумались,
Со стыда носы повѣсили,
Отколь взялся тутъ крестьянской сынъ, —
Съ ноги на ногу прихрамываетъ;
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришептываетъ:
— „Охъ, ты гой еси, Черкасскій князь!
Великъ ростомъ уродился ты,
Златомъ серебромъ украсился, —

Не пытавъ силы похваляешься;
Да гляди — рано не радуйся.
На бѣду я слово вымолвлю:
Не пытай силу съ крестьяниномъ!“
Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
Во гнѣвъ изъ за стола выскочилъ,
На бѣгу за столъ зацѣпилъ,
Девяносто скамей повалилъ,
Полтора гостей подавилъ, —
И схватилъ крестьянина за воротъ
Одолѣлъ князя крестьянской сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечъ
И ударилъ объ сыру землю:
Золотые перстни у князя съ рукъ скатилися,
Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися, —
Растянулся князь Черкасскій за-мертво,
Что князя-бояре разахалися,
Молодая княгиня расплакалася,
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала,
Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
— „Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
Вы схватите сына крестьянскаго,
Вы убейте вора безыменнаго,
Разорвите его тѣло на мелки части,
Да и бросьте псамъ на съѣденіе“. —
Какъ возговорить православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
„Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія“.

Былина:

„Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы“...

по сборн. Морд. стр. 19—21, — въ сборн. Кир. въ вып. 6, на
стр. 80 — 83.

Былина:

„Ужъ ты батюшка свѣтѣлъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому“...

по сборн. Морд. стр. 22, — въ сборн. Кир. въ вып. 6-мъ. на стр. 206. Привожу эту былинѣ по той же причинѣ по сборнику Мордовцевой и Костомарова.

Смерть Ивана Грознаго

Ужъ ты батюшка свѣтѣль мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому не по прежнему,
Изъ-за облачка выкатаешься,
Черною тучею закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана было у великаго,
У собора у Успенскаго
Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ,
Во гробу лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебряный,
Въ ногахъ его корона царская,
Вокругъ гроба стоятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ попы, патриархи,
Они служатъ и читаютъ, память отпѣвають,
Отпѣвають память царю православному,
Православному царю Ивану Васильевичу.

Былина:

„Грозень былъ воинъ царь нашъ батюшка
Первый царь Иванъ Васильевичъ“...

по сборн. Якушкина стр. 530—532, — въ сборн. Кир. въ вып. 6-мъ, на стр. 77—80, гдѣ приведены разнорѣчія.

Посмотримъ, какъ характеризовалъ и какое значеніе придавалъ исторической пѣснѣ или былинѣ, покойный академикъ *Ө. И. Буслаевъ*, одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ и авторитетныхъ знатоковъ отечественной народной поэзіи.

„*Пѣсни бытовыя*, то есть, подблюдныя, свадебныя, хороводныя, веснявки, а также разныя причитанья и заговоры, сохранили въ себѣ гораздо больше слѣдовъ древнѣйшаго мифологическаго эпоса, нежели пѣсни богатырскія, которыя значитель-

но потерпѣли отъ внесенія въ нихъ элемента историческаго". Относительно исторической пѣсни или былины, покойный профессоръ высказываетъ мнѣніе, что она заслуживаетъ особеннаго вниманія между прочими видами русской народной поэзіи, такъ какъ „свидѣтельствуемъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ". „Съ точки зрѣнія собственно литературной", г. Буслаевъ ставитъ былины „несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ", а для „народа въ его неразвитомъ, безсознательномъ, поэтическомъ періодѣ развитія, — онѣ служатъ единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народѣ его исторіею". Далѣе авторъ подробно разбираетъ наиболѣе выдающіяся былины, записанныя Якушкинымъ, напр., пѣсни: „О Марьѣ Юрьевнѣ", „О свадьбѣ Грознаго", „Про осаду Соловецкаго монастыря" и проч.

(Ө. П. Буслаевъ. Русская Народная Поэзія. 1861 г., статья „Русскій Народный Эпосъ", ср. П. Якушкинъ. Сочиненія. Изд. Вл. Михневича. СПб. 1884 г.)

⁸⁹⁾ См. примѣчаніе 129, часть II. Автономъ Булгаковъ. Посobie и матеріалы по русской словесности. СПб. 1909 г.

⁹⁰⁾ При объясненіи преподавателю необходимо обратить вниманіе учениковъ на самый процессъ „складки" исторической пѣсни и выяснить образъ, типъ даннаго историческаго лица, эпохи и т. п., изображаемыхъ пѣснею, на основаніи научной, такъ сказать, исторіи, а не учебной. Разумѣется, дѣлать это надо въ самыхъ краткихъ, сжатыхъ этюдахъ, но вполне ясныхъ и понятныхъ слушателямъ. Если есть разница въ изображеніи изучаемаго явленія, событія или лица исторіей и пѣснею, то и это отмѣтить. Словомъ, преподавателю необходимо стремиться дать возможность ученикамъ сразу, разъ навсегда, уяснить и запечатлѣть извѣстный типъ, что безусловно не пройдетъ безслѣдно при дальнѣйшемъ прохожденіи курса, такъ какъ это будетъ уже весьма серьезнымъ шагомъ въ процессъ усвоенія учениками извѣстной эпохи, произведенія, лица и т. п. Онъ увидитъ и пойметъ, что для выработки понятія о чемъ бы то ни было необходимо знаніе, а не фразерство, т. е. необходимо свѣрять знанія съ наукой. — Кромѣ того преподавателю при ознакомленіи и разъясненіи ученикамъ данной темы не слѣдуетъ ограничиваться только одними пѣснями, а познакомить — и съ народными преданіями, сказаніями и т. п.

⁹¹⁾ *The travels of Macarius, patriarch of Antioch: written by his attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic. Translated by*

F. C. Belfour, A. M. Oxon. M. R. A. S. London 1836, vol 2, pp 45—46.

God knows, when we saw the pictures of the Seven Councils, and of these heretical Emperors, and the loads of paintings representing them as gone down to Gehenna, we felt shame before the Muscovites, and before their Emperor and Grandees, who ridicule the Greeks and their empire; saying: „*Observe these Greek Emperors, from whom we received the light of the faith, how they acted in the holy Church of God, making war upon the images! and how, filled with corruption and iniquity, they persecuted the Patriarchs, the Heads of the Clergy, and every order of the Priesthood, together with the devout and holy men, more fiercely than did the worshippers of idols, such as Dioclesian, Maximian, and others!*“ How could the Emperors of Greece be expected to act otherwise, being ruled and guided by the enemies of our religion; such as, Leon the Armenian, and others, who were asskeepers and horse-breakers and such like, and belonged neither to the household of the Emperor nor to his nation? How could it be otherwise, when their Empresses were such as Eudoxia, who struck Chrysostom on the face, and, borne away by violence of her passion, committed acts in the Church of God which the worshippers of idols in their time refrained from doing; and such as other Empresses, who intrigued against their husbands, and murdered them, and, taking others to their bed, made them Emperors; as the modern histories of the Grecian empire describe? Would to God no memorial existed of their infamies, nor of the idle sports with which, like little children, they amused themselves during their sway; at the hearing of which our youth are made to blush! Through these reports, and such like, and the vices and deformities of the Greeks, at all times, and in all places wherever they are found, we observed they are no where at all liked: and this fact we were continually confirming, by the Evidence of our own eyes... We did not see the Cossacks bear any love to them; and the Muscovites will not receive them except through pity, and to give them alms. How many of them have they not banished to Siberia, and to the Monastery of the See of Darkness.... What a degenerate people! and what vile conduct! As their Emperors acted thus formerly, what wonder is it that they are at the present day guilty of so many crimes, wherever they are permitted to settle? As for the Heads of their Clergy, God be merciful to us and to them!... God be merciful to us, and to them!...

Перевода приведеннаго отрывка не привожу, такъ какъ есть переводъ „Путешествія“, сдѣланный проф. Г. Муркосомъ. Указанный переводъ представляетъ цѣнный вкладъ въ ученую

литературу по обстоятельному изученію арабскихъ рукописей и осторожности перевода темныхъ мѣстъ, полнотѣ и тщательности. Извѣстный до сей поры въ ученой литературѣ англійскій переводъ „Путешествія“ Бальфура, появившійся въ 1829—1836 г., по своимъ пропускамъ и довольно многочисленнымъ сомнительнымъ мѣстамъ послѣ перевода Г. Муркоса утрачиваетъ значеніе.

Заглавіе „Путешествія“ на русскомъ языкѣ такое: *„Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ“*.

Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса, по рукописи московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Москва. 1899 г.

Приводится мною отрывокъ изъ англійскаго перевода „Путешествія“ Бальфура для лицъ, могущихъ заинтересоваться повѣркой меня, хотя бы на указанномъ отрывкѣ. Мѣста отрывка переведены въ текстѣ и въ прим. 92. Кромѣ того переводъ г. Муркоса по цѣнѣ очень доступенъ всѣмъ, а г. Бальфура далеко не всѣмъ.

⁹²⁾ Преніе соборнаго старца Арсенія съ греки о вѣрѣ. 1651 г. ср. *Ф. Терповскій*. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1878 г. кн. 7, стр. 561—567.

Общія сужденія объ упадкѣ уваженія русскихъ къ грекамъ и о причинахъ этого явленія съ особенною выразительностью высказаны у Павла Алеппскаго, у Юрія Крыжанича, у Арсенія Суханова и у священника Лукьянова.

Архидіаконъ Павелъ алеппскій, по происхожденію арабъ, сынъ и спутникъ антиохійскаго патріарха Макарія, посѣтившаго Москву въ 1654 — 6 г., сначала изображаетъ контрастъ между набожностью москвичей и распущенностью грековъ, а потомъ отсюда уже выводитъ причину пренебреженія первыхъ къ послѣднимъ. „Что за благословенная страна!“ восклицаетъ Павелъ о Московіи. „Она населена только христіанами, въ ней нѣтъ ни одного ни жида, ни армянина, ни невѣра какой бы то ни было секты: здѣсь даже не имѣютъ понятія о нихъ. Здѣсь повсюду и на дверяхъ домовъ, и на дверяхъ лавокъ, и на улицахъ, и на дорогахъ стоятъ св. иконы, къ которымъ каждый, при входѣ и выходѣ, обращаетъ лице съ крестнымъ знаменіемъ... Да!.. это поистинѣ благословенная страна и здѣсь христіанская вѣра сіяетъ и сохраняется въ своей несомнѣнной чистотѣ!

(*Paul of Aleppo* in arabic. Translated by F. C. Belfour. London. 1829—36, I. p. 273).

„Что сказать о твердомъ и неослабномъ исполненіи ими всѣхъ религіозныхъ обязанностей! Что сказать о самыхъ этихъ обязанностяхъ, которыхъ достаточно для того, чтобы волосы дитяти посѣдѣли, и которыя, однако, тщательно выполняются и царемъ, и патріархомъ, и боярами, и боярынями и царевнами? Развѣ они не чувствуютъ усталости? Развѣ они желѣзные, что могутъ жить безъ ѣды и выстаивать длинныя службы на морозѣ, не обнаруживая утомленія? Безъ сомнѣнія эти русскіе — всѣ святые, ибо превосходятъ своимъ благочестіемъ даже пустынныхъ отшельниковъ. Богу угодно было сдѣлать этотъ народъ своимъ — и онъ сталъ Божиимъ — и всѣ его дѣйствія отъ духа, а не отъ плоти“.

(Ibid. I. p. 350—1 и 406—7; II, 96, 204, 52).

Сравнивая русскихъ и грековъ, арабскій писатель разумеется не можетъ отдать преимущества послѣднимъ. „Богъ знаетъ — говоритъ онъ при описаніи торжества въ недѣлю православія, — какой стыдъ мы почувствовали предъ москвичами, предъ ихъ царемъ и боярами, увидавъ иконы седми соборовъ и греческихъ императоровъ еретиковъ на дорогахъ, ведущихъ прямо въ геенну. Собственные государи русскихъ болѣе 700 лѣтъ преемствуютъ другъ другу на престолѣ, и ни одинъ изъ нихъ не показалъ себя ни врагомъ св. иконъ, ни еретикомъ: лично всѣ они были святые и никогда не оскверняли царствъ своихъ — подобно греческимъ императорамъ — войнами противъ иконъ, ересями и нововведеніями. *Москвичи смѣются надъ греками и ихъ имперіей, говоря: смотрите, вотъ греческіе императоры, отъ которыхъ мы получили святѣ, — какъ они злодѣйствовали въ св. церкви, вооружаясь противъ св. иконъ, какъ — въ чадѣ развращенія и злобы, преслѣдовали патріарховъ, епископовъ и весь священный чинъ равно и всѣхъ благочестивыхъ людей, и знали ихъ хуже, чѣмъ язычники!* Впрочемъ, какъ было и не злодѣйствовать греческимъ патріархамъ, когда на престолѣ сидѣли такіе люди, какъ Левъ Армянинъ и ему подобные, которые, выйдя въ цари изъ ослиныхъ и лошадиныхъ пастуховъ, не принадлежали къ царскому роду, ни къ греческому народу; — или такія царицы, какъ Евдоксія, бывшая по щекамъ св. Іоанна Златоустаго (?) или такія, которыя злоумышляли противъ своихъ мужьевъ, и погубивъ ихъ, восходили въ императоры того, кого брали на свое ложе (вѣроятно разумѣется Зоя)? Пусть-бы лучше Богъ изгладилъ всякую память о нихъ, объ ихъ безславіи и праздныхъ забавахъ, которыми они — подобно неосмысленнымъ дѣтямъ — тѣшили себя во все время царствованія и рассказъ о

которых может заставить краснѣть всякаго юношу. Тѣмъ не менѣ вслѣдствіе ли этихъ исторій, или вслѣдствіе безобразія и порочности грековъ, грековъ — какъ мы замѣтили — не любятъ нигдѣ. Въ этомъ мы убѣждались на каждомъ шагу... Мы не замѣтили, что бы ихъ любили сколько-нибудь казаки, а москвичи вовсе не хотятъ пускать ихъ къ себѣ, и Богъ знаетъ — сколько ихъ разослали въ Сибирь и въ монастырь на полуночномъ морѣ (т. е. Соловецкій) и отправили назадъ еще изъ Путивля... Что за выродившійся народъ и что за поведение! Какъ императоры ихъ злодѣйствовали прежде, такъ и теперь греки, гдѣ ни появляются, совершаютъ множество преступленій... Что сказать объ ихъ епископахъ! Боже, пощади насъ и ихъ! Мы высказываемъ не свое сужденіе о грекахъ; такъ говорятъ о нихъ вездѣ, гдѣ мы ни были, и преступное поведение ихъ видѣли мы сами". См. прим. 91.

(Ibid. II, p. 45—46. По ошибочной пагинаціи стр. 46—48 въ англійскомъ изданіи помѣщены дважды).

Какъ на образчикъ поведения грековъ въ Москвѣ. Павелъ алеппскій указываетъ на искусственное составленіе *свиты патріарха Паисіемъ*, бывшемъ въ Москвѣ въ 1649 г. „Въ действительности въ свитѣ патріарха было не больше 35 человекъ: въ этомъ числѣ было достаточно архимандритовъ, священниковъ и монаховъ, — а равно родственниковъ патріарха, его племянниковъ и братьевъ, также архонтовъ, которыхъ онъ пожаловалъ, сколько ему было угодно, титуломъ архонта изъ купцовъ и проч, потому что любить блескъ и величіе — въ натурѣ грековъ. Но затѣмъ патріархъ набралъ еще въ число своихъ спутниковъ разнаго сброда и въ списокъ назвалъ ихъ священниками, архимандритами и клириками разныхъ монастырей, и это все для того, чтобы, благодаря соучастію бѣльшей свиты, получить большую прибыль, потому что все пожертвованіе, которая шли патріаршимъ спутникамъ и ихъ монастырямъ, патріархъ отъ перваго до послѣдняго бралъ себѣ; также обирались и купцы, пожалованные въ архонты. Подобно патріарху Паисію, поступала и большая часть греческихъ митрополитовъ, бывавшихъ въ Москвѣ“.

(Ibid. II, p. 386).

Только одно нравственное достоинство указываетъ Павелъ алеппскій въ грекахъ, но и то достоинство сомнительнаго свойства, — это приверженность грековъ къ своему духовенству, грѣхи котораго они тщательно прикрываютъ. „Греки видятъ, какъ ихъ патріархи однихъ ссылаютъ, другихъ обезглавливаютъ, третьихъ топятъ, однако, закрывъ глаза на ихъ безславіе, все-таки любятъ и почитаютъ ихъ, какъ достойныхъ своего сана, — и продолжаютъ повиноваться своимъ клирикамъ, даже когда видятъ, что они уклоняются отъ чистоты вѣры“.

(Ibid. II, p. 46).

Павелъ алеппскій не говоритъ, чтобы москвичи презирали грековъ за упадокъ церковно-политическаго могущества, но изъ его разсказа это слѣдуетъ само собою. „Сколько церквей въ Москвѣ? спрашивалъ я объ этомъ“ — пишетъ арх. Павелъ — „у многихъ, наконецъ спросилъ у патріаршаго архидиакона, и тотъ отвѣчалъ: „болѣе 4000, алтарей же, въ коихъ ежедневно совершается литургія, болѣе 10000, ибо въ каждой церкви алтаря три и болѣе“. Какъ поражаетъ это душу христіанина! — Въ Константинополѣ и Антиохіи вмѣстѣ не будетъ 2000 церквей.

(Ibid. II, 31).

„Намъ говорили“, — пишетъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ, „что коломенская епископія самая бѣдная изъ всѣхъ московскихъ епископій, однако къ этой каѳедрѣ принадлежитъ болѣе 25 городовъ, такихъ, какъ Коломна (которую въ другомъ мѣстѣ Павелъ сравниваетъ по величинѣ съ Емессою), гдѣ посажены воеводы, подъ управленіемъ коихъ находится болѣе 2000 деревень, съ такимъ числомъ жителей, которое скорѣе можно угадать, чѣмъ пересчитать. И это и у нихъ бѣдная! Тогда какъ три патріарха антиохійскій, александрійскій и іерусалимскій вмѣстѣ не имѣютъ столько“.

(Ibid. I, 317).

Нельзя думать, чтобы москвичи не замѣтили того, что замѣчалъ арабскій писатель, и не сознавали своего превосходства надъ греками въ церковно-политическомъ могуществѣ, и мы сейчасъ увидимъ, что они сознавали это очень хорошо.

Это сознаніе національнаго превосходства русскихъ надъ греками съ особенною силою выразилось въ такъ называемомъ *преніи соборнаго старца Арсенія съ греки о вѣрѣ*.

(А. Ржевскій. Арсеній Сухановъ. Православн. обозр. 1867 г. № 9, стр. 34—37 и №№ 10 и 11. — *Огнесъ*. О происхожденіи раскола въ русской церкви. Православное обозрѣніе. 1861 г. № 11).

Дѣйствительно-ли Арсеній Сухановъ имѣлъ съ греками въ 1651 г. такое *преніе* въ присутствіи патріарха іерусалимскаго, или это *преніе* вымышленное, — во всякомъ случаѣ оно интересно для насъ, потому что выражаетъ собою сложившійся въ XVII в. взглядъ русскихъ на грековъ. „Чѣмъ вы лучше насъ?“ говоритъ авторъ пренія грекамъ. „Все ваше начало къ намъ перешло. Былъ у васъ царь благочестивый, а нынѣ нѣту. И въ то мѣсто возставалъ Господь Богъ на Москвѣ царя благочестиваго... Паки скажу вамъ о второмъ началѣ: писано есть во второмъ всел. соборѣ: величаться сирѣчь украшаться церковными утварями константинопольскому патріарху, второму по

римскомъ епископѣ, сирѣчь папѣ. И у васъ нынѣ какъ и чѣмъ величаться патріарху, якоже римскому епископу? *Не могутъ патріархи ваши по граду со кресты ходить и на главѣ креста носить и на церкви креста имѣти, надъ мертвецемъ у церкви отпѣвать и по граду нести, иль въ колокола звонить, иль на ослѣхъ ѣздить. И въ то мѣсто папы у насъ на Москвѣ патріархъ, вмѣсто константинопольскаго, не токмо, якоже второй по римскомъ величается, но якоже и первый епископъ римскій,... занеже клобукъ бѣлый перваго папы Селивестра римскаго на себѣ носить... И всякій святи-тельскій чинъ и священническій и иноческій въ московскомъ государствѣ украсися, якоже исперва бѣ въ Римѣ и у васъ. У насъ на Москвѣ у государя царя и епископа (т. е. патріарха) есть до 700 церквей, а у митрополита новгородскаго будетъ до 2000 церквей. А у васъ что то за патріархъ? Патріархъ зовется отцемъ начальникъ, сирѣчь имѣетъ подъ собою митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ; а вотъ патріархъ alexandрійскій надъ нимъ будетъ патріархъ? Только всего у него подъ властію двѣ церкви во всей его епархіи, а не имѣютъ подъ собою ни единого архіепископа и епископа, то надъ кѣмъ будетъ патріархъ? Монастырей было у васъ много, иконъ не бѣ числа, а нынѣ только слѣдъ знать. Церкви многія бусормане завладѣли и починили мечетями, христіане многіе побусорманились. *Мошей св было у васъ много, и вы ихъ разносили по землямъ и нынѣ у васъ нѣту, а у насъ стало много: да и наши земли Богъ многихъ прославилъ угодииковъ Своихъ: мощи ихъ нетлѣнны лежатъ и чудеса творять, и риза Спасителя нашего Бога Христа у насъ же*".*

„Скажете мнѣ вы, греки, что мы крещеніе отъ васъ пріяли, ино чѣмъ вамъ тѣмъ величаться?... Всюе вы хвалитесь тѣмъ, будто мы крещеніе отъ васъ пріяли. Мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея. А хотя-бъ онъ грекъ, то отъ тѣхъ, которые непорочно сохранили правила св. отецъ и апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ, а не отъ нынѣшнихъ, которые не соблюдаютъ св. апостолъ правила. Велико зло въ васъ: своимъ книгамъ повинутися не хотите, а все вамъ то случилось отъ римлянъ, занеже и печатнаго двора еллинскаго ученія у себя не имѣете, — и книги вамъ печатаютъ въ Венеціи и въ Англіи, и еллинскому писанію ходите учиться въ Римъ и въ Венецію, и диласкалы всѣ у васъ отъ тѣхъ наукъ приходятъ къ вамъ: и тамо — они будучи, якожъ въ коростовомъ стадѣ и здравая скотина окоростовеетъ, такъ и ваши дидакалы, приходятъ къ намъ изъ Рима и изъ Венеціи всѣ шелудивыи. А вы ихъ во всемъ слушаете. Прочее реку вамъ; что у васъ ни было добраго, все къ намъ въ Москвѣ перешло”.

Болше глубокія основанія для пренебреженія къ грекамъ представляетъ Юрій Крыжаничъ Сербъ, католическій священникъ и все-славянскій патріотъ, пріѣхавшій на Москву искать осуществленія своихъ идеаловъ о славянскомъ царствѣ, сосланный въ Тобольскъ въ 1661 г. и прожившій тамъ 15 лѣтъ. „Корыстолюбивые греки“, говоритъ Крыжаничъ въ своемъ сочиненіи о Россіи, писанномъ во время сибирскаго досуга, „волочатся по нашимъ странамъ безъ нужды и дѣлають многое противъ святыхъ правилъ и въ ущербъ добраго церковнаго порядка. Всякія святыни превращають въ товаръ и стараются тысячу разъ продать намъ Христа, котораго Іуда продалъ только однажды. За деньги посвящаютъ свинопасовъ и мясниковъ, которыхъ въ бѣлой Руси не посвятили туземные епископы. За деньги разрѣшають всякіе браки и позволяютъ одному мужу перемѣнить шесть женъ, отсылая прежнихъ въ монастырь. За деньги прощаютъ людямъ грѣхи безъ исповѣди, безъ покаянія; дають письменное разрѣшеніе только тому, кто даетъ деньги, и такимъ образомъ отсылають души прямо въ адъ. За деньги продають св. муро. Ради денегъ скитаются и выдумаютъ предлоги для нищенства и для выпрашиванья милостыни. Называются епископами, не будучи епископами, — и посвящаютъ поповъ. Вотъ какъ поступаютъ на Руси восточные пастыри!“

(Крыжаничъ. Русское Государство въ пол. XVII в. Приложение къ № 2. Русской бесѣды, 1859 г., стр. 69—70).

Сравнивая вліаніе на Русь нѣмцевъ и грековъ, Крыжанинъ доказываетъ, что и тѣ, и другіе обманываютъ Русь только на разные лады, но съ одною цѣлью. „Какъ нѣмцы, такъ и греки ищутъ нашихъ денегъ и средствъ жизни. Голодной ихъ жадности никогда не наполнить, какъ дыряваго мѣшка. Ихъ очи никогда не насыщаются, но всегда алкають все больше и больше, и хотѣли бы высосать кровь изъ жилъ нашихъ, мозгъ изъ костей нашихъ“.

(Ibid. Прил. къ № 5 Рус. бес., 1859 г. стр. 174—94).

Наконецъ самый рязкій и жесткій отзывъ о грекахъ вообще, и въ частности о грекахъ, приходящихъ на Русь, мы находимъ у московскаго священника Лукьянова въ описаніи его путешествія на востокъ 1710 — 11 гг. — Не получивъ гостепріимства въ Царьградѣ ни у патріарха, ни въ синайскомъ монастырѣ. Лукьяновъ выражается такими словами: „Таковы-то греки милостивые! да еще бѣдный старецъ ни въ кои-то вѣки одинъ забрелъ, инъ ему мѣста нѣтъ... А какъ сами,... дѣти, что мошенники, по вся годы въ Москвѣ-то челоуѣкъ по 30 волочатся за милостынею, да имъ на Москвѣ-то отходятъ мѣста хорошія, да и кормъ государевъ. А пріѣхавъ въ Москвѣ, мошенники, пла-

чуть предъ государемъ, предъ властью и предъ боярами: „отъ турка насиліемъ отягчены"! А набравъ на Москвѣ, да приѣхавъ въ Царьградъ, да у патріарха иной купить митрополитство, иной епископство; такъ-то они все дѣлають. А плачутъ: обижены отъ турка! А кабы обижены забыли бы простые старцы носить рясы луданныя, да камлотныя, да суконныя по три рубля аршинъ.

Напрасно миленькаго турка-то старцы греческіе оглашаютъ, что насилуетъ: а мы сами видѣли, что имъ насилія ни въ чемъ нѣтъ; и въ вѣрѣ ни въ чемъ: все лгутъ на турка! кабы насилены, забыли бы старцы въ луданныхъ, да камлотныхъ рясахъ ходить. Прямо, что насилены отъ турка! А когда къ Москвѣ пріѣдутъ, такъ въ такихъ рясахъ худыхъ таскаются, будто студа нѣтъ; а тамъ бывши, не заставитъ его такой рясы носить".

(Путешествіе въ Святую землю старообрядца московскаго священника *Іоанна Лукьянова*. Въ царствованіе Петра Великаго М. 1864 г., стр. 28).

⁹³⁾ *Ф. Терповскій*. Изученіе Византійской Исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1874 г. № 8, стр. 655.

.....Что касается до современной исторіи цареградскаго патріаршества, то на этотъ разъ Максимъ, какъ горячій греческій патріотъ, хранитъ глубокое молчаніе. Похвалиться было нечѣмъ. *Въ теченіе ста лѣтъ отъ паденія Византіи (1453) до смерти Максима Грека (1556) въ Царьградѣ смѣнилось 23 патріарха, и почти всякая смѣна была насильственная, ознаменованная подкупомъ и интригами.*

М. Владиміръскій Будаговъ. Государство и народное образованіе въ Россіи. Журн. Мин. Народ. Просв. май, 1874 г. CLXXIII. стр. 136—157.

Нынѣшній терминъ „образованности" замѣнялся тогда словомъ: „мудрость"; этимъ обозначалось раскрытіе духовныхъ силъ человѣка, которое имѣетъ неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ сдѣлать изъ него хорошаго гражданина и хорошаго сына церкви. Обстоятельства времени требовали именно развитія въ народѣ этой мудрости, потому что опасности, грозившія государству, заключались не въ ославленіи внѣшнихъ его силъ, а въ умственной шаткости, одинаково вредной и для церкви и для государства. Потому мудрость заключаютъ въ себѣ всѣсторонность знаній, такъ называемое высшее общее образованіе.

Такая задача и съ такимъ пониманіемъ ея важности указывается правительству ученою литературою XVII вѣка. Юрій

Крыжаничъ, въ своей Политикѣ, посвящаетъ новый (3-й) отдѣлъ — „мудрости“, т. е. образованію. Сказавъ, что въ исторіи образованности народы чередуются, онъ убѣжденъ, что въ его время (при царѣ Алексѣѣ) настала и для славянъ пора войти во всемірный кругъ, чтобы „постараться стереть плесень древней дикости“, установить строй общества болѣе похвальный и достигнуть большаго благосостоянія. Тѣхъ, которые считали высшее образованіе — богословское, философское и филологическое — ересью, онъ самъ обвиняетъ въ ереси, которую называетъ, „мудроборскую“, и доказываетъ мѣстами изъ Священнаго Писанія, что попеченіе объ образованіи есть обязанность государей: *„Цари, если вы любите троны и скипетры, то любите образованность; чрезъ это вы долго будете царствовать. Любите свѣтъ мудрости всѣ, кто держитъ власть въ народѣхъ“*. Подъ образованіемъ, какъ одну изъ правительственныхъ задачъ, Крыжаничъ понимаетъ образованіе философское, которое заключается въ способности здраваго сужденія, но непосредственно не сообщаетъ реальныхъ знаній: *„filosofia (такое правописаніе Крыжанича) non est ars, neque scientia aliqua sed est fortius diligens et meditata prudentia, sive peritia judicandi de rebus omnibus... Filosofus et nihil scit et omnia scit“*.

[(„Русское государство въ половинѣ XVII вѣка; изд. Безсонова, М. 1859 г., часть I. — Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *„Философствовать или мудрствовать значитъ ничто иное, какъ разсуждать о причинахъ вещей: отъ чего, для чего, какимъ образомъ и къ чему бываетъ то или это. Поэтому, всякій разумный человекъ есть философъ“* (стр. 115)].

Вслѣдствіе того, образованіе имѣетъ у него характеръ „мудрости“, болѣе или менѣе доступной каждому и требуемой отъ каждаго; у него спеціальныя знанія являются лишь результатомъ „мудрости“ и состоятъ изъ математики, естествовѣдѣнія, медицины, филологіи, наукъ политическихъ и юриспруденціи. Изъ всѣхъ разрядовъ этихъ факультетскихъ знаній, по мнѣнію Крыжанича, послѣдній есть самый важный для государства. Онъ убѣжденъ, что разрядъ наукъ, имѣющій высшее значеніе съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, это — науки политическія, которыя, по его схемѣ, представляетъ вѣнецъ философскаго образованія. Изъ мірскихъ наукъ благороднѣе и выше всѣхъ — политика или государственная „мудрость“; она наиболѣе прилична царямъ и ихъ совѣтникамъ. Содержаніе политическихъ наукъ состоитъ изъ знаній, существенно необходимыхъ для государственнаго человѣка и администратора, а именно: эти знанія экономическихъ силъ государства (экономической статистики), изъ знанія духовныхъ

и внѣшнихъ особенностей своего народа, изъ познанія „блага“ (какъ предмета политической экономіи), государственнаго устройства своего народа, какъ современнаго, такъ и прежняго (т. е. изученія дѣйствующаго права и исторіи русскаго права), наконецъ — изъ политики въ собственномъ смыслѣ и того, что мы теперь называемъ международнымъ правомъ.

Тѣ народы, говоритъ Крыжаничъ, которые не изучаютъ государственныхъ и философскихъ наукъ и высшихъ техническихъ знаній, называются варварами. Къ такимъ причисляются между прочимъ, и славяне; если они не знаютъ, какія изъ своихъ учреждений слѣдуетъ имъ удержать и какія измѣнить, то причиною этого изъ невѣжество. Такимъ образомъ отсутствіе извѣстныхъ знаній въ народѣ можетъ сдѣлаться непосредственною причиною бѣдствій для государства. Знанія эти хотя и имѣютъ профессиональный характеръ, но составляютъ не болѣе, какъ прикладную часть философскаго образованія.

(Схема Крыжанича весьма замѣчательна; мы приведемъ ее здѣсь съ цѣлью уяснить, что хотѣли достигнуть (если не достигали), предполагалъ въ Московской академіи учить наукамъ „гражданскимъ и духовнымъ“, кончалъ „философією разумительною, естественною и правою“. Все знаніе (scientia), по Крыжаничу, раздѣляется на знаніе духовное и знаніе мірское:

I. Знаніе духовное состоитъ изъ а) богословія спекулятивнаго (speculativa — „разсмысленнаго“ богословія), б) ученія о Священномъ писаніи „богословія письменнаго“ (Theologia scripturalis) и в) нравственнаго богословія („нравное“). Вотъ и весь порядокъ богословскихъ знаній.

II. Область знанія мірскаго состоитъ изъ механики, подъ которою разумѣются прикладныя знанія („рукодѣліе и промыселъ“), математики и философіи. Первая заключаетъ въ себѣ: а) знаніе ремеселъ, б) сельскаго хозяйства и в) науку о торговлѣ. Вторая, то - есть, математика состоитъ изъ а) ариѳметики, б) музыки, в) геометріи и г) астрономіи. Наконецъ третья, т. е., философія, состоитъ изъ а) логики, б) физики, в) этики. А. Логика („бесѣдное ученіе“ по переводу Крыжанича) это то, что проектъ привилегіи академіи называлъ „философією разумительною“; она заключаетъ въ себѣ: а) грамматику, б) піэтику и в) діалектику, т. е. всю филологическую часть человѣческаго вѣдѣнія. Б. Физика („природное ученіе“), это то, что проектъ привилегіи называлъ „философією естественною“; она заключаетъ въ себѣ всю область естествовѣдѣнія, какъ чистаго, такъ и прикладнаго, а именно: а) Notitiam simplicium — „познаніе простыхъ тѣлесныхъ вещей“ (органическихъ и неорганическихъ) и б) медицину. Наконецъ, В. эти-

ка заключаетъ въ себѣ ученіе объ обществѣ (соціальныя науки въ обширномъ смыслѣ); сюда принадлежатъ: а) Sdyoetika („особуное нравоученіе“), т. е. ученіе о личной нравственности („како всякій челоѡкъ самъ у себя имѣетъ благонравно жить“); б) экономію и в) политику, которую Крыжаничъ называетъ „царскою мудростію“, наконецъ г) юриспруденцію, которая, судя потому, что стоитъ у него въ таблицѣ, а въ текстѣ не упоминается, должна считаться лишь одною изъ частей политики. (Русск. Госуд. I, стр. 120—123). Читатель замѣтитъ, конечно, что эта схема существенно разнится отъ господствовавшихъ въ средніе вѣка искаженій схемы Аристотелевой).

Отъ указанной цѣли не отступаетъ и другой проектъ XVII вѣка, хотя и посвященный собственно реальному образованію, а именно проектъ 1682 года объ учрежденіи въ Россіи мѣстъ призранія, рабочихъ домовъ, ремесленныхъ училищъ и профессиональныхъ школъ. Начальство каждаго народа, говорить составитель проекта, преимущественно должно заботиться о томъ, чтобы возрастающіе граждане преуспѣвали въ благихъ нравахъ, наукахъ и знаніи ремеслъ. Этимъ обезпечиваются тишина, миръ и „благословенство“ каждаго города. Какъ дикія деревья не могутъ приносить хорошихъ плодовъ, если не отрѣзать ихъ грубыхъ вѣтвей и не привить къ нимъ отпрыскъ хорошаго дерева..., такъ точно и челоѡкъ, по природѣ склонный болѣе къ злу, чѣмъ къ добру, не выступитъ на истинный путь по внушенію лишь своей природы, если въ молодости не будетъ искоренена наукою прирожденная ему грубость. „И челоѡкъ, кромѣ (безъ) ученія, челоѡкомъ именоватися не можетъ для того, что не вѣсть какъ (почему) онъ челоѡкъ. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ.“

Стога: „О началѣ устроенія и распространенія въ Россіи общественнаго призранія“ (мнимый указъ царя Θεодора Алексѣевича). —

Приведенные отрывки изъ Крыжанича легко уясняютъ смыслъ, который придавали въ XVII вѣкѣ слову „мудрость“. То же самое встрѣчаемъ и въ проектѣ привиллегіи академіи. (См. Исторія Россійской іерархіи I, 517).

⁹⁵⁾ Ю. Крыжаничъ. Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. Открыль и издалъ Безсоновъ, ч. I. М. 1859 г.

Треба естъ да крали своихъ подданныхъ, родители своихъ дѣтей, наставляють на добываніе мудрости. (стр. 108).

Едною рѣчію (1): свѣтое писмо естъ полно похвалъ муд-

рости: кую многими бесѣдами величить и препоручаетъ (2). Мовить бо сице: „Блаженъ мужъ, кій обрѣтетъ мудрость, и обилень будетъ разумомъ. Луче есть неја стѣжаніе, неже избытокъ сребра и злата”. Прич: гл: 2. „Мудростію сја и храмъ зиждетъ (3), и разумомъ сја крѣпитъ. Або зъ разборомъ начинается рать: и спасеніе будетъ, гдѣ суть многія думы. По мудрости крали кралюють: и властели судятъ правду”. Прич: гл: 8. Пожелѣніе (4) мудрости приводитъ къ вѣчному королевству. Аще сја адда (слѣдовательно) радуєте въ сѣдалехъ и берлехъ (5), о крали, любите мудрость: да будете во вѣкъ кралевали. Любите свѣтъ мудрости всѣ, кои держите область (5) въ народехъ.” Муд: гл: 6. (стр. 111 и кромѣ того см. примѣчаніе 94-ое).

1 — однимъ словомъ; 2 — рекомендуется; 3 — зиждетъ; 4 — желаніе; 5 — въ тронахъ и скипетрахъ; 6 — власть.

⁹⁶⁾ Ю. Крыжаничъ. Ibidem, отд. третій.

⁹⁷⁾ Древняя Россійская Вивліюэика, т. XI, стр. 397—420.

⁹⁸⁾ Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Разсужденіе, писанное на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія кандидатомъ Московскаго университета Юріемъ Самаринымъ. Москва. 1844 г. и Собр. соч. Самарина, т. V, Москва. 1880 г. — Въ литературной оцѣнкѣ, въ сужденіяхъ и приговорахъ въ книгѣ г. Самарина обнаруживается талантъ и свѣтлый умъ автора, и если не всѣ отзывы его сохраняютъ безусловную справедливость до настоящаго времени, то единственно потому, что выводы автора основываются на сравнительно маломъ количествѣ данныхъ. То, что сказано имъ о Стефанѣ Яворскомъ, вытекаетъ изъ фактовъ, изученныхъ имъ по неполному и неудовлетворительному изданію сочиненій Яворскаго. Одно слово Стефана Яворскаго, по поводу учрежденія фискаловъ, значительно измѣнило бы приговоръ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей. Оставаясь вѣрнымъ духу своего времени и тогдашней литературной критики, авторъ заботится преимущественно о выводахъ, не подвергая предварительно критическому разбору основного матеріала: о томъ, въ какомъ видѣ изданы сочиненія разбираемыхъ писателей, въ диссертациі нѣтъ и помину. Слѣдуя также духу времени, даровитый авторъ руководствуется Гегелемъ, и не только въ эстетическихъ вопросахъ, но отчасти даже и во взглядѣ на явленія русской исторической жизни.

А. Галаховъ. Исторія русской словесности, древней и новой. Изданіе 3-ье. Том. I, отд. 1-ый. Москва 1894 г. стр. 374—387, 388—391; т. I, отд. 2-ой. Москва 1894 г., стр. 11—20.—

А. И. Невзлетовъ. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 8-ое подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова. Часть I. Москва. 1899 г., стр. 143—148. — *Порфириевъ.* Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Изд. 6-ое. Казань. 1897 г., стр. 647—724. — *Орловъ.* Курсъ исторіи русской литературы, стр. 194—213. — *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. тип. „Общественная Польза“, т. II. стр. 1525; т. III., стр. 202, 203, 231 и др. страницы.

⁹⁹⁾ Для уясненія и болѣе яснаго пониманія статьи приведу въ самыхъ сжатыхъ чертахъ послѣдствія перевода представителей юго-западнаго просвѣщенія въ Москву.

Русская жизнь въ эпоху Петра представляется очень похожею на теченіе большой, широкой и глубокой рѣки, въ которую вдругъ ринулись два новые потока, одинъ другого обильнѣе и сильнѣе. Потoki эти возмutilи тихое и спокойное теченіе рѣки, и если не окрасили ея воды своимъ цвѣтомъ, не дали своего вкуса, то во всякомъ случаѣ сильно стѣснили ихъ поглотивъ въ себя все, что не устояло противъ ихъ напора, что поддалось вліянію того или другого изъ этихъ потоковъ. Очень не трудно понять, что подъ потоками разумѣется здѣсь появленіе у насъ, съ самаго начала восемнадцатаго столѣтія, множества разныхъ западно-Европейцевъ, съ одной стороны, и Кіевскихъ ученыхъ, съ другой. Послѣдніе, то есть, Кіевскіе ученые, и прежде заглядывали къ намъ; ихъ и приняли-было у насъ тогда довольно ласково, но они не сумѣли оцѣнить эти ласки, забылись и начали проводить въ русскомъ обществѣ свои, впрочемъ не оригинальныя, а заимствованныя отъ латинянъ понятія, чѣмъ, естественно, и вооружили противъ себя и правительство, и народъ до того, что противъ нихъ составилъ въ Москвѣ соборъ (въ январѣ 1690 г.). На этомъ соборѣ на нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ кіевлянъ была произнесена анаѣема, а ихъ самихъ положено изгнать изъ Великороссіи, что, конечно, немедленно и выполнено. Прошло однакожъ только десять лѣтъ съ тѣхъ поръ; подросъ и вошелъ въ силу свою Петръ, и дѣло Кіевскихъ ученыхъ, еще такъ недавно совсѣмъ было проигранное, снова поправилось. Съ легкой руки *Стефана Яворскаго*, случайно прибывшаго въ Москву и удивившаго Петра своимъ краснорѣчіемъ (словомъ при погребеніи боярина А. С. Шеина), Кіевскіе ученые снова потянулись одинъ за другимъ въ Великороссію, и на этотъ разъ уже безъ всякихъ опасеній за свою участь, даже съ прямымъ намѣреніемъ заняться образованіемъ Великоруссовъ. Чтô именно сдѣлали они у насъ, какъ развили русское общество, какія внесли понятія,

и какіе гдѣ ввели порядки, наконецъ, для чего именно Петру I они оказались нужными—обо всемъ этомъ довольно подробно и обстоятельно говоритъ покойный докторъ богословія *И. Образцовъ* въ статьѣ „Кіевскіе ученые въ Великоруссіи“ (*Журналъ Эпоха*, 1865 г. № 1, стр. 1—58). Достаточно кратко сказать, что Кіевскіе ученые произвели у насъ нѣчто въ родѣ церковнаго раздѣленія, отдалили отъ церкви простой народъ, провели рѣзкую грань между пастырями и пасомыми... Они сдѣлали это ненамѣренно, — не съ такими цѣлями, за которыя ихъ слѣдовало бы осудить: у нихъ были самыя добрыя цѣли, они желали сдѣлать вовсе не то, что, къ сожалѣнію, сдѣлалось. Они учили русскій народъ *правой вѣрѣ и доброй жизни, учили въ школахъ и въ православныхъ храмахъ*, но дѣлали это по своему, по книжному, *схоластически, языкомъ для народа почти непонятнымъ*, если не сказать, совершенно непонятнымъ. Они смотрѣли на народъ свысока, не хотѣли, да и не умѣли сблизиться съ нимъ, чтобы понять его думы, радости и скорби.. Чтѣ же удивительнаго, что народъ не сошелся съ ними? При томъ, *ученые эти, по большей части монахи*, были въ церковномъ мірѣ лица правительственныя, *архипастыри*. Это обстоятельство было причиною того, что *на нихъ* мало по малу настроилось и зависимое отъ нихъ *благое духовенство*, которое, вслѣдъ за своими вождями, тоже отвыкло понимать простой народъ, а онъ, этотъ народъ, въ свою очередь мало сталъ понимать духовенство. Таково, въ самыхъ сжатыхъ чертахъ, вліяніе на русскую жизнь одного потока — Кіевского. Другой потокъ, проникшій въ русскую жизнь, нѣмецкій, сдѣлалъ у насъ другое дѣло: *онъ отодвинулъ народъ отъ бояръ*, провелъ рѣзкую грань между *правителями и управляемыми*. Нельзя, конечно, сказать, чтобъ и прежде появленія у насъ нѣмцевъ бояринъ нашъ стоялъ, какъ говорится, на одной доскѣ съ крестьяниномъ; но прежде они, по крайней мѣрѣ, не расходились далеко въ своихъ основныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ: тѣ и другіе — всѣ были истые Великоруссы. Теперь же, когда построеніемъ Петербурга Петръ прорубилъ намъ окно въ Европу, бояре потянули въ другую западно-европейскую, нѣмецкую сторону; сначала они только обрили бороды и русскіе мѣды перемѣнили на вина заморскія, но потомъ мало по малу такъ или иначе они стали усвоять себѣ и понятія и взгляды западно-европейскіе, чрезъ чтѣ, естественно, все больше и больше удалялись отъ русскаго простонародія. Напрасно государь-реформаторъ требовалъ отъ ученыхъ Кіевскихъ, чтобъ они объясняли народу великость и значеніе дѣла его, чтобъ они мирили народъ съ новыми, пришлыми изъ-за границы людьми, равно какъ и съ тѣми изъ русскихъ, которые

принимали ихъ сторону. Покорные велѣніямъ своего монарха, ученые эти, что могли, говорили въ пользу новизны; но народъ не понималъ рѣчей ихъ, тѣмъ болѣе, что и самыя дѣйствія новыхъ заграничныхъ людей и ихъ русскихъ сторонниковъ не могли вызывать въ народѣ — не говоримъ симпатіи, но хотя бы даже малѣйшее вниманіе къ этимъ людямъ: съ реформою Петра народъ нашъ волей-неволей сталъ въ сторонѣ отъ всего, что вносила съ собою въ Русь эта реформа. Въмѣсто сближенія съ нѣмцами и кіевскими учеными, народъ нашъ съ этого времени еще болѣе, чѣмъ прежде, сталъ дружить съ расколомъ, такъ что въ немъ теперь открылся самый богатѣйшій и обильнѣйшій матеріалъ для раскола. Нужды нѣтъ, что расколъ въ ту пору жестоко преслѣдовали; онъ понималъ естественность этихъ преслѣдованій и тѣмъ крѣпче держался за свое знамя, по его понятію, единственно чисторусское и православное, и тѣмъ болѣе ожесточался противъ всѣхъ, кто силился отнять у него это знамя; а такъ какъ это было общимъ и дружнымъ дѣломъ нѣмцевъ и кіевлянъ, то расколу тѣ и другіе стали равно противны. И произошелъ у насъ изъ всего этого великій хаосъ: стояли одна противъ другой четыре громадныя партіи, одна другой не понимая, одна съ другой не соглашаясь, даже прямо враждуя между собою.

¹⁰⁰⁾ *Пособіа къ изображенію: литературной и общественной дѣятельности Ѳеофана Прокоповича: Митрополитъ Евгеній. Словарь о русскихъ писателяхъ духовнаго чина. — Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I. 1862 г. (Сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о біографіи Ѳеофана заимствованы изъ Scherer's Nordische Nebenstunden). Кромѣ того, для статьи важна пятнадцатая глава изслѣдованія Пекарскаго, гдѣ разсматривается дѣятельность Ѳеофана, какъ писателя, связь литературныхъ трудовъ съ реформою Петра Великаго, отношенія Ѳеофана къ Кантемиру и Ломоносову и т. п. — А. Кантемиръ. Сочиненія. Примѣчаніе къ пятому стиху третьей сатиры, стр. 76 — 78. Изданіе 1867 года. — Каченовскій. Взглядъ на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія. Вѣстникъ Европы. 1811 г., октябрь, № 19. — Ю. Самаринъ. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Москва. 1844 г. — И. Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV. СПб. 1868 г. Разборъ сочиненій г. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ“; составленъ Пекарскимъ. XXXIV присужденіе демидовскихъ наградъ. — А. И. Сумароковъ. Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Часть IV.*

О російскомъ духовномъ краснорѣчіи. 1787 г. — Смп. рим. 138-ое, ч. II. Пособіе и матеріалы по русской словесности *Автономъ Булаковъ* СПб. 1909 г.

Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. Leipzig. 1768. VII Band. — Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867 г. — *Филаретъ*, архіепископъ Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы, книга 2-я. Черниговъ. 1863 г. Глава: „Борьба съ реформаціею” и другія, отмѣченныя въ указатель, мѣста въ Исторіи русской церкви, архіепископа Филарета, періодъ пятый, синодальное управленіе. — *Еофанъ Прокоповичъ*, архіепископъ Великаго Новаграда и проч. Слова и рѣчи, собранныя и нѣкоторые вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя. Спб. 1761 г. — *Новиковъ*. Опытъ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ. Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. Ефремова. Спб. 1867 г.

Выдержки изъ рукописной реторики *Еофана Прокоповича*, содержація въ себѣ изображеніе папистовъ и іезуитовъ. Труды Кіевской Духовной Академіи. Апрѣль. 1865 г.

Еофанъ родился 1681 г., умеръ 1736 г.

¹⁰¹⁾ „Доброе и основательное ученіе есть корень, съма и основаніе всякой пользы какъ для отечества, такъ и для церкви. Слѣдуетъ же накрѣпко наблюдать, чтобы ученіе было дѣйствительно доброе и основательное. Ибо есть ученость, которая хотя и слыветъ таковою, но въ сущности не достойна этого имени.

Обыкновенно спрашиваютъ въ какихъ школахъ былъ такой-то, и тогда услышать, что онъ былъ и въ риторикѣ и въ философіи, и въ богословіи, то за это одно высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто и погрѣшаютъ. Ибо и у хорошихъ учителей не всѣ хорошо учатся: иные по тупости, другіе по лѣности, тѣмъ болѣе, когда и самъ учитель въ дѣлѣ своемъ знаетъ весьма мало или же и вовсе ничего не знаетъ.

Слѣдуетъ помнить, что отъ пятого до пятнадцатаго столѣтія во всей Европѣ всѣ науки находились въ великой скудости и несовершенствѣ, такъ что у самыхъ лучшихъ писателей того времени остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ. Только съ пятнадцатаго вѣка стали появляться любознательные и искусные учителя, и мало по малу многія академіи возымѣли великую силу; но многія училища остались въ прежней тинѣ, такъ что у нихъ только одни имена риторики, философіи и другихъ наукъ.

Люди, вкусившіе такого призрачнаго ученія, бываютъ глупѣе неученыхъ; ибо, будучи темными невѣждами, считаютъ себя совершенствомъ, и думая, что знаютъ все, что можно знать,

не хотять и не помышляють читать книги и учиться. Но истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не имѣетъ сытости въ познаніи своемъ; онъ никогда не перестанетъ учиться, хотя бы прожилъ Маѹсаиловъ вѣкъ", и т. д.

(*Духовный регламентъ*. Глава о домахъ училищныхъ.

¹⁰²⁾ *Домоносозъ*. Сочиненія: Похвальное слово Петру Великому, т. I, стр. 587. 1847 г.

¹⁰³⁾ *Домоносозъ*. Сочиненія: Прибавленіе къ мемуару о явленіи Венеры на солнцѣ, т. II, стр. 270. 1850 г.

¹⁰⁴⁾ Противъ лицемѣровъ и ханжей Теофанъ вооружался и въ книгахъ, писанныхъ по волѣ и по программѣ Петра Великаго, и въ проповѣдяхъ и даже въ драматическихъ произведеніяхъ. Въ тайную канцелярію представлено было обвиненіе въ томъ, что онъ называлъ нѣкоторые лица, принадлежащія къ почтенному сословію, идольскими жрецами, лицемѣрами, жериволами. Жериволь является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ драматической пьесѣ Теофана: „Владимиръ“, въ которой изображается побѣда новаго начала надъ старымъ, христіанства надъ язычествомъ. Владимиръ принимаетъ новое ученіе и распространяетъ его въ русскомъ народѣ, а жрецы отвергнутаго культа оплакиваютъ минованіе ихъ темнаго царства. Жериволь, лицемѣрный слуга погибающихъ боговъ, дорожилъ ими ради прибытковъ, ради тучныхъ воловъ (какъ показывается самое названіе его) и другихъ жертвъ, приносимыхъ невѣжественными поклонниками, которыхъ онъ увѣрялъ, что безсмертные боги могутъ погибнуть только отъ голода, слѣдовательно, и главная забота вѣрующихъ должна состоять въ томъ, чтобы щедрыми дарами избавлять боговъ отъ голодной смерти.

Осуждая и осмѣивая лицемѣріе, суевѣріе и невѣжество, Теофанъ былъ проникнутъ живымъ сочувствіемъ къ просвѣщенію, вполне понималъ значеніе науки и умѣлъ цѣнить людей, посвятившихъ жизнь научнымъ занятіямъ. Теофанъ былъ безспорно просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ своего времени въ Россіи. Одинъ изъ современныхъ Теофану ученыхъ говоритъ, что бесѣды съ Теофаномъ воскрешали передъ нимъ древнюю Грецію съ ея философскими школами, и Теофанъ сказанъ новымъ Климентомъ, Кирилломъ или Евсевіемъ, а воспоминанія о Римѣ и Италіи, объ ея историческихъ памятникахъ, свидѣтельствовали о высокой образованности Теофана, о необыкновенной воспримчивости его духа, и поражали художественнымъ совершенствомъ его латинской и итальянской рѣчи.

¹⁰⁵⁾ *Домоносозъ*. Сочиненія: Письмо о пользѣ стекла, т. I, стр. 516—517 и друг., 1847 г.

106) Существенную особенность Теофана составляет то, что онъ былъ реформаторомъ по призванію, по убѣжденію и по дѣятельности своей въ русскомъ обществѣ. Реформа составляетъ душу его писаній и дѣйствій; онъ былъ искреннимъ и восторженнымъ приверженцемъ и защитникомъ новаго порядка и также искренно и настойчиво возставалъ противъ стараго. То, что сказано имъ о жизни человѣческой вообще, вполне примѣняется къ его понятіямъ о русской исторической жизни. „Что отъ житія нашего прошло“, говоритъ онъ, „все то умерло, и какъ не сыты есмь прошлогодскою пищею, такъ не живемъ милосердіемъ временами“.

Теофанъ Прокоповичъ, архіепископъ великаго Новаграда и проч. Слова и рѣчи, собранныя и нѣкоторыя вторымъ тиснениемъ, а другія вновь напечатанныя. Ч. II, стр. 125. 1861 г.

Въ другомъ мѣстѣ онъ опровергаетъ недоброжелателей всякаго новаго дѣла:

„Аще бы и новое дѣло, что же самая новость вредить? Зло и старое — зло есть; добро и новое — добро есть. Нѣкія вещи за самую ветхость похвалы своей лишаются; новость же сама собою ничего отнюдь не порочить... Бѣдны мы были, если не было у насъ (добраго и полезнаго), а благополучны, что и у насъ настало. Первѣе явилось огненное оружіе у прочихъ народовъ, нежели у насъ; но если бы и къ намъ оное доселѣ не пришло, что бы была и гдѣ бы уже была Россія? Тоже разумѣй и о книжной типографіи, о архитектурѣ, о прочихъ честныхъ ученіяхъ. Разумный есть и человекъ и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и сѣмь достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добраго принять не хочетъ“ и т. д.

Въ заключеніи политическаго памфлета, изданнаго подъ названіемъ: „Правда воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей“.

Восхваляя дѣла Петра Великаго, Теофанъ говоритъ:

„Нынѣ дѣти російскіи съ охотою учатся, съ радостію навыкаютъ: тая прежде были-ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано, а если бы гдѣ нѣкое явилось ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано. Что о архитектурѣ речемъ, каковое было и каковое нынѣ видимъ строеніе? Было таковое, которое насилу крайней нуждѣ служило, насилу отъ воздушной противности, отъ дождя, вѣтра и мраза охраняти могло, а нынѣшнее, сверхъ всякаго изряднѣйшаго угодія, красотою и велелѣпіемъ свѣтлѣется. Что еще и о воинской и о корабельной архитектурѣ?

Того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити не умѣли... Чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся” и т. д. (*Оеофанъ Прокоповичъ*. Слова и рѣчи. Ч. II, стр. 149).

Оеофанъ Прокоповичъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, неминуемо долженъ былъ итти рука объ руку съ Петромъ Великимъ. Полное внутреннее согласіе между ними установилось само собою, самымъ естественнымъ образомъ и врядъ-ли кто будетъ это отрицать.

Единство въ воззрѣніяхъ Петра Великаго и Оеофана Прокоповича выразилось по всѣмъ главнымъ вопросамъ умственной и общественной жизни. Ср. прим. 138-ое, ч. II, Пособіе и матеріалы по русской словесности *Автономъ Булгаковъ* СПб. 1909 г.

¹⁰⁷⁾ *А. Галаховъ*. Исторія русской словесности, древней и новой. Изданіе 3-ье, т. I, отд. 2, Москва. 1894 г., стр. 119—161. — *А. И. Незеленовъ*. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 8-ое подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова. Часть I. Москва. 1899 г., стр. 189—195, 205—216. — *Кн. П. А. Вяземскій*. Д. И. Фонвизинъ. СПб. 1848 г. или Собраніе соч. кн. Вяземскаго. СПб. 1880 г., т. V. — *А. И. Незеленовъ*. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. СПб. 1889 г. — Стоюнинъ. Преподаваніе русской словесности. СПб. 1861 г.

¹⁰⁸⁾ *Н. М. Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго, 1-ое изданіе 1816—1829 года, 12 томовъ; 5-ое изданіе, 3 тома 1844 года лучше 1-аго. — *К. Бестужевъ-Вюминъ*. Карамзинъ, какъ историкъ. Біографіи и характеристики. СПб. 1882 г. — *А. Галаховъ*. Исторія русской словесности. Изданіе 3-ье. Москва. 1894 г., ч. II, стр. 66—92 г.

¹⁰⁹⁾ См. Систему трансцендентальнаго идеализма.

¹¹⁰⁾ Деревня Евгенія Онѣгина II, 1.

¹¹¹⁾ VII, 29.

¹¹²⁾ IV, 40. 41 42.

¹¹³⁾ V, въ половинѣ 1 стр. и 2 строфы.

¹¹⁴⁾ V, 4.

¹¹⁵⁾ VII, 30.

¹¹⁶⁾ VII, 35.

¹¹⁷⁾ VII, 1.

¹¹⁸⁾ VII, 4.

¹¹⁹⁾ Если кому попадется книжка „Идеалы Пушкина” В. В. Никольскаго. Изданіе 4-е. СПб. 1899 г., позволимъ себѣ сказать, что мы рекомендовать ее не рѣшаемся въ виду ея тенденціозности и завѣдомо натянутого взгляда на Пушкина. Въ книжкѣ г. Никольскаго Пушкинъ представляется „мальчикомъ-пай”, что ужъ одно говоритъ противъ такого взгляда, про-

тиворѣщаго даже характеру произведеній Александра Сергѣевича, его біографіямъ и автобіографическимъ замѣткамъ.

- 120) *А. С. Пушкинъ.* I, 259.
- 121) *А. С. Пушкинъ.* Евгений Онѣгинъ, VIII глава.
- 122) *А. С. Пушкинъ.* Евгений Онѣгинъ, VIII глава, 3 строфа.
- 123) *А. С. Пушкинъ.* Чаадаеву.
- 124) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ и книгопродавецъ.
- 125) *А. С. Пушкинъ.* Пророкъ.
- 126) *А. С. Пушкинъ.* Чаадаеву.
- 127) *А. С. Пушкинъ.* Уединеніе.
- 128) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ.
- 129) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ.
- 130) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ.
- 131) *А. С. Пушкинъ.* Евгений Онѣгинъ, I глава, 35 строфа.
- 132) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ и книгопродавецъ.
- 133) *А. С. Пушкинъ.* Чернь.
- 134) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ и книгопродавецъ.
- 135) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ.
- 136) *А. С. Пушкинъ.* Эхо.
- 137) *А. С. Пушкинъ.* Поэту.
- 138) *А. С. Пушкинъ.* Поэту.
- 139) *А. С. Пушкинъ.* Къ поэту.
- 140) *А. С. Пушкинъ.* Отвѣтъ анониму.
- 141) *А. С. Пушкинъ.* Поэтъ и книгопродавецъ.
- 142) *А. С. Пушкинъ.* Чернь.
- 143) *А. С. Пушкинъ.* Поэту.
- 144) *А. С. Пушкинъ.* Томъ I, стр. 581.
- 145) *А. С. Пушкинъ.* Чернь.
- 146) *А. С. Пушкинъ.* Жуковскому.
- 147) *Аполлонъ Григорьевъ.* СПБ. 1876 г., т. I, стр. 417—418
- 148) *А. К. Бороздинъ.* Сто лѣтъ литературнаго развитія.
стр. 28, СПБ. 1900 г.
- 149) *А. К. Бороздинъ.* Сто лѣтъ литературнаго развитія,
стр. 30, СПБ. 1900 г.
- 150) *Ibidem.*
- 151) *А. К. Бороздинъ.* Сто лѣтъ литературнаго развитія.
- 152) *Аполлонъ Григорьевъ.* Сочиненія, т. I, стр. 267 — 268.
СПБ. 1876 г.
- 153) *Аполлонъ Григорьевъ.* Сочиненія, т. I, стр. 17. СПБ.
1876 г.
- 154) *Аполлонъ Григорьевъ.* Сочиненія, т. I, стр. 8. СПБ.
1876 г.
- 155) *А. С. Хомяковъ.* Сочиненія, т. III, стр. 370. Москва.
1900 г.

¹⁵⁶⁾ *Валеріанъ Владимировичъ Майковъ*. „Гоголь и С. Т. Хомяковъ”, стр. 18. СПБ. 1892 г.

¹⁵⁷⁾ *С. Весинъ*. Былое, стр. 115. Житомиръ. 1899 г.

¹⁵⁸⁾ *А. К. Гороздинъ*. Сто лѣтъ литературнаго развитія, стр. 32. СПБ. 1900 года.

¹⁵⁹⁾ *Евгеній Соловьевъ* (Андреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка, стр. 77—78. СПБ. 1902 г.

¹⁶⁰⁾ *Аполлонъ Григорьевъ*. Сочиненія, стр. 1, т. I. СПБ. 1876 г.

¹⁶¹⁾ *А. К. Гороздинъ*. Сто лѣтъ литературнаго развитія, стр. 62. СПБ. 1900 г.

¹⁶²⁾ „De senectute”, т. е. „о старости”.

¹⁶³⁾ *Грэгзъ*. Ж. Ж. Руссо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М. 1890 г.

¹⁶⁴⁾ Можно подыскать для болѣе подробнаго знакомства въ произведеніяхъ Батюшкова, Шопенгауэра, Бѣлинскаго и гр. Л. Н. Толстого.

О г л а в л е н і е.

стр.

Слѣды языческихъ вѣрованій въ народномъ творчествѣ	5
Народные идеалы по пѣснямъ и сказкамъ	17
Формы заключенія брака	20
Подблюдныя пѣсни	23
Основной тонъ русской народной пѣсни	24
Символика въ поученіяхъ и притчахъ Кирилла Туровскаго	28
Значеніе „Почуенія Владимира Мономаха въ исторіи и литературѣ	29
Литературное, историческое и поучительное значеніе древне - русскихъ житій до-монгольской эпохи и ихъ особенности	35
Нападки на пьянство по памятникамъ древне - русской литературы	37
Краткій очеркъ литературы монгольской эпохи XIII, XIV и XV вв.	39
Иванъ Васильевичъ Грозный по историческимъ пѣснямъ.	47
Переходъ представителей юго-западнаго просвѣщенія въ Москву	51
Феофанъ Прокоповичъ и Ломоносовъ, какъ просвѣтели русскаго общества	56
Сентиментальное направленіе въ произведеніяхъ Карам- зина	63
Трудъ Н. М. Карамзина „Исторія Государства Россій- скаго“, его положительныя и отрицательныя сто- роны	66

Обзоръ направлений въ исторіи русской словесности .	70
Лирика Жуковского, Пушкина и Лермонтова	95
Картины русской природы по роману „Евгеній Онѣ- гинъ”	107
Типъ скитальца въ русской литературы	111
Поэтъ по воззрѣніямъ Пушкина	114
Юморъ Н. В. Гоголя	121
Вліяніе Н. В. Гоголя на послѣдующихъ писателей . .	132
Счастливейшая пора человѣческой жизни.	137
Поэтическое значеніе сада въ старой русской жизни и преимущественно въ жизни русской женщины по свадебнымъ и другимъ пѣснямъ	140
Религіозныя и философскія убѣжденія Ломоносова . .	143
Западническій реализмъ въ сороковыхъ годахъ. — Гон- чаровъ „Обыкновенная исторія и Обломовъ” — Писемскій „Тысяча душъ”. — Дружининъ „Полинька Саксъ”	150
Национальное направленіе въ литературѣ 40-хъ годовъ. — Старо-русская оппозиція противъ Пушкина. — Ха- рактеристика ученія славянофиловъ. — Перерожде- ніе славянофильства	164
Сергѣй Аксаковъ. — „Семейная хроника”, „Дѣтскіе го- ды”. — Григорьевъ. — Добролюбовъ. — Достоевскій „Бѣдные люди” и „Первое творчество его” . . .	174
Гр. Левъ Толстой. — Характеристика общая. — Характе- ристика типовъ толстовскихъ и отношеніе къ нимъ автора	183
„Дѣтство, отрочество и юность” Толстого. — „Утро по- мѣщика”, „Встрѣча”, „въ Люцернѣ”; „Записки маркера”; „Два гусара”; „Семейное счастье”; „На- бѣгъ”; „Севастопольскіе рассказы”; „Три смер- ти”; „Казаки”	196
Какъ совершился поворотъ въ русскомъ обществѣ 50-хъ годовъ? — Перемена въ содержаніи литера- турныхъ произведеній и ихъ форма. — Эстетика 60-хъ годовъ. — Теорія искусства для жизни и въ чемъ ея ошибочность	215
Воздѣйствіе естествознанія и матеріалистической фило- софіи на движеніе 60-хъ годовъ. — Сходство съ раціонализмомъ XVIII в. — Вліяніе эволютивнаго движенія на литературу. — Истинное значеніе ре- ализма 60-хъ годовъ	231

Отличіе 70-хъ годовъ отъ 60-хъ. — Отличіе радикализ- ма 70-хъ годовъ отъ народничества. — Салтыковъ („Помпадуры и помпадурши”. — „Господа Таш- кентцы”). — Второй, третій и послѣдній періодъ дѣятельности Салтыкова	237
Достоевскій послѣ ссылки. — Характеристика его воз- зрѣній. — Религіозныя взгляды. — „Бѣсы”. — Нрав- ственные идеалы Достоевскаго къ своимъ геро- ямъ. — Отличія Достоевскаго отъ Толстого.	259
„Война и миръ” гр. Л. Толстого	294
„Анна Каренина” гр. К. Толстого	307
Примѣчанія и разъясненія	317